18+
НОВЫЙ РОМАН АВТОРА "СФЕРЫ"
ДЭЙВ ЭГГЕРС
ВМЕСТЕ
РОМАН
"Вместе" — правнук замятинского "Мы", но сейчас "идеальным миром" выступает Кремниевая долина. Будьте осторожны с желаниями! Маргарет Этвуд

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новый роман Дэйва Эггерса – продолжение его бестселлера “Сфера”, рисующего картину абсолютно прозрачного мира будущего, который во имя беспрепятственного обмена информацией отказался от права на тайну. Прошло несколько лет, “Сфера”, объединившись с известным гигантом электронной коммерции, стала называться “Вместе” и превратилась в самую богатую, самую опасную и самую могущественную в мире монополию, а возглавляет ее не кто иной, как героиня “Сферы” Мэй Холланд. Боясь, что системы контроля, преподносимые как необходимые элементы стабильного и безопасного мира – а на самом деле провоцирующие бесконечный невроз и лишающие людей способности принимать решения самостоятельно, – окончательно уничтожат свободу воли, Дилейни Уэллс решает внедриться в корпорацию и развалить ее изнутри. Проникнув в самое сердце компании, она начинает предлагать одну жуткую идею за другой в надежде, что рано или поздно общество восстанет против “цифрового концлагеря”. Слежка всех за всеми, полная зависимость людей от самых абсурдных правил, которые корпорация устанавливает, всеобщая цензура и самоцензура, изымание неугодных книг – этот новый мир еще лет пять назад мог показаться литературной антиутопией, но теперь мы в нем живем. И в этом новом дивном мире большинство довольны и счастливы. Дэйв Эггерс написал новую версию оруэлловского “1984”, в котором человечество обретает счастье, основанное на тоталитаризме, скрещенном с цифровыми технологиями.

- Дэйв Эггерс
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29

Дэйв Эггерс
Вместе

Дайте людям новое слово, и они решат, что у них есть новый факт.

Уилла Кейтер

Если поначалу идея не кажется абсурдной, значит, она обречена.

Альберт Эйнштейн

ПРИМЕЧАНИЕ: Действие происходит в ближайшем будущем. Не пытайтесь угадать, когда именно. Все несоответствия во времени и противоречия законам физики не случайны. Все ошибки в описании технологий, нарушения хронологии или неверные выводы внесены автором в текст намеренно для вашего же блага.

THE EVERY by DAVE EGGERS

Copyright © 2021 by Dave Eggers

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана с любезного согласия автора и при содействии The Wylie Agency

© Мария Кульнева, перевод, 2024
© Андрей Бондаренко, 2024
© “Фантом Пресс”, издание, 2024

1
Начало [1]

Дилейни выбралась из сумеречной подземки в ярко освещенный мир. Был ясный день, и солнце, играя в нескончаемых волнах Залива, разбрасывало золотые искры. Дилейни повернулась к воде спиной и направилась к кампусу “Вместе”. Для охранников в будке у ворот она явно была аномалией – приехала на метро, одна и идет пешком. Будка была стеклянная, в форме пирамиды, напоминая верхушку хрустального обелиска.

– Ты что, *пришла* сюда? – не удержалась от вопроса женщина-охранник, Ровена, если судить по бейджу, – жгучая брюнетка лет тридцати в облегающем желтом топе. Она улыбнулась, продемонстрировав очаровательную щелочку между передними зубами.

Дилейни назвала свое имя и сказала, что пришла на интервью с Дэном Фарадеем.

– Палец, пожалуйста, – попросила Ровена.

Дилейни приложила большой палец к сканеру, и на экране у Ровены появилась россыпь фотографий, видео и данных. Среди них было то, чего сама Дилейни никогда не видела, – например, вот это фото. Где это, на заправке в Монтане? На изображениях в полный рост она выглядела ссутулившейся, как будто под бременем своего чересчур высокого роста. Дилейни невольно выпрямилась, продолжая скользить глазами по картинкам: вот она в форме паркового рейнджера, вот в торговом центре в Пало-Альто, вот в автобусе в странном месте, похожем на Твин Пикс.

– У тебя отросли волосы, – сказала Ровена. – Но все еще коротковато.

Дилейни запустила пальцы в густую черную шевелюру.

– Пишут, что глаза зеленые, – продолжала Ровена. – По мне, так карие. Можно рассмотреть поближе? (Дилейни наклонилась к ней.) Красивые. Сейчас позвоню Дэну.

Пока Ровена связывалась с Дэном, второй охранник, костлявый неприветливый мужчина лет пятидесяти, занимался другим визитером. К воротам подъехал белый фургон, и рыжебородый водитель, глядя на охранника с высоты своей кабины, объяснил, что у него доставка.

– Какая доставка? – угрюмо спросил охранник.

Водитель мотнул головой в сторону кузова, как будто хотел сообразить, что именно привез.

– Корзинки какие-то. Подарочные. Мягкие игрушки, шоколадки, все такое.

Ровена, которая, очевидно, была в стеклянном обелиске главной, заинтересовалась разговором и повернулась к ним:

– Сколько корзинок?

– Понятия не имею. Двадцать?

– Их кто-нибудь ждет? – допытывалась Ровена.

– Понятия не имею. Может, для потенциальных клиентов? – предположил водитель, как будто внезапно утомившись. Он явно не рассчитывал на такой долгий допрос. – Или подарки сотрудникам. – Он потянулся к пассажирскому сиденью, взял планшет и несколько раз ткнул в экран. – Написано, что Реджине Мартинез и команде “Инициативы К”.

– А кто отправитель? – недоуменно спросила Ровена.

Становилось понятно, по крайней мере для Дилейни, что водителя никуда не пропустят.

Он снова взглянул в планшет.

– Написано МДС. Просто три буквы. М-Д-С. – Теперь и у водителя прозвучала обреченность в голосе, он словно говорил про себя: “Да даже если б я знал, что это такое, какая разница?”

Лицо Ровены смягчилось. Она что-то пробормотала в микрофон, вероятно соединяясь с другим подразделением охраны “Вместе”.

– Ничего страшного. Сейчас все решим. – Она сочувственно посмотрела на водителя, склонив голову. – Вот там площадка, можете развернуться.

– А корзинки оставить здесь? – спросил водитель.

Ровена улыбнулась еще раз.

– О нет. Мы не возьмем ваши… – она сделала паузу, как будто набирая яда для следующего слова, до этого бывшего вполне безобидным, – *корзинки*!

Водитель воздел руки к небесам:

– Я двадцать два года доставляю грузы, и еще никто ни разу не отказывался принимать! – Он взглянул на Дилейни, будто надеясь найти в ней союзника.

Она отвела глаза, и ее взгляд уперся в самое высокое здание кампуса, облицованную алюминием башню-штопор, где размещался “АлМас”, кузница алгоритмов компании.

– Во-первых, – Ровену нисколько не впечатлила успешная карьера доставщика, – ваш груз не отвечает требованиям безопасности. Нам пришлось бы просвечивать каждую из ваших *корзинок,* – ей снова удалось практически прошипеть это слово, – а мы не собираемся этого делать. Во-вторых, согласно политике компании, мы не допускаем в кампус грузы, которые могут быть

экологически опасными или имеют неизвестное происхождение. Я подозреваю, что в этих *корзинках,* – в ее устах это слово уже превратилось в ругательство, – полно пластика. А также промышленно переработанных пищевых продуктов или фруктов, выращенных без сертификатов органического фермерства и честной торговли, при этом наверняка опрысканных пестицидами. А может, в этих, – еще больше яда, – *корзинках* еще и орехи? Вероятно, так, а в нашем кампусе орехи под запретом. И вы вроде бы что-то говорили про мягкие игрушки? Я ни в коем случае не пропущу в кампус дешевые небиоразлагаемые игрушки.

– Вы не пропустите *небиоразлагаемые игрушки*? – растерянно переспросил водитель и уперся мясистой ладонью в приборную панель, как будто собираясь с духом перед лицом катастрофы.

Ровена шумно вздохнула.

– Там за вами еще несколько машин. Можете развернуться прямо за будкой. – Она снова показала на площадку, где, наверное, весь день теснились нежеланные в компании люди, машины и товары, вынужденные возвращаться в свой хаотичный мир. Водитель одарил Ровену долгим взглядом, но в конце концов нажал на газ, и фургон медленно покатил на площадку.

Для Дилейни в этой сцене было слишком много странного. И в первую очередь доставщик, не работающий на “Вместе”. Пять лет назад “Сфера” приобрела гиганта электронной коммерции, названного в честь диких южноамериканских лесов, и в результате этого поглощения образовалась богатейшая компания из всех когда-либо существовавших в мире. После этого основатели “Сферы” решили сменить название, однако вложили в новое уже привычный намек на всеохватность и равенство. “Джунгли” тоже были рады новому началу. Когда-то рациональный и надежный маркетплейс постепенно превратился в притон мутных продавцов, торгующих подделками, и откровенных мошенников. Компания совершенно перестала нести ответственность за происходящее, и покупатели начали разбегаться; никому не хотелось быть обманутым. Руководство пыталось сменить курс, но ему уже никто не верил. “Сфера” срежиссировала передачу контрольного пакета, и основатель “Джунглей”, постоянно занятый разводами и судебными тяжбами, был только рад получить деньги и полностью посвятить себя исследованию космоса вместе со своей четвертой супругой. Они планировали выйти на пенсию и поселиться на Луне.

После приобретения и смены названия был придуман и новый логотип. Три волны разбивались об идеальный круг, напоминая водный поток, встретивший препятствие – символ новых идей, взаимосвязи, бесконечности. Большинство сошлось

на том, что это, пожалуй, лучше, чем старый логотип “Сферы”, который напоминал некоторым канализационный люк, и уж точно намного лучше, чем старый логотип “Джунглей” в виде кривой и неискренней улыбки. Поскольку переговоры о приобретении были изначально сложными, а потом и просто неприятными, использовать старое название маркетплейса в кампусе считалось дурным тоном, и если его вообще упоминали, то просто как “джунгли” с маленькой буквы.

Штаб-квартира “Сферы” с момента ее основания помещалась поблизости от Сан-Винченцо, но в результате случайного стечения обстоятельств переехала на Трежер-Айленд – рукотворный Остров Сокровищ посередине залива Сан-Франциско, связанный перемычкой с настоящим природным островом Йерба-Буэна. В далеком 1938 году Остров Сокровищ был создан для строительства нового аэропорта, однако началась Вторая мировая и Трежер-Айленд отдали под военную базу. С тех пор нагромождение самолетных ангаров медленно превращалось в лабиринт мастерских, виноделен и недорогого жилья – все это с потрясающими видами на Залив, мосты и холмы Ист-Бэй. Но девелоперы не спешили браться за остров, опасаясь неизвестных (и, весьма вероятно, токсичных) отходов, оставшихся от военных и похороненных под толстыми слоями бетона. Только в 2010-х территория все же была очищена, и один за другим стали появляться грандиозные планы ее освоения. Возник новый порт, была протянута ветка метро, а весь периметр огородили четырехфутовой стеной, которая должна была защитить остров от прогнозируемого в ближайшие десятилетия повышения уровня океана. А потом началась пандемия, приток капитала иссяк, и остров стал доступен всем желающим. Единственной загвоздкой был калифорнийский закон, требующий, чтобы береговая линия оставалась муниципальной собственностью. “Вместе” пыталась это как-то обойти, сначала тихо, затем публично, но все же проиграла, и променад вокруг острова остался общественным местом.

– Дилейни Уэллс?

Дилейни повернулась и обнаружила прямо перед собой мужчину слегка за сорок, с гладко выбритой головой и большими карими глазами, казавшимися еще больше из-за очков без оправы. Воротник его черной рубашки на молнии был поднят, ноги облегали узкие зеленые джинсы.

– Дэн? – уточнила она.

После пандемии к рукопожатиям стали относиться настороженно, но никакого заменяющего их приветственного ритуала пока не придумали. Дэн предпочел коснуться

воображаемой шляпы, а Дилейни просто коротко кивнула.

– Прогуляемся? – спросил он и проскользнул мимо нее в ворота, направляясь не в кампус, а на береговой променад.

Дилейни пошла за ним. Она уже слышала, что так проходит большинство первых собеседований в компании. “Вместе” не хотела пропускать в кампус ничего и никого непроверенного, не прошедшего тщательный отбор, представляющего риск заражения – ни небиоразлагаемые игрушки, ни людей. Каждый новый человек мог быть источником той или иной угрозы для безопасности, а поскольку соискатели, подобные Дилейни, не имели допуска и не прошли настоящую проверку – лишь с десяток быстрых скринингов с помощью ИИ, – собеседования предпочитали проводить за пределами кампуса. Но Дэн ни словом об этом не обмолвился.

– Мне надо наверстывать шаги, – сказал он, показывая на свой медицинский браслет, созданный компанией, способный отслеживать сотни показателей. Все страховые компании и большинство правительств требовали его обязательного ношения.

– Мне тоже. – Дилейни кивнула на свой браслет, который она люто ненавидела, но носила ради маскировки.

Дэн Фарадей улыбнулся. Каждый соискатель, полагала Дилейни, носит с собой и на себе все возможные продукты “Вместе”. И это не форма лояльности. Это обязательный первый взнос, который надо внести перед началом игры. Дэн жестом поманил Дилейни через улицу, и они вышли на общественный променад.

“Простите меня, – подумала Дилейни. – С этого момента все – ложь”.

2
Как произвести на него впечатление

Первоочередная задача состояла в том, чтобы очаровать Дэна Фарадея так, чтобы он порекомендовал Дилейни для второго, более придирчивого интервью. А потом предстояло еще как минимум три. Она слышала, что некоторые претенденты на вакансии в компании проходили по дюжине собеседований за полгода, прежде чем их нанимали.

– Тут можно и поговорить, и видом насладиться, – сказал Дэн, дружелюбно и внимательно глядя на нее. – Если захочешь поесть или выпить, можем где-нибудь посидеть.

Вереница частных лавочек, вытянувшаяся вдоль променада рядом с кампусом “Вместе”, производила впечатление поспешно возведенных киношных декораций. Здесь была тускло освещенная и совершенно пустая внутри архитектурная фирма, ярко украшенные, но тоже безлюдные магазинчики сладостей и кафе с веганским мороженым. Прохожих на улице тоже было немного, а попадавшиеся Дилейни и Дэну парочки выглядели в точности как они сами: сотрудник “Вместе” (*совместный*), беседующий с соискателем (*отдельный*).

Дилейни редко нервничала, но сейчас ее буквально трясло. Она годами тщательно выстраивала свой профиль, свою цифровую личность, но все равно не представляла, что они про нее знают и чего не знают. А больше всего она переживала из-за того, что по пути в кампус ее “застыжили”. На платформе метро она уронила бумажку, и, прежде чем успела поднять, пожилая дама с телефоном наготове зафиксировала преступление. Разработка и стремительное распространение “Стража”, одного из стандартных для вместе-фонов приложений, а также большинства других новаций происходили под флагом безобидного утопизма, помноженного на почти тоталитарную тягу подчинить всех единым нормам. Около миллиона “стыжей” – ублюдочный уродец, которого породили “страж” и “стыд”, – публиковались каждый день, сообщая всему миру о неаккуратных водителях, любителях громко поговорить в фитнес-зале, наглецах, пытающихся прорваться в Лувр без очереди, приверженцах одноразовой посуды и распущенных родителях, позволяющих детям плакать в общественных местах. “Стыж” сам по себе не был проблемой. Проблемы начинались, если ваша личность была идентифицирована и помечена, если видео активно расшаривалось, комментировалось и поднимало ваш

Общий Уровень Отклонений до опасного значения. Тогда последствия единственного мелкого проступка могли преследовать вас всю жизнь.

– Во-первых, поздравляю с тем, что ты здесь, – сказал Дэн. – Только три процента соискателей доходят до этой стадии. Ты же понимаешь, ИИ-проверка очень жесткая.

– Абсолютно, – кивнула Дилейни и поморщилась. *Абсолютно?*

– Твое резюме произвело на меня впечатление. Лично для меня очень ценно, что у тебя диплом по гумнаукам.

Гумнауки. Такое ощущение, что Дэн то ли сам изобрел это словцо, то ли пытается его популяризировать. Будто не зная, что говорить дальше, он подергал молнию на рубашке.

– Ты, наверное, в курсе, что мы нанимаем не меньше гуманитариев, чем инженеров. Все, что может потребоваться для продвижения новых идей. – Он отпустил застежку. Манипуляции с молнией словно заменяли ему задержку дыхания. Пока он формулировал и проговаривал фразу, он держался за язычок молнии, а если фраза получалась складная, расслаблялся и отпускал.

Дилейни знала о возможностях, которые “Вместе” предоставляет не-инженерам, и рассчитывала на это. Тем не менее ей пришлось пройти долгий путь, чтобы показать себя исключительно привлекательной в категории невежд от математики.

Два года назад Дилейни переехала в Калифорнию и пошла работать в стартап под названием “Фактор 4”, который хотел добавить видеоиграм четвертое измерение – запахи. Их наиболее успешный продукт, “Вонь войны!”, наполнял дома, в которых обитали тинейджеры, смесью запахов дизеля, пыли и разлагающейся плоти. Дилейни предполагала, что основатели “Фактора 4” изначально рассчитывали на поглощение компанией “Вместе”, и оказалась права. Сделка была заключена через полтора года после того, как она пришла в компанию. Основателей, Виджея и Мартина, “Вместе” поглотила вместе с их фирмой, при этом не возложив на них никаких обязанностей. Дилейни, как относительно новый работник, такой чести не удостоилась, но Виджей и Мартин решили добиться собеседования во “Вместе” для всех своих бывших сотрудников, если те пожелают.

– На самом деле мы как раз ищем кого-то с твоим опытом и взглядом, – сказал Дэн. – Ты своенравна, и мы тоже хотим быть такими.

Слово “своенравный” недавно вошло в моду, заменив слово

“бунтарь”, которое заменило слово “мятежный”, а оно, в свою очередь, – слово “подрывной”. Дэн опять затеребил молнию. Казалось, он хочет расстегнуть ее до конца и вырваться из рубашки, как ребенок, мечтающий высвободиться из колючего свитера. Сказанная фраза удовлетворила его внутреннего цензора, и он оставил застежку в покое.

Они миновали магазин, который должен был продавать хозтовары и был полон этих хозтоваров, красиво разложенных на полках, но ни покупателей, ни продавцов за витриной видно не было.

– Меня всегда восхищало это во “Вместе”, – сказала Дилейни. – Вы водружаете свой флаг на Титане, пока остальные разглядывают Луну.

Дэн взглянул на нее, и она поняла, что попала в точку. В его глазах заискрились интерес и симпатия, однако он тут же прищурился, явно намереваясь перейти к более серьезным вопросам.

– Мы изучили твою дипломную работу.

Дилейни слегка покраснела. Несмотря на то что диплом был ее главным козырем и, как она полагала, основной причиной того, что ее допустили к собеседованию, она не ожидала, что разговор об этом зайдет так скоро. Она надеялась, что первое интервью сведется лишь к общей проверке ее лояльности.

Она писала свой диплом в разгар антитрастовых претензий к “Сфере”, и основной тезис заключался в том, что неважно, является компания монополией или нет, если людей все устраивает. Она даже придумала формулировку “благонамеренное владение рынком”, что якобы означало гармоничные отношения между компанией и клиентом – идеальное состояние бытия потребителя, при котором все его желания исполняются эффективно и по минимальной цене. Бороться с таким сбалансированным состоянием – значит идти против воли людей, а разве законодательство не должно поощрять то, что людям нужно? Если компании известно все, если ей лучше знать, почему бы не позволить ей беспрепятственно совершенствовать нашу жизнь? Дилейни постаралась сделать так, чтобы текст ее дипломной работы разошелся по Сети. Позже она узнала, что ее имя упоминали во внутренних блогах сотрудники “Вместе” и, более того, на нее ссылался – коротко, но что с того – один из редких европейских законов, поддерживающих курс компании.

– Мы много обсуждали те идеи, о которых ты там пишешь, – сказал Дэн, останавливаясь.

Дилейни в этот момент могла думать только о том, как скоро

ее подмышки превратятся в два чавкающих болотца.

– Безусловно, мы и сами понимали, что все так и есть, но не могли донести это до широкой общественности.

Дилейни улыбнулась. “Вместе” была мировым лидером по части распространения идей – в текстовой форме, аудио, видео, посредством мемов, – но при этом компания не представляла, как донести их до правительств, законодателей и критиков. Руководство “Сферы”, а затем и “Вместе”, особенно после вынужденной полуотставки Эймона Бейли, в прошлом их главного пропагандиста и проповедника, страдало неспособностью чувствовать нюансы, спесивостью и временами откровенной грубостью в общении с оппонентами. Верхи “Сферы” никогда не испытывали раскаяния в случае нарушения законов или использования их продуктов в неприглядных целях. “Сфера” сеяла ненависть миллион раз на дню, стала причиной неописуемого множества страданий и смертей, внесла огромный вклад в разрушение демократии во всем мире. В ответ на общественное возмущение в компании сформировали комитеты для обсуждения проблемы. В итоге некоторые алгоритмы были изменены, несколько подстрекателей с высоким рейтингом забанены, а в Бангладеш появились работающие за минимальную зарплату модераторы.

– То, как ты осветила наши проблемы с антимонопольным законодательством через призму истории, – продолжал Дэн, – очень познавательно даже для таких, как я, а я тут с самого начала. – В голосе появилась задумчивость. – У тебя очень острый ум, а нам здесь это необходимо.

– Спасибо, – пробормотала Дилейни, ликуя про себя.

– Как принял твою работу научный руководитель? – спросил Дэн.

Воспоминание о профессоре Мине Агарвал отдалось в сердце Дилейни уколом сожаления. На втором курсе она стала посещать цикл ее лекций под названием “Свободный доступ ко всему – свобода воли” и полностью подпала под ее влияние, уверившись, что “Сфера” – не просто монополия, но самая безжалостная и опасная корпорация, когда-либо возникавшая в мире, – экзистенциальная угроза всему, что осталось в людях живого и интересного.

Через два года, когда Дилейни попросила Агарвал стать ее научным руководителем, та с готовностью согласилась, но была потрясена, когда Дилейни представила ей 77-страничный диплом о безумии и несправедливости антимонопольных мер в отношении “Сферы”. Агарвал поставила Дилейни пятерку. “Эта оценка – за четкость аргументов и глубину исследований, –

написала Агарвал, – но к выводам у меня есть серьезные моральные претензии”.

– Все прошло нормально, – ответила Дилейни.

Он улыбнулся.

– Хорошо. Значит, в научном мире до сих пор *хоть немного* уважают интеллектуальную независимость.

Они повернули за угол и чуть не врезались еще в одну пару, проводившую первое собеседование. Стильная молодая “совместная” шла рядом с мужчиной на вид по меньшей мере лет пятидесяти, отчаянно пытавшимся выглядеть более энергичным и востребованным, чем подразумевал его возраст. Вероятно, этой цели и должны были служить очки в оранжевой оправе, черная поблескивающая рубашка с воротничком на пуговицах и новехонькие кислотно-зеленые кроссовки. Его спутница, стройная женщина в серебристых легинсах, встретилась взглядом с Дэном, и Дилейни могла поклясться, что на микросекунду ее глаза округлились в притворной тревоге. Дэн приветствовал ее так же, как и Дилейни, – прикоснувшись пальцами к полям несуществующей шляпы.

– Мы не обращаем внимания на возраст при найме, – заметил Дэн, и Дилейни задумалась, не рассматривает ли он и ее в рамках этой антиэйджистской квоты, хотя ей всего тридцать два. – Более возрастные кандидаты обладают ценнейшим жизненным опытом, который мы можем использовать, – продолжал он, скользнув глазами по плечам Дилейни, как будто груз этого опыта лежал на них. – Пойдем туда? – предложил он и повел Дилейни на детскую площадку, оформленную Яёи Кусамой и оплаченную “Вместе”.

“Взрослым разрешается!” – гласила табличка на входе, а ниже, мелким шрифтом и в скобках: “В сопровождении детей”. Надпись явно подчеркивала важность Игры (всегда с большой буквы) в творческой жизни взрослых.

Игра с большой буквы была последней в череде модных теорий менеджмента, она сменила теории многозадачности; однозадачности; настойчивости; обучения на ошибках; дневного сна; кардиоработы; важности “да”; важности “нет”; преобладания коллективной мудрости над собственными инстинктами; преобладания инстинктов над коллективной мудростью; менеджмента викингов; рабочего потока комиссара Гордона; Х-команд; В-команд; главенства простоты; стремления к сложности; поиска неприятной правды; творчества как радикального индивидуализма; творчества через групповое мышление; творчества через отказ от группового мышления; организационной осознанности; организационной слепоты; микроработы; макроотдыха; командного духа, основанного на

страхе; террора, основанного на любви; работы стоя; работы на ходу; обучения во сне и, буквально недавно, пользы лаймов.

– Как тебе работалось в “Факторе 4”? – спросил Дэн, усаживаясь на огромный резиновый гриб. Дилейни устроилась напротив него на спине ламы, изготовленной из переработанного пластика.

Она знала, что самая грубая ошибка, которую она сейчас может допустить, – это начать критиковать своих прежних работодателей.

– Там было феерично. – Дилейни слышала, что это слово любят в компании. – Ко мне все очень хорошо относились. Я каждый день познавала мир.

Познавала мир. Она в жизни не произносила этой фразы, но, взглянув на Дэна, поняла, что не промахнулась.

– На мой взгляд, это было отличное приобретение, – сказал Дэн. – Обошлось в немалую сумму, но таланты… – Дилейни была уверена, что он хотел сказать “фееричны”, но она уже украла у него это слово. Подумав мгновение, он нашел альтернативу: – … просто звездные. Как ты думаешь, какой была цена?

– Таланты недешевы, – ответила она, и Дэн улыбнулся.

Это был единственный правильный ответ, поскольку логика в оценке отсутствовала. “Вместе” купила “Фактор 4”, компанию, образовавшуюся всего три года назад, с двадцатью двумя сотрудниками и отсутствием прибыли, почти за два миллиарда долларов.

– Хорошая формулировка, – кивнул Дэн.

Для любого продавца или покупателя в сфере высоких технологий покупка дешевле миллиарда не имела смысла. Дилейни следила за доходами “Фактора” и не знала ни об одном входящем платеже более 23 миллионов за все время существования компании. Тем не менее “Вместе” заплатила за нее 1,9 миллиарда. Практически то же самое было с прогорающей компанией по производству наушников, которая была приобретена за миллиард, и с прогорающей фирмой виртуальной реальности, за которую заплатили 2,8 миллиарда, и с прогорающим производителем ненасильственных видеоигр, который обошелся “Вместе” в 3,4 миллиарда. Казалось, что цифры выбирают исключительно за красоту и чудесный логический парадокс: то, за что ты заплатил миллиард, будет стоить миллиард, – смелая идея, не отягощенная тысячелетней практикой бухучета.

– Я не встречался с Виджеем и Мартином, – сказал Дэн.

Дилейни заметила, что он раскачивается, и поняла, что у гриба гибкая ножка. Ей стало интересно, так ли податлива ее

лама. Она попробовала. Оказалось, что нет.

– Надеюсь, что у них сейчас романтический период, – продолжал Дэн, махнув рукой в сторону кампуса.

Где-то там теперь Виджей и Мартин. Оба очень нравились Дилейни, и она предполагала, что там они несчастны, как любые основатели, вынужденные продать свое детище, и что через пять лет, как только получат свою долю акций, с радостью покинут “Вместе” и смогут основать свои семейные фонды.

Однако миллиардные сделки поддерживали мир технологий на плаву, а наиболее сообразительные предприниматели понимали, что продаться “Вместе” гораздо проще и логичнее, чем оставаться независимой компанией и пытаться что-то заработать (сизифов труд) или вставать на опасный и непредсказуемый путь публичного размещения активов.

– Я знаю, что твоя должность неоднократно менялась. Можешь рассказать, какую роль ты играла в “Факторе”? Необязательно по порядку. Ты не против?.. – Он встал и показал жестом, что хочет поменяться с Дилейни местами.

Дилейни слезла с ламы и пересела на гриб.

– Моя роль была достаточно аморфна, – начала Дилейни и заметила вспышку восхищения в глазах Дэна. Еще одно слово, которое ему нравится.

С ним все просто, поняла она. Долгие годы “Вместе” с помощью своих алгоритмов автозаполнения вытесняла из языка тысячи слов, заменяя менее употребительные теми, что предпочитает большинство, и в результате огромные пласты английской лексики перешли в разряд устаревших. Когда ухо “совместного” улавливало слово вроде “аморфный”, оно удивлялось, как будто услышало смутно знакомую песню из давно минувших времен.

Дилейни обрисовала историю своей работы в “Факторе”. Она пришла в компанию как помощник руководителя, потом ее стали называть офис-менеджером, хотя делала она примерно то же самое, то есть практически все. Она заказывала закуски и обеды. Она управляла уборщиками, следила, чтобы все были накормлены, нанимала и контролировала садовников. Она организовывала все мероприятия, от коротких совещаний за обедом до выездов на модные курорты, и даже свадьбу Мартина на горе Тамальпайс (ей пришлось найти команду парапланеристов, которые согласились летать в смокингах). Все это она рассказала Дэну, ни в чем не приврав, но тем не менее постаравшись донести до него, что во “Вместе” она бы не хотела планировать вечеринки и договариваться о доставке обедов.

– Еще я немного общалась с соискателями. Ну, знаешь,

просто проверяла их на нормальность, – добавила она и улыбнулась Дэну, надеясь, что он оценит эту попытку найти общее в их рабочих задачах.

Он улыбнулся в ответ, но чисто символически – она явно задела за живое. Такое с ней уже бывало. Те шестеро или семеро “совместных”, с которыми ей довелось встречаться раньше – в баре или у общих знакомых, – были в целом нормальными людьми, идеалистами и прекрасными специалистами в своем деле, и, как правило, с радостью разливались соловьем о своей работе и жизни. Однако для каждого существовала черта, которую нельзя было переходить. Они могли двадцать минут мило болтать о многих странных и непонятных извне сторонах жизни в компании или о ее иногда позитивном, но куда чаще катастрофическом влиянии на мир, но в тот самый момент, когда Дилейни уже казалось, что ее собеседник может свободно высказываться и думать все что хочет, какая-нибудь одна затронутая тема, одна фраза внезапно оказывалась чересчур, и новый “совместный” друг мгновенно закрывался и переходил в защитную позицию. Так, например, категорически нельзя было произносить слова “монополия” и “оболванивание”. Любое сравнение, даже в шутку или по пьяни, между Эймоном Бейли – одним из основателей “Сферы” – и Джимом Джонсом, Дэвидом Корешем или Китом Раньером[2] воспринималось как нечто совершенно неуместное и признак дурного тона. Упоминание о Стентоне, еще одном из “трех волхвов” компании, который покинул “Вместе” и вступил в сатанинский союз с государственно-частным предприятием в Китае, становилось для разговора губительным. Что можно и чего нельзя говорить о Мэй Холланд, теперешнем генеральном директоре “Вместе”, вычислить было очень сложно.

Десять лет назад Мэй начала работать в “Сфере” в отделе связей с клиентами, потом стала одной из первых в компании полностью прозрачных личностей, транслируя в Сеть всю свою жизнь, и благодаря абсолютной преданности “Сфере”, а также молодости, привлекательности и харизме очень быстро начала подниматься по карьерной лестнице. Недоброжелатели считали ее не слишком умной и чрезмерно осторожной. Фанаты – которых было значительно больше – вдумчивой, по-хорошему амбициозной и разносторонней. Правда, оба лагеря сходились в одном: за все годы, проведенные в компании, лично Мэй не принесла ей ни одной значимой идеи. Даже после слияния с “Джунглями” она как будто не понимала, что все это значит и как можно объединить компании с максимальной выгодой.

– Сколько людей работало в “Факторе”? – спросил Дэн.

Дилейни знала, что Дэну это известно, и если сейчас окажется, что она сама не помнит точного числа, то он решит, что либо ей плевать на коллег, либо она не умеет считать.

– Двадцать два с половиной, – ответила она. – Половина – потому что один молодой папочка на момент приобретения работал неполный день.

– Как ты считаешь, отдыху там уделялось достаточно внимания? – Дэн снова задергал молнию.

Дилейни рассказала, как они устраивали пикники, как три раза в год выезжали на курорты (а она это все планировала), как однажды в теплую июньскую пятницу Виджей и Мартин отправили всех на тихоокеанский пляж.

– Мне это нравится, – сказал Дэн. – Но, учитывая, что ты работала в таком маленьком коллективе, как думаешь, тебе понравится в такой большой компании, как “Вместе”? Нам бы хотелось, чтобы наши сотрудники хорошо абсорбировались в сообществе.

– Думаю, у меня получится, – ответила Дилейни. *Абсорбировались*.

За последние три года в кампусе “Вместе” произошло девятнадцать самоубийств, что коррелировало с общемировым всплеском, и никто не хотел о них говорить – в основном потому, что никто толком не понимал, почему это происходит и как этому можно помешать. Даже число “девятнадцать” было спорным, поскольку в кампусе не было местных новостей, не было журналистов, их полностью вытеснили соцсети, рекламный апокалипсис и, в первую очередь, война с субъективностью. Информация об этих смертях складывалась лишь из слухов и поспешно удаляемых сообщений жителей побережья Залива, которые видели вынесенные на берег мертвые тела. Этот способ “совместные” выбирали часто – бросались в море, которое их окружало.

– Надо признать, – сказала Дилейни, – у меня сложилось ощущение, что “Фактор” рано или поздно купят, поэтому у меня было время подумать об этом. Не то чтобы я надеялась, что меня возьмут во “Вместе”, но всегда приятно строить планы.

Дилейни хотела попасть на работу в компанию “Вместе”, чтобы уничтожить ее. Она годами ждала этого шанса. Ее дипломная работа была первым шагом на этом пути. Уже тогда она понимала, что должна проявить себя как союзник, продемонстрировать поддержку, чтобы ее приняли как свою. Дилейни планировала, что, попав внутрь системы, изучит ее, определит слабые точки и нанесет удар. Она станет для “Вместе” Сноуденом и Ассанжем. Новым Марком Фелтом[3]. Она еще не

знала – и ей было все равно, – сделает ли она это цивилизованно, скрытно, просто выложив в публичный доступ факты, как делали ее предшественники, или путем открытого нападения. Она не хотела, чтобы кто-то пострадал, чтобы хоть один реальный волос упал хоть с одной реальной головы, но она хотела уничтожить “Вместе”, прекратить пагубное царствование компании в мире.

Дэн слез с ламы, снова посмотрел на свой браслет и вдруг засеменил на месте, все наращивая темп, пока не превратился в расплывчатое мельтешение коленей и сжатых кулаков. Это продолжалось ровно две минуты, после чего браслет издал торжествующее пиликанье и Дэн остановился.

– Прости, – повернулся он к Дилейни, пытаясь отдышаться. – Я обещал жене. Поэтому я и веганом стал, и устраиваю кардиотренировки, когда браслет сообщает, что момент оптимальный. Она умерла в прошлом году.

– О боже. Мне так жаль.

– Ты в последнее время делала МРТ?

Она не делала. Дэн закатал рукав, и она увидела телефон, прикрепленный к предплечью, как это сейчас было модно. Он начал проматывать ролики, на всех была одна и та же женщина: в доме со светлыми полами, в гамаке на зеленом склоне, в саду, где она опустилась на колени перед розами. Такая молодая – и уже умерла.

– Это Адира, – сказал он, пока на экране мелькали кадры. Он будто пытался решить, какую запись показать Дилейни – человеку, с которым только что познакомился. – Когда опухоль обнаружили, была уже четвертая стадия. – Он посмотрел на Бэй-Бридж, солнечный луч блеснул на стекле крохотной машинки, неслышно летящей на запад. – В общем, она заставила меня пообещать, что я буду следить за собой. И мне хотелось бы, чтобы ты тоже так делала.

– Я буду, – кивнула Дилейни, чувствуя, что ей нанесли удар в спину. Она не сомневалась, что Дэна действительно беспокоит ее здоровье, и это было какой-то жестокой насмешкой.

Он продолжал листать ролики. Дилейни взмолилась про себя, чтобы он ничего не выбрал, чтобы не предложил ей посмотреть. Но он, конечно, предложил.

– Она была прекрасной спортсменкой, очень любила бег, – сказал Дэн, и на экране ожила Адира. Она только что завершила дистанцию и стояла, вскинув над головой руки, улыбаясь. На майке был номер 544. Дилейни надеялась, что ей не придется услышать ее голос.

– А, прости, – сказал Дэн, увеличивая громкость.

– *Я это сделала?* – спросила Адира, продолжая улыбаться и

тяжело дыша.

– *Да!* – произнес голос за кадром. Дэн. Он говорил с такой гордостью. – *Ты это сделала, любимая.*

Видео закончилось.

Дэн снова принялся листать ролики, отыскивая моменты из жизни Адиры, которые ему хотелось показать. В телефоне, надетом на руку, как будто была вся его жизнь, вся его Адира. Дилейни стояла и смотрела, как он ищет и ищет.

3
Так себе и представляю

– Я не могу, – сказала Дилейни.

– Почему? – не понял Уэс. – Потому что у него жена умерла?

– Да. И не только.

– Он не спрашивал, занималась ли ты греблей?

Люди спрашивали об этом очень часто. Интересовались, не занимается ли она греблей, волейболом или даже баскетболом. Она была как минимум на четыре дюйма выше Уэса, но его это нисколько не волновало. Он ни разу об этом не упоминал.

– Нет, – сказала Дилейни. – Просто дело в том, что он нормальный. Обычный человек. Я этого не ожидала.

– Мы же об этом говорили. Что тебе могут понравиться тамошние люди, – заметил Уэс. – Ты одета?

Уэс Маказьян стоял в дверях, жилистый, угловатый и кривоногий, с волосами цвета пыли – натуральное перекати-поле, – похожий на угонщика скота из позапрошлого столетия. У него были маленькие блестящие глазки и чрезмерно большие для его лица рот и зубы. Когда он улыбался, то напоминал маленького, но счастливого кита.

– Видишь? – спросил он. – Я уже оделся.

Уэс не любил носить длинные штаны и ботинки и обычно целыми днями – неделями – ходил в подвязанных веревочкой шортах с эмблемой “Юта Джазз” – команды, к которой он не имел ни малейшего отношения. На его любимой футболке был портрет Улофа Пальме – убитого давным-давно премьер-министра Швеции. Поскольку выяснилось, что лицо мертвого политика удачно маскирует брюшко, Уэс купил восемь таких футболок и крайне редко надевал что-то еще.

– Там холодно? – спросила Дилейни.

– “Там холодно”, – передразнил Уэс. На этот раз он надел футболку поверх худи. Уэс – и Улоф – повернулись к собаке. – Она живет у пляжа и спрашивает, холодно ли там.

Ураган, немолодой пес Уэса, посмотрел на Дилейни умоляющим взглядом. Если Дилейни могла собраться за несколько минут, то Уэс и Ураган были готовы всегда. Дилейни взяла свитер и просунула голову в ворот.

– Пожалуйста, только не кроссовки, – попросил Уэс.

Смотреть, как она зашнуровывает обувь, было для Уэса и уж тем более для Урагана серьезным испытанием. Когда она взялась за первый шнурок, Уэс отвернулся, а Ураган принялся прыгать

вокруг нее, стуча когтями по полу, как чечеточник.

– Может, лучше сандалии? – спросил Уэс. – Или что-нибудь на липучках?

Дилейни решила не завязывать двойной узел.

– Доволен? – спросила она.

Они закрыли дверь и прошли мимо окна главного дома. Гвен, мать Уэса, считала чьи-то налоги за столом на кухне и не подняла головы.

Уэс и Дилейни жили у океана в маленьком домике, который они называли Приморской Хижиной. Цены на жилье в области залива Сан-Франциско у большинства людей вызывали нервный смех, но арендодатели не стеснялись, рассчитывая на новые наивные деньги. Тем не менее там и сям по-прежнему можно было найти уголки, оставшиеся от старого Сан-Франциско, – странные домики с чердаками, перестроенные гаражи, продуваемые всеми ветрами постройки на задних дворах у пожилых хиппи, отказывающихся наживаться на молодых арендаторах. Дилейни нашла такое местечко в районе Внешнего Сансета. Домик, находившийся поблизости от “Рыбной компании Долджера” и впитавший ее запах, сдавался со всей мебелью, стиральной машиной с сушилкой и тридцатишестилетним мужчиной по имени Уэс. Главным домом совместно владели мать Уэса и ее старинная подруга Урсула.

– Я живу с мамой, – объявил Уэс Дилейни, когда они познакомились. С тех пор она слышала от него эту фразу раз сто.

Когда они уже выходили на улицу, Гвен окликнула их от двери:

– Принесите лимонада!

Рядом с пляжем недавно обосновался продавец домашнего лимонада. Его наверняка скоро должны были прогнать санитарные службы, но пока мать Уэса всегда просила принести им с Урсулой по бутылочке. Гвен помахала Дилейни.

– Только не это, – сказал Уэс.

– Привет, Гвен! – крикнула Дилейни.

– Не останавливайся. Мы скоро вернемся. Привет, мам!

Дилейни была в прекрасных отношениях с Гвен и Урсулой, но они еще не определились, что о ней думать. У них был большой опыт подмечать скрытые от чужих глаз истории, поэтому им с трудом верилось, что ее отношения с Уэсом могут быть чисто платоническими. Но мысли эти они держали при себе и только кивали в притворном согласии, когда Уэс и Дилейни говорили, что просто дружат. Эти две женщины не доверяли людям, а еще меньше – системам. Поэтому они жили в своей “пещере”, и поэтому Гвен считала работу бухгалтера по налогам формой

социального протеста: все ее клиенты платили честно.

Навстречу им шла почтальонша Роуз, и Дилейни поздоровалась, не останавливаясь. Она знала, что Роуз и Гвен тут же примутся обсуждать свои садики, а про почту и не вспомнят. Вот такие вещи, вроде легкомысленных разговоров в рабочее время, выводили антитрогов из себя. Неэффективность, непрозрачность, трата ресурсов. Почта вообще была для них самым нелепым и расточительным явлением. Вся эта бумага!.. Сколько денег в никуда, сколько десятков тысяч ненужных рабочих мест, грузовиков, самолетов, погубленных деревьев, выбросов углерода. Следующей после уничтожения наличных денег и всей бумажной продукции (она уже приобрела больше десятка бумажных комбинатов только для того, чтобы закрыть их) миссией Мэй Холланд было уничтожение почты – священной коровы всех трогов.

Термин “троглодиты”, или “троги”, нес много смысловых оттенков. Изначально он возник как оскорбительное наименование всех противников технологического прогресса, но затем стал использоваться этими противниками в качестве гордого самоназвания, а вскоре его уже употребляли все стороны как обозначение любых способов противодействия современным достижениям. В Приморской Хижине не было ни одного умного гаджета, никакие бытовые приборы тут не были подключены к интернету. В Сеть обитатели домика выходили через спутниковое подключение, соблюдая маниакальную осторожность и тщательно следя за безопасностью и анонимностью. Такой образ жизни встречался все реже и обходился все дороже. Страховые тарифы для “пещер” постоянно росли, а борьба за их полный запрет и уничтожение велась уже второе десятилетие. Перечисляя длинные списки рисков, лоббисты “Вместе” добились того, что в этих домах запретили растить детей, и рассчитывали, что скоро в закон будет включен полный запрет на проживание в “пещерах”. Соседи трогов, уж точно большинство, относились к ним с подозрением, что активно поощрялось. Компания купила несколько приложений, через которые соседи могли делиться друг с другом и с общественностью слухами и страхами, и алгоритмы этих приложений автоматически поднимали рейтинг сообщений, которые касались “неподключенных” троглодитских обиталищ. Однако во многих больших городах подобные кварталы все еще держались, в том же Сан-Франциско существовал так и называвшийся Пещерный Городок, или Трог-Таун, а “Вместе” прилагала массу усилий, чтобы люди воспринимали Трог-Таун как логово разврата и криминала с плохой канализацией.

Дилейни и Уэс вышли на 41-ю авеню, уводящую к побережью. Ураган отчаянно тянул поводок.

– Не знаю, о чем я только думала, – проговорила Дилейни. – Я не шпионка. Меня этому не учили.

– Не учили? – переспросил Уэс. – А кто и чему тебя должен был учить?

Уэс был редким, но не уникальным представителем породы техно-трогов – талантливый программист, живущий вне системы. В результате намеренной социальной изоляции его взгляды на жизнь во многом остались взглядами прекраснодушного подростка: он твердо знал, что такое хорошо и что такое плохо, и считал бунт благородным по определению. Дилейни только через семь месяцев доверилась ему настолько, чтобы поделиться своими планами, но он моментально все понял и начал активно ее поддерживать.

– Я не могу, – сказала Дилейни. – Думала, что смогу, но нет.

Уэс остановился. Ураган пытался тянуть его вперед еще с большим упорством. Псу было семь, морда уже начала седеть, но он все еще любил побегать. Носиться по мокрому песку возле океана было самой большой радостью Урагана. Он был дворняжкой, но Уэс – и все, кто видел, как пес бегает, – не сомневался, что в нем есть кровь грейхаундов.

– Может, получится уничтожить их извне? – спросила Дилейни.

Уэс ухмыльнулся. В глазах его вспыхнуло вдохновение.

– Конечно, получится! – воскликнул он. – Я выражу им свой решительный протест в письме, а ты устроишь пикет перед воротами. Или еще лучше – один из нас напишет роман.

– Прекрати, – отмахнулась она. – Пойми, я не могу туда вернуться. Проблема в обмане. Люди, которые там работают, – честные люди.

– Однако все вместе они причиняют вред!

– Но мое присутствие там будет основано на предательстве.

– Зато твоя цель – спасти мир, – заключил Уэс.

Довольный собой, он двинулся дальше, к большой радости Урагана, который уже едва не удушил себя ошейником. На пляже Уэс отпустил пса, и тот полетел вперед, разбрасывая песок. Каждый день он бегал целый час, иначе становился возбужденным, беспокойным, непредсказуемым. Жевал провода, грыз обувь Дилейни и с тоской смотрел в окно.

– Они уже назначили второе собеседование, – сказал Уэс. – Полпути позади.

Это было неправдой, и оба это знали. Дилейни посмотрела на океан. Прибой был похож на армию веселых швабр.

– Я думала о том, чтобы научиться ходить под парусом, – сказала она. – И работать на токарном станке. Мы пережили две пандемии, а я так и не научилась. А еще я могла бы управлять кинотеатром. “Александрия” до сих пор не открылась. Или ткать. Мне бы понравилось, наверное.

– Ткать, – повторил Уэс, тоже глядя на воду. – Так себе и представляю.

Ураган в конце концов устал, вернулся к Уэсу и театрально плюхнулся на песок у его ног, сообщая, что пора домой.

На лестнице, ведущей с пляжа к бетонной набережной, они встретили женщину в черной ветровке со светоотражающими полосками на рукавах, похожую на странного шмеля.

– Привет! – сказала она. – Хочу убедиться, что вы в курсе насчет изменения пляжных правил в отношении животных. У вашей собаки есть чип? – Она наклоняла голову туда-сюда, рассматривая Урагана сверху. – Мы всех спрашиваем, – добавила она.

– Нет, – ответил Уэс, пытаясь справиться с раздражением.

Женщина закусила губу.

– Начиная со следующей недели все собаки в городе должны быть чипированы. Ради вашей и их безопасности. А вдруг она потеряется?

– Моя не потеряется, – заверил Уэс.

Женщина закатила глаза.

– Часть пляжа, где разрешено находиться с чипированными питомцами, обозначена вон теми знаками, – она махнула рукой в сторону пляжа, где был размечен кусочек не больше гаража, – и собака обязательно должна быть на поводке.

– Чип и поводок, – повторил Уэс.

– Так безопаснее для вас и для всех остальных, кто хочет отдохнуть на пляже, – заключила женщина.

Уэс быстро взглянул на нее и отвел глаза. У нее на шее была камера высокого разрешения, так что любая гримаса или грубое слово были бы зафиксированы и учтены.

– Спасибо, – сказал он, и они пошли дальше.

Оказавшись вне зоны слышимости, Уэс взорвался:

– Да что за херня!

Оушен-Бич был последним местом в городе, единственным на пятьдесят миль, где можно было гулять с собакой без поводка. Уэс посмотрел на Урагана, заволновавшегося от внезапного крика хозяина.

– Когда я был подростком, мы жгли тут костры, – прорычал он. – Можно было заниматься серфингом или ловить рыбу без всяких разрешений. Бегать, плавать, трахаться – да что угодно.

Почему? Потому что тут полно места! Миль пять пустого пляжа! На всех хватит! Блин!

Вдали, у Фараллоновых островов, океан затянуло пеленой дождя.

– Ты должна уничтожить эту компанию, – твердо сказал он. – В конце концов им воздастся за все. Уничтожь “Вместе”, и у нас будет шанс.

Дилейни молчала.

– Мне надо отвлечься, – сказал Уэс.

* * *

Они оставили Урагана дома и пошли в “Золотые часы” – ретро-игровой зал на улице Уоллер, в квартале от Хейт и в двух шагах от длинного отростка парка “Золотые Ворота”. “НИКАКИХ КАМЕР, – гласил знак у входа. – ЗДЕСЬ ТРОГИ”. Внутри полдюжины людей играли в пинбол и “Сороконожку”. Дилейни никогда не понимала, кто же здесь работает. Тут как будто не было ни одного сотрудника, однако зал всегда функционировал и выглядел чистым. Уэс кинул четвертак в уменьшенную версию “Галаги”.

– Ты будешь? – спросил он.

Дилейни пожала плечами. Он бросил в автомат второй четвертак. Дилейни прислонилась к стене и смотрела в зеркало на мужчину в футболке “Дэмнд”[4], играющего в стрелялку по мотивам Дикого Запада.

Уэс быстро проиграл и уступил место Дилейни.

– Как там Пиа? – спросила она.

Пиа была “дамой” Уэса. Он сам так говорил – “моя дама”. Она жила с Уэсом, когда Дилейни въехала в домик, и в первую неделю совместного проживания показалась ей блистательной и остроумной. В детстве Дилейни и все знакомые ей девочки хотели быть морскими биологами, а Пиа действительно была морским биологом и все время носилась по миру в поисках новых грантов (сейчас она была в Чили). Однако со временем Дилейни стало ясно, что и Уэс, и Пиа искренне убеждены, что Пиа – самая привлекательная женщина в мире. Каждый день Дилейни выслушивала истории, которые доказывали, что невозможно познакомиться с Пиа Мински-Ньютон и не полюбить Пиа Мински-Ньютон. Пиа действительно была красивой, но для нее самой и Уэса ослепляющее совершенство ее лица было тяжким бременем. Ее волосы (по правде говоря, обычно несколько взлохмаченные), по их общему мнению, были достойны Жаклин

Кеннеди, а грудь (с точки зрения Дилейни, весьма средних размеров) казалась им континентальным шельфом, заставляющим весь мир похотливо облизываться.

– У нее все хорошо, – ответил Уэс, – но этот Карл из ее программы буквально на нее вешается. Он написал для нее песню…

– Она приедет на Рождество?

– Наверное, на недельку. – Уэс отошел от автомата: – Твоя очередь.

Дилейни почти моментально убили.

– Ты должна пойти на следующее собеседование.

– Я не могу. Не умею шпионить. Я даже на Хэллоуин никем не притворяюсь.

– У тебя же был парень, который работал под прикрытием. Из Комиссии по охоте и рыболовству, в этих жутких неоновых очках. Дирк?

– Дерек. Ты прекрасно знаешь, что его зовут Дерек.

Дерек, не очень заморачивающийся насчет стиля, зато невероятно убедительный, действительно стал агентом Комиссии штата Монтана по охоте и рыболовству. Под видом покупателя он искал продавцов мяса незаконно добытых животных – кабанов, оленей, лосей; работа оказалась на удивление опасной.

– Ты знаешь, что он говорил о лжи под давлением? – спросила Дилейни. – Если они задают тебе вопрос и ты врешь в ответ, они сразу же это распознают. Хитрость в том, чтобы отвечать на другой вопрос – тот, который ты сам себе мысленно задал. Тогда все, что выдает ложь, – глаза, губы, мышцы лица – отреагирует не на их вопрос, а на твой собственный. Главное – задать себе вопрос, для которого твой ответ будет правдой.

– Спасибо за этот жуткий набор слов, – скривился Уэс. – Я ничего не понял, но я за тебя рад. Похоже, ты во всем разобралась. У тебя есть стратегия, и все будет окей.

– Но мне нечего им предложить. Ты программист, так почему ты сам этим не займешься? А я бы тебе помогала.

Корабль Уэса налетел на мину. Пока на экране вспухал взрыв, он смотрел на Дилейни.

– Это же твой план, Дил. Ты придумывала его много лет. Ты не можешь вот просто так взять и отдать мне свою мечту, свои планы уничтожения.

– Но для тебя это проще! Ты бы попал туда, написал какой-нибудь… Как это у вас называется?

– Код.

– Правда? Просто код? Ладно. Ты бы написал какой-нибудь код и взорвал все изнутри.

– Нет такого кода, который взорвал бы все изнутри, – сказал Уэс, – и ты это знаешь. Потому что дело не в коде, не в программах и даже не в людях, которые там работают. Ты должна уничтожить “Вместе” способом, которого мы еще даже не представляем. Ты сможешь понять это, только когда окажешься там. – Взгляд Уэса опять стал отстраненным. – Черт, я есть хочу.

* * *

Они перекусили в безымянной лапшичной на Хейт, еще одном логове трогов. Сидя у барной стойки, они смотрели, как Стивер, хозяин заведения, протирает плиту под табличкой “МЫ ОБЯЗАНЫ СООБЩИТЬ КЛИЕНТАМ, ЧТО ЭТОТ ОБЪЕКТ НЕ ОСНАЩЕН КАМЕРАМИ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ. ПИТАЯСЬ ЗДЕСЬ, ВЫ ОСОЗНАЕТЕ ВСЕ РИСКИ”. Настоящее имя Стивера было Стивен Хан, но лет десять назад какой-то седовласый обитатель Хейт-Эшбери в потрепанном бархатном берете (очевидно, поклонник русской литературы) назвал его Стивой в честь Облонского, и имя прижилось. Сам Стива, когда-то получивший степень по русской литературе в Беркли, не возражал против этого прозвища, считая, что оно притупляет боль его растоптанных амбиций. Кажется, он до сих пор не мог поверить, что заправляет лапшичной своих родителей-китайцев. Свое отчаяние он изливал на плиту, которую надраивал что ни час, яростно накидываясь на каждое пятнышко.

– Стива, ты бы полегче, – сказал Уэс. – Сколько там прошло с твоей грыжи? Месяц?

Стива прожег Уэса взглядом.

– О черт. Об этом нельзя говорить, да?

Стивер облизал губы – он проделывал это, когда от злости не хватало слов.

– Прости, чувак, – сказал Уэс. – Господи Иисусе, ну что у меня за мозги. Это не… Я дурак. Но Дилейни все равно. Скажи, Дилейни, тебе же все равно, что у Стивера была грыжа? – Он повернулся к Дилейни, которая пыталась вспомнить, что такое грыжа. – Она, наверное, вообще не знает, что это за штука. Эй, Стивер, ты куда?

Стивер исчез в соседнем помещении.

– Ты прав, – сказала Дилейни, – ты не сможешь. Ты не умеешь хранить секреты. Просто никогда не помнишь, что это секрет.

Уэса, кажется, удовлетворила подобная оценка, поскольку она подразумевала, что не бывать ему шпионом.

– Сейчас мне кажется, что если бы я могла навсегда отменить

смайлики, этого бы вполне хватило, – сказала Дилейни.

– Видела, что сегодня госсекретарь нафигачил? – спросил Уэс. – Под своим постом в честь годовщины *гласности* поставил танцующую радугу. В официальном государственном паблике. У нашего вида начисто отсутствует достоинство. Даже намек на достоинство.

– Ты мне напомнил…

– Нет! – взмолился Уэс.

Долгие годы Дилейни взращивала в соцсетях фальшивую личность, чтобы проникнуть в компанию. Она знала, что уже перед самым первым собеседованием они проверят все посты, которые она опубликовала после окончания школы. Поскольку в период работы рейнджером в национальном парке она не участвовала в сетевой жизни, следовало компенсировать это гиперактивностью в соцсетях. Она лепила бесчисленные веселые и грустные смайлики. Она комментировала, оценивала и – в последние полгода – активно участвовала во всемирном флешмобе: селфилась в образе Морячка Попая.

– Ты же не будешь опять корчить из себя Попая!

– Люди выкладывают штук по двадцать в день. А я сегодня сделала только одиннадцать.

Уэс уронил голову на стойку.

В кадр Уэс попадать не должен был, да и Стивер запрещал фотографироваться в лапшичной, поэтому она вышла на улицу и достала из кармана маленькую кукурузную трубку. Зажав трубку в зубах, подвигала ее так, чтобы она торчала вверх, и сделала селфи. Послав его 3209 подписчикам, Дилейни вернулась в лапшичную.

– Сколько ты их таких уже нафигачила? – спросил Уэс.

– С самого начала? Типа за полгода? – Дилейни посмотрела в телефон. – 4290. Они напоминают, если ты пропустил хотя бы день.

Популярность Попаев затянулась и намного перегнала предшественников – селфи в планкинге[5], с обливанием ледяной водой, в цилиндре, с высунутым языком. Каждый день вот уже больше полугода Дилейни рассылала друзьям и родным, а также своим подписчикам по паре десятков Попай-селфи и получала от каждого из них столько же в ответ. Этот флешмоб запустили люди из “Вместе”, чтобы использовать его для сбора геолокационных данных и изучения поведенческих особенностей, а миллионы людей были только рады участвовать в нем – ну кто же устоит перед искушением сфотографироваться с трубочкой в зубах и ощутить себя частью единого мира.

– Ты все? – спросил Уэс.

Когда клиенты давали понять, что готовы расплатиться, Стивер просто называл сумму. Ни фиксированных цен, ни калькуляторов он не признавал, как и бухгалтерской отчетности. Они заплатили наличными – Стивер брал только наличные – и ушли.

– Прогуляемся? – предложил Уэс. – Выключи телефон.

Они отключили телефоны, вытащили из них аккумуляторы, и Уэс достал самодельную магнитную сумку, которая блокировала все входящие и исходящие сигналы. Телефоны они сунули в нее.

– Темным путем? – спросила Дилейни.

– Ага, – ответил Уэс, и они свернули под большой знак.

ВЫ ВХОДИТЕ НА ТЕРРИТОРИЮ БЕЗ КАМЕР ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ.
ГРАЖДАНЕ, ВЫБРАВШИЕ ЭТУ ДОРОЖКУ, ПРИНИМАЮТ НА СЕБЯ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ РИСКИ.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ САН-ФРАНЦИСКО

В городе была целая сеть таких дорог, дорожек и тропинок, так что можно было пересечь практически весь Сан-Франциско, не попадая под прицел камер. Но таких городов осталось немного, так как “безнадзорные” зоны привлекали преступников и вызывали подозрение.

Они шагали молча, пока не дошли до заросшей части парка, где пахло сыростью и соснами.

– Я понимаю, что все это для тебя странно и непросто, – заговорил Уэс и подпрыгнул, чтобы дернуть за нависающие над дорожкой ветви. Ему были свойственны такие детские выходки. На головы им хлынул настоящий ливень из росы и сосновых иголок. – Но ты из тех, кто не поддается стадным инстинктам, – он отряхнулся, как собака, – и самое плохое, что может случиться, – они тебя уволят. Ведь так?

Дорожка заканчивалась у Грейт-Хайвэй, где они достали и включили телефоны. Теперь они шли вдоль океана, над которым серебрилось звездное ожерелье.

– Эти звезды… – сказал Уэс. – Классно было бы знать, как они называются. – Он выжидательно помолчал. – Ладно, ты тоже не знаешь.

– Не знаю, – согласилась Дилейни.

– Но кто-то должен узнать. Верно?

* * *

Ночью Дилейни лежала в постели, глядя через маленькое окошко на облако в форме половинки сердечка. Уэс спал в соседней комнате, их кровати разделяла лишь тоненькая перегородка. Она слышала, как он там укладывается вместе с Ураганом – шелест простыни, вздох одеяла, опускающегося на человека и собаку.

– Спокойной ночи, – проговорил он с другой стороны стены.

– Спокойной ночи, – отозвалась Дилейни, уже зная, что услышит дальше.

– Люблю тебя, – сказал Уэс.

Когда он в первый раз произнес эти слова полтора года назад, они показались странными и нелогичными. На тот момент они с Дилейни знали друг друга всего полгода. Она понимала, что это братская любовь, – он никогда не намекал на большее, – но зачем вообще ее любить? Тогда она пришла в недоумение и рефлекторно ответила:

– Спасибо.

А потом лежала полночи, пытаясь понять, что это значит.

На следующее утро он сам все объяснил. У него очень любящая и заботливая мама, сказал он, но она никогда не говорит таких слов. А ему эти слова *нравятся*, особенно если произнести их вот так, на ночь, перед сном. Ему нравится и произносить их, и слышать, а потому в детстве он завел привычку говорить: “Люблю тебя”, а затем поворачивать голову и отзываться: “И я тебя”.

– И тебя я правда люблю, – сказал он Дилейни, – вот и говорю.

Он заверил, что она вовсе не обязана что-то отвечать, тем более что в ее мире (она была из Айдахо) говорить такое друзьям и соседям не принято. Но Дилейни понравилось. И с тех пор она ждала этих непозволительных слов, а днем думала, как услышит их через тоненькую стенку.

– Я люблю тебя, – сказал он в ту ночь полгода назад.

– Спасибо, – ответила она тогда и теперь отвечала так каждый раз.

4
Спаси меня, Дженнифер

– Мне нравятся твои Попаи, – сказала Дженни Батлер. – Можно посмотреть трубку?

Дилейни сразу влюбилась в эту женщину, проводившую с ней второе собеседование. Во-первых, из-за выговора – она была из Миссисипи, а Дилейни никогда не встречалась с людьми оттуда, и ее очаровала эта музыкальная манера говорить, когда “трубка” в устах ее собеседницы становилась “трюууупкой”. Во-вторых, из-за лица, пухлого, с ямочками на щеках, и глаз – больших, как будто всегда удивленно распахнутых. Все звали ее Дженни Батлер.

– Здесь очень много Дженни, – пояснила она. – Ты удивишься. Особенно среди нас, – она перешла на заговорщицкий шепот, и Дилейни заметила кусочек глазури от кекса у нее на зубах, – тех, кому за сорок. И Джули тоже. Знаешь Джули Злосу? Наверное, нет. Мы зовем ее просто Злоса. И очень много Мишель.

Дженни Батлер была само обаяние, и Дилейни сразу поняла, что это собеседование пройдет без сучка без задоринки. Она надеялась, что на этот раз ее пустят за ворота, но снова оказалась там, где Трежер-Айленд смыкался с Йерба-Буэна, в кафе, вместе с исследовательницей из группы Космического Моста. Кафе, как и все остальные заведения здесь, казалось построенным только что, исключительно ради присутствия кого-то из “совместных”.

– Давай сделаем Попаев вместе? – предложила Дженни Батлер.

Они зажали в зубах свои трубки, прижались друг к дружке щеками и сфотографировались. Когда они проверяли, что получилось – очень славно, даже весьма, согласились обе, – мимо них к воротам “Вместе” пролетел черный кортеж.

– Наверное, генеральный секретарь ООН, – сказала Дженни Батлер. – Какое сегодня число? Не говори! – Она взглянула на свой браслет. – Да, видимо, она. Приехала просить денег. Все просят. Только Мэй Холланд – это вам не Тед Тёрнер[6].

Она подмигнула Дилейни, а затем ее лицо вытянулось.

– Ты, наверное, не знаешь, кто это – Тед Тёрнер. Он подарил ООН сто миллионов. Или пятьсот.

Когда Дилейни сказала, что знает, кто такой Тед Тёрнер, Дженни просияла.

– Какое счаааастье! – протянула она. – А то ведь не поймешь, кто что знает. Иногда бывают такие странные пробелы. Нельзя

найти десяток людей, которые знают десяток одинаковых вещей. Ты ведь была еще девчонкой, когда случилось Разглашение?

Разглашение случилось всего лишь десять лет назад. Тогда в результате хакерской атаки (организованной, как считалось, русскими) вся история электронной переписки более чем четырех миллиардов человек оказалась в открытом доступе. Так же, как и после взлома серверов “Сони” Северной Кореей, очень многие теряли работу, рушились репутации, распадались браки, рвались дружеские связи. Десятки миллионов людей радостно выкладывали чужие письма, а пресса – этот последний патруль – публиковала и обсуждала переписки, обнажавшие лицемерие и продажность сильных, богатых и знаменитых мира сего, а также и прочих, кто не был ни тем, ни другим, ни третьим.

Но через полгода заламывания рук, взаимных обвинений, нескольких тысяч убийств и около полумиллиона самоубийств мир забыл и о Разглашении, и о неприкосновенности частной жизни и просто приспособился, преклонив колена перед новыми хозяевами. Отныне все жили с осознанием, что любой чих любого человека может стать известен всем.

– Знаешь, – сказала Дилейни, – я уже давно осторожна в выражении мыслей и чувств. Думаю, Разглашение просто помогло понять, какую силу имеют слова.

Разумеется, это был пустой треп, но Дилейни надеялась, что Дженни Батлер оценит ее сентенцию.

Та откинулась на стуле и, прищурившись, посмотрела на Дилейни.

– Хорошо сказано. Ну и уж раз мы заговорили о разглашениях, что ты думаешь о фильме? Мы ведь с тобой теперь Попай-подружки.

Дилейни впилась зубами в свой кекс, надеясь, что сможет ограничиться кивком и увильнуть от развернутого ответа. Некоторое время назад один талантливый режиссер снял фильм о “Сфере” – тогда компания еще называлась так, – пригласив актеров первого ряда, однако, несмотря на звездный состав, фильм объявили провальным, и его мало кто видел. Компания, подобно диктатору, пережившему попытку убийства, вышла из этого испытания только сильнее.

– А что *ты* о нем думаешь? – прожевав кекс, ответила вопросом на вопрос Дилейни.

Этот метод она тренировала с Уэсом – если беседа сворачивает на опасный путь, отражать вопрос встречным вопросом. Помогает уйти от ответа, а кроме того, внимание льстит собеседнику.

Дженни Батлер подняла вверх палец, сигнализируя, что

прожует и ответит. Лак на ее ногтях облупился, напоминая облицовку космической капсулы, поврежденную при возвращении на Землю.

– И ты еще спрашиваешь? Я *обожаю* этот фильм, – сказала она. – Ну, конечно, не все здесь были в восторге, и тем не менее это фильм *о месте, где я работаю*! Я же из Миссисипи, а там такие вещи до сих пор важны. Даже моя матушка наконец-то впечатлилась.

Это второе собеседование было основой кадровой культуры “Вместе”. Его идея, позаимствованная где-то Мэй Холланд, своего рода “случайные встречи”, нравилась Дилейни – возможно, это было единственное нововведение Мэй, которое не казалось ей делом рук бездушного, бесстыдного и жаждущего конца мира антихриста.

“Случайные встречи” означали, что любой сотрудник “Вместе”, от инженера до основателя, включая даже су-шефа, в какой-то момент должен провести собеседование с кандидатом, который прошел первую проверку. Случайный “совместный” встречался со случайным кандидатом. PR-менеджер мог беседовать с программистом, специалист по сбору данных – с потенциальным арт-директором. Дженни Батлер была астрофизиком, а Дилейни – гуманитарием, готовым, как она сказала Дженни, расцвести на любой грядке.

– Так ты работала над новой марсианской буровой? – спросила Дилейни, и Дженни Батлер, перестав жевать, удивленно посмотрела на нее.

– Откуда ты знаешь? Ты не могла провести поиск заранее, потому что не знала, с кем встретишься. И ты же не сделала это, притворившись, что идешь в туалет?

Дилейни рассмеялась, и Дженни Батлер нахмурилась:

– Ну да, ты же не ходила в туалет.

– Я просто о вас знаю, – сказала Дилейни.

КосМост – подразделение, где работала Дженни Батлер, – основал Эймон Бейли, но Мэй Холланд относилась к нему довольно прохладно. Прибыли оно не приносило. Бейли тратил миллиарды “Вместе” на запуск аппаратов на Луну и Ио, спутник Юпитера, на бурение шахт на пролетающих мимо Земли астероидах, на доставку льда с колец Сатурна и на прочие бесполезные с практической точки зрения миссии. Дилейни они казались романтическими и порождали в ней внутренний конфликт. Если она разрушит “Вместе”, проекты по исследованию космоса будут свернуты, потому что ни у одной другой компании нет таких денег – и уж тем более желания тратить их на познание тайн Галактики. Мэй Холланд вслух поддерживала эти проекты и

стоящую за ними философию, но никто не сомневался, что, будь это в ее власти, она бы все свернула. Мэй была человеком приземленным.

– Но я совершенно не в курсе, чем ты занимаешься сейчас, – сказала Дилейни. – Тебе можно об этом говорить?

Она знала, что второе собеседование можно провалить, если не проявить интереса к работе интервьюера. Это был единственный подвох “случайных встреч”. Хотя на первый взгляд цель состояла в том, чтобы “совместный” больше узнал о кандидате, на самом деле это был скорее тест на любознательность кандидата в отношении “Вместе” и ее людей. Плохой соискатель не станет задавать “совместному” вопросов. Никудышный соискатель примется выспрашивать о деньгах, льготах, отпуске и прочем, его интересует исключительно выгода.

– У меня сейчас два проекта, очень разных, – ответила Дженни Батлер. – И в них нет ничего секретного, так что я могу рассказать. Первый – в общем, побочный продукт, это приложение, которое вычисляет месяц и год твоей смерти. Не совсем моя сфера, но мне как-то пришла в голову одна идея, и все меня поддержали. Ты об этом слышала?

У Дилейни перехватило дыхание. Она смогла только отрицательно помотать головой.

– Сейчас точность составляет девяносто один процент, – сказала Дженни Батлер, – но мы наверняка сможем ее немного повысить. Конечно, приложение не предсказывает смерть от нелепых несчастных случаев и все такое. Но на основании образа жизни, питания, привычек, генетики, географии проживания и нескольких сотен прочих показателей мы уже определяем *месяц*, а скоро будем вычислять и точную дату. Мне стало легче, когда я узнала свою. Можем и тебе посчитать.

– Посчитать, когда я умру? – уточнила Дилейни.

– Вот что ты собираешься делать сегодня? – спросила Дженни Батлер.

– Вы что, еще не знаете? – отозвалась Дилейни.

– Хорошая шутка. Но я серьезно. Нам понадобится пара часов.

Прежде чем Дилейни успела ответить, Дженни Батлер обменялась с кем-то вихрем сообщений, обнаружив в результате, что это все-таки невозможно из-за ее плотного графика и отсутствия допуска у Дилейни.

– Ну ладно, тогда как-нибудь потом, – сказала Дженни Батлер и перешла к длинному монологу о команде по разработке марсохода и о том, насколько их модель превосходит японскую и европейскую, а уж тем более дважды опозорившуюся китайскую.

Дилейни понадобилось несколько минут, чтобы привыкнуть к

мысли, что эта женщина-астрофизик с сияющими глазами и очаровательным выговором между делом создала приложение – приложение! – лишающее человеческую жизнь ее главной тайны, а теперь спокойно разглагольствует о следующей марсианской экспедиции.

Наконец она сумела взять себя в руки и начала задавать вопросы, изображая заинтересованность и восхищение. К концу отведенного им часа Дженни Батлер настолько прониклась симпатией к Дилейни и настолько уверилась в ее искреннем интересе к работе КосМоста, траекториям взлета и скорости приземления, что пригласила ее присутствовать при запуске нового аппарата на Меркурий, который должен состояться через два месяца.

– Будешь ты тут работать или нет, – объявила Дженни Батлер и наверняка крепко пожала бы руку Дилейни, не будь это под негласным запретом, – ты *придешь* как моя гостья!

5
Карло и Шийрин: показатели восхищения

– Дженни Батлер любит и мужчин и женщин… – начал Карло, но быстро исправился: – Любит все человечество.

Он покраснел. Дилейни постаралась не выдать свою реакцию, но она была потрясена: подобная ошибка для публичного “совместного” была чем-то неслыханным.

Рядом с Карло сидела Шийрин, женщина с зелеными глазами и немигающим взглядом. Она словно вообще не обратила внимания на оплошность.

– Дженни Батлер – лучшая, – сказала Шийрин.

Казалось, что зрачки в ее широко раскрытых глазах подрагивают.

– И… – продолжал Карло, явно радуясь, что его ошибка забыта или, по крайней мере, прощена, – то, что Дженни Батлер сказала о тебе, просто восхитительно! – Он посмотрел на Дилейни, и она увидела, что и у него зрачки будто подрагивают. То ли он в таком восторге, то ли в ужасе.

– Восхитительно, – повторила Шийрин.

Рот ее еще долго оставался приоткрытым после того, как слово растворилось в воздухе.

Прошла неделя, и Дилейни наконец допустили в кампус. Не в одно из основных зданий, но все же она вошла в ворота, и ее провели в низкое строение с черепичной крышей, почти скрытое лианами и суккулентами, – специальное помещение, отведенное исключительно для таких встреч. Внутри оно напоминало белую безликую коробку.

Собеседование было назначено на три, но ее попросили прийти в половине третьего. Череда завораживающих процедур по обеспечению безопасности заняла 28 из этих 30 минут. Ее заставили вынуть все из карманов, просканировали сумку, а затем она прошла через трехметровый розовый туннель, где стояла оглушающая тишина. Телефон поместили в устройство, напоминающее маленькую микроволновку, которое, как она предположила, выскребло из него все секреты. Подметки ее туфель протерли тканью, которую отправили в маленькую серебристую коробочку. Через минуту коробочка выдала одобрительную мелодию. Бегло ознакомившись с правилами, гласившими, что ей запрещено рассказывать кому-либо о том, что

будет сказано на собеседовании, с кем она встретится и что увидит, и что все ее слова будут сохранены и могут быть использованы “Вместе”, Дилейни подписала на планшете три документа.

– У тебя такие интересные посты! – воскликнул Карло.

– Заставляют задуматься, – добавила Шийрин. – У тебя высокий балл по лексическому разнообразию. Таких, как ты, только два процента!

– Послушай, – сказал Карло, – *все* твои показатели прекрасны. Соцсвязи, коммуникативные предпочтения и, конечно, культурный индекс у всех наших кандидатов должны быть на высоком уровне. Но это тебе и так известно. А сейчас нам хотелось бы поговорить с тобой о том, как ты видишь будущее. Ты работала в стартапе и потратила немало времени, изучая “Вместе” со стороны. Мы читали твою дипломную работу.

– Очень интересная! – подхватила Шийрин.

Карло одарил Шийрин ужасающе неискренней улыбкой и снова перевел взгляд на Дилейни:

– Как ты думаешь, что “Вместе” должна делать дальше?

Дилейни ответила не сразу. Они с Уэсом подготовились к такому вопросу, но она не рассчитывала, что поделиться идеей придется так скоро.

– Я понимаю, новые идеи – это непросто, – заметила Шийрин.

– На самом деле у меня есть одна мысль, – сказала Дилейни.

Удивление Карло и Шийрин выглядело совсем не наигранным. Лицо Шийрин почти перекосилось.

– Можно погасить свет и включить экран? – попросила Дилейни.

Ее собеседники замерли.

– Разумеется, – после паузы ответил Карло. – Хочешь показать презентацию?

Шийрин выглядела перепуганной.

– Ты что-то приготовила?

С одной стороны, это было, конечно, безумием. Интеллектуальная собственность была главной ценностью. “Вместе” не ждала от кандидатов, что они станут делиться на собеседовании идеями на миллиард или хотя бы миллион. Но, с другой стороны, Дилейни слышала не одну историю о том, как претендентов, решившихся на такое, нанимали – не столько за саму идею, сколько за доверие, выказанное компании, и главное – за готовность пожертвовать возможной личной выгодой ради развития компании, в которой они хотят работать. Тут небезосновательно полагали, что если кандидат выдает одну-две идеи еще на собеседовании, то, скорее всего, у него их хватает. И

наоборот – если он ревностно оберегает свои идеи, значит, их у него с гулькин нос.

Карло встал, чтобы притушить свет.

– Я должен напомнить тебе о подписанном соглашении…

– Я помню, – кивнула Дилейни.

Она понимала, что все происходящее в комнате записывается, кроме того, соглашение защищало “Вместе” – возможно, идея, высказанная на собеседовании, уже разрабатывается где-нибудь в кампусе.

Они с Уэсом всю неделю работали над этим прототипом. Уэс, обычно неусидчивый и неорганизованный, получив задачу, мог работать круглыми сутками. Дилейни предупредила, что сегодня он должен быть наготове.

Она встала и сделала глубокий вдох.

– Я много думала о дружбе, – начала она и выдержала паузу, чтобы фраза улеглась в головах у слушателей. Карло и Шийрин улыбались, словно дети, бесплатно пробравшиеся на утренний сеанс в кинотеатре. – Ученые раз за разом подтверждают, – продолжала Дилейни, – что люди, у которых есть постоянные, близкие друзья, здоровее, счастливее и живут дольше.

Шийрин до того сосредоточенно глядела ей в рот, будто впитывала поразительное откровение. Ее пальцы отрешенно постукивали по экрану планшета, точно им не терпелось это записать. Внезапно Дилейни подумала, не подключить ли Шийрин к презентации.

– Шийрин, мне кажется, у тебя много друзей.

Та радостно улыбнулась, поймала взгляд Карло и ответила:

– Да, много!

– Но бывает же так, что ты в них не уверена? Бывают моменты, когда ты сомневаешься, каковы на самом деле ваши отношения?

Еще до того, как Дилейни договорила, Шийрин энергично закивала, а затем, будто опомнившись, воскликнула:

– Да, да, так и есть!

– Расскажи об этом, – предложила Дилейни, и Шийрин буквально просияла.

– Ну, иногда я пишу другу – например, просто смайлики, радуга там, двойная стрелка и знак вопроса. Просто чтобы он знал, что я счастлива и надеюсь, что он счастлив тоже.

– А потом ты ждешь… – подсказала Дилейни.

– Именно! И пока я жду…

– У тебя возникает мысль: а вдруг он меня ненавидит, что-то замышляет, распространяет слухи и хочет разрушить мою жизнь? И на какой-то миг тебя охватывает мертвенный ужас.

Дилейни ожидала, что Шийрин и Карло рассмеются, но их лица помрачнели.

– Вообще-то я бы не стала описывать это такими словами… – сказала Шийрин. – Но…

– Мы здесь не пользуемся подобными… э-э… выражениями, – добавил Карло.

Дилейни сдала назад:

– Да, конечно. Простите. Вы же знаете, я вышла из леса. Мне нужно следить за собой.

Беспокойство, граничащее с тревогой, так и не сошло с их лиц. Требовалось срочно исправляться.

– Каждому из нас приходится жить с подобными мыслями, – сказала Дилейни. – С отсутствием определенности там, где эта определенность нужна нам больше всего. В наших личных отношениях. В дружбе.

Лицо Шийрин расслабилось, а Карло, на мгновение закатив глаза, снова изобразил дружелюбную заинтересованность.

– Уже много лет мы в компании подсчитываем наших друзей… – Дилейни сделала крошечную паузу, чтобы понять, заметили ли они это “мы” и одобрили ли его. Да, заметили, да, одобрили. – Но насколько важно просто количество? Если ученые говорят, что самое главное – это глубина отношений, то, может, стоит измерять не *количество* друзей, а *качество* дружбы?

Карло и Шийрин слушали уже с неподдельным интересом, даже рты слегка приоткрыли. Дилейни подумала, что ее приняли. Оставалось только завершить презентацию, не допустив какой-нибудь глупой ошибки.

– Поэтому я сделала прототип приложения, которое сможет внести большую ясность в то, что всегда было расплывчатым и, по правде сказать, не вполне очевидным. Можно я покажу? Все готово? – Она постучала по экрану на стене, чтобы активировать его. – Гость, – произнесла она. – Семь-Ноль-Восемь-Восемь-Девять.

На экране появился небольшой квадрат, и Дилейни приложила к нему палец. Отпечаток связал с ее аккаунтом, и вскоре на экране возникло лицо Уэса в натуральную величину. Он улыбался – несколько издевательски, на вкус Дилейни. Но Уэс, знавший, что его лицо выражает насмешку, даже когда он этого не желает, старался сглаживать впечатление словами, показывающими, что он уважает собеседника и совершенно откровенен с ним.

Дилейни повернулась к Карло и Шийрин:

– Надеюсь, вы не против? Я попросила своего старого друга Уэса помочь нам.

Шийрин явно засомневалась, а Карло и вовсе скорчил

недовольную гримасу.

– Ладно, – наконец сказал он. – Привет, Уэс. Как дела?

Дилейни снова посмотрела на Уэса. Поначалу она решила, что он на кухне, но теперь разглядела за его спиной корпус сливного бачка. Уэс явно сидел на унитазе – еще одна его шутка.

– Уэс, ты нас слышишь?

– Да, прекрасно слышу! – отозвался он.

– А тебе не будет удобнее где-нибудь еще? Мне кажется, в другой комнате сигнал получше.

– Нет, тут все отлично! Просто супер, я бы сказал. Я рад быть *вместе* с вами!

Вот же гад, подумала Дилейни. Она же взяла с него обещание воздержаться от таких шуточек!

После обмена еще парой любезностей Дилейни набрала код, и вокруг Уэса на экране появилась рамка с иконками.

– Расскажи мне, как проходит твой день, – попросила Дилейни.

Уэс начал рассказывать – самый обычный день, с обычными заботами и мелкими неприятностями. Дилейни отвечала сочувственным хмыканьем и задавала уточняющие вопросы. Пока они говорили, на экране под подбородком Уэса мигали шестнадцать точек.

– Как вы можете видеть, во время нашего разговора ИИ анализирует выражение лица Уэса, реакцию его глаз, интонации. Я знаю, что во “Вместе” сейчас очень интересуются распознаванием эмоций. Уверена, что такая технология уже существует и будет совершенствоваться.

Девять индикаторов внизу экрана горели зеленым, семь – красным.

– Вот эта зеленая точка показывает, что Уэс, скорее всего, говорит правду. Но вот по красному лицевому сенсору мы видим, что он напряжен. Будь Уэс расслаблен, индикатор горел бы зеленым. Другие индикаторы отслеживают прочие показатели – гладкость речи, юмор, откровенность, нюансы интонации и так далее. Уэс любит пошутить, и мы это видим на сенсоре юмора.

– Ого! – отозвалась Шийрин.

– Тем временем, – продолжала Дилейни, – алгоритмы анализируют наш разговор, выделяя ключевые слова и фразы, которые обычно используют близкие друзья. Лицевые датчики и текстовые данные дополняются жизненными показателями – частотой сердцебиения, артериальным давлением и уровнем глюкозы, – которые считываются с браслета.

Шийрин и Карло увлеченно кивали. Дилейни знала, что объединить собственную идею с продуктами “Вместе” – вариант

беспроигрышный. Так она показывает, что стремится не заменить то, что разработано здесь, а лишь дополнить и улучшить уже существующую технологию.

– Вот тут, внизу, вы можете видеть общую оценку. Наш разговор получает рейтинг 86,2, что очень достойно и, как мне кажется, отражает то, что мы с Уэсом достаточно близкие друзья. Все, что выше 80, можно считать настоящей дружбой. Выше 90 – это вообще нечто экстраординарное.

– А Уэс видит эти цифры на своем экране? – спросил Карло.

– Сейчас – да, – ответила Дилейни. – Но можно сделать так, чтобы данные передавались только в одну сторону. Например, если бы я была не уверена, что Уэс говорит правду, или вообще не знала, насколько он хороший друг, то я могла бы настроить приложение так, чтобы только я видела показатели.

– Мне нравится, – сказала Шийрин.

– В нашем же случае в конце разговора мы оба получим оценки по всем параметрам и общий показатель качества общения. Естественно, данные по каждому разговору с конкретным человеком отправляются в одну папку, и потом они могут суммироваться для получения единого показателя нашей дружбы. Социологи, изучающие дружеские отношения, выяснили, что человек проводит в общении с настоящим другом 92–98 часов за один квартал. (Эти цифры она придумала только что.) Поэтому пользователи могут увидеть, какие у них результаты.

– Потрясающе, – сказала Шийрин.

– И это работающее приложение? – спросил Карло.

– О, нет-нет, – ответила Дилейни. – Пока нет. Все цифры, которые вы видели на экране, всего лишь пример для демонстрации. Но большая часть необходимых технологий уже существует. Почти все доступно и готово к применению. Нужно просто собрать все вместе. Вы же знаете, я не инженер. И, если честно, я бы очень хотела, чтобы это было сделано здесь, во “Вместе”.

– Невероятно, – сказал Карло. – А кто помогал тебе с программированием?

– Ну, это же еще не настоящая программа, но Уэс помогал, да.

– Уэс, ты еще здесь? – спросил Карло.

– Да, я здесь, – отозвался Уэс.

– Хорошая работа, – похвалил Карло. – Очень изящно.

– Изящно? – переспросил Уэс, голосом изобразив, что он польщен, а для убедительности даже прижал к груди ладонь. – Спасибо!

– *Тебе* спасибо, – в унисон произнесли Карло и Шийрин и

обменялись смущенными взглядами, в которых Дилейни почудилось скрытое сексуальное напряжение. Что-то между этими двумя точно происходило.

– Всегда рад помочь, – отозвался Уэс и пропал.

Карло включил свет и посмотрел на часы.

– Не хотелось бы выступать в роли ведра холодной воды, – сказала Шийрин, – но какое-то время назад одна компания уже пыталась запустить приложение – кажется, оно называлось “Люди”, – с помощью которого можно было оценивать других точно так же, как мы оцениваем отели или таксистов. Но по каким-то причинам многие сочли, что это слишком. Приложение так и не запустили. Хотелось бы знать, как ты намерена учитывать подобные… – она на миг замешкалась, подбирая слово, – тонкости?

Карло бросил на Шийрин умоляющий взгляд, как будто страдая из-за того, что она портит такое прекрасное собеседование с кандидаткой, готовой вручить компании истинное сокровище.

– Хороший вопрос, – с готовностью откликнулась Дилейни. – И я уже об этом думала. Но, согласитесь, мы же нормально воспринимаем рейтинги самых разных людей. Мы оцениваем водителей, полицейских, судей, подрядчиков, врачей, сантехников, профессоров, поваров, официантов, соседей, правительственных чиновников, само собой, ну и так далее. Попробуйте назвать профессию, в которой так или иначе не составляют рейтинг.

Карло и Шийрин одобрительно кивнули, но от Дилейни не укрылось, что Карло не хочет встречаться с Шийрин взглядом.

– То есть люди на самом деле уже давно признали разумность численной оценки друг друга. Почему? Потому что цифры по сути своей объективны, а люди – нет. Мне кажется, что сейчас мы все понимаем, что лучше быть измеренным, чем *не* измеренным.

Шийрин громко, почти истерично рассмеялась. Карло же буквально затрясся от раздражения. Дилейни улыбнулась обоим, надеясь, что напряжение между ними отступит перед общей задачей.

– Приложение “Люди” – я его, кстати, помню – требовало давать публичную оценку. В этой публичности и крылась проблема. Оно сводило человеческую личность к числу, чего вы в компании никогда бы не допустили.

Карло еще раз медленно кивнул, на миг прикрыв глаза, чтобы подчеркнуть, как ему понравилось ее изящное объяснение того, что для него – видимо, в отличие от Шийрин – было очевидно.

– Приложение, которое предлагаю я, это динамичная, в

режиме реального времени меняющаяся система, тонко и быстро реагирующая на вовлеченность человека. Оценка может изменяться каждый день, если пользователь станет уделять приложению внимание. Второе, еще более важное отличие моего приложения от предыдущего в том, что “Люди” оценивало *незнакомцев*, а мое направлено исключительно на отношения между *друзьями.*

– А! – с облегчением произнесла Шийрин, обрадовавшись, что ее вопрос привел к столь ценному уточнению.

Дилейни приближалась к моменту, который предвкушала и который считала решающим. Кульминация, которую она замыслила, была по-настоящему извращенной. Она оперлась ладонями о стол и безуспешно попыталась выдавить из глаз слезы.

– Дружба неизмеримо важна для каждого из нас, но это совершенно неизученное явление. Мне кажется, дружба заслуживает большего внимания. Если мы действительно ценим дружбу так, как декларируем, давайте отнесемся к ней серьезно. Только подумайте о том, насколько крепкими и искренними могут стать наши отношения, если мы применим к ним научный подход!

Карло ничего не сказал. Шийрин тоже ничего не сказала, но выглядела так, как будто сейчас взорвется. Дилейни испугалась, не перешла ли она черту. Будь она на их месте, точно вызвала бы для себя психиатрическую неотложку.

После мучительно долгой и драматичной паузы Шийрин встрепенулась, в ней будто что-то вспыхнуло.

– Я бы пользовалась таким приложением *каждый день*, – произнесла она почти яростно, вены на ее шее вздулись. – *Кааажды*й день!

– Ты уже придумала название для своего приложения? – спросил Карло.

– Ну, я пока колеблюсь между “Близкон” и “АутенДруг”, – ответила Дилейни и тут же поняла, что правильно будет спросить их мнение. – Что бы вы предпочли?

– По-моему, “Близкон” звучит позитивнее, – заметила Шийрин.

– Но “АутенДруг” – энергичнее, верно? – Карло посмотрел на Шийрин, которой явно уже все простил. – Оно как будто подталкивает к действиям. Типа “мне нужно аутентифицировать друга”.

– Ну да, ну да, – согласилась Шийрин.

Карло просиял, как будто это он сам придумал название, а то и все приложение.

Шийрин посмотрела в окно, за которым был виден пеликан, парящий над водой, словно бомбардировщик.

– Но мне все равно нравится “Близкон”, – сказала она.

6
Нижнее течение реки

Позже в компании распространилась история о том, что Дилейни выросла в деревянной хижине. Это было не совсем правдой, но и не совсем неправдой. Она с родителями действительно жила в бревенчатом доме, вот только он не был хижиной. Просторное жилище построила в 1988 году одна из бесчисленных строительных фирм в Айдахо, специализировавшихся на современных деревянных конструкциях. Дом площадью 2200 квадратных футов, с семью комнатами, был не слишком стильным, зато уютным; он находился в лесу, рядом с городком Гост-Каньон, и стоял на берегу извилистой речки, стекающей с Пионерских гор. В доме были телефоны, компьютеры, телевидение и все прочие блага цивилизации, но Дилейни помнила, что ее детство проходило в основном на улице, под журчание струящейся воды.

При доме имелся участок в четыре акра, раскинувшийся по обе стороны речушки. Родители Дилейни построили мостик и поставили на нем диван-качели, где Дилейни любила сидеть, закопавшись в подушки и одеяла, вместе со своими собаками.

Соседи на другом берегу держали лошадей, и со своих качелей Дилейни наблюдала, как лошади, потряхивая гривами, бегают рысцой по лугу. Она могла часами сидеть практически неподвижно, переключая внимание с искрящейся воды на полные важности движения лошадей. Научившись читать, она стала брать с собой на качели книги и нередко проводила за чтением по полдня, а собаки то посапывали рядом, то вдруг срывались с места, привлеченные белкой или мышью.

Но когда Дилейни пошла в школу, родители забеспокоились. К тому времени они открыли в городке магазин органических продуктов и чуть ли не целыми днями пропадали там. После школы Дилейни ехала обратно на велосипеде, и родители, закрыв вечером магазин и вернувшись, обычно заставали ее дома за чтением. Спортом она не увлекалась, никаких друзей, чтобы гулять с ними в городе, у нее так и не появилось. Когда родители сообразили, что дочь ни разу не пригласила к себе одноклассников, то всерьез разволновались. Дилейни всегда нравилось быть одной – читать, смотреть в огонь или просто сидеть на диванчике над речкой. Родители же развили бурную деятельность. Начали терзать ее всякими психологическими тестами. Пытались научить общаться со сверстниками. Записали

в кучу кружков в школе и в церкви. На выходных отправляли ее к своим друзьям, у которых были дети, или приглашали их к себе. Дилейни не возражала. Ей нравилось и лепить из глины, и учить испанский, и играть на гитаре. Она легко заводила приятельские отношения с другими детьми и любила показывать им своих собак, речку и лошадей на другом берегу.

Но родители все равно считали, что она слишком много времени проводит в одиночестве, и – исключительно из любви, в надежде, что так она будет больше общаться со сверстниками, – подарили ей на двенадцатый день рождения телефон. Он стоил тысячу долларов – расход немыслимый, но, по их мнению, необходимый. Дилейни не отказалась от подарка.

Гаджет имел массу функций, он был и телефоном, и телевизором, и инструментом поиска, и стереосистемой, и игровым автоматом, и фотоаппаратом, и видеокамерой, и плеером, и хранилищем всякой всячины – но также и порталом в мир политики, порно и геев. Позже родители говорили – а склонностью к преувеличениям они не страдали, – что поначалу Дилейни проводила с телефоном по восемьдесят часов в неделю. Первым делом она посмотрела целиком, все тридцать три часа, древний сериал “Ривердейл”. Потом шесть сезонов другого, еще более древнего, “Офиса”. За ними последовали “Друзья”, “Внешние отмели” и “Настоящий американец”. Она открыла для себя музыку, и ее плейлист тут же распух до 1130 треков. Школьные приятели еще не освоили мир сообщений, поэтому телефон не оказал мгновенного эффекта на ее социальную жизнь. Но теперь Дилейни проводила долгие часы не на мостике над речкой, а в своей комнате, почти без сна, но и бодрствованием это было трудно назвать.

Понаблюдав за дочерью четыре месяца, родители ввели ограничения – Дилейни разрешалось сидеть в телефоне не более трех часов в день. Когда родители были рядом, она правило не нарушала, но как только они засыпали, тут же о нем забывала. Теперь сериалы она смотрела с половины одиннадцатого вечера до двух ночи, а просыпалась в семь, чтобы до школы еще часик посидеть с телефоном. Как итог – стала засыпать на уроках, вызывая неудовольствие учителей. В конце шестого класса ее оценки оказались куда хуже, чем были в начале, и родители получили озадаченное письмо от классного руководителя: “Я никогда не сталкивалась с таким внезапным падением успеваемости. У вас кто-то умер?” Все лето родители придумывали, как решить эту проблему.

***

Следующие несколько лет протекли предсказуемо. Родители

изобретали ограничения, а она – способы борьбы с ними. Они устанавливали фильтры, она их обходила. Они посещали группы поддержки, смотрели мрачные документальные фильмы и возвращались с новыми ограничениями, фильтрами и стратегиями, не имевшими никакого эффекта. И все это было еще до того, как Дилейни познала соцсети. Бесконечные взаимосвязанные медиаплатформы “Сферы” зацементировали зависимость. К тринадцати годам она посылала примерно по 540 сообщений в день – в основном размытые селфи, это была ее фишка. И текстовые послания. И короткие танцевальные видео. А в течение тех шести месяцев, когда взлетело приложение “Ногтк”, рассылала всем фото своих ногтей с зашифрованными пятью буквами сообщениями.

Родители отправили ее в реабилитационный лагерь в Монтане, неподалеку от места, где жила ее бабушка ЖуЖу – бывший пилот авиалиний, неоднократная чемпионка по ловле басса и любительница мужчин намного моложе себя. Дилейни предстояло провести в лагере целый месяц без телефона и без общения с людьми извне, в компании восемнадцати девочек в основном того же возраста. Их дни подчинялись распорядку, но не особо жесткому. На военный этот лагерь не походил. Они работали на ферме, ходили в походы, катались верхом, доили коров и принимали телят, кормили коз. Вставали с рассветом, ложились с наступлением темноты, и через месяц Дилейни попросила родителей оставить ее там на весь год. Каждые выходные она навещала ЖуЖу, и ей нравилась эта простая жизнь. В восьмом классе она вернулась в свою школу в Айдахо, чувствуя себя счастливой, уравновешенной и сильной.

А потом произошло нечто странное. Ее школа, где родителей начиная с первого класса вечно пугали опасностями, которые несут в себе гаджеты, формирующие у подростков клиповое мышление, включилась в программу полного цифрового погружения. Учителя перестали давать обычные домашние задания, теперь они размещали их онлайн на ресурсе “СферoКласс”, собирающем данные о каждом пользователе. Задания учительницы по обществоведению заключались в просмотре учебных видео, а учителя английского заставляли выполнять домашние работы на компьютере и отправлять через “СферoПропись”, с обязательным использованием довольно убогого ИИ-приложения для проверки ошибок.

Родители Дилейни, которые давно отрубили у себя в доме интернет, оказались в затруднительном положении. Поначалу они каждый вечер отвозили ее в библиотеку, но на дорогу уходило полчаса в одну сторону, и в конце концов им снова

пришлось подключить интернет и трепетать перед зависимостью, от которой дочь вроде бы успешно избавилась. Это было все равно что вылечить ребенка от наркомании исключительно ради того, чтобы школа потребовала от учеников постоянно быть слегка под кайфом.

При всем том школа продолжала пугать соцсетями и черной дырой экранного времени. На уроках пользоваться телефонами запрещалось, зато разрешались учебные ноутбуки, которые школьники с легкостью приспосабливали для просмотра порно и видео с милыми зверушками. Учителя, с одной стороны, жаловались на ухудшение концентрации внимания учеников и навязчивый цифровой контроль со стороны родителей, а с другой – требовали, чтобы у детей был постоянный доступ в интернет; жалобы, всевозможные записки родителей и справки от врача тоже принимались теперь исключительно в электронном виде. Во вторник школа устраивала родительское собрание по поводу цифровой зависимости подростков, а уже в среду домашнюю работу по математике приходилось делать онлайн. На собрании учителя призывали проводить выходные без компьютеров и телефонов, после чего давали на выходные задания, которые не выполнить без интернета.

В результате Дилейни проводила в Сети почти весь день, общаясь с одноклассниками, обсуждая конспекты и делая уроки, знакомясь с бесконечными школьными обновлениями, памятками и пояснениями. Она постоянно была на взводе, почти на грани нервного срыва. Она спала меньше пяти часов в сутки. Наконец, когда ее обнаружили спящей в школьной кладовке, семья решила, что единственный вариант – домашнее обучение. Дилейни постепенно начала оживать. Через месяц она уже могла сконцентрироваться достаточно, чтобы начать читать книги и высказывать собственные мысли, которые не были отзвуками из Сети. Через три месяца она вернулась на свой мостик над рекой и окончательно пришла в себя.

* * *

Но никто не мог предполагать, что компания, названная в честь южноамериканских тропических лесов, вмешается в крошечный бизнес ее родителей. Однако она ударила в планету маленьких магазинчиков, как метеорит диаметром в милю, и вызвала их массовое вымирание. В городке появился супермаркет органических продуктов под названием “Народная Еда”, и через полтора года родители Дилейни продали свое дело и – сгорая от

стыда, обрядившись в зеленые передники – пошли работать на владельцев сети.

Дилейни тоже чувствовала стыд и гнев. Ее родители сдались. Они оправдывались, уверяя, что все это временно. Им еще семь лет выплачивать долг по ипотеке, но потом перед ними распахнутся все двери. Они смогут продать дом и уехать куда угодно – поселиться на барже в Амстердаме, провести год на пляжах мексиканской Йелапы, поступить в Корпус мира и отправиться в Узбекистан… О своих новых хозяевах они отзывались с презрением и намеревались выиграть битву с корпорацией, срубив с нее деньги, уволившись и начав новую жизнь.

Но что-то пошло не так. Год от года их решимость убывала, они все меньше критиковали своих хозяев. Все чаще и чаще говорили о магазине, пуская в ход “мы”. Дилейни печально наблюдала, как в них гаснет искра. Они работали по десять часов в день, а получали несоизмеримо мало. Они должны были постоянно носить при себе гаджеты, чтобы рабочее время учитывалось до минуты, чтобы днем и ночью они могли получать бесконечные вопросы, обновления и сообщения об изменениях графика. Они стали подавленными, скучными, вечно уставшими. Устройства пиликали беспрерывно, и у родителей выработался тот зависимый и беспокойный тип мышления, который был сформирован цифровым миром.

Поступив в колледж в Риде, Дилейни с радостью покинула дом. Там она постаралась выбрать предметы, которые не требовали тотального отказа от реальной жизни. Каждый год профессор Агарвал – студенты ее прозвали Аналоговая Агарвал – прикалывала кнопками к доске объявлений бумажный список своих антитехнологических курсов, и Дилейни записывалась на все, вне зависимости от области. Она закончила колледж с дипломом по гуманитарным наукам и планом уничтожения компании, которая украла детство у нее и свободу воли у ее родителей. Но затем она упала духом. Ей становилось страшно от перспективы потратить годы жизни на борьбу с тем, что большинство людей вполне устраивало.

Несколько лет она проработала рейнджером, перемещаясь между национальными парками в Скалистых горах, Сьерре, Нью-Мексико и Орегоне. Мир гор и лесов был совершенно иным, и хищные цифровые лапы до него не добрались, но однажды приехав на свою станцию, она услышала объявление, что все туристы обязаны иметь при себе телефоны. “Для вашей безопасности!” – раз за разом повторял динамик. Конечно же, так людей проще контролировать, да и спасать – при необходимости.

Новые правила не стали такой уж неожиданностью, и мало кто возражал. Большинство туристов и так были с телефонами, просто теперь они стали обязательными. Через несколько недель, не встретив никакого сопротивления, Мэй Холланд объявила, что ее компания возглавила – и будет финансировать – финальный этап проекта, который она назвала “Найди меня в дикой природе”. Анонс сопровождался серией цифровых постеров, стилизованных под рекламные плакаты Ассоциации национальных парков 1940-х годов. Отныне “Вместе” будет предоставлять телефоны тем посетителям парков, у кого их нет, а тем, у кого есть (значит, всем), установит свое “рейнджерское” приложение.

В день этой цифровой экспансии в дикую природу Дилейни была у себя на станции на горе Лассен – потухшем вулкане на северо-востоке Калифорнии. Этот момент изменил ее окончательно. Она посмотрела на озера, раскинувшиеся внизу, и выбрала войну. Перед глазами у нее полыхал пожар революции. Цифровые компании радикальным способом выводят новый биологический вид. За несколько десятилетий они превратили гордое и непокорное животное – человека – в бесправную точку на экране. Горожане расстались со своей свободой еще в самом начале двадцать первого века, однако природа оставалась дикой, давая укрытие всем желающим. Но в тот день пал и этот последний оплот, и никто не заметил.

Мэй стала для Дилейни врагом номер один, врагом всего, что делало людей живыми. Ее нужно свергнуть, и Дилейни тщеславно надеялась, что сможет это сделать. Вот только бродя по лесу, вряд ли чего-то добьешься. Ей нужно проникнуть в стан врага, чтобы перерезать кабели питания. Она ушла с рейнджерской службы и перебралась в Сан-Франциско, где устроилась в “Фактор 4”. Виджея и Мартина, а потом и Дэна Фарадея заинтриговало ее экзотическое прошлое. И хотя коллеги ей нравились, условием игры была такая всепоглощающая покорность, что она боялась никогда уже из этого не вырваться. Ей пришлось согласиться на постоянное присутствие в ее жизни устройств, которые подсчитывали рабочие часы и минуты, нажатия на клавиши, измеряли продуктивность (плюсы назывались *маргаритками*, минусы – *дурианами*). Последствия были вроде бы минимальны, и о них почти не говорили. Только в случаях аттестации или возможного увольнения данные поднимались из цифрового небытия, и тогда все, что неугодный работник сказал либо сделал, тщательно анализировалось и сравнивалось со средними значениями, отраслевыми показателями, стандартами и прогнозами. Виджей и Мартин смотрели на цифры, беспомощно

пожимали плечами и сконфуженно улыбались – мол, это не они такие зверюги, это объективные показатели.

Последней каплей для Дилейни оказался вовсе не рост богатства и влияния “Вместе”, ставший возможным благодаря массовой слежке и цифровизации человеческой жизни. Это было сообщение от отца. “Печальные новости, Дил. Бабуля ЖуЖу умерла прошлой ночью”. Короткое послание сопровождалось маленькой желтой рожицей, похожей на Пакмана, из глаз которой струились водопады слез. Через несколько секунд пришло сообщение и от матери: “Как это печально”, с вариацией того же смайлика, желтая рожица тоже плакала, но из нее торчали еще и маленькие ручки, сжатые в кулаки, которыми она размазывала слезы. За смайликом следовали слова “Мы так ее любили” и еще один анимированный смайлик – слегка раскачивающаяся туда-сюда мультяшная бабуля.

Дилейни ощутила страшное опустошение. Она уже никогда не сможет изменить этот момент. Никто не расскажет ей о смерти ЖуЖу, рыдая в телефонную трубку, или при встрече, или в письме, как происходило в человеческой жизни всегда. Новость о смерти бабушки доставил плачущий Пакман. Когда Дилейни попыталась объяснить это родителям, они ничего не поняли. Ответили, что бабуля любила смайлики, – и это было правдой.

7
Непорочное зачатие

– Немногие так начинают, – сказала Кики.

Кики назначили куратором Дилейни, она должна была показать ей кампус и помочь устроиться на первом рабочем месте. Она была не больше пяти футов ростом, хрупкая, как лесная фея, с волосами цвета планеты Нептун.

– Я понимаю, – сказала Дилейни. – Я очень благодарна, можете мне поверить!

Ее подташнивало. Во время трех собеседований и первоначальной ориентации ее так и не пустили в основной кампус. Все встречи проходили во внешних помещениях, а ориентация – в большой аудитории, где собрали еще сотню новичков.

– Кстати, мне нравится твой костюм, – заметила Кики. – Такое ретро! Привет!

Дилейни поняла, что последнее слово адресовано не ей. Она оглянулась и увидела, что Кики разговаривает с экраном, закрепленным у нее на предплечье.

– Это чудесно, солнышко! Просто чудесно! – пропела Кики.

Дилейни смогла разглядеть маленького мальчика с копной угольно-черных волос. Они с Кики сейчас стояли в тени “АлМаса”, и Дилейни коснулась алюминиевой облицовки башни, чуть ниже того места, откуда начинался первый виток спирали. Говорили, хотя никто не мог это подтвердить, что первая волна самоубийств в компании случилась как раз здесь – “совместные” бросались с балкона пентхауса, который назывался Гнездом. С тех пор он был закрыт.

– Да, скажи мисс Джасмин, что мне это очень нравится, – проговорила Кики.

Дилейни не слышала голоса мальчика, а лишь видела, как взгляд Кики мечется туда-сюда, перескакивая с лица сына на окружение.

– Ладно, дорогой, – сказала Кики. – Я вернусь к тебе через несколько… – она сделала паузу, – через пару минут. Я знаю, что другие родители еще там. – Еще пауза. – Хорошо, через десять. Ладно. Пока.

Кики наконец переключила внимание на Дилейни, и они двинулись дальше.

– Мой сын Нино. Ему пять. Он ходит в Совместную школу. Видела ее? Наверное, еще нет. Она с другой стороны кампуса,

рядом с пляжем. Это просто фантастическая школа… – Кики опять отвлеклась и, остановившись, коснулась уха. – Да, – произнесла она. – Большое вам спасибо, мисс Джолин.

И снова вернулась к Дилейни:

– Они приветствуют участие родителей, мне это очень нравится. *Очень*. Каждый из родителей волонтерит десять часов в неделю, но это везде так, а они пошли дальше и стараются как можно чаще приглашать нас на уроки. Это успокаивает детей. – Она слегка нахмурилась, посмотрела на Дилейни, потом на экран, снова на Дилейни. – Так о чем мы говорили?

Впереди открылась огромная лужайка в форме цветка. Дилейни подумала, что это Ромашка – она слышала о Ромашке. Лужайка была засеяна буйволовой травой, выглядевшей неестественно зеленой. Там и тут пестрели разноцветные пятна – “совместные”. Кики опять остановилась.

– Ты на “ВладейСобой”? – спросила она.

– Нет, пока на “Помощнике”, – ответила Дилейни.

– О, надо перевести тебя на “ВладейСобой”. Я как раз сейчас тестирую последнюю версию. Это просто уникально!

Готовясь к проникновению в компанию, Дилейни несколько лет пользовалась “Помощником” – базовым приложением, объединяющим все напоминалки, календари, списки дней рождений и назначенных встреч и даже следящим за режимом питания. Рекламщики его обожали. Если пользователь ставил для себя цель есть протеиновый салат каждый день, это сразу узнавали производители протеиновых салатов. Такой ломовой подход принес “Вместе” миллиарды. Приложение разработали за одни выходные какие-то подростки из Манитобы.

– “ВладейСобой” гораздо сложнее, – сказала Кики. – В “Помощнике”, кажется, где-то двадцать пять параметров?

– Где-то так, – ответила Дилейни. У нее было двадцать два.

– Во “ВладейСобой” пятьсот, и это в базовой версии. В моей 677, и одна из моих целей – к следующему месяцу сделать 800. И “ВладейСобой” мне в этом поможет. – Кики засмеялась, но взглянула на экран и нахмурилась. – То есть в этом же и суть, приложение помогает тебе в достижении целей. – Ее браслет звякнул. – Ой, подожди.

Следующие полминуты она опять провела в “Посмотри” со своим сыном. Дилейни стояла в тени, наблюдая за тем, что происходит на плавных изгибах лужайки. Группа людей в лайкровых комбинезонах изображала что-то вроде современного танца.

– Смотри, – снова обратилась к ней Кики, – я ставлю себе целью двенадцать созвонов с Нино за один учебный день,

а “ВладейСобой”, сверяясь с показаниями приложений его учителей, определяет подходящее время и напоминает мне, чтобы я не пропускала подключения. Все пользователи могут разговаривать друг с другом, это самое главное. Так ты ни за что не отвертишься. Если у тебя есть время, “ВладейСобой” координирует график, вставляет в него то, что нужно сделать, и опля. – Кики, прищурившись, глянула в сторону Ромашки. – Я пару недель пыталась с ним бороться, изменяла то, что приложение предлагало, но получалось только хуже. Люди вообще не умеют планировать, правда?

– Это целая наука, – отозвалась Дилейни.

Кики закатила глаза – мол, очевидно же.

– “ВладейСобой” помогает во всем. Разбивает твой день на части, но оставляет место для вариативности. Вот, например, наша прогулка… – Она взглянула на экран: – Она длится уже на три с половиной минуты больше рассчитанного, а мы еще даже не начали. Поэтому все остальное слегка сдвигается. Но приложение всегда помогает сделать все, что запланировано на день. Ты не поверишь, какую радость я испытываю, ложась спать. Полное удовлетворение.

– Здорово! – сказала Дилейни.

– Ладно, нам пора.

Они вышли из тени, и желудок у Дилейни снова сжался. Перед ними на лужайке, залитой солнцем, десятки людей занимались физкультурой – иначе зачем еще они все одеты в яркую, обтягивающую спортивную одежду? Тут ее вычислят мгновенно. Да издалека ясно – шпионка.

– Это Дуомо, – Кики указала на строение, похожее на итальянскую церковь. – Бейли ездил в Сиену, ему понравилось здание, особенно вон те полоски, и он переместил его сюда. Или сделал копию? – Она вгляделась в здание, как будто оно могло ответить. – Наверное, это все-таки оригинал, а в Сиене теперь копия. Это же логично. В общем, сейчас там работает часть людей из космического департамента.

Они уже почти дошли до лужайки. Дилейни постоянно приходилось напоминать себе, как правильно двигаться. Нужно ли на ходу шевелить руками? Ими лучше энергично размахивать или пусть просто болтаются? Нет, это выглядит по-идиотски. Она решила, что будет совершать небольшие круговые движения на уровне бедер.

– А вон там модули, – продолжала рассказывать Кики, – жилье для сотрудников. Тысяч пять “совместных” живут прямо здесь, в кампусе. Так проще, не надо никуда ездить. Ты как, хотела бы тоже жить здесь? Подожди!

Ее браслет опять звякнул. Она вытянула руки вверх и медленно опустила, словно плыла под водой.

– Надо быть осознанной, – сказала она и показала Дилейни свой экран. – Моя первая цель – здоровье и благополучие. Я хочу заниматься физкультурой, но не хочу решать, когда делать упражнения. Или какие необходимо делать, когда руки, когда ноги и так далее. А тут мне не надо гадать. Вот сейчас, – она нажала на экран, – у меня 3401 шаг, что на 11 % больше, чем обычно к этому времени. Поэтому в следующий час я могу немного полентяйничать, да?

У Дилейни возникло ощущение, что Кики шутит.

– Как бы не так! – сказала Кики и разразилась театральным хохотом.

Дилейни сделала вид, что тоже смеется. Кики резко остановилась.

– Знаешь, как смех полезен для здоровья? Нужно смеяться как минимум двадцать две минуты в день. Моррис доказал это в прошлом году, и сейчас… – она снова глянула на экран, – “ВладейСобой” подсказывает, что у меня сегодня нехватка смеха. Пока я смеялась всего две с половиной минуты, но вечером “Открытый микрофон”, так что я думаю, что добью до нужных показателей.

– Да, ты действительно умеешь обращаться с этой штукой, – сказала Дилейни.

– Ага. Но тебя я тоже на нее подсажу. Это… – Кики задумалась, подыскивая слово позначительнее. – Это великолепно. – Она взглянула на запястье и улыбнулась. – Никогда раньше я не чувствовала такой уверенности.

Еще один звонок заставил Кики вытащить из-за левого плеча цилиндрический сосуд. До этого момента Дилейни считала, что маленький бордовый рюкзачок несет чисто декоративную функцию.

– Вода, – пояснила Кики. – Иначе я слишком мало пью. – Она сделала большой глоток из цилиндра, и он отправился обратно в рюкзак. Они снова пошли в сторону лужайки. – Ну вот, тут основное общественное место, так сказать. Некоторые зовут его Ромашкой, и это, в общем, понятно – из-за формы.

Перед ними разбегалась целая сеть дорожек, обрамленных дикими цветами. По дорожкам туда-сюда сновали люди. Только теперь Дилейни по-настоящему разглядела костюм Кики, как будто оживший на ярком солнце. На ней был облегающий комбинезон с камуфляжным рисунком из зеленых и розовых пятен, разделенный надвое, от левой лодыжки до правого плеча, единственной молнией.

Рядом с миниатюрной Кики Дилейни чувствовала себя неуклюжей и тяжеловесной. Выбирая этим утром одежду – джинсы и хлопчатобумажную блузку, – она и не думала, что это покажется старомодным, а сейчас, по сравнению с окружающими “совместными”, она выглядела как актриса массовки из “Сурового испытания”. Все вокруг были в лайкре, хотя на самом деле не занимались никакой физкультурой. Она видела так же одетых людей и в городе, и такая концентрация лайкры, всех этих подчеркнутых изгибов и выпуклостей, поражала. Их обогнал человек в легинсах, до того обтягивающих все, что было между ног, что она непроизвольно ойкнула и пробормотала нечто среднее между “извините” и “господи”.

– Ты что-то сказала? – спросила Кики.

Дилейни не могла выдавить ни слова. Повсюду были мужчины в костюмах, явственно очерчивающих пенисы, к такому зрелищу она определенно оказалась не готова. В третье десятилетие двадцать первого века происходило постепенное, но неотвратимое распространение облегающих нарядов – тренд на любование телом и воплощение мечты тех, кто надеялся хотя бы внешне походить на супергероев. Последним бастионом целомудрия оставалась мужская промежность, но теперь Дилейни видела, что под натиском духа гендерного равенства пал и он. В месте, подобном “Вместе”, недопустима дискриминация, когда грудь дозволяется обтягивать тоненькой лайкрой, а пенис – нет.

– Господи, – пробормотала Дилейни и уставилась на заросли кактусов. – Как много здесь суккулентов.

Она изо всех сил пыталась придумать хоть что-то, не имеющее отношения к фаллосам.

– Нужно получать как можно больше натурального витамина D. – Кики воздела руку к солнцу. – Правда, кампус прекрасен в такой ясный день?

Они продолжили экскурсию. Кики показывала здания, службы, столовые, огород, студию экстатического танца, большой барак, вызывающий ассоциации с ГУЛАГом, где работали исследователи творческих способностей, – и все это время Дилейни пребывала в страшном напряжении, взгляд затравленно метался, тщетно пытаясь не упереться в человеческое естество и то и дело притягиваясь к нему.

– Это попугайные тюльпаны? – спросила она в отчаянной попытке сосредоточиться на чем-то безопасном. Присев на корточки, она дотронулась до бахромчатых лепестков. Подняла взгляд на Кики, и тут же мимо проплыл мужской пах во всей красе.

– Наверное, да, – ответила Кики. – Но это *ты* должна знать,

ты же была лесным рейнджером!

Дилейни по-идиотски хихикнула и подумала, что сейчас задохнется.

– Чуть не забыла! – внезапно встревожилась Кики. – Можешь кое-что загрузить? Сейчас скину тебе ссылку на обновление.

Дилейни потыкала в свой телефон:

– Готово.

– Ты же используешь “ТвойГолос”, да?

– Конечно, – ответила Дилейни.

“ТвойГолос” управлял большей частью онлайн-общения, еще когда Дилейни училась в старших классах. Сначала это был просто фильтр. Человек печатал или надиктовывал текст, а приложение проверяло его на наличие “Б-слов” – бранных, бесцеремонных, безвкусных, бессмысленных, бесполезных и безосновательных. Такие слова удалялись или заменялись, и сообщение отправлялось в виде, достойном сохранения в архивах для потомков. “Это твой настоящий голос!” – обещали разработчики, и подавляющее большинство пользователей – что-то около 2,5 миллиарда носителей 130 языков – соглашались, что это прямо дар божий.

– Обновление основано на том же самом принципе, – пояснила Кики, – только предназначено для вербального общения. Конечно, нельзя менять произносимые слова в реальном времени, но теперь “ТвойГолос” анализирует то, что ты говоришь, в конце дня выдает тебе анализ твоего вокабуляра и показывает, что можно исправить и улучшить.

– Замечательно! – сказала Дилейни.

– Это *действительно* замечательно, – согласилась Кики. – Я очень много узнала о том, как я общаюсь. Подожди. У тебя же нет детей?

– Пока нет.

– У меня сын. Ему пять. Он учится в здешней школе. Я тебе уже это говорила?

У Дилейни было ощущение, что она разговаривает с человеком под “спидами” или кокаином. Правда ли в этом бордовом рюкзачке вода? Нечасто ей приходилось видеть такое маниакальное поведение.

– А исследования говорят, что ребенок должен к трехлетнему возрасту услышать сто тысяч слов. Что-то около того. Поэтому “ТвойГолос” помогает мне с общим количеством и с разнообразием слов. Пока у меня всего шестьдесят пять процентов по богатству и сложности словаря. Как выяснилось, я лексическая тупица, но теперь я хотя бы знаю, над чем мне нужно работать.

– Замечательно, – повторила Дилейни, на этот раз громче.

– Вот такое повторение непременно будет отмечено в дневном отчете, – сказала Кики. – Тебя, конечно, не накажут, ничего такого. Это все ради того, чтобы стать лучше.

Дилейни чуть снова не сказала “замечательно”, чисто шутки ради. Но, подумав, ответила:

– Конечно.

– И я почти перестала ругаться, – продолжала Кики, – а то раньше это было проблемой. То же самое с концентрацией внимания и длинными фразами. Я склонна отвлекаться, а “ТвойГолос” отслеживает лишнее… Как это? Такое слово смешное…

– Словоблудие? – предположила Дилейни.

– Да, спасибо. Это помогает мне добраться до сути. Поначалу мой показатель лаконичности был чуть больше сорока, а теперь уже почти шестьдесят.

– Браво, – сказала Дилейни.

– Чего? – удивилась Кики.

– Ничего. Я просто сказала “браво”.

Кики постучала по экрану.

– А! “Браво”! Как “поздравляю”. Поняла. Это тоже слово третьего уровня. Я получу за него лишние баллы. Браво. Браво. Вот, посмотри.

Кики показала телефон Дилейни. Между ними прошел мужчина, одетый во что-то, напоминающее костюм олимпийского пловца, его пенис указывал направление от мошонки к левому колену.

– Прости! – сказала Кики и снова нажала на экран. – Вот, это мое общее количество слов за сегодня, 3691. Конечно, он не считает всякие сокращения и аббревиатуры. Вот тут, на второй строчке, все слова распределены по уровням. Сегодня я произнесла 2928 слов первого уровня, 678 – второго, 66 – третьего и 9 – четвертого. По четвертому уровню, конечно, плоховато. Но в этом и есть суть – в самосовершенствовании. Я обязательно буду стараться. Установка на развитие, понимаешь?

– Это мой девиз, – подтвердила Дилейни.

– Хороший девиз! – одобрила Кики. – Браво!

Они посмеялись. Дилейни все еще слегка подташнивало. Ей нравилась Кики, она сочувствовала Кики, она хотела спасти Кики, и она врала Кики. Сколько еще она сможет врать в это простодушное личико? Ей стало жалко себя. Краем глаза Дилейни видела пару мужчин в костюмах для лыжного спорта с огненным рисунком, они беседовали, сидя на корточках.

– Сидеть на корточках типа гораздо полезнее, чем просто

стоять, – сказала Кики, тоже глянув на них. Из телефона раздался звук печального тромбона. – О, вот и предупреждение. Я пытаюсь прекратить говорить “типа”. Поэтому этот звук. И посмотри. – Кики показала на цепочку слов и фраз на экране. – Это проблемы, которые ИИ отметил в моей речи. – В красной рамочке были слова “нафиг”, “противный”, “Косби”, “азиатский”. – Все это я сказала сегодня. Правда, здорово, что он отмечает? Моя мама – китаянка, поэтому я могу получить Разрешение на Произношение, но ИИ напомнил, что слово “азиат” значится в “Б-списке”. Поэтому мне просто нужно объяснить, что я говорила о кухне. Тогда я получу свои баллы назад.

– Класс! – восхитилась Дилейни.

– А еще приложение ориентировано на отдел кадров, – продолжала Кики. – Когда “ТвойГолос” слышит одно из “Б-слов”, он делает пометку. В конце каждой недели формируется итоговый показатель и отправляется в отдел кадров. Это не так уж важно, но может защитить тебя и всех, с кем ты общаешься, в том случае, если что-то из сказанного тобой будет сочтено проблематичным. Если ты думаешь, что *ты* был прав, это фиксируется. Если *они* думают, что *ты* ошибся, – то же самое, все записывается для дальнейшего изучения. И так ты получаешь первоначальный индекс “КомАнон”, их присылают каждый день. Все анонимно, индексы имеют значение, только если их много, но если нет, то тебе не о чем волноваться. Кроме того, если ты проверишь записи и окажется, что ты прав, их можно стереть.

– Очень удобно, – сказала Дилейни. – И это все потом входит в “ИнтеГра”?

Кики взглянула на нее почти обиженно.

– Нет, мы не пользуемся “ИнтеГра”! Его упразднили, типа, *много месяцев* назад. – Снова печальный звук тромбона. Кики поморщилась. – Многие думают, что ранжирование порождает слишком много противостояний и стресса на работе.

– То есть показатели никак не суммируются?

– Ну, их собирают, конечно. Чтобы ты сам мог проверить. Иначе какой от них толк! – Она хихикнула. – И они объединяются с другими. Например, с данными “СооПреда” и “АнонПреда”. Ты прочтешь об этом в своем соглашении о приеме на работу. “АнонПред” позволяет коллегам регистрировать жалобы – ну, не то чтобы жалобы, просто предложения по улучшению твоей деятельности. Анонимно. Все собирается в твоей папке, вместе с рабочими показателями, баллами участия, смайликами, “КомАнонами”, стыжами, количеством шагов, часами сна и так далее. Все эти цифры доступны тебе и любому другому “совместному”, и потом они суммируются в одну оценку, и из

оценок всех “совместных” составляется общий список в порядке возрастания.

– Но это не ранжирование, – сказала Дилейни.

– Разумеется, нет, – рассмеялась Кики. – Поэтому эта система и называется “ВсеОК” – “Общая Компетентность”. Она очень сильно отличается от “ИнтеГра”, который куда более иерархичен.

– Точно, точно, – поспешила согласиться Дилейни.

– Число ОК, понимаешь? Оукей! – пропела Кики.

Дилейни вяло улыбнулась.

– ОК помогает при ежеквартальной зачистке. Ясно же, что люди не могут решать, кого зачистить, потому что они субъективны, и вычищают всегда последние десять процентов в каждом отделе. Так что все справедливо.

– В смысле, увольняют? – наконец смогла вставить Дилейни.

– Зачищают, ага. – Кики улыбнулась. – Но, конечно, учитывают не только показатель ОК.

– Но без человеческого фактора.

– Без него, да. Иначе была бы лазейка для дискриминации.

Мимо прошли двое мужчин в полупрозрачных комбинезонах, с фигурами танцоров. У одного был желтый рюкзачок, такой же, как у Кики, внутри болтался цилиндр с жидкостью. Дилейни чувствовала, как у нее кружится голова.

– Тут есть туалет? – спросила она.

Кики показала на низенький заборчик в траве, ограждавший ведущую вниз спиральную лестницу. Дилейни бросилась по покрытым резиной ступенькам и распахнула дверь.

* * *

– Привет, Дилейни! – произнес голос.

Она подняла голову и обнаружила на настенном экране мультяшного скунса. Имя Дилейни появилось в нарисованном пузыре, вылетающем из его пасти.

– Если что-то нужно, скажи мне!

Дилейни зашла в кабинку, заперла дверь и уселась, не снимая штанов, на унитаз. Ей отчаянно хотелось позвонить Уэсу, рассказать ему про все, что она тут услышала, и про то, что увидела, тоже, про лайкру и всю эту анатомию, но она не доверяла местным туалетам – в кампусе нигде нельзя терять бдительности. Сейчас ей просто требовалась минутка, чтобы собраться и продумать дальнейшие действия.

Она встала.

– Ты уже все? – заинтересовался скунс.

Теперь он пританцовывал прямо на двери, скромно потупив взгляд.

– Нет, – ответила она.

– Я тебя не тороплю! – Скунс скрылся за нарисованным деревом.

Дилейни снова села. Ей нужно было подумать, что говорить дальше. Она знала, что в кампусе все снимается, фиксируется. И пока она не понимала, как ей лавировать между всеми этими камерами и пенисами.

– Спеть тебе песенку? – спросил скунс.

– Нет, спасибо, – ответила Дилейни.

Она попыталась успокоить дыхание. Закрыла глаза, но пенисы, сдавленные сверкающей эластичной тканью, никуда не делись.

– Тебе нужно еще время? – опять встрял скунс.

– Да, если можно, – ответила Дилейни.

Она встала и нажала на кнопку смыва. Ничего не произошло, но скунс появился на экране на задней стенке кабинки.

– Поступлений нет! Смывать не нужно! – пропел он.

На его белоснежных зубах вспыхнула искра.

Дилейни вышла из кабинки, потянула за ручку входной двери, но обнаружила, что она заперта.

– Подожди, партнер! – пропел скунс, и те же самые слова появились в нарисованном пузыре. – Сначала вымой руки! Не забудь, минимум двадцать секунд! Распоряжение доктора! – Скунс на экране принялся намыливать лапы, напевая “С днем рожденья тебя”.

Дилейни подошла к минималистичной обсидиановой раковине. Диспенсер выплюнул капельку мыла ей в ладонь, и ненадолго включилась вода. В зеркале появился цифровой таймер и начал обратный отчет от 20. Скунс продолжал тереть лапы, переключившись на песенку на итальянском.

Дилейни смотрела на цифры. Песенка про день рождения зазвучала снова. А у нее еще 14 секунд. Да это невыносимо. Восемь. Дилейни думала, что сейчас сотрет всю кожу с рук.

– Кажется, почти закончили! – объявил скунс и сделал сальто назад. Приземлившись, он потряс ладошками, чтобы обсушить их. – Вперед – и будь человеком! – пожелал он на прощанье.

Дилейни толкнула дверь, и на этот раз та выпустила ее к солнечному свету. Телефон одобрительно тренькнул.

– Все в порядке? – спросила Кики.

Мимо них прошел мужчина в борцовском трико. Оно закрывало нижнюю часть торса и заканчивалось на середине бедер. Мужское достоинство было упрятано под какой-то купол,

чашечку или бандаж – Дилейни не знала, как эта штука называется. Ракушка? Она отвела взгляд, но он уперся в пару, мужчину и женщину, стоявших лицом к лицу в одинаковых черных комбинезонах без единого шва. У женщины выпирала грудь, у мужчины – мышцы, изгибы его бедер словно тянулись к изгибам ее.

– Пора подписать соглашение, – сказала Кики. – Пойдем.

Она повела Дилейни к небольшому, увитому плющом строению – близнецу того, в котором проходила встреча с Шийрин и Карло.

Внутри было пусто, и Дилейни шумно выдохнула.

– Последний штрих. – Кики протянула ей планшет: – Этот документ ты должна прочитать внимательно. Конечно, глазной трекер знает, что ты читаешь, так что… – Кики направилась к двери. – Инициалы на каждой странице и подпись в конце. Я вернусь через полчаса.

Дилейни разбудила планшет, и весь экран заполнило лицо Мэй Холланд.

– Ты это сделала, – произнесла она, и ее глаза распахнулись, как будто она испытывала одновременно и гордость, и изумление. Мэй сама до сих пор выглядела как новичок – поблескивающие темные глаза, оливковая кожа, гладкая, как речная галька. – Ты теперь с нами, и мы невероятно счастливы! – Это была запись, но Дилейни все равно ощутила, что поддается обаянию Мэй. – Мы благодарны тебе за то, что ты выбрала нас, и ждем не дождемся тебя в кампусе. Если встретишь меня, останови и поздоровайся!

Мэй улыбнулась, и Дилейни еще пристальней вгляделась в ее лицо. Высокие, почти суровые скулы, тонкие губы. Освещение было выверенным, кожа приглушенно сияла, глаза искрились. Внезапно она пропала, а на месте лица возник документ.

Его фразы, странно цветистые и щедрые на заглавные буквы, буквально гипнотизировали. “Мы хотим каждый день видеть в кампусе твою самую Радостную Сущность”. “Наша цель – твоя полная Самореализация”. “Здесь тебя Видят”. “Здесь тебя Ценят”. “Прикосновения, в том числе рукопожатия или объятья, одобряются исключительно между людьми, подписавшими «Взаимное Соглашение о Контактах»”. “В этом кампусе нет пластика”. “В этом кампусе нет ароматизаторов”. “В этом кампусе не едят миндаль”. “Бумага Категорически не рекомендована”. “Улыбки приветствуются, но не являются обязательными”. “Эмпатия является обязательной”. “О прибытии гостей необходимо сообщать за 48 часов”. “Транспортные средства на ископаемом топливе требуют Особого Разрешения”. “Это зона

Сотрудничества”. “Это Священное место”. “Устройства, не произведенные в компании, антиодобряются”. “Загрузка непроверенного Программного Обеспечения не одобряется”. “Вся переписка на устройствах, произведенных компанией, подлежит просмотру”. “Присутствие на Мечтательных Пятницах обязательно, Потому Что Они Великолепны”. “Присутствие на Энергичных Танцах По Четвергам не обязательно, но рекомендуется, потому что это *следующий уровень*”. “В этом кампусе не едят говядину”. “В этом кампусе не едят свинину”. “До новых уведомлений в этом кампусе не едят лосося”.

***

Как только Дилейни закончила, в дверь заглянула Кики.

– Твой первичный медосмотр! – задыхаясь, проговорила она. – Он уже должен был закончиться! Сколько времени? Надо срочно бежать!

Она потащила Дилейни на улицу.

– Мы идем в Высотку? – спросила Дилейни.

Она читала о Высотке – белом спиральном экзоскелете, взмывающем над холмами Трежер-Айленда. У нее создалось впечатление, что Высотка – обитель покоя, где “совместные” могут получить *непревзойденное медобслуживание в обстановке спа-салона с потрясающими панорамными видами на океан*.

– Нет-нет, – ответила Кики, бросив взгляд на скопление белых зданий вдалеке, – Высотка для… Она не для обычных осмотров, она для… Подожди. Сколько времени? Привет, милый!

Она опять была на связи с Нино.

– Прости, мой хороший, мама работает. А у тебя сегодня аттестация, так что ты останешься в школе до четырех. – Ее глаза наполнились слезами. – Так Джолин сможет узнать, как ты справляешься. И мама тоже. Нино? – Она коснулась наушника и с виноватым видом повернулась к Дилейни: – Пожалуйста, одну секундочку! О, привет, Габриэль! Я и не поняла, что ты подключился. Как дела? – Кики сверлила взглядом бетон под ногами. – Да. Ясно. Конечно.

Она еще раз коснулась наушника и улыбнулась Дилейни:

– Я полагаю, тебе делали секвенирование генома?

– Да, для колледжа, – ответила Дилейни. Это стали требовать в большинстве учебных заведений – сначала в государственных, потом и в частных – по настоянию страховых компаний.

– Отлично! Значит, нужно только измерить основные показатели, сдать кровь, сделать рентген и все такое.

Они быстро шли в сторону клиники. Кики на своих гуттаперчевых ногах то и дело убегала вперед, а заметив, что Дилейни снова отстала, протягивала назад руку, по-детски

растопырив пальцы. Ее кольца посверкивали в солнечных лучах.

В клинике не было ни души. Ни регистратуры, ни врачей. Медицинские профессии были фактически уничтожены судебными исками, и большинство пациентов теперь предпочитали, чтобы диагноз им ставил ИИ, а не человек с его преступной субъективностью.

– Ладно, тут сказано, что тебе назначено в палату 11. – Кики заозиралась, сверяя карту на наручном экране с реальностью.

Дилейни посмотрела вглубь коридора.

– Мне кажется, сюда, – сказала она.

Кики подняла взгляд и после мучительно долгого изучения коридора облегченно улыбнулась:

– Прекрасно. Иди, а я вернусь, когда ты закончишь.

Дилейни двинулась мимо полутемных палат. Во многих на кушетках лежали люди, на экранах светились человеческие внутренности.

В палате 11 было пусто, но на одном из экранов переливались неоном трехмерные визуализации плода в матке. Детали были потрясающе четкими, ничего подобного Дилейни не видела. Наверное, какой-то передовой софт, который тестируют в кампусе, подумала она. Плод был больше натуральной величины, размером фута в три, с огромными глазами, покрытый розовой пленочкой, его крошечное прозрачное сердце трепетало, как воздушный змей на сильном ветру. Изображения остались от того, вернее, от той, кто был в палате до этого, и Дилейни, не успев себя одернуть, стала искать на экране имя. За долю секунды до того, как экран почернел, она прочитала. Мэйбеллин Холланд.

От шока Дилейни перестала дышать. Она прислушалась, не идет ли кто. Никого. Вышла в коридор, будто рассчитывая увидеть там саму Мэй Холланд. Коридор был пуст, и Дилейни вернулась в палату. Ей хотелось уйти. Она была уверена, что после того, как она это увидела, ситуация стала еще опаснее. Должна ли она рассказать кому-то? И разве многочисленные камеры в комнате уже не зафиксировали все? Рассказать – значит нарушить правила конфиденциальности, медицинская информация такого рода по-прежнему вне публичного доступа; не рассказать – не будет ли это сомнительным умалчиванием?

Экран снова ожил. На нем появилась женщина в белом халате, со стетоскопом на шее и папкой, прижатой к груди.

– Привет, Дилейни! – сказала она. – Я доктор Вильялобос.

***

Дальше все было совершенно рутинно. Так как у Дилейни уже имелась цифровая медкарта, “Вместе” просто было нужно перенести ее данные в собственную базу и обновить кое-какие

показатели. Пока кушетка сканировала ее, Дилейни прокручивала в голове возможности. Маловероятно, что здесь, в кампусе, есть еще одна Мэйбеллин Холланд. Но также маловероятно, что генеральный директор “Вместе” лежала на этой ничем не примечательной кушетке, не говоря уже о том, чтобы оставить столь личную информацию на экране на обозрение следующего пациента. Но самым невероятным было то, что Мэй Холланд беременна. Она вела жизнь, полностью открытую для чужих взглядов, долгие годы оставаясь Прозрачной. Чтобы не предавать принципы Прозрачности, она должна была транслировать свой первый визит к любому врачу, в том числе и по поводу беременности, другое поведение породило бы подозрения, стало бы возвратом к пагубной скрытности. Кроме того, оставалась проблема углеродного следа. Активисты, выступающие против роста населения, в последнее время высказывались все громче, и их вопросы “Надо ли тебе?”, “Имеешь ли ты право?” звучали все настойчивей. Если кто-то и стал бы открыто обсуждать с публикой собственную беременность, то именно Мэй Холланд, лицо “Вместе”.

Поэтому она не может быть беременна. Существование плода внутри Мэй Холланд попросту невозможно. Но как это доказать? Эта часть медицинских данных до сих пор не подпадала под “Право Знать”. Во время второй пандемии по всему миру стали поспешно продвигаться законы, дающие всем гражданам право знать, у кого обнаружен вирус и как человек мог его подхватить. Это казалось разумным и помогало сдерживать распространение болезни. А вши и мононуклеоз? ВИЧ и герпес? Никто не имеет права распространять эти заболевания – но все имеют право знать, кто является их носителями. Публичные списки превратились в норму, и выступать за конфиденциальность медицинских данных стало невозможно. Это же угроза окружающим и препятствие для научного прогресса.

Однако сведения о беременности продолжали оставаться закрытыми – по крайней мере, так гласил закон. Дилейни не могла даже ввести в поиск “беременность Мэй Холланд”, потому что все сразу узнали бы об этом. Вторая волна законов “Права Знать” гарантировала человеку право узнавать в реальном времени, кто ищет информацию о нем в интернете и какую именно. Ищущий, со своей стороны, тоже имел право знать, кто следит за его поиском, так что возникал двусторонний зеркальный эффект, который повторялся миллиард раз в день: ищущий искал, пока искомый наблюдал за поиском ищущего.

Может, Уэс сумеет обойти эту проблему? Но если это правда, если Мэй действительно вынашивает ребенка, значит, она это

скрывает. И если глава “Вместе” намеренно утаивает информацию, то как Уэс сумеет получить к ней доступ? Но уж если кто и способен найти способ, то лишь он. Уэс обладает всем хакерским инструментарием, а главное – нестандартным мышлением, он умеет протискиваться через черные двери, боковые входы, через трещины и проломы, которые не заметит никто.

– Хорошо, мы закончили, – сказала доктор Вильялобос.

Застегивая пуговицы, Дилейни перебирала гипотезы, одна нелепее другой. Возможно, все подстроено, ее просто проверяют. Но если так, то правильной реакции просто не существует. Приватные вещи в первую очередь должны быть приватными. Мэй Холланд ведь и пытается искоренить вот такие скользкие ситуации, все эти секреты, ведущие к недоверию, подпитывающие теории заговоров. Ладно, у нее есть только один путь – ждать. Возможно, Мэй просто выжидает подходящий момент, чтобы объявить миру о том, что хочет подарить ему нового гражданина.

8
Почему нельзя хранить вещи

Как только Дилейни вышла в фойе, рядом тут же возникла Кики.

– Все в порядке? Мы идем в “Реформацию”, – объявила она.

Дилейни, у которой все еще кружилась голова, последовала за своей провожатой из клиники на яркий свет.

– Это более старая часть кампуса, – рассказывала Кики, пока они шли по проходу между какими-то ангарами и складами. – Здание, которое нам нужно, раньше было гаражом для военных самолетов, но нам оно оказалось очень полезным, так как туда вела старая и неиспользуемая линия подземки. Мы приспособили эти туннели для наших поездов. Давай за мной.

Они вошли в огромное железобетонное строение, больше всего напоминающее фабрику начала двадцатого века. Дилейни почти ожидала увидеть внутри детей с пустыми глазами, возящихся среди ржавеющих станков.

– После самолетного ангара здесь была фабрика металлических… – Кики явно забыла слово и вышла из положения, просто обведя рукой пространство, в котором поместились бы как минимум три аэробуса и автобусный парк заодно. Со стальных балок свисали яркие отрезы тканей, призванные, очевидно, хоть как-то оживить мрачное помещение, но материя уже успела впитать черную пыль, осыпающуюся с древних потолков, и выглядело это совсем уж зловеще.

– Ты подключена? – спросила Кики, показывая на камеру Дилейни.

– О нет, – ответила Дилейни. – Мне сказали выключить ее на медосмотре…

– Да, хорошо. Теперь можешь опять включить, если хочешь.

Давным-давно Дилейни купила мобильную камеру, рассчитывая в будущем попасть в компанию, и, вопреки ожиданиям, это не произвело на нее такого уж огромного впечатления. Она поняла, что ее жизнь в целом непримечательна и несмотрибельна. Но когда все-таки происходило что-то интересное, то камера на груди действительно заставляла ее вести себя лучше – в точности как говорила Мэй. Язвительный комментарий, который она хотела отпустить, застревал в сетях самоцензуры. Идею макнуть в соус уже надкусанный стебель сельдерея, которую Дилейни вынашивала на вечеринке в честь рождения ребенка одной из клиенток Гвен, она в итоге отвергла

из опасения, что это будет замечено, изучено незнакомцами, которые будут глядеть в экраны разинув рты, и вписано в ее историю. Поэтому она вела себя в соответствии со своими представлениями об идеальном поведении. Она теперь была менее интересной и смешной, так как юмор не проходил обязательную для двадцать первого века фильтрацию, но при этом стала добрее, позитивнее, великодушнее и вежливее.

– Дилейни?

Она вынырнула из своих мыслей и обнаружила перед собой худого розоволицего мужчину с желтой челкой, топорщащейся надо лбом. Она улыбнулась, а он приложил ладонь к груди в приветственном жесте. Ладонь была бледной и очень тонкой, как у обезьянки-капуцина. Дилейни опустила взгляд, опасаясь увидеть очередной выпирающий пенис, но, к ее облегчению, на розовом мужчине был саронг.

– Дилейни. Добро пожаловать, – сказал он, прикрыл глаза и чарующе улыбнулся. – Таави, – представился он, коснувшись бейджа на груди. – Тебе известно что-нибудь о нашей работе?

– Да, – кивнула Дилейни.

В бледных глазах розоволицевого мужчины мелькнула досада.

– Это плохо. Я должен был все разъяснить, чтобы это осталось на записи. – Он показал на камеру, болтающуюся на ленточке у него на шее.

– Все, мне пора! – воскликнула Кики. – Зайду за тобой в конце дня. – Она коротко и как будто со значением сжала запястье Дилейни и умчалась прочь с ошеломляющей скоростью, пропев напоследок: – Привет, Нино!

***

– С 1990-го по 2025-й, – начал рассказывать Таави, увлекая Дилейни за собой, – индустрия хранения личных вещей на складах в этой стране выросла с 2200 до более чем 520 000 локаций. Каждая из таких площадок занимает в среднем три акра, то есть в целом примерно миллион акров отдано уродливым коробкам, забитым ненужными коробками размером поменьше. Естественно, это экологическая катастрофа. На территории, которую занимают эти уродливые коробки, раньше были неосвоенные угодья, фермы, пастбища, сады, парки. И всякий раз, когда появлялся новый склад, людям в голову приходила мысль, что им обязательно нужно оставить на память каждый кусочек пластика и каждую веревочку, что имеются в их домах.

Таави остановился у экрана с картой США, испещренной красными точками.

– И люди арендовали хранилища, а владельцы этих хранилищ строили новые, чтобы удовлетворить стремительно растущий спрос. И вскоре в каждом городе возникло по одному, два, по десять таких складских комплексов.

Число точек на экране удвоилось, утроилось.

– Мы стали нацией барахольщиков. Но как только люди начинали что-то осознавать и даже испытывать стыд за собирательство хлама, по телевизору показывали очередное шоу о хранилищах, и рынок снова оживлялся. Это же просто абсурд – телешоу про склады барахла!

Дилейни засмеялась, а Таави замолчал и прикрыл глаза, будто хотел впитать ее смех, как тепло солнечных лучей.

– Первое время, – продолжал он, – это было преимущественно американское явление. Но, подобно многим глупейшим и отвратительнейшим тенденциям, эта, зародившись здесь, расползлась повсюду. За Штатами последовала Канада, и не прошло и десяти лет, как хранилища и там заняли миллион акров. Потом Австралия. Затем прочие страны: Хорватия, Турция, ЮАР. В Бразилии под склады вырубают тропические леса. – Они подошли к незанятому рабочему столу. – В общем, мы должны были обратить этот процесс вспять. Такова история “Мыслей Вместо Вещей”. Ты этим когда-нибудь пользовалась?

Их окружали тележки с фотоальбомами разных времен и разной степени сохранности.

– Для мамы с папой, – ответила Дилейни.

Родители хотели послать сюда свои альбомы, но Дилейни сорвала их планы. Она отсканировала фото, а альбомы положила в складскую ячейку, не доехав полпути до Бойсе.

– Ты прочла и подписала соглашение – значит, ты все знаешь, – сказал Таави. – Но сейчас, на месте, я просто напомню тебе самое главное. Садись.

Дилейни села. Кресло было идеальным.

– Видишь, тут под столом педали, их сопротивление регулируется. Можешь пользоваться ими, как на велотренажере, а можешь – как на тренажере-лестнице. Разумеется, оборудование все фиксирует, и это будет храниться в твоих данных. Рекомендации по здоровью ты знаешь. Нельзя сидеть больше 16 минут подряд, поэтому тебе будут приходить напоминания, что нужно встать, потянуться, пройтись.

– Это прекрасно, – сказала Дилейни. – Иначе я буду забывать.

– Было очень приятно с тобой познакомиться. – Таави повернулся к женщине, сидевшей за соседним столом. – Винни?

Женщина встала и приветливо помахала:

– Добро пожаловать!

Таави, передав эстафету, откланялся и в мгновение ока исчез.

***

Винни, коренастая женщина лет сорока пяти с глубокими ямочками на щеках и темными сияющими глазами, доброжелательно улыбалась Дилейни. Ее черные курчавые волосы были собраны в густой “конский хвост”. Одета она была примерно так же просто, как Дилейни, тоже в джинсы и хлопчатобумажную рубашку. К ее монитору был прилеплен маленький флажок Техаса, а рядом со столом стоял небольшой пластиковый террариум с какой-то пупырчатой ящерицей.

– Это Рики, – представила ящерицу Винни. – Эублефар.

Тут ее взгляд наткнулся на камеру, висевшую на груди Дилейни, и тон тут же изменился.

– Значит, ты Дилейни, – официально произнесла она.

– Да.

Винни коснулась уха.

– Из Айдахо!

Они продолжали в том же духе еще какое-то время: Винни получала информацию о Дилейни через наушник, а Дилейни подтверждала.

– Ладно, – наконец сказала Винни и хрустнула пальцами. – Наверное, лучше всего тебе будет просто понаблюдать за тем, что я делаю, согласна?

Дилейни кивнула, подкатила свое кресло к столу Винни и села позади нее.

– Никогда раньше никого не обучала, – призналась Винни. – Я сама здесь всего семь месяцев. Раньше занималась графическим дизайном для ресторанов. Ну, знаешь, меню, веб-сайты… Потом кузина переслала мне вакансию, там было что-то про сканирование, и платить обещали раза в три больше, так что…

Винни посмотрела себе под ноги. Вид у нее был неуверенный.

– Это прекрасно. Похоже, тебе повезло, – сказала Дилейни.

Винни просияла.

– Да, ты права, тут удивительное место. Огромные преимущества. У меня же трое детей. У тебя есть дети?

– Пока нет.

– А у них здесь все эти программы для поступления в колледж, накопительные планы… – Винни будто пыталась убедить внутренний голос, возражавший против работы в компании.

Дилейни решила, что в какой-то момент своей жизни – возможно, до детей – Винни имела отношение к контркультуре. Руки ее были в россыпи татуировок, похожих не то на рой пчел, не то на разбегающихся жуков.

– Итак, с чего бы нам начать? – растерянно спросила Винни.

– Знаешь, – сказала Дилейни, – просто работай, как будто меня здесь нет. Я обычно быстро соображаю, а если что-то будет непонятно, я спрошу.

Винни облегченно выдохнула.

– Спасибо, спасибо. Женщина, которая обучала меня, была очень организованной и методичной, а я так совершенно не умею. Она теперь начальник отдела и больше сюда не спускается. Ты ее не встречала? Анит?

Дилейни ответила, что не встречала Анит, и повторила, что Винни может продолжать работать, она, дескать, не хочет, чтобы Винни не успела выполнить какие-нибудь нормы. Слово “норма” вдруг показалось Дилейни очень подходящим для этого места, предназначенного для производства металлических стульев или заклепок на самолетные крылья.

– Окей, вот что я делаю, – сказала Винни.

Она встала и подняла сливочного цвета крышку какого-то приземистого устройства. Под крышкой было нечто вроде огромного, фута три на четыре, не меньше, куска стекла.

– Это сканер? – спросила Дилейни, глядя на огоньки и устаревший с виду механизм под стеклянной панелью.

– Да, – ответила Винни. – Цель – отсканировать как можно больше картинок за раз. Ну, то есть, конечно, скоро с этим будут справляться роботы, но пока их не приспособили для этой работы – наверное, она слишком деликатная. Смотри.

Она достала из ближайшей тележки фотоальбом с изображением Форт-Лодердейла 1960-х годов. Пластиковая обложка хрустнула, когда Винни открыла ее.

– Так, сначала глянем, что тут. – Она пролистала альбом.

В основном там были маленькие цветные снимки пышноволосого семейства, датированные Рождеством 1970 года. У снимков были закругленные уголки, и, как на большинстве фотографий тех времен, все важное было сосредоточено в нижней половине карточки.

Винни стала один за другим перемещать снимки из альбома в сканер, аккуратно отклеивая их от страниц. На задней стороне оставались бледно-желтые полоски.

– Знаешь игру “Память”? – спросила она и устремила на Дилейни пристальный взгляд, словно ответ был крайне важен для нее.

– Мне кажется, да. Только у нас она называлась “Концентрация”, – ответила Дилейни. – Это когда кладешь карточки лицом вниз и переворачиваешь по одной?

– И ищешь парные, ага, – кивнула Винни и перевела взгляд на

сканер.

Как ее до сих пор не уволили, было совершенно непонятно. Она никуда не торопилась и, кажется, теряла мысль через каждые три слова.

– Итак, теперь закрываем, – внезапно сказала Винни и неуклюже опустила крышку.

Из компьютера раздался настойчивый звонок, а следом – второй из браслета.

Брови Винни скакнули вверх.

– Шестнадцать минут. Пора двигаться, – пояснила она и принялась маршировать на месте, поднимая колени настолько, насколько позволяли узкие джинсы.

На каждом четвертом шаге Винни поворачивала торс, вскидывая локти, потом продолжала маршировать. Она не пригласила Дилейни присоединиться, поэтому та просто сидела и пялилась на потолочные балки.

Наконец Винни вернулась в свое кресло и показала на экран, где появились точные цифровые копии всех восьмидесяти снимков. Касаясь экрана пальцем, она выделила их все, повернула под нужным углом и перетащила в папку. Потом приказала программе распознать лица, и на экране появилась панель со всеми фотографиями, где были люди.

– Клиент дает нам список людей, – объяснила Винни, – а теперь ИИ их находит.

Под каждым снимком стали появляться надписи: папа, мама, дедушка, Элоиз, Барки.

Браслет Винни снова зазвонил. Она взглянула на него и рассмеялась:

– Как я могла забыть! – Она достала термос и сделала глоток. – Вода, – объяснила она. – Четыре литра в день. Раньше я носила рюкзак-гидратор, но от этого портилась осанка.

Она сделала еще несколько мучительно долгих глотков, и наконец браслет снова прозвонил, явно выражая одобрение. Винни убрала термос.

– Хорошо, теперь фото в системе, – продолжала она, – и с ними можно делать самые разные вещи. Я могу прямо сейчас послать их клиенту, и пусть дальше сам развлекается как хочет с генеалогией или более подробными подписями. Программа “Прошедшее совершенно” может вычислить, когда именно было сделано каждое фото, что очень важно для многих. ИИ может сам делать сопроводительные подписи, и услуга оказалась на удивление популярной. “Дедушка в Рождество”. “Дядя Фил в Рождество”. Это бесплатно, и практически все выбирают эту опцию. Когда мы отсылаем фото, клиенты могут менять подписи

на свое усмотрение, но большинство таким не заморачивается.

Винни подняла крышку сканера и с отсутствующим видом сгребла фото в кучу – совсем не так аккуратно, как выкладывала их на стекло. Собрав смятые карточки в кособокую пирамидку, она кинула их в большой контейнер на конвейере у себя за спиной. Там уже лежали тысячи фото всевозможных размеров и эпох, со свадеб, крестин и праздников – все вперемешку, утратившие свою ценность и предназначенные для переработки.

– Сюда влезает тысяч десять, – заметила Винни, – просто удивительно. – Она кинула альбом в толстой обложке с пламенеющим флоридским закатом в другой контейнер. – Альбомы нельзя переработать, – с досадой пояснила она. – Мы бы делали это, если б могли. Но нет. Их просто сжигают. Ой! Пора обедать. Ты проголодалась?

По пути в столовую они миновали лабиринт из мурлыкающих и щелкающих конвейеров, вьющихся среди рабочих столов. Мэй Холланд купила компанию, которая разрабатывала и производила транспортировочные ленты для аэропортов по всему миру. Все тогда подумали, что это странно, но за пять лет Мэй приобрела головокружительно пестрый набор из самых разных компаний – компаний, которые производили продукты, автомобили и самолеты, – и потому скромная по стандартам “Вместе” покупка, обошедшаяся всего в сорок четыре миллиона, не привлекла большого внимания.

А теперь Дилейни смотрела, как по лентам ползут, постепенно скрываясь в проеме за занавеской из резиновых лент, контейнеры, набитые фотоальбомами и другими вещами – летними сарафанами, плетеными корзинами, проигрывателями 1980-х годов и заляпанными детскими одеялами.

– Это я потом тебе тоже покажу, – сказала Винни. – Там, по сути, все то же самое, просто объекты побольше – те самые вещи, для которых изначально и были предназначены все эти безумные хранилища. Их сканируют на 3D-сканере настолько точно, что при желании их можно воссоздать во всех деталях. Но вообще-то, конечно, практически всё – просто мусор. И если мы сможем убедить людей от него избавиться, предложив взамен файл с 3D-моделью их детской кроватки или спортивных кубков умершего сына, то они перестанут цепляться за вещи, и тогда накопительство, которое того и гляди прикончит мир, начнет сходить на нет.

– Значит, конвейеры возвращают вещи обратно клиентам? – спросила Дилейни.

– Боже, ты что, не слушала? Для этого тут и нужна подземная железная дорога. Все это складывается в вагоны и отправляется

на восток – на сжигание. По датской технологии.

Две сестры из-под Копенгагена, дочери топ-менеджера предприятия по утилизации промышленных отходов, изобрели способ сжигания с нейтральной эмиссией углерода, в результате которого практически любая вещь превращалась в прочную черную массу, использующуюся в производстве определенных марок бетона. Особенную популярность такой бетон завоевал у калифорнийских фирм, занимавшихся постройкой тюремных зданий.

– Люди не могут сами решить, что сохранить, а что выбросить, – пояснила Винни, – поэтому хранят все. Но мы пытаемся предложить им кое-что получше. Мы делаем изображение, а вещь уничтожается. Барахла становится меньше.

9
Он ее любит, она ему благодарна

– А после обеда? – спросил Уэс.

Он тер пемзой нарост на внутренней стороне большого пальца на левой ноге. Это был еженедельный ритуал и причина, по которой он носил только сандалии, – обычные ботинки с закрытым носком ему не подходили.

– А после обеда я сканировала фотографические воспоминания тридцати восьми людей, и алгоритм сделал к ним подписи, так что они стали какими-то более обезличенными, что ли, а потом я свалила все эти сотни уникальных фото в большой ящик, чтобы их переработала другая машина и превратила в тюремный бетон. И Винни делала то же самое, но медленнее.

Уэс кивнул, оценил свою работу и принялся тереть дальше.

– Расскажи мне про эту Винни.

Дилейни рассказала, что Винни никакая не суперженщина из тех, что ожидаешь встретить в стенах “Вместе”, а обычная жена и мать троих детей, для которой “совместная” зарплата и программа здравоохранения, четыре недели отпуска, декретные отпуска для обоих родителей, отпуск в случае смерти родственника, программа накопления на колледж и бесплатный двухнедельный летний лагерь для детей любого возраста являлись преимуществами, которым трудно что-то противопоставить.

– В конце концов нам с ней пришлось координировать наши действия, – сказала Дилейни.

– Зачем это? – Уэс замолчал и несколько секунд смотрел в стену. – Нет, постой. А, понял. Компания использует датчики движения, чтобы следить, насколько быстро ты работаешь. А у вас там есть какой-нибудь старший в отделе? Бригадир какой?

Дилейни не задумывалась об этом, но теперь поняла, что в “Мыслях Вместо Вещей” не было никакого начальника.

– Значит, эту задачу выполняет ИИ, – заключил Уэс. – И думаю, работников это даже больше устраивает. С одной стороны, он объективен, с другой – датчики можно обмануть. Они же знают, как функционирует эта система. Так Винни просила тебя работать помедленнее?

– Ну, она говорила что-то вроде “будь внимательнее” и “убедись, что все правильно”. Но до меня не доходило. И тогда она написала: “Пожалуйста, помедленнее!” – на изнанке старого свадебного платья, которое потом отправилось на сжигание.

– Кто-нибудь в отделе работает быстрее тебя?

– Нет. После того как Винни написала мне, я огляделась и поняла, что все двигаются примерно в одном темпе.

– Правильно. Это единственный рабочий вариант. ИИ сравнивает производительность людей. Если кто-то будет работать быстрее всех, возникнут новые ожидания и система посыплется. Но если тормозят все, то никто этого не замечает.

– Но они едва шевелятся, – вздохнула Дилейни. – Просто невозможно.

– Зато они надули технологию. Это нужно уважать. Итак, вы очень медленно превращаете чужие любимые фото и вещи в бетон?

– Только фото. А вещи мы сканируем, и они отправляются на конвейеры, потом в вагоны, а после в сжигатель. Который, кажется, где-то во Фримонте, на бывшей фабрике “Теслы”.

– И что ты сканировала?

Дилейни попыталась припомнить, что именно она отсканировала и приговорила к уничтожению. Две ковбойские шляпы. Антикварный медицинский чемоданчик из кожи аллигатора. Причудливого воздушного змея из полосатого шелка. Коллекцию альбомов Нэта Кинг Коула на виниле. Примерно сотню писем, почти все написанные от руки, в оригинальных конвертах. Расправляясь с первой партией, Дилейни ощущала некоторую грусть, сознавая, что она – последний человек, прикасающийся к этим когда-то драгоценным предметам. Но спустя час уже не чувствовала ничего. В мире слишком много вещей, так что нет смысла оплакивать эти.

– Можно посмотреть на твои показатели за сегодня? – спросил Уэс.

– Нет, – ответила Дилейни.

Уэс схватил ее рабочий планшет.

– Все, поздняк. Общая оценка 86. Это хорошо?

Дилейни хотела, чтобы ей было все равно, но все равно не было.

– Кажется, 86 – маловато, – сказал Уэс.

Дилейни смотрела в потолок. Иногда по потолку ползали ящерицы. Сегодня они не появлялись.

– Шесть “АнонПредов”, – продолжал Уэс. – Это что, анонимные жалобы от коллег? Как ты умудрилась получить шесть доносов? Что ты натворила?

Дилейни не имела ни малейшего понятия.

– У большинства есть коды, – заметил Уэс. – У тебя три одиннадцатых. Что такое одиннадцать? А, вот оно. “Недостаток межличностной осознанности”. А еще восьмерка, что означает,

что ты стала для кого-то причиной дискомфорта. Ага, подожди. Тут две восьмерки. Это “мини-дисы”. Мини-дискомфорт? Видимо, да. Еще тут говорится, что ты опоздала заполнить “Исследование Удовлетворенности Личным Общением” для нескольких людей. Надо нагонять! Кажется, Кики нужны твои ответы. И Таави, и Винни… Эй, Дилейни! Ты слушаешь? Ты что, щелкаешь?

Дилейни щелкала. Это надо было делать и дома тоже, сизифов труд: что-то постить, оценивать чужие посты разнообразными смайликами, обмениваться Попаями, покупать и делать вид, что покупаешь, смотреть видеоролики о том, как люди поскальзываются на мокрой траве или падают со скал. Чтобы компания “Вместе” сочла тебя нормальным, нужно постоянно щелкать. Подруга по колледжу, живущая теперь на Бали, прислала Попая, она стояла в белом бикини на фоне бирюзовых волн. Дилейни отреагировала радостным смайликом. Кузина из Сиэтла прислала запрос на микрофинансирование – она запускала нечто под названием “цифровая винодельня”. Дилейни отправила ей 20 долларов и получила в ответ пульсирующую звездочку. Ее мать прислала стыж на соседку, которая каждую неделю бросала свой мусорный контейнер на обочине. Дилейни отозвалась неодобрительной рожицей.

– Говори-говори, – пробормотала она, – я тебя слушаю.

– В этой таблице как минимум сотня показателей самочувствия, – сказал Уэс. – Ты знаешь, что твой сердечный ритм подскочил в 10:32?

– Помню как сейчас, – ответила Дилейни.

– Хочешь узнать объем вентиляции легких за минуту?

– Еще как.

– Ты хоть знаешь, что это такое?

– Ну да. Я думала об этом целый день.

– Ты понятия не имеешь, что это. Это воздух, который ты вдыхаешь и выдыхаешь за одну минуту. В идеале должно быть то ли шесть, то ли семь литров. Сказать, какой у тебя сегодня был средний показатель?

– Нет. Да. Пятьдесят?

– 6,1. Не знаю, насколько это хорошо.

– По-моему, идеально.

Дилейни попросили отреагировать на новость о недавнем аресте тунисского диссидента, и она ткнула в хмурый смайлик. “Найк” распродавал легинсы. Счастливая рожа. Пришел очередной Попай, на этот раз от мамы из Айдахо. Дилейни нашла смайлик с лицом Лизы Симпсон с выпученными глазами и скинула его матери. В ответ та прислала гифку с фейерверком, взрывающимся радугой. Давным-давно Дилейни подписалась на

русский канал с автомобильными авариями, сейчас там появилось новое видео столкновения нескольких машин под Минском. Она просмотрела его на ускоренной перемотке и послала два смайлика – смеющийся и нахмуренный. Подруга из Чикаго регулярно кидала ей видео со своими какающими котиками, Дилейни по-быстрому посмотрела коротенькое последнее – кот был явно счастлив. Дилейни переслала подруге гифку с фейерверком, которую получила от матери.

– А ты знаешь, что можешь просмотреть запись своего рабочего дня? – спросил Уэс. – Вот, гляди. – Он уже загрузил видео.

За Дилейни можно было наблюдать с двенадцати разных точек, маленькие кадры отображались на экране, как таблица.

– О, смотри, как вы с Винни занимаетесь физкультурой! Вы что, делаете вид, что кидаете друг другу мячик? Смешно. А теперь ты маршируешь на месте. Только глянь! Коленки вверх!

Дилейни потянулась и закрыла окно. Уэс загрузил таблицу.

– У них тут все. Вот, например, компании, которые “Вместе” приобрела на этой неделе. “Приветствуем новых членов семьи!” Помнишь, как “Эппл” покупала по компании в неделю? “Вместе” ее обошла. Пишут, что только-только был куплен канадский целлюлозно-бумажный комбинат. Зачем он им?

– Чтобы закрыть, – ответила Дилейни.

– А, ну да. Наверное, и “Пластик Картера” тоже. А еще купили производителя аэростатов. Это мне нравится. Скорее всего, это Бейли. Ого, они купили транспортную компанию “Маерск”! А ты получила это сообщение от своих родителей? Они поставили меня в копию. “Добро пожаловать в компанию «Вместе»! Теперь вся наша семья – одна семья!” Что это значит?

– Они работают в “Народной Еде”.

– Боже! Значит, вы все работаете на одну компанию. Какой ужас. Как я раньше не догадался?

Дилейни часто поражал разрыв между очевидным для всех и тем, что видит Уэс.

– А когда они успели купить “Нестле”? Я это пропустил. Слышала про “Пилло”, которая высылала лекарства почтой? Ушла за двадцать два миллиарда. Ты не слушаешь.

– Я слушаю.

– Как все это странно. Еще они купили компанию, которая учит ИИ читать по губам. Это на самом деле происходит. В реальности. Так ты хочешь или не хочешь узнать больше о своем первом рабочем дне и о том, что у тебя плохо получается?

– Ну конечно, хочу.

– Тут есть сколько минут ты просидела, сколько простояла,

сколько слов сказала. Подожди, а это что? Минуты смеха? Пишут, что твой показатель ниже среднего.

– О, кстати, о смехе…

Дилейни открыла страничку своего знакомого по колледжу, который когда-то был комиком, а недавно объявил, что снимает короткометражку о распространении дезинформации в интернете. В объявлении слово “дезинформация”, аббревиатура ФКС[7] и его собственное имя были написаны с ошибками. Дилейни послала ему смайлик и двадцать долларов.

– Еще ты получила РТ. Резкость Тона, – сказал Уэс. – В 15:32. С кем ты была резка в 15:32?

Наверное, это была Винни. Больше после обеда она ни с кем не разговаривала. Винни предложила Дилейни посмотреть видео с ее сыном – Фабианом, кажется, – играющим в футбол. Дилейни в тот момент тащила в 3D-сканер мраморный бюст и буркнула: “Подожди секунду!”

Винни никак не отреагировала, и, покончив с бюстом, Дилейни посмотрела видео и выразила восторг по поводу сноровки маленького Фабиана. Но Винни все равно зарегистрировала жалобу.

Уэс, прищурившись, вгляделся в экран.

– Тут говорится: “Я понимаю, что в этот момент она была в стрессе, но мое настроение антиповысилось”. Ты в курсе, что антиповысила настроение Винни в 15:32?

Дилейни упала лицом в подушку и заорала.

– Полагаю, все эти доносы обязательны, – сказал Уэс. – ИИ определяет их среднее количество за день, и Винни просто выполняет норму. Иначе ее поведение сочтут подозрительным. О, я проверил твои “АнонПреды”. Твой показатель ниже среднего. Ты на кого-нибудь стучала сегодня?

– Да господи, я понятия не имела, что это нужно делать.

– Так, ожидаемое количество – двенадцать. В общем, отыщи двенадцать вещей, которые раздражают тебя в коллегах, и все будет тип-топ.

Дилейни чувствовала себя вымотанной. Она встала и прошла к двери.

– И как, ты думаешь, я найду способ уничтожить эту компанию, утилизируя чужие фото и свадебные платья?

– Я думаю, что ты на верном пути, – ответил Уэс.

В своей комнате Дилейни рухнула на кровать. В голове была пустота. Раздался стук в стену.

– У тебя еще один “АнонПред”. В 23:03. Твой показатель упал до 84,6. Но, похоже, на сегодня это все.

– Прошу, хватит, – простонала Дилейни.

Уэс долго молчал. Потом спросил:

– Спишь?

– Пытаюсь.

Дилейни слышала, как он укладывается в кровати с Ураганом. Они возились и скреблись, наконец послышался шорох одеяла, взлетающего в воздух и опускающегося на человека и собаку.

– Спокойной ночи, – донеслось из-за стены.

– Спокойной ночи, – ответила она.

– Я люблю тебя.

Совершенно не за что, подумала она. Это же нелепо и странно.

– Спасибо.

10
Дождь над океаном

Прошла неделя, Дилейни отправила на сожжение тысячи уникальных вещей, настрочила требуемое количество “АнонПредов”, не имевших ровно никаких последствий, и переняла у Винни беззаботное отношение к их деструктивному занятию. Работа была тупой и монотонной, в качестве звукового сопровождения – незатихающий щебет Винни о детях, муже, друге мужа Люке, который, по ее словам, внешне просто неотразим, но сам это не сознает. Через равные промежутки времени они вставали, чтобы сделать упражнения, вскидывали ноги, жали на педали, а потом опять возвращались к сканированию.

Каждый день после работы Дилейни возвращалась домой, и они с Уэсом, оставив все гаджеты дома, шли к океану, взяв Урагана на поводок. Он рвался на песок, не понимая, почему они идут по бетонной дорожке, когда за оградой бесконечный пляж.

– Думаешь, надо его чипировать? – спросил Уэс.

Дилейни пожала плечами. Вечный чип в обмен на право бродить по песку на привязи? Что хуже – чип или бетон вместо пляжа? Оба хуже, как говорится.

– Так, значит, ты еще не поняла, какие провода нужно перерезать? Как я погляжу, “Вместе” все еще стоит.

– Втираюсь в доверие. Демонстрирую радость и довольство. Вживаюсь в роль. Шпионю.

– Ясно. Значит, плана нет.

– Вряд ли я стану радоваться, когда “Вместе” рухнет. Люди вроде Винни лишатся работы.

– Есть и другая, – возразил Уэс. – Не такая испепеляющая.

– Да, но для матери троих детей “Вместе” предоставляет фантастические льготы. Винни заканчивает ровно в пять. Ее аппаратура выключается, как только она отработала восемь часов.

– Ага. Бесконечные судебные иски из-за переработок канули в прошлое, как только изобрели это программное обеспечение. И ей прекрасно платят.

– Откуда ты знаешь? – спросила Дилейни.

– Ты меня недооцениваешь. Сама-то читала свое соглашение о приеме на работу? Сведения о заработной плате любого сотрудника “Вместе” доступны любому другому сотруднику компании. Полная прозрачность. Ты знаешь, что в восемнадцать лет Винни арестовали за вождение в нетрезвом виде?

– Уэс, прекрати.

– Там все есть. Ты что, даже не заглянула в ее данные? Там даже все адреса, по которым она когда-либо жила. Да и вообще, когда “Вместе” не станет, что-нибудь еще придет ей на смену.

Дилейни уже думала об этом. “Вместе” шла к нынешнему своему положению двадцать два года благодаря уникальному слиянию умов “трех волхвов”, о двоих из которых теперь предпочитали не упоминать. Можно ли повторить что-то подобное? После того, как она освободит мир от смертельных объятий “Вместе”, займет ли ее место какой-нибудь другой технологический удав? Маловероятно. Но после ухода одного из “волхвов”, исполнительного директора Тома Стентона, “Вместе” стала уязвимее. Стентон был акулой-убийцей, которая никогда не спит и неустанно заботится о наращивании мощи компании. Самый первый из “волхвов”, Тау Господинов, вундеркинд и визионер, начал критиковать то, во что превратилась “Вместе”, и его никто не видел уже не один год – ему выдали неограниченный бюджет на осуществление его мечты о вечной жизни, и он исчез из поля зрения общественности. Третьего “волхва”, Эймона Бейли, – “дилетанта-самоучку”, по его собственному определению, – интересовали люди, он хотел изучать их, объединять, совершенствовать. Но его увлечения – космические путешествия и поиски затонувших кораблей – обходились слишком дорого, а пользы от них не было никакой. Мэй в некотором смысле вобрала в себя самые ценные черты каждого из трех, к тому же умела четко фокусироваться на важном, а этого умения “волхвам” не хватало. Она редко покидала кампус, не лезла в благотворительность или политику, у нее не было семьи, она была открыта для всех, но не скатывалась в показуху, она воплощала декларируемые принципы полной прозрачности в прямом эфире.

– Ты видела Бейли? – спросил Уэс.

– Его там нет. Говорят, он вроде как наполовину на пенсии.

– А Мэй? Хоть какие-нибудь следы ее присутствия?

– Я смотрю ее трансляцию. Сегодня она была в кампусе, но не приближалась к моему отделу. “Мысли Вместо Вещей” в кампусе своего рода Аллентаун[8]. Она туда не заглядывает.

– Наверняка комплексует, – ухмыльнулся Уэс. – У нее уже лет сто как нет новых идей. Думаю, не хочет показываться людям, пока что-нибудь не придумает. Мечтательная Пятница когда в последний раз проводилась?

Дилейни не ответила, перед ее глазами всплыл ультразвуковой снимок.

– Она беременна.

– Что?.. – Уэс ошарашенно уставился на нее.

Дилейни рассказала о том, что увидела в свой первый день, и они перебрали все ее предположения. Уэс смотрел на дюны, пытаясь осмыслить новость.

– Она что, ходит в ту же клинику, что и все остальные? – недоверчиво спросил он. – Впрочем, это логично. Она бы так и поступила. – Он вытянул указательный палец, как будто собирался начать что-то считать, но передумал. – Но оставить снимок… Странно. Она должна была собственноручно закрыть изображение, прежде чем уйти. Значит, оно включилось случайно. Какой-то глюк. Но и такое маловероятно.

– Значит, кто-то сделал это намеренно, – сказала Дилейни.

– Да, вот это куда вероятнее. Знаешь, я почти уверен, что это было сделано специально. Кто-то хотел, чтобы ты увидела. Наверное, это проверка.

– В мой первый день?

– А когда еще? Сама знаешь, какие они изобретательные.

Дилейни молчала, обдумывая эту версию. Внезапный порыв ветра с океана поднял песчаный вихрь. Ураган чихнул.

– Возможно, тут приложил руку Стентон, – сказал Уэс. – Про него там не говорят?

– Я не слышала. Вроде он по-прежнему в Китае.

– Да знаю я, что он в Китае! Никак не может угомониться. Никто не проваливается с таким треском и постоянством, как он.

Когда Стентон ушел из “Вместе” в компанию “Хуавей”, все сочли это самым вопиющим предательством в истории индустрии и принялись трезвонить во все законодательные колокола, призывая спецслужбы вмешаться. Мэй Холланд и Эймон Бейли были хорошо прикрыты по части патентов – как ни странно, Стентон не имел прямого отношения к наиболее ценным продуктам компании. Однако все равно оставались опасения, что он забрал с собой в Китай – и не просто в Китай, а в “Хуавей”, которая считалась главным конкурентом “Вместе” в области мобильных телефонов, – интеллектуальную собственность компании. Но единственный видимый результат его бегства оказался неожиданным – с его появлением “Хуавей” начала чахнуть. Следуя его советам, компания понизила себестоимость своих смартфонов, пожертвовав техническими характеристиками, в расчете на то, что к ним хлынут те, кто не может или не хочет расстаться с двумя тысячами долларов на гаджет от “Вместе”. Но этого не произошло. Смартфоны “Хуавей” действительно заметно подешевели, но их просто стали считать халтурой. Они были ненадежны. Выглядели убого и топорно – как снаружи, так и на уровне интерфейса.

– Эти “хуавеи” слишком легкие, – заметил Уэс.

Так оно и было, и все из-за Тома Стентона. Он очень хотел сделать смартфоны невесомыми, угрохал сотни миллионов, чтобы снизить вес аккумуляторов, пластика, платы, а потом выяснилось, что людям это не нравится. Люди хотели ощущать материальность своего гаджета, знать, что он в кармане, а не думать поминутно, не потеряли ли они его. И уж точно не хотели, чтобы смартфоны были такими хрупкими. “Хуавеи” после прихода Стентона потеряли в надежности, они ломались – от падений, от давления тяжелых предметов, от жары, от холода. Они выглядели дешево и были дешевыми, и в результате потребитель от них отвернулся. Когда через три года авантюра Стентона с дешевыми смартфонами завершилась полной катастрофой, злорадство “Вместе”, да и всей Калифорнии было безмерным и неприкрытым. Этот человек предал идеалы качества, а в Калифорнии гордились вещами, придуманными (пусть и не произведенными) в области залива Сан-Франциско. Каждое падение акций “Хуавей”, каждая разгромная статья о Стентоне в китайской прессе воспринимались жителями Калифорнии как высшая справедливость, и все опасения, что Стентон окажется Прометеем, укравшим огонь “Вместе” для Пекина (или, по крайней мере, для Гуанчжоу), были забыты.

Меркантильная стратегия Стентона контрастировала с жизненным кредо Эймона Бейли, которого любили тем сильнее, чем старательнее Мэй отодвигала его в сторону. Чем меньше он участвовал в повседневной жизни “Вместе”, тем более очевидным становилось, что его главный интерес – познавать новое и делиться им, и не ради выгоды, а ради самого процесса. Компетенцией Тау Господинова была безукоризненная работа всех продуктов, Тома Стентона – их монетизация, а Бейли был проводником, которому доверяют и который сам верит в то, что технологии “Вместе” улучшают жизнь, объединяют разбросанные по миру семьи, делают доступными для всех достижения человечества, помогают миллиардам людей перестать ощущать себя потерянными, подавленными и одинокими. Его сторонние проекты – роботы для исследования астероидов, дирижабли на солнечной энергии, трасса для вакуумных поездов, пересекающая всю страну, – продолжали развиваться, несмотря на то что Мэй, как поговаривали, упорно сокращала все непрофильные программы.

– А безумная библиотека Бейли еще там? Та, в которой имеется пожарный шест? А аквариум с прозрачной акулой?

Дилейни ничего не знала об акуле и о библиотеке Бейли, и это ее расстраивало. Она прочитала несколько книг о работе под

прикрытием, в том числе “Донни Браско”[9], и большинство авторов предупреждали, что самое опасное – потерять бдительность: агент привыкает к окружению и начинает сочувствовать ему. Вот и она постоянно думала о Винни и ее детях, об их медстраховках и накоплениях на колледж, вместо того чтобы рыскать повсюду и изучать, как все устроено в кампусе. Ничего у нее не получится.

Уэс неожиданно остановился. Дилейни успела уйти вперед, и Ураган оказался между ними, отчаянно натягивая поводок.

– Ладно, блин! – проговорил Уэс, как будто только что закончив напряженный диалог с совестью. – Не могу я хранить тайны. Они пригласили меня на собеседование.

– Кто?

– Твои работодатели. “Вместе”.

– *Тебя?*

– Да, знаю. Я же полный идиот, но да, меня.

– Я не это имела в виду, – сказала Дилейни, хотя имела в виду именно это. – Но ты же не отправлял им резюме, правда?

И тут же она поняла, что произошло. Уэс помог ей с презентаций “АутенДруга”. Именно он написал приложение. Оно понравилось Шийрин и Карло, его обсудили в высших эшелонах – может быть, даже в Бригаде 40, состоящей из главных умников компании. “Вместе” всегда с готовностью нанимала людей талантливых и инициативных, учитывая, что эти два качества не так уж часто совпадают в одном человеке. У людей амбициозных редко рождаются оригинальные идеи, а гении часто ленивы и невыносимы. Как она могла впутать в это своего сообщника, назвать его имя, показать его, представить, а потом рассчитывать, что “Вместе” забудет о его существовании? Конечно, они его пригласили.

– Я не обязан идти, – сказал Уэс.

– Но ты хочешь?

– Ну разве что просто глянуть, как там у них все устроено.

Дилейни накрыло внезапной яростью.

– Ты хочешь жить на деньги самой бесстыдной монополии в мире?

– Вообще-то я бы взял у них немного денег. Лучше даже много. Наконец-то расплачусь за…

– У компании, которая украла детство у нас с тобой и у миллиарда других детей?

– Моя мама с этим бы поспорила. Ты забыла, что я вырос в троговском…

– У компании, которая привечает диктаторов по всему миру и продает ПО для слежки всем полицейским государствам? Которая

обогатила своих основателей и акционеров за счет миллиардов людей, не получивших ни цента?!

– Это возможность наконец-то получить хоть что-то за неоплаченный труд, – прервал ее Уэс. – По крайней мере, за мой.

– У компании, которая подорвала американскую демократию и с очевидностью способствовала росту антилиберализма? Путин и Си Цзиньпин у власти уже сколько лет? Сто?

– Оба – харизматики с востребованными в своих странах идеями, – отозвался Уэс.

– Не смешно. Теперь в каждой стране есть тайная цифровая полиция. Любое инакомыслие подавляется, не успев возникнуть.

Они продолжали в том же духе еще какое-то время, ветер поменял направление и теперь толкал их в спину. Ураган рвался с поводка к воронам, лениво взлетевшим с переполненного мусорного бака.

– Послушай, – сказал Уэс, – я же смогу помочь. Смогу собрать информацию.

– Ты ничего в этом не смыслишь. И я тоже, если уж на то пошло, но ты же шпион-катастрофа. Не умеешь врать и не умеешь хранить секреты. Если ты придешь туда, то у *меня* не останется ни малейшего шанса на успех. Меня вычислят уже через неделю.

– Вычислят? – переспросил Уэс. – Но что вычислять-то? Нельзя тебя раскрыть, если ты – это просто… ты. Да и кроме того, я еще не получил никакой работы.

Дилейни уже нарисовала себе греческую трагедию. Уэса, конечно, примут, потом его оценят, полюбят, а он обнаружит, что и его отношение к ним уже не столь однозначно. Сначала он будет сохранять нейтралитет, позволяя Дилейни осуществлять задуманное, – главное, чтобы она не вмешивала в это его, – но со временем она перестанет быть для него революционеркой, а превратится в социопата, который пытается лишить десятки тысяч сотрудников “Вместе” (а он к тому времени ко многим проникнется) источника заработка, безопасности, пенсий и счастья.

– Все это неправильно, – сказала она. Ей хотелось кричать.

– Дилейни, один год там позволит мне расплатиться со всеми долгами.

– Неделю назад ты хотел одного – держаться от всего этого подальше, помнишь? Ты установил тройную спутниковую защиту, чтобы работать отсюда и помогать мне…

– Я и сейчас этого хочу.

– Ты сам себя слышишь? Ты хочешь уничтожить компанию, но одновременно хочешь пойти туда работать и стряпать для них программу, которая может покончить с родом людским?

– Ладно. Я знаю, как это прозвучит, но у меня есть идея. А именно – только выслушай меня! – не лучше ли подождать несколько лет?

Дилейни опешила.

– Не надо на меня так смотреть! В этом есть логика. Действовать нужно методично. Ты жаждешь немедленной мести, но ведь тише едешь – дальше будешь. Мы оба поработаем там несколько лет, отложим немного денег, а когда хорошенько внедримся и разберемся, что там и как, вместе взорвем “Вместе” изнутри. Или снаружи.

Дилейни понимала, что предложение более чем разумное. Проработать какое-то время, втереться в доверие, получить доступ к более глубоким уровням, а заодно накопить несколько сотен тысяч долларов, чтобы пережить тяжелые времена, которые обязательно последуют.

– Нет, – сказала она. – Я не буду ждать только из-за того, что ты внезапно размяк и захотел денег.

Они остановились и в сгущающихся сумерках уставились друг на друга. Дилейни была раздавлена. Ее самый близкий друг саботировал ее саботаж.

– Я проголодался, – вдруг сказал Уэс. – И уже темнеет.

– Иди домой. Я хочу пройтись.

Уэс и Ураган пошли обратно, а Дилейни направилась к спуску на пляж. Ветер усиливался, и ей было приятно чувствовать его напор. Дойду до Клифф-Хауза, решила она, помочу ноги в прибое. Вода наверняка градусов десять, но это как раз то, что надо.

– Добрый вечер! – произнес чей-то голос.

Возле последней ступеньки лестницы стоял человек в темной куртке. Пляжный контролер. Собаки при Дилейни не было, поэтому она не считала, что должна останавливаться. Однако стоило ей ступить на песок, как человек преградил ей дорогу:

– Мне нужно посмотреть ваш телефон или браслет.

Когда она поинтересовалась зачем, в глаза ударил луч света. Направив на нее свой телефон, человек снимал ее лицо.

– Новое городское предписание. На этом пляже имели место утопления и серия краж. Чтобы пройти, вы должны зарегистрировать ваш телефон или браслет. Это защитит вас и других людей.

Он монотонно произносил заученные слова, продолжая снимать. Дилейни не взяла с собой никаких гаджетов, поэтому пляж для нее был недоступен. Она также понимала, что каждая секунда съемки – это риск, на нее сделают стыж, и “Вместе” об этом узнает. Втянув голову в плечи, она старалась работать

лицевыми мышцами, рассчитывая, что это затруднит распознавание. ИИ наверняка отметит этот разговор, и оставалось надеяться только на то, что его не свяжут с ее именем.

Она развернулась и поспешно двинулась обратно.

– Спасибо за понимание! – прокричал вслед человек.

По дороге домой внутри у нее все кипело. Все это дело рук “Вместе”! Очередное общественное место теперь под наблюдением. Она злилась и на себя – за то, что не знала о новых ограничениях. Но откуда она могла узнать? Никаких местных новостей больше не существовало. Журналистика, лишенная подпитки за счет рекламы и постоянно обвиняемая в тяге к скандалам, умерла. Люди больше не доверяли аналитикам, экспертам, обозревателям и корреспондентам.

***

Дома Дилейни обнаружила Уэса и Урагана в ванной. Уэс стоял на коленях перед псом, в руках он держал пинцет, на полу лежала упаковка с бинтом.

– Стекло, – сказал Уэс. – Как только ты ушла.

Ураган вырвал лапу, но, попытавшись опереться на нее, тихонько взвизгнул. Осколок впился глубже.

– Черт! Ты видишь? Видишь?

Дилейни ушла в гостиную.

– Гребаные контролеры! – выкрикнул Уэс. – И они еще требуют чипировать собаку!

Причинно-следственная связь хромала, но Дилейни знала, что сейчас у Уэса в голове оформляется своя версия произошедшего. Урагану запретили бегать по пляжу, поэтому пришлось гулять с ним по усыпанному стеклом тротуару, и осколок распорол ему лапу.

Пытаясь успокоиться, Дилейни хотела открыть окно и увидела на подоконнике, среди аляповатых глиняных фигурок Уэса, гладкий черный пластмассовый шар, утыканный крошечными отверстиями.

– Что это такое? – крикнула она.

Но она знала, что это такое. Это была умная колонка – один из продуктов “Вместе” под названием “Внемли”. Она взяла колонку и вернулась в ванную. Ураган посмотрел на нее с несчастным видом.

– Это то, что я думаю? Где ты это взял?

– Она *не* включена, – сказал Уэс и устало вздохнул. – Так и знал, что тебе не понравится. Они прислали вчера. Я думал, ты уже видела.

Дилейни ощутила, как к горлу подкатывает тошнота. Она поднесла колонку к глазам, потрясла ее – сама не зная зачем.

– Откуда ты знаешь, что она не включена?

– Потому что из нас двоих только я досконально разбираюсь в этих устройствах. Можно я помогу моей собаке? Тебе не все ли равно? Она даже не заряжена. Там нет аккумулятора, и я не включал ее в розетку. Мне просто нравится, как она выглядит. Не надо ее трясти. И…

Дилейни потянулась к окошку над унитазом, открыла его и швырнула шар за соседский забор.

– Господи, Дилейни!

Она никогда еще не делала ничего настолько импульсивного. Но мысль, что устройство записывает все их разговоры, что ее миссия провалится, не начавшись, что ее болван-сообщник притащил в дом шпионский гаджет, окончательно выбила почву из-под ног. Ни слова не говоря, Дилейни ушла в свою комнату.

Телефон звякнул. Это был опрос от “Окружающей Среды” – по всей видимости, некоей частной версии Департамента парков и зон отдыха. Она еще не слышала об этой организации. “Пожалуйста, оцените ваше недавнее взаимодействие с нами!” Вариантов ответа было пять – от счастливой желтой рожицы до красной со злобно прищуренными глазами. Она послала счастливую рожицу – разве у нее был выбор.

***

Через какое-то время Уэс постучал в дверь и встал на пороге. Изо рта у него торчала белая палочка от леденца.

– Прости, – сказал он. Палочка запрыгала. – Ты, конечно, чокнутая, но я понимаю, что тебя так выбесило. Бросаться вещами глупо, но мне стоило сказать тебе раньше.

– Можешь хотя бы убрать это, когда разговариваешь?

Он вытащил изо рта леденец и печально посмотрел на него, как будто извиняясь за то, что извлек его из уютного пристанища.

– Я должен был рассказать тебе, как только они со мной связались. Я знаю. И я понимаю, что это может нарушить твои планы. Но я хочу попытаться понять, что у них на уме. Это же разумно, нет?

– Ты не сможешь работать под кайфом.

Он засунул леденец в рот.

– Дилейни, я прекрасно знаю. – Прозвучало невнятно, словно он был под кайфом прямо сейчас.

– Никаких таблеток, никаких спреев. Ничего.

– Я знаю. Знаю, что они делают тесты, и…

– Нет, – сказала она, – они не делают тесты. Они знают все, что происходит в твоем организме в каждую долбаную секунду. Ты что, не читал? Только при этом условии человек получает их страховку.

– Зато они разрешают животных. – Уэс воздел пустую палочку, точно игрушечный скипетр. – Буду брать с собой Урагана. Пусть дрыхнет у моих ног.

– Я не могу тебя остановить, – сказала Дилейни, пытаясь придумать хоть один способ сделать это.

– И еще Пиа порадовалась. Говорит, что очень мной гордится. Представляешь? Кажется, она ни разу в жизни такого не говорила.

– Поверить не могу, – проворчала Дилейни.

Уэс с хрустом дожевывал остатки леденца. Дилейни никогда не видела его настолько довольным собой.

– Кто знает, – сказал он, – может, они больше и не свяжутся со мной.

Дилейни была уверена, что это не так. “Вместе” всегда и все доводит до конца.

11
Спортсмену, умирающему молодым

Но они не связались с Уэсом ни в среду, ни в четверг. Дилейни была на работе, оцифровала и отправила на переработку сотни семейных реликвий, картин маслом, научных проектов из средней школы и примерно 12 000 фотографий, после чего разослала клиентам по всему миру их виртуальные версии с короткими и часто неправильными подписями, сделанными бесчувственной системой. Работа была однообразной, но не совсем монотонной, так что создавался своего рода гипнотический эффект, который успокаивал. А Винни по-прежнему не закрывала рта.

На экране ее компьютера была открыта мозаика окошек – Дилейни насчитала как минимум 32. Три камеры детей Винни, еще около десятка – картинки из их школьных классов, еще шесть – камеры мужа и его рабочее место, не меньше дюжины – камеры наблюдения в ее доме, в доме родителей и в доме престарелых, где жил какой-то пожилой родственник. В каждую секунду Винни знала, где находятся дети, муж и родители и чем они занимаются. Если кто-то делал что-то необычное, ИИ помечал это, и она могла пересмотреть запись, чтобы решить, достойно ли это ее внимания или вмешательства.

– У твоих родителей есть же камеры? – спросила Винни. – Наверное, они уже немолоды…

Дилейни так удивилась, что ей задали вопрос, что не сразу смогла ответить.

– Да, – сказала она, стараясь произнести это как можно обыденней, чтобы не поощрять дальнейших расспросов.

– Я хочу сказать, что ты можешь поддерживать с ними связь отсюда. Вы сегодня уже общались?

– Пока нет.

– Давай уделим этому десять минут, – предложила Винни, доставая свой телефон.

Дилейни нехотя достала свой.

– А мы что, можем тут заниматься чем хотим? – спросила она.

– Работой, своими делами, чем угодно, – ответила Винни. – Поддерживать личные взаимоотношения очень важно. Они здесь постоянно об этом напоминают.

Винни повернулась к Дилейни спиной, практически уткнувшись лицом в экран, пальцы летали по клавиатуре. Дилейни проверила свои ленты и аккаунты. Мама прислала

фотографию новой машины соседей – Дилейни ответила смайликом. Почтальонша Роуз опубликовала фото новой подружки своего сына с младенцем на руках – Дилейни отреагировала радугой. Реклама тампонов, охотничьих ружей, жевательной резинки и теплосберегающих стеклопакетов. Подруга по колледжу прислала короткое видео – вулкан, извергающийся прямо сейчас в Чили. Не зная, какая рожица подойдет лучше, улыбающаяся или нахмуренная, Дилейни отправила обеспокоенного единорога. В ее вместе-ленте было 311 уведомлений только за сегодняшний день. Она переслала их в разработанное Уэсом приложение для автоматических реакций и перешла к новостям. Появился ролик о паре, застреленной угонщиками машин в Украине, с приложенным опросом: “Вы хотите видеть больше подобных сюжетов?”

– О, смотри! – обернулась к ней Винни и показала на одно из окошек на экране своего компьютера. На фоне череды американских флагов что-то говорил привлекательный мужчина. – Ты его смотришь? Том Голета.

Дилейни и в самом деле следила за этим человеком последние месяцы. Голета баллотировался в президенты и представлял – насколько это вообще возможно – экзистенциальную угрозу для “Вместе”. Говорили, что скоро он должен посетить кампус.

– Он очень серьезно настроен, – сказала Винни, отправляя на конвейер коробку с фарфоровым сервизом. – Не могу понять, зачем Мэй его пригласила. Разве это разумно?

Жизненный путь Тома Голеты складывался так, словно главной его целью было стать непримиримым врагом “Вместе”. Поначалу судебный адвокат, потом – юридический консультант, потом – заместитель главы Федеральной комиссии по связи, дальше – член антитрастового комитета, который разоблачил сговор между шестью последними мастодонтами нефтяной отрасли. Он баллотировался в сенат, не имея никакого опыта предвыборной борьбы, и победил с перевесом в восемь пунктов престарелого республиканца, который опозорился, не сумев выговорить “киноа”.

Голета был одним из тех очень немногих политиков, что отказывались от Прозрачности. Вот уже десять лет Прозрачность стала нормой, хотели того избиратели или нет. Трансляция каждого дня, всех совещаний, слушаний и мероприятий кампании кандидата говорила о его открытости: “Мне нечего стыдиться, смотрите на меня!” Лишь небольшая горстка политических и общественных лидеров – преимущественно крестоносцы антицифрового движения – оставалась в тени. Голета настаивал

на том, что он вовсе никакой не крестоносец и что его постоянные намеки на монопольный характер “Вместе” – вовсе не поход против нее. Но когда он решил баллотироваться в президенты, именно “Вместе” стала его главной мишенью, и атаки Голеты, пусть не слишком яростные, работали на публику и на ура принимались в городах, где жителей упорно не желали брать на работу в огромные информационные центры, которые росли как грибы и очень ловко, почти мистически, уходили от налогов.

Дилейни вытянула шею, чтобы лучше видеть экран Винни. В двух окошках из самых мирных и спокойных мест западного полушария махали родители Голеты – отец из Белиза, мать из Дэвенпорта, штат Айова. Сам Голета выглядел очень расслабленным. Он как будто никогда не нервничал, никогда не пытался произвести впечатление. У него был волевой подбородок и внимательный взгляд. Он любил выхватывать в толпе человека, который явно жаждал слиться со своим лидером, и смотрел ему в глаза несколько секунд, которые счастливчик не забудет уже никогда. Сейчас Том Голета стоял перед сотней молодых избирателей во дворе новенького здания Антиохийского колледжа.

– Моя семья живет в США с 1847 года. Мой прапрапрадед, белый человек, был наборщиком в аболиционистской газете в Элтоне, штат Иллинойс. Из-за того, что он отказался бросать свою работу, бросать эту газету, его убила толпа сторонников рабства. У меня сохранился его дневник, там он пишет о правилах, согласно которым жил и работал. Он отказывался набирать не только оправдывающие рабство высказывания – это само собой, – но и просто ложь. Вот что он писал: “Печатать ложь – преступление. Это все равно что превратить сомнительные шепотки в национальный лозунг”. А в наши дни “Вместе” спокойно распространяет любую ложь, за которую вы платите. Они опубликовали столько лжи обо мне, о моей семье, о моей религии… Я считаю, что это неправильно и что мой прапрапрадед тоже посчитал бы это неправильным. Миф, будто “Вместе” – это просто телекоммуникационная компания нового уровня, которая передает сообщения, не неся никакой ответственности за их содержание, настолько смехотворен, что я не вижу смысла даже пытаться развенчать его. “Вместе” и ее платформы – это не средство связи, это средство массовой информации, по двум причинам. Во-первых, сообщения, которые они передают, видит огромное количество людей – иногда миллиарды, а во-вторых, они не только распространяют слова, они сохраняют их навечно. А это совсем не то же самое, что

передача личных сообщений от одного человека к другому, как когда-то делали телефонные компании. Есть огромная разница между записочками, которые дети в классе кидают с парты на парту, и надписями в небе, которые видят одновременно все жители Земли, причем эти надписи не растворяются в воздухе. А если вы распространяете неправду, вы несете ответственность за любой ущерб, который она наносит. Но почему-то вот уже не одно десятилетие это вопиющее нарушение закона о клевете приводит в замешательство всех юристов. Однако пришло время действовать. Мне все равно, как это называть – соцсетями или инфоресурсом. Если вы предоставляете платформу для распространения лжи, вы несете за эту ложь ответственность. *Я* призову вас к ответу!

Винни нажала на паузу, лицо у нее раскраснелось.

– Послушай, как мы можем этому противостоять?

Дилейни не знала ответа. Конгрессмены, губернаторы и кандидаты в президенты задолго до Голеты пытались побороть “Вместе”, но тщетно. Всякий раз такой политик оказывался замешан в каком-нибудь чудовищном скандале. На публику вываливались горы доказательств его нечистоплотности. Всплывали непотребные сообщения, какие-то непростительные высказывания, фотографии и истории поисковых запросов. Их как бы случайно находили обычные пользователи и обязательно раздували каждую ошибку и прегрешение. Потому в последние годы ни один политик не решался замахнуться на “Вместе”, выбирая поле для битвы покомфортнее, а драконов попокладистей.

Дилейни подумала, что Том Голета мог бы сделать то, за что взялась она, причем сделать куда эффективнее, необратимей, да еще в прямом эфире. Винни тем временем очистила экран.

– Мечтательная Пятница! – объявила она. – Твоя первая!

12
Признаки сжатия душ человеческих Часть 1

Признаки сжатия душ человеческих, часть 1

Дилейни и Винни едва смогли найти свободные места в зале и не успели сесть, как Винни достала из сумки вязание. Было не особо понятно, что она вяжет, больше всего это походило на кофту для очень маленького человечка с невероятно коротким туловищем. Дилейни так и подмывало спросить, что это такое и на кого из близких Винни такое налезет, но ей не хотелось нарушать ритмичное позвякивание спиц. В остальном движения Винни были совершенно бесшумные и предельно точные – как у богомола.

В зале было несколько тысяч “совместных”, большинство о чем-то тихонько переговаривались с экранами своих устройств. Дилейни огляделась и увидела пару с одинаковыми мягкими флягами за плечами, пробиравшуюся между рядами к местам в середине. Это были Виджей и Мартин, ее бывшие боссы из “Фактора 4”. Дилейни ничего не слышала о них после поглощения компании и теперь удивилась, до чего зашуганными они выглядели, словно не знали, куда себя деть. Немало основателей всевозможных компаний, купленных “Вместе”, продолжали здесь работать, и им поневоле приходилось наблюдать, как их детищ либо уничтожают, либо предают забвению. Дилейни смотрела, как Виджей и Мартин усаживаются. Кто-то поприветствовал их, и они неуверенно помахали в ответ. Странно спокойные, даже равнодушные, они явно растеряли былые амбиции, избавившись как от проблем, так и от творческого огня.

На сцену вышла миниатюрная женщина в малиновом комбинезоне, огромное медное колье закрывало всю ее грудь.

– Привет, “совместные”! – Она вскинула гибкие руки и покрутила кистями.

Послышались сдержанные аплодисменты, там и тут люди склонялись друг к другу, спрашивая шепотом: “А кто это?”

Голос позади Дилейни громко произнес:

– Виктория де Норд, кажется. Помнишь ее?

Виктория де Норд принимала скромные приветствия так, будто это была десятиминутная овация в Каннах. Она вышла в центр сцены и, заложив руки за спину, начала медленно

поворачиваться вправо-влево, словно потрясенная аплодисментами, которые быстро превратились из вежливых в вялые, а затем в отдельные, быстро затерявшиеся в пространстве хлопки.

– Я Виктория де Норд, но это, наверное, вам и так известно, – сказала она и снова повернулась вправо и влево. Похоже, ей и в голову не приходило, что почти никто тут ее не знает. – Как у вас сегодня дела?

Она выдержала нелепо долгую паузу, разглядывая толпу, будто действительно ожидала, что ей кто-то ответит. Дилейни уже успела почти полюбить Винни, а Дженни Батлер, Дэна Фарадея и даже Кики, Шийрин и Карло находила людьми до некоторой степени приятными, но сейчас, глядя на Викторию де Норд, она вспомнила, насколько фальшивыми бывают шишки из “Вместе”, и пообещала напоминать себе об этой гротескной даме, если когда-нибудь у нее появятся сомнения в своей миссии.

– Добро пожаловать на Мечтательную Пятницу! – вскрикнула Виктория и снова замолчала, озирая зал.

Среди собравшихся нарастал гул. “Совместные”, привыкшие к более воодушевляющим и энергичным презентациям, явно задавались вопросом, уж не проверка ли это. На сцене должна была стоять Мэй Холланд, и ее отсутствие казалось слишком демонстративным. Она была лицом “Вместе” и, по общему мнению, стояла за всеми важными решениями. И все же после дезертирства Стентона, ухода в тень Бейли и исчезновения Тау Господинова “Вместе” не хватало харизматичного лидера, и появление на сцене кого-то вроде Виктории – ошибка, очевидная всем, – подтверждало предположение Уэса, что Мэй комплексует, не желает показываться перед аудиторией единомышленников без новых идей.

– Сегодня мы с радостью приветствуем Рамону Ортиз! – выкрикнула Виктория, и зрители, поняв, что скоро она покинет сцену, единодушно выдохнули. – Все мы знаем Рамону благодаря ее сногсшибательному стартапу “Просвещенный Путешественник”, – продолжала Виктория, – который “Вместе” приняла под свое крыло три года назад. У нее есть кое-какие идеи насчет путешествий будущего, и…

Остаток вступительной речи Виктории был бесконечным и бессмысленным, но наконец она все же уступила сцену женщине в черных колготках, черной юбке и кремовом топе. Ее имя огромными белыми буквами вспыхнуло на экране позади: Рамона Ортиз. Короткие густые волосы наводили на мысль о ранних “Битлз”, но были покрашены в алый цвет. Дилейни подумала, что такая прическа очень уж специфична, и тем не менее Рамоне

образ шел. Она поднялась на сцену с такой уверенностью, будто заглянула сюда между важными делами.

– Итак, я здесь, чтобы поговорить о… конечно же, о путешествиях. Как вы все знаете, именно путешествия всегда были моей жизнью. Шесть лет назад я основала “Просвещенного Путешественника”…

Она сделала паузу, дожидаясь реакции публики. Жидкие поначалу хлопки постепенно нарастали, словно слушатели решили вспомнить о хороших манерах, и под конец это были вполне полноценные аплодисменты.

– Спасибо, – сказала Рамона и повторила: – Спасибо. – Это было уже излишним, поскольку аплодисменты и без того стихли. – Цель “Просвещенного Путешественника” состояла в поощрении экологически осознанного туризма и помощи в выборе авиаперевозчиков и курортов, заботящихся об окружающей среде. Три года назад “Вместе” приобрела мою компанию, и с того момента люди совершили уже более двух миллионов экологически осознанных путешествий.

В зале снова захлопали, теперь громче, хотя Дилейни казалось, что об этом все присутствующие слышат впервые. Сама она заранее изучила историю “Вместе”, но приобретение этой компании прошло мимо нее, как и, похоже, мимо многих “совместных”. Впрочем, учитывая, что “Вместе” приобретала не менее трех компаний в неделю, ничего удивительного в этом не было.

– Однако в последнее время, – продолжала Рамона, – мой взгляд на пользу и этичность путешествий, в привычном их понимании, поменялся. Давайте ненадолго вернемся в прошлое. Я родилась в городе Носара в Коста-Рике в 1995 году.

На экране за ее спиной замелькали виды маленького городка, утопающего в прибрежных джунглях. В зале послышались разрозненные хлопки и возгласы.

– Да, некоторым из вас это место знакомо, – Ортиз чуть понизила голос, – и в этом-то как раз проблема. Возможно, даже Проблема с большой буквы. Сейчас объясню почему. Кадры, которые вы сейчас видите, сняты в 1990-х, до того, как Носару открыли для себя американцы и европейцы. А вот тот же город сейчас.

На экране замелькали многолюдные улицы, магазины с футболками и сувенирами. По узкой мостовой ползет экскурсионный автобус. Туристы в бриджах толпятся перед отелем “Бест Вестерн”. Контора по аренде автомобилей. Маленькая пиццерия “Литл Сизарс”. Гора жестяных банок и пластиковых бутылок, сваленных в джунглях. Таблички

“Продается” с логотипами мультинациональных корпораций вроде “Сотбис” или “Чавес – Мильштейн”. На одном из снимков орущий мужчина в рубашке с принтом из ящериц тычет пальцем в местную жительницу, торгующую бижутерией с лотка.

– Я видела, – продолжала Ортиз, – как мою страну и мой маленький город захватывает и уничтожает туризм. Я видела, как у людей отжимают землю. Я видела, как моих родных и соседей вытесняют с рынка и прогоняют с насиженных мест. Мы переезжали снова и снова, по мере того как мультимиллионеры и девелоперы скупали каждый гектар рядом с побережьем или там, где есть красивые виды. Мы отползали все дальше вглубь материка, пока не оказались в третьем кольце Сан-Хосе – это столица Коста-Рики, а не город в районе Саут-Бэй, – поблизости от завода “Пепси”. Если вы бывали в Коста-Рике в последние двадцать лет, то наверняка заметили, что, по сути, она стала второй Флоридой – парком развлечений для американского среднего класса. На пляжах почти не осталось места из-за магазинов дешевых побрякушек и пиццерий. Через прежде нетронутые долины протянули канатные дороги. Страна потеряла свое лицо, а большая часть моих соотечественников, все мои *ticos* и *ticas*[10], превратились в мелких капиталистов, с заискивающим видом гоняющихся за туристскими долларами. Мне кажется, что мой народ лишился самоуважения и гордости. Если вы бывали в Коста-Рике, это не преступление, – добавила она, услышав фырканье и смешки. – Я не обвиняю никого лично. Но я обвиняю нас всех, коллективно, в безответственном стремлении к дешевым заграничным развлечениям.

Печальные сцены уничтоженной райской земли сменились рядом вдохновляющих кадров – путешественники, одиночки и пары, взирают на пейзажи Непала и Перу с почтением и потрясением.

– Я основала “Просвещенного Путешественника”, – продолжала Ортиз, – чтобы стимулировать правильное знакомство с миром. Мы организовывали маленькие туристические группы. Задолго до пандемии мы выступали против круизов, которые пагубны для океанов и явно противоречат идее осознанных путешествий и экологичного туризма. Мы поддерживали ответственных поставщиков услуг и поощряли тех, кто разделял наши идеалы. Я думала, что мы помогаем. И, возможно, так оно и было. Пропагандируемый нами способ путешествий определенно был лучше, чем туристические автобусы и круизные лайнеры. Но потом я начала считать. Я знаю, что многие из вас умеют это лучше меня, поэтому, вероятно, вы уже обо всем догадались.

На экране появилась карта мира, на которой начали загораться белые точки. Они возникали в самых разных местах, от островов Кука до Ньюфаундленда.

– Вот места, где побывала я лично. За двадцать лет я посетила 88 стран. Все континенты. Я встретила так много удивительных людей, и мне казалось, что я расширяю свой кругозор каждый раз, когда приземляюсь в новой точке земного шара. Но все имеет свою цену. Очень высокую цену. Несколько лет назад я поняла, что как человек, влюбленный в путешествия, фактически одержимый ими, я несу ответственность за более чем 270 тонн углекислого газа, выделившегося в атмосферу, и это если считать только авиаперелеты. Никакие компенсационные меры не могут возместить тот ущерб, который я нанесла.

Дилейни решила, что сейчас им покажут какое-нибудь вымирающее животное, и оказалась права. На экране измученный пингвин забрел в магазин в Терра-дель-Фуэго и рухнул замертво на глазах изумленных покупателей.

– Как вы знаете, никто пока так и не построил самолет из конопли, летающий на солнечной энергии, – сказала Ортиз. Раздались вежливые смешки. – Абсолютно все перелеты крайне вредны для планеты, тем не менее мы продолжаем летать. Почему? Потому что нам хочется. Хочется, хочется, *хочется*. И даже самые просвещенные защитники окружающей среды закрывают глаза на тот ущерб, который они наносят планете, перемещаясь по миру, нередко на частных самолетах, чтобы рассказывать людям об опасностях ископаемого топлива. Это уже даже не лицемерие. И я тоже была в этом виновата. Поэтому у меня появилась идея. На меня снизошло озарение. И родилось название – “Стой и Смотри”.

Дилейни задумалась, как можно исковеркать название в духе “Вместе”. Вставить знак “ + ” – это уж как пить дать, но что еще?

На экране появились слова “Стöй + Смöтри”.

“Господи боже”, – подумала Дилейни. Умляутов она не ожидала. А сейчас Рамона Ортиз заявит, что ее новый проект спасет планету.

– Я верю, что это произведет революцию в том, как мы знакомимся с миром, – сказала Рамона. – Не исключено, что, даже поможет спасти нашу планету.

Дилейни чуть не прыснула, но поняла, что никто больше смеяться не собирается. И проглотила смешок.

– За последний год в мире было совершено 1,8 миллиарда перелетов в развлекательных целях. Постпандемийный бум путешествий продолжается – и продолжает убивать самые популярные места планеты. Предлагаю начать с направления,

которое в наибольшей степени задыхается от туристического потока, – с Венеции. В прошлом году Венецию, город размером примерно с Манхэттен, посетили 34 миллиона человек. Это само по себе безумие. Но давайте представим, что доставка туда и обратно каждого из них обошлась планете в две-три тонны углеродных выбросов, и мы получим в общей сложности 75–80 миллионов тонн на человека! Добавьте к этому мучения местных жителей, да и самих туристов тоже. В прошлом году в очереди на посещение площади Сан-Марко приходилось ждать по семь часов. Пора это прекратить.

“Совместные” согласно закивали. Они всегда одобряли прекращение того, что нужно прекратить.

– Есть более разумный способ знакомства с прекрасными уголками нашего мира. Вы все равно сможете увидеть Венецию. Вы сможете побывать там и получить, пожалуй, даже больше впечатлений, но при этом не покидая своего дома. Для этого вам нужна всего лишь ваша голова.

Откуда ни возьмись снова возникла Виктория де Норд, сияя улыбкой и простирая руки, будто явилась на бис. Она подала Ортиз шлем виртуальной реальности и торжественно сошла со сцены, словно ей только что вручили “Оскар”.

– Вот как это работает, – сказала Ортиз, и на экране появились окошки с разными направлениями – Капри, Дубай, Вегас и, кажется, Швейцарские Альпы. – Поскольку мы только что говорили о Венеции, давайте отправимся в этот дивный город. Но это будет путешествие с нулевым углеродным следом. – Она выбрала окошко с Венецией, и оно заняло половину экрана. Другая половина превратилась в мозаику с улыбающимися лицами, под которыми были написаны имена. – Перед вами набор доступных вам гидов, все они имеют сертификаты Итальянского и Венецианского Советов по туризму. Это историки, преподаватели, есть даже несколько гондольеров. Все они проживают в Венеции, большинство там и родилось. Я выбрала Паоло Маркесси, потому что он прямо сейчас готов отправиться с нами.

Одно из улыбающихся лиц заняло весь экран. Это был круглолицый мужчина лет пятидесяти, с седеющими волосами, в круглых очках в проволочной оправе.

– Чао, Паоло!

– Привет, Рамона!

– Готов к частному туру? – спросила Рамона.

– Конечно.

Рамона повернулась к аудитории:

– У Паоло есть вращающаяся камера, почти такая же, какие

используем мы. Давайте посмотрим, что она нам покажет.

На экране возник идеально четкий вид на Гранд-канал, вода мерцала в закатных лучах.

– Это живая трансляция, – пояснила Ортиз, – и пока идет наша демонстрация, вы увидите, как солнце садится в воду.

Качество картинки было выше всяких похвал.

– Поудобнее устроившись у себя дома, – снова заговорила Рамона Ортиз, – вы надеваете любой шлем виртуальной реальности и видите все то, что видит ваш гид, с полным 360-градусным обзором. Хотите посмотреть на средневековый Арсенал? Попросите Паоло отвести вас туда. Он покажет вам все что пожелаете, познакомит с людьми и местами, о которых известно только венецианцам. Вы можете позволить ему вести вас, а можете сами отправиться куда захотите. Все под вашим контролем. Оплата либо почасовая, либо сразу за целый день, и это большое облегчение для вашего бюджета и для всей планеты.

Зал зааплодировал, на этот раз к остальным присоединилась и Дилейни. Вопреки своим убеждениям она знала, что обязательно попробует воспользоваться одним из таких туров. Перед ее глазами сразу встало полдюжины мест, где она хотела бы побывать. Такие путешествия будут популярны в школах, в домах престарелых. Но почему-то она все равно была уверена, что это путь в никуда. Она задумалась о побочных эффектах благих намерений Рамоны. С одной стороны, коллапс мировой туриндустрии и сотни миллионов оставшихся без работы, с другой – прекрасный вариант для тех, кто страдает агорафобией или мизофобией, кто боится летать или вообще покидать свой дом.

– Давайте поговорим о затратах. Стоимость “Стой + Смотри” настолько мизерна по сравнению с традиционными путешествиями, что она их обессмысливает. Если я захочу завтра полететь из Сан-Франциско в Венецию, провести там неделю и вернуться обратно, это обойдется мне примерно в шесть с половиной тысяч долларов. Но со “Стой + Смотри” затраты на день ограничатся только тем, что мы платим Паоло, то есть около 100 долларов в час. Вы можете получить обзорный тур по Венеции на полдня примерно за 500 долларов. И в результате все только в выигрыше. Паоло проводит две экскурсии в день. Тысяча долларов в сутки для местного историка. Неплохо, да, Паоло?

Ответа не последовало. Паоло, кажется, куда-то ушел.

– Паоло?

– Да, Рамона?

– Я говорю, что если ты проводишь две экскурсии в день, то получаешь около тысячи долларов. Неплохо, верно?

– Неплохо, – согласился он. – Если две экскурсии, то да. Все зависит от графика. Вопрос в том, нужна ли мне постоянная работа и можно ли считать это постоянной работой? И еще льготы и пенсия – мы здесь, в Италии, очень на них рассчитываем.

На лице Рамоны мелькнула полуулыбка.

– Все это очень правильные вопросы, которые мы обязательно проработаем, – сказала она и отключила звук на экране с Паоло.

Потом повернулась к аудитории:

– Итак, как вы видели, Венеция сможет освободиться от туристического гнета. Деньги будут поступать местным жителям, а не владельцам круизных судов. И самое главное – планете станет чуть легче дышать. Вам не придется ехать в аэропорт. Не придется садиться в самолет. Этот самолет не полетит. Круизные корабли не поплывут, загрязняя океан. С самолетов и кораблей не будут сходить тысячи туристов, каждому из которых нужно отдельное такси. Все это прекратится. А теперь… пожалуй, надо было сказать об этом раньше. – Она чарующе рассмеялась. – Это часть “Стой” – на мой взгляд, лучшая часть. – Гранд-канал на экране сменился новым набором окошек с различными туристическими местами. Под каждым из них была мозаика поменьше с улыбающимися лицами гидов. – У нас уже есть тридцать две подготовленные к запуску локации. Пока мы сосредоточились на наиболее перегруженных: Париж, Лондон, Шанхай, Аннапурна, Мачу-Пикчу, Ангкор-Ват, Гиза и все в таком духе. Сейчас в каждой локации уже в среднем по одиннадцать гидов, которые согласны с нами работать, – конечно, количество зависит от размера и привлекательности объекта. Мы считаем, что охват будет быстро расширяться, как когда-то было с сервисом совместных поездок.

Дилейни посмотрела на руки Винни, которые ни разу не остановились на протяжении всей презентации. В результате у нее уже почти получился свитер то ли для человека размером с собаку, то ли для какой-то очень странной собаки. Свитер был квадратный, клочковатый, цвета жженого сахара. Винни не умеет вязать, с восторгом осознала Дилейни.

Тем временем Рамона Ортиз на сцене начала отвечать на вопросы. Солидный мужчина заметил, что программа избавит людей от риска подхватить малярию, отравиться, испытать на себе морскую болезнь, а также от “множества других связанных с путешествиями проблем”. Высокая женщина в ньютоновских очках предложила увеличить зону покрытия, добавив в предложения “Стöй + Смöтри” менее популярные места, но со скидкой. Рамона подмигнула ей и ответила, что все будет на

втором этапе развития проекта.

– Я надеюсь, мы будем поощрять правильный выбор, – добавила женщина. – Например, можно дарить путешественникам, снижающим свой углеродный след, скидки на другие товары и услуги.

Рамона согласилась, что это имеет смысл, а потом со смехом заметила, что пока мы “Стöяли и Смöтрели”, время пролетело незаметно, и тут же в зале зажегся свет. Так закончилась первая для Дилейни Мечтательная Пятница. Когда они вышли из зала, их приветствовал огромный деревянный щит с вырезанными буквами: “ЕСЛИ ВЫ ЛЮБИТЕ МИР, ОСТАВЬТЕ ЕГО В ПОКОЕ”.

13
Путь всякой плоти

– Я бы воспользовался, – сказал Уэс. – Хоть сейчас! Ненавижу самолеты.

Была суббота. Они сидели в колченогих складных креслах в маленьком дворике между домом Гвен и ее подруги Урсулы и Хижиной. Это было одно из немногих мест в районе, куда не заглядывала ни одна соседская видеокамера. Запах, мощными волнами накатывающий от “Рыбной компании Долджера”, субботним утром был особенно силен. Проведя час во дворе, Дилейни чувствовала себя так, как будто объелась морепродуктов.

– Я вечно что-то цепляю в самолетах, – продолжал Уэс, – даже в автобусе к самолету. Еще до всех этих вирусов я заболевал каждый раз, а потом болел весь отпуск. И потом, уже вернувшись, тоже.

Дилейни какое-то время пыталась спорить с ним, но в конце концов со смутной тревогой осознала, что Уэс не только ее сообщник, но и идеальный потребитель продукции “Вместе”. Он постоянно искал способы не выходить из дома и не общаться с людьми в реальной жизни и, хотя был озабочен проблемой приватности, удобство ценил выше. Поэтому он пользовался десятками изобретений “Вместе” – особенно новыми – безо всякой защиты. Он пробовал все, и его было легко увлечь, но так же быстро ему все прискучивало.

Из Хижины, хромая, медленно приковылял Ураган, свернулся у ног Уэса. Поврежденная лапа воспалилась и опухла.

– Постоянно срывает бинты, – пожаловался Уэс. Он уже трижды возил пса к ветеринару Кэти, чтобы наложить повязку, но пес всякий раз принимался терзать бинты, как только они возвращались домой. – Кэти говорит, что можно попробовать таблетки. Собачьи антидепрессанты.

Дилейни наклонилась, чтобы потрепать Урагана по морде. Нос у пса был холодным и липким.

– Бегать он теперь не может, – вздохнул Уэс, – так что торчит здесь и грызет повязки. Видела задние лапы? Он и их постоянно кусает.

Через окно кухни большого дома Дилейни увидела Гвен и помахала ей.

– Кстати, тебе пришло письмо, – сказал Уэс. – Бумажное.

Он потрусил к Хижине и вернулся с конвертом. Письмо было

написано от руки, аккуратным почерком. Конечно же, от профессора Агарвал. После того как Дилейни окончила колледж, они время от времени писали друг другу, Дилейни сообщила ей о своем переезде в Калифорнию и начале работы в “Факторе 4”, но ответа от Агарвал не было уже год.

– Твоя профессорша? – спросил Уэс.

Он хорошо знал профессора Агарвал – заочно, по рассказам Дилейни. Именно на ее теории – и, что не менее важно, на ее праведный гнев – они опирались в своих планах по уничтожению “Вместе”.

– Не обращай на меня внимания, – сказал Уэс и, прикрыв глаза, подставил лицо солнцу.

Дорогая Дилейни!

Недавно я узнала о твоей работе в компании “Вместе”. Я решила написать тебе обычной почтой, чтобы письмо не перехватили. Я боюсь, что иначе это может попасть в какую-нибудь базу данных и сработает против тебя.

Должна тебе сказать, я несколько ошарашена. Не то чтобы мне казалось странным, что кто-то из моих учеников пошел туда работать, – кажется, там уже не меньше половины моих выпускников. Но только не ты!.. Ты же всегда относилась к технологиям с подозрением. До твоего диплома, конечно, который крайне меня удивил – ну ты об этом знаешь.

Ты именно поэтому всегда мне нравилась. Ты умела размышлять. Ты видела фундаментальные перемены, происходящие в обществе, видела, как мы превращаемся из уникального вида, гордящегося своей независимостью, в сообщество, радостно готовое смириться и подчиниться в обмен на бесплатные услуги.

Теперь ты работаешь там – в организации, которая порождает рабов. Я старый человек, поэтому не боюсь говорить что думаю. Мне кажется, ты достойна большего. У меня сердце кровью обливается, когда я представляю тебя там, когда думаю, что они подчинили еще одну бунтарскую душу.

Пожалуйста, беги оттуда!

Всегда твоя

Агарвал

Дилейни сложила письмо, в горле встал комок. Такое

происходило всегда, когда она чувствовала свою беспомощность. А сейчас она сознавала, что не может ничего рассказать профессору Агарвал, как бы ей того ни хотелось. Она даже не может написать такое же бумажное письмо в ответ – риск слишком велик.

Агарвал – радикалка, непредсказуемая, да что там, даже слегка сдвинутая. Дилейни вспомнила, как профессор вышла в кампусе на одиночный пикет против видеонаблюдения. Стояла, маленькая и решительная, и полным яда голосом декламировала в огромный мегафон. Она обвиняла колледж в том, что он установил слежку во всех общественных местах кампуса. Дилейни была в числе трех десятков человек, слушавших ее. Агарвал говорила, что в кампусе почти две тысячи камер, что “Сфера” продала их колледжу с огромной скидкой, что все записи доступны местной полиции и принадлежат “Сфере”, что они хранятся где-то вне кампуса и их можно использовать как угодно, что они синхронизированы с местной сетью онлайн-банкинга (наличные там были запрещены), что жизнь каждого студента записывается и отслеживается практически круглые сутки. Их оценки, рейтинги и посещаемость попадают в единое цифровое досье, к которому имеет доступ пугающе большое число сотрудников университета.

– Если за вами наблюдают, – кричала Агарвал в мегафон, – вы не свободны! Человек, за которым постоянно следят, не может быть свободен!

Студенты торопливо шли мимо, закупорившись наушниками.

– Не существует ни безопасного асбеста, ни безопасного видеонаблюдения! – надрывалась Агарвал. (Старшекурсник с кафедры антропологии направил на нее камеру телефона.) – Этот колледж не имеет права вас снимать, нигде и никогда! (Идущие мимо уже обходили ее по большой дуге.) Студенты, я умоляю вас очнуться!

Никто не очнулся. Студенты привыкли к видеонаблюдению еще с детского сада. Родители знали, где их дети, в любой момент, и это было само собой разумеющимся – они просто никогда не жили иначе.

Дилейни смотрела на письмо Агарвал, и ей отчаянно хотелось увидеть профессора, посвятить ее в свои планы, посоветоваться с ней. Но она знала, что Агарвал попытается ее отговорить, будет убеждать, что действовать надо иначе – протестовать, писать письма, поддерживать реформаторов вроде Голеты. Ее планы она наверняка сочтет безумными и неосуществимыми.

Дилейни подняла взгляд и обнаружила, что Уэс куда-то

подевался. Она встала, потянула на себя дверь, и та распахнулась под яростным порывом ветра, с грохотом ударилась о стену.

– Прости! – прокричала она.

Уэс сидел на кровати и с ошарашенным выражением пялился в планшет.

– Что там?

Он повернул планшет к ней. На экране плескалась вода. Похоже, трансляция велась с налобной камеры какого-то серфера или гребца.

– И что это? – не поняла Дилейни.

– Это Бейли.

Дилейни пригляделась. Под картинкой была подпись: “Присоединяйтесь ко мне и Ганнеру! В Никарагуа”.

– Ты знала, что он в Никарагуа? – спросил Уэс.

– Нет. Кажется, никто не в курсе, где он.

Уэс ткнул в подпись, и она раскрылась.

“Вечером в субботу я попробую испытать одну радикально новую программу передачи ощущений. Как известно многим из вас, мы вживили в мой таламус устройство, дающее возможность другим людям почувствовать то, что чувствую я. И первым станет мой сын Ганнер. Он страдает ДЦП, поэтому не может скользить по волнам в Никарагуа. Он у себя дома в Калифорнии, но я свяжусь с ним через спутник, и он будет испытывать то же, что и я, – толчки волн под доской, ощущение падения при спуске с гребня, а может, даже запахи и звуки. Это будет настоящим прорывом. И очень интересным опытом для нас с Ганнером. Присоединяйтесь! Бейли”.

Дилейни посмотрела на счетчик просмотров – даже тысячи нет. Несколько лет назад “Вместе” предложила авторам видеороликов округлять показатели, чтобы снизить накал страстей в соревновании за число зрителей. Однако значок < стал символом вечной драмы под названием “меньше, чем”, производя воистину трагический эффект.

– Комментариев раз-два и обчелся, – сообщил Уэс. – По-моему, сейчас ролик смотрит пара десятков человек. Если вообще кто-то смотрит.

– А что со звуком?

– А, прости. – Уэс включил звук.

Раздался знакомый всем в компании голос Бейли:

Погнали, друзья! Сегодня просто чудный день!

Изображение прыгало. Судя по всему, Бейли греб, стоя на доске на коленях. Впереди виднелся берег – коричневатый песок пляжа, за ним зеленая полоска джунглей, еще дальше чернел склон потухшего вулкана.

Для тех, кто только что подключился. Я здесь уже двадцать минут, – Бейли шумно дышал, – *пытаюсь покорить толпу болельщиков.* – Он сделал широкий жест в сторону берега, где не было ни души. Он фыркнул. – *И думаю, сейчас у нас будет небольшой перерыв. Я уже поймал несколько приличных волн, к вящему удовольствию моей многочисленной аудитории.*

Над пляжем явно сгущались тучи, небо вверху картинки отчетливо темнело.

Погода явно портится, поэтому никаких зрителей, конечно же, на самом деле нет. Никто не гуляет и не загорает на этом прекрасном пляже. Но нам все равно, правда? Абсолютно. Мы тут первооткрыватели, и я мечтаю поскорее узнать, что сейчас испытывает Ганнер.

– Число просмотров не увеличивается, – сказал Уэс. – Очень странно.

Если кто-то смотрит нас с самого начала, – продолжал Бейли, – *простите, что я повторяюсь. Но мы тут тестируем новую технологию, которая позволяет двум людям, находящимся далеко друг от друга, делиться ощущениями. В данном случае я плыву по океанским волнам, а мой сын Ганнер находится у себя дома, но благодаря сенсорам чувствует то же, что и я. Он будто сам поднимается на волну и спускается с нее. Хочу передать привет ребятам из команды оптимизации точности движений, которые нам очень помогли! Они вместе с нашей группой переноса опыта добились того, чтобы мозг и тело Ганнера воспринимали сигналы моих органов чувств и создавали опыт, идентичный моему. Сегодня мы в первый раз сможем заняться спортом вместе, и вы не представляете, как я счастлив!*

– Он сказал “ОТД”? – спросила Дилейни. – Я думала, ее запретили.

“Оптимизацией точности движений” называли нанотехнологию, которая улучшала – фактически делала идеальной – координацию зрения, мозга и мышц. С ее помощью игрок в теннис, например, мог послать мяч в одну и ту же точку сто раз из ста. Ошибки были невозможны в принципе.

– Ее запретили в большом спорте. Но Бейли в Никарагуа. Кажется, я понял, *почему* он выбрал это место для своего эксперимента. У нас-то таламические импланты вообще нелегальны.

– Это пока.

Также хочу сказать, – продолжал Бейли с экрана, – *что хотя мы уже много раз опробовали эту технологию в кампусе “Вместе”, но это первый полевой тест сенсоров в условиях открытого океана. Вот, собственно, и все. Рассказывать тут больше нечего.*

Но у меня ощущение, будто сквозь меня проходят какие-то непривычные вибрации, и это очень круто!

Угол зрения камеры сместился чуть ниже, ближе к воде.

Я хочу немного отдохнуть, потому что провел на волнах уже немало времени, а мне ведь пятьдесят семь. Тут небольшое течение, ветер дует с юга и несет меня вдоль берега. Я думаю, если немного подгрести, я выйду из течения, которое в данный момент…

Картинка затряслась, прыгая влево-вправо и вверх-вниз, вода периодически заливала объектив.

– Далековато он от берега, – озабоченно заметил Уэс.

– Это плохо? – Дилейни ничего не понимала в серфинге.

– Ну, может, для молодого парня и нормально, но все равно далековато. Такое течение способно унести его на полмили за несколько секунд.

Надя, ты не могла бы… – тяжело дыша, снова заговорил Бейли. – *Может быть, скорректировать сенсоры? Батарею нужно…*

Очередная волна захлестнула Бейли. Несколько долгих секунд объектив оставался под водой, потом вынырнул.

Отключить… – еле-еле произнес Бейли. – *У меня жутко болит голова. Надя?*

Камера смотрела в воду под странным углом.

– Кажется, он лежит на доске, – сказал Уэс.

Стиви, мне кажется, у меня голова сейчас взорвется. Похоже, сенсоры плохо реагируют на соленую воду. Стиви, ты можешь просто отключить их? Так будет лучше, и я смогу…

Голос прервался.

– Микрофону конец, – сказала Дилейни.

– Нет, послушай. – Уэс вывернул громкость на максимум.

Они услышали, как волны бьются о доску. Еще минута тишины.

– Мы должны кому-нибудь позвонить, – сказала Дилейни.

– Мы? – переспросил Уэс.

Микрофон снова ожил.

Надя! – пробормотал Бейли. – *Передай SOS. Что-то не так. Передай…*

Угол камеры опять поменялся, а потом она ушла под воду. Через секунду снова вынырнула, в кадре возникли небо и пена волн. И снова вода.

– Господи! – сказал Уэс. – Они не будут ничего отключать, да?

– Похоже, – кивнула Дилейни.

“Вместе” никогда не прерывала трансляции, не удаляла

видео. Так они понимали Первую Поправку и так подчеркивали, что они не СМИ, а лишь средство связи. Если вы включаете камеру, это ваше право. Если вы смотрите, это тоже ваше право. Если вы решаете прекратить просмотр – пожалуйста. Но “Вместе” ни во что не вмешивается.

Долгие годы шли ожесточенные бои между “Вместе” и правительствами разных стран, которые раз за разом выражали свое возмущение, когда хулиганы транслировали, как издеваются над слабыми, убийцы – как расправляются с жертвами, а террористы – как обезглавливают и сжигают заживо военнопленных и мирных жителей. Многие компании не выдерживали давления и пытались что-то предпринять, нанимая тысячи работников для модерации таких видео, но вскоре все осознали, что ролик тут же рассылается сотней разнообразных способов, причем наиболее отвратительные расшариваются так активно, что их физически невозможно уничтожить.

Мэй Холланд, взяв власть в свои руки, заявила, что “Вместе” не может и не должна быть мировым цензором. Наступила новая эпоха, и насилие и смерть будут показывать, точка. “Вместе” стремится к тому, чтобы преступления исчезли полностью, тяга к насилию в человеке будет искоренена, и никто больше не захочет смотреть на ужасные вещи. Однако нужно менять не предложение, а спрос, говорила Мэй. Вы не можете перекрыть кран, не перекрыв тем самым поток всего хорошего. Те же самые камеры, которые используются для трансляции жестоких и неприятных вещей, миллионы раз в день помогают предотвратить их, сообщить о них и призвать преступников к ответу. Карманные кражи, проезды на красный свет, превышения полицейскими своих полномочий, оскорбления на почве расовой нетерпимости – любые нарушения прав человека попадают на камеры, и нарушителей быстро вычисляют и задерживают. Редкие случаи обращения технологий во зло – это лишь побочный эффект новой парадигмы. Мэй – и большинство вместе с ней – была уверена, что с этим можно смириться ради повышения уровня безопасности всех людей на Земле. Мир под наблюдением, мир, где все снимается и записывается, – несомненно, лучший мир.

Но была еще и смерть в прямом эфире. Сотни раз в день люди в разных уголках планеты умирали перед камерами. Многие из таких съемок проводились намеренно, когда родственники виртуально собирались у смертного одра. Довольно часто на камеры попадали чудовищные дорожные аварии, несчастные случаи, природные катастрофы и уличные перестрелки. Но еще никто и никогда не видел такого – мучительно медленного умирания мирного жителя, выдающегося человека.

Камера Эймона Бейли оставалась включенной и продолжала вещание в течение тех 32 минут, когда он продолжал дышать, а потом еще 7 часов и 11 минут, пока его тело несло по бурным волнам. На нем был спасательный жилет, так что волны сдернули тело с доски и потащили на запад, а потом на север. Его местоположение было известно – сенсоры передавали координаты, – но штормовая погода не позволяла начать полномасштабные поиски.

Когда тело вынесло на берег, камера продолжала передавать видео: изогнутый горизонт, черный вулканический песок, кружащие над трупом чайки. Время от времени объектив захлестывало пеной прибоя, один раз по нему прополз краб, автофокус работал превосходно, и в кадре показалась невероятно четкая клешня, а затем краба смыло очередной волной.

В конце концов тело Бейли нашли двое местных подростков, которые видели трансляцию, узнали на ней близлежащий пляж и пошли посмотреть, действительно ли мертвец из видео – настоящий.

14
Расширение выборки

Дилейни догадывалась, что в понедельник после гибели Бейли ее и остальных “совместных” будут ждать в кампусе. Она приехала туда к восьми утра и увидела под ярким безоблачным небом у главных ворот сотни букетов и венков. Вокруг этого импровизированного мемориала бродило с полсотни людей. Парочка “совместных” сфотографировала букеты, венки и сувениры, а потом занялась их сортировкой, чтобы побыстрее отправить все пластиковое и небиоразлагаемое на сжигание. Проходившие мимо обсуждали возраст Бейли и вероятность аневризмы. К стихийному мемориалу подбежала собака, схватила в зубы лилового осьминога – тотемное животное Бейли, как он сам однажды сказал, – и побежала прочь. Улучив момент, она разорвала игрушку в клочья, и белая набивка усеяла тротуар.

В кампусе “совместные” сидели маленькими группками на траве, и Дилейни заметила, что одежда на них сегодня более скромная. Один пожилой мужчина даже надел костюм с галстуком. Люди склонялись друг к другу и смотрели в экраны телефонов и планшетов, где начали появляться первые любительские мемориальные видео. Те, кто знал Бейли в детстве, публиковали трогательные фото мальчика на велосипеде с желтым седлом.

В соцсетях активно обсуждали, что же будет теперь с Ганнером, все переживали за него, но он, судя по всему, не собирался выпускать обращение. Многие считали, что это нечестно – ведь он был непосредственным участником свершившейся драмы. Если Бейли хотел, чтобы сын почувствовал то же, что и он сам, то пережил ли и Ганнер смерть – хотя бы в каком-то смысле?

Дилейни заметила одинокую Дженни Батлер, с которой встречалась на “случайном” собеседовании, под лимонным деревом на высокой искусственной насыпи. Услышав шаги, Дженни Батлер резко обернулась, и ее лицо просветлело. Нелепо взмахнув руками, она поднялась, обняла Дилейни и упросила посидеть с ней.

– Бейли меня нанял. Он был моим “случайным” интервьюером, как я – твоим. Представляешь? – Горе усилило ее миссисипский выговор, слово “представляешь” мелодично растянулось. – Он говорил мне, что ему нравится быть “случайным”. Он ведь действительно любил людей, знаешь? Он

был очень искренним. Все, что он делал, он делал исключительно потому, что ему были интересны люди, каждая отдельная личность. Это было для него почти проклятием. С кем бы он ни встречался, он думал, что этот человек глубок, многогранен, полон возможностей и… – Она не смогла продолжать и зарыдала в голос.

Дилейни сжала ее плечо.

– Поэтому он и поставил этот дурацкий таламический имплант! – справившись с собой, продолжила Дженни Батлер. – Он не хотел, чтобы между людьми оставались границы. – Она взглянула вверх, вытерла слезы и глубоко вздохнула. – Но мне кажется, что все же должны быть ограничения. В межличностных связях. В нашей… прозрачности должны быть какие-то пределы. Секреты. Хотя бы физиологические. Вот человек умер, потому что не мог держать ничего в себе.

Дилейни едва не сказала: “Делишься – значит, любишь”, но передумала.

– В любом случае спасибо, – сказала Дженни Батлер. – Я буду по тебе скучать.

– Ты о чем? – Дилейни представила, как Дженни Батлер бросается в море, совершая суицид в память о Бейли.

– Моему отделу конец, – сказала Дженни. – Всем космическим проектам уже настал или скоро настанет конец.

Дилейни об этом не думала, но теперь поняла, что так и есть. Мэй не покупает личные подводные лодки и не испытывает энтузиазма по поводу орбитальных станций, добычи полезных ископаемых в космосе и колонизации Марса и Ио.

– Но, по правде сказать, – продолжала Дженни Батлер, – если бы не Бейли, я бы и не занялась всем этим. Вообще-то я пришла на вакансию в отделе маркетинга, но он увидел у меня в резюме, что я когда-то давным-давно училась на авиационного инженера, и в итоге мы целый час проговорили об этом. А на следующий день он пригласил меня пообщаться с его командой из “КосМоста”, а еще через неделю устроил меня туда. Ну вот кто еще так поступил бы?

***

Мэй вернулась с “Отхода Вперед” – ежегодного ретрита для творческих людей и инфлюэнсеров, который она организовывала и иногда посещала, – и транслировала свой день. Одетая в черный облегающий комбинезон, поверх которого был наброшен серый палантин, она шла мимо утонувшей в цветах ограды кампуса, сложив руки перед собой в псевдопастырском жесте. Скорбящие останавливали ее и пытались рассказать, что значил для них Бейли, и она молча кивала и прикрывала глаза.

В кампусе она провела несколько неформальных встреч в разных отделах, единственной целью которых было добавить что-то к легенде о Бейли и отдать ему дань уважения, поэтому она выслушала бесконечное множество историй, повторявших или превосходивших то, что рассказывала Дилейни Дженни Батлер. Создавалось впечатление, что Бейли лично нанял сотни людей, выплатил массу кредитов за обучение и только и делал, что посылал цветы дедушкам и бабушкам молодых сотрудников и вертолеты на поиски чужих пропавших питомцев.

В течение дня соболезнования выразили действующий президент и два его предшественника, примерно сотня гендиректоров разных компаний и несколько десятков глав государств. Пожалуй, самый трогательный панегирик опубликовала служба охраны “Вместе”, которую Бейли сделал самой высокооплачиваемой в Северной Америке. У Бейли как будто вообще не было врагов. Другое дело Стентон. На мемориальных мероприятиях он старался держаться в сторонке, но его ненавязчивое присутствие, его взгляды украдкой производили противоположный эффект – люди нервничали и мечтали, чтобы он побыстрее исчез. Тем временем в интернете из трансляции смерти Бейли наделали коротких роликов для различных новостных блогов. А шутники и тролли переделали видео в музыкальный клип, наложив на него ранних “Бич Бойз”, а также в фейковую рекламу Никарагуанского Совета по туризму.

***

Следующие несколько дней для Дилейни, как и для большинства других сотрудников, оказались хаотичными. Кики предупредила, что неделя будет “необычно свободной”. В понедельник и вторник Дилейни бесцельно бродила по кампусу, иногда присоединяясь к группам скорбящих или к спортивным развлечениям, которые любил Бейли, – от боулинга на лужайке до дартса (безопасного дартса) и каких-то ненасильственных ролевых игр. Только к концу дня в среду она получила извиняющееся, даже смущенное сообщение от Кики, которая спрашивала, хватит ли ей сил для продолжения разговора о приложении, о котором шла речь на собеседовании.

Шийрин и Карло хотели бы познакомить тебя с заинтересовавшимися разработчиками.

Когда Дилейни вошла в помещение, одиннадцать человек встали и сочувственно склонили головы. Они как будто подразумевали, что Дилейни была близка с Бейли или особенно предана ему.

– Как ты? – спросил кто-то.

Дилейни повернулась и обнаружила рядом с собой Шийрин.

Карло стоял тут же, сложив руки на животе.

– Тяжелая неделя для всех нас, – сказал он.

– Я сожалею о вашей потере, – ответила Дилейни, разглядывая присутствующих в отчаянной попытке угадать, кто из них действительно хорошо знал Бейли. Но казалось, что искренне страдают все без исключения. Некоторые выглядели так, словно всю ночь оплакивали покойного. Одна женщина все время кивала, будто обсуждала сама с собой какие-то решения.

– Садись, садись, – сказал Карло, показывая на пустующее место у стола с лежащим на нем планшетом. – Мы используем “Круглый Стол”, я думаю, это понятно.

Дилейни посмотрела на планшет и увидела на экране схему с аватарками всех присутствующих, расположенными так же, как они сидели в реальности. Она думала, что про эту программу все давно забыли, но “Вместе” была свойственна верность своим продуктам еще долго после истечения их срока годности.

Пока Дилейни по очереди представляли каждого из девяти незнакомых ей людей, их аватарки начинали пульсировать, а под ними появлялись должности – Разработчик Голубого Неба (РГН), Инженер по Опыту (ИО), Энтузиаст Дизайна (ЭД). Слова каждого говорившего, в том числе и “Рада быть здесь с вами”, которые произнесла Дилейни, тут же появлялись на экране. Так как речь шла об интеллектуальной собственности, надо было обязательно фиксировать, кто что сказал.

Дилейни рассматривала присутствующих, пытаясь определить, кто из них юрист, но зацепилась за пристальный взгляд женщины примерно ее лет, на аватарке у которой был свирепый шотландский воин. Однако имя женщины было вполне мирное – Хизер. Ее взгляд был настолько близок к убийственному, насколько это было приемлемо во “Вместе”, – она широко улыбалась, но при этом где-то в глубине ее глаз мерцали подозрительность и откровенная ярость.

– Хизер еще раньше работала над проектом, чем-то похожим на твой “Близкон”, – сказала Шийрин и засмеялась: – Подожди. На чем мы остановились – “Близкон” или “АутенДруг”?

Карло натянуто улыбнулся.

– Мне кажется, что название “АутенДруг” транслирует авторитетность и ориентированность на действия, что подразумевает научную основу. – Он посмотрел на Шийрин, которая быстро отвела взгляд. – А “Близкон” вызывает неприятные ассоциации с “МайСпейс”.

Дилейни решила, что Хизер работает здесь недавно и не имеет большого веса на этом собрании. А главной, похоже, была женщина по имени Холстейн, которая после краткого вступления

Карло и Шийрин взяла инициативу в свои руки.

Она оказалась единственной из всех, у кого было указано лишь одно имя (или фамилия?), а на аватарке стояло настоящее фото. На вид не меньше пятидесяти, роскошные белые волосы напоминали снимок тайфуна из космоса. Глаза за очками в синей оправе казались черными, над ними были жестко прорисованы такие же угольные брови. Ее лицо притягивало – буквально каждая черта как будто требовала полного внимания и подчинения, – однако больше всего в Холстейн завораживали руки. Обнаженные от кончиков пальцев до плеч, без единого украшения, они были словно отлиты из бронзы. Мышцы почти неприлично вздувались под кожей, а цвет был на добрых четыре тона темнее, чем лицо, как будто этими руками она не один десяток лет прикрывала его от солнца или строила корабли.

– Мне нравится “АутенДруг”, – сказала она, и Карло и Шийрин одновременно облегченно вздохнули. Наконец-то кто-то решил все за них.

Холстейн посмотрела на Дилейни, та очень старалась не моргать.

– Дилейни, – произнесла Холстейн ровным певучим голосом, – в первую очередь я хочу сказать, что меня очень впечатлило, как ты представила свою идею на третьем собеседовании. Это означает, что ты смелый и уверенный в себе человек, и я вижу, что это не первая и не последняя твоя удачная идея.

Дилейни открыла рот, чтобы сказать “спасибо” и “конечно, нет”, но Холстейн не дала ей такой возможности. Дилейни поняла, что часики тикают и Холстейн со своими блистательными руками через несколько минут покинет помещение.

– Мы собираемся поработать над твоим приложением. Хочешь присоединиться к группе?

– Я думаю… – начала Дилейни.

– Это необязательно, – добавила Холстейн, и Дилейни стало ясно, что на самом деле ее не желают видеть на этой стадии разработки.

– Поскольку я пришла сюда совсем недавно, – сказала Дилейни, – и пока только наблюдаю и учусь, лучше будет, если вы сами этим займетесь. – Последние слова она произнесла, глядя на сердитую молодую сотрудницу, имя которой опять забыла. Хизер. – Особенно учитывая, что Хизер уже работала над подобной программой и наверняка с удовольствием включит в свой проект все, что ей понравится в “АутенДруге”.

И тотчас же вулканическая лава антипатии, бурлившая внутри Хизер, заметно остыла.

– Прекрасно сказано, – одобрила Холстейн. – Что-нибудь еще?

Она обвела всех взглядом и уперлась ладонями в стол. Теперь ее руки как будто приступили к реализации конкретной цели и стали казаться еще более властными и могущественными. И Дилейни, словно набравшейся от них смелости, пришла в голову мысль. Она еще не совсем сформировалась, но Дилейни чувствовала, что мысль летит ей навстречу, как курьерский поезд.

– Да, кое-что, – сказала она, пытаясь потянуть время. И тут поезд прибыл. Сейчас она проверит, насколько далеко все может зайти. До какой степени они смогут развить ее идею. Она ничем не рискует, зато собственными глазами увидит, существует ли этический предел, который “Вместе” не сможет переступить. – Окей, мне кажется, что сейчас, когда мы потеряли Бейли и в кампусе повысился риск сильных душевных травм и депрессий, запуск “АутенДруга” мог бы стать отправной точкой для внедрения более сложной технологии.

Холстейн впилась в Дилейни взглядом. Дилейни стало немного не по себе, она подумала, что надо бы заткнуться, но слова теснились в голове, и ей очень хотелось узнать, какое впечатление они могут произвести на присутствующих.

– Возможно, вы уже работаете над чем-то подобным, но я подумала, что эта технология окажется очень полезной в распознавании депрессивных состояний. Как вы знаете, около 22 миллионов случаев депрессии в год остаются недиагностированными. – Число она взяла из воздуха, но, судя по одобрительным кивкам, аудитория с готовностью его приняла. – И это *только* в Северной Америке, – добавила она, чтобы ее статистика выглядела более устрашающей, но вместе с тем более достойной доверия. – И чаще всего это происходит с молодыми людьми. Мне кажется, можно сделать так, чтобы “АутенДруг” распознавал симптомы депрессии и быстро и объективно их оценивал. Тогда помощь будет оказана сразу, без задержек. Подобные опции уже встроены в приложение. Сейчас есть способы распознавания правдивости слов по голосу и выражению лица, но ту же самую технологию можно настроить на поиск определенных интонаций и речевых конструкций, свидетельствующих о наличии депрессии.

Присутствующие кивали, покачивали головами и старались выглядеть одновременно озабоченными и возмущенными самим фактом существования нераспознанных случаев депрессии, при этом не забывая демонстрировать одобрение Дилейни.

– А представьте себе молодежь в сельских районах, где нет доступа к профессиональной психологической помощи, – заметил

лысеющий мужчина с выдающимися бакенбардами. Планшет Дилейни сообщил ей, что его зовут Луи.

– Или в странах, где психические заболевания стигматизированы, – подхватил другой, с длинной светлой бородой, по имени Йенс.

– Правильно, *правильно*! – закивала Дилейни и приготовилась нанести решающий удар. – И еще очень важно отметить, что приложению нужно время, чтобы правильно оценить состояние пользователя. Оно может сделать предварительные выводы, предупреждая его о наличии проблемы. Но для полноценной работы потребуется более обширный набор данных. По моим прикидкам, для того чтобы стала возможной точная оценка состояния пользователя, он должен проводить с телефоном шесть-семь часов в сутки на протяжении как минимум трех месяцев, а то и полугода. Конечно, человек в это время может делать с телефоном все что угодно – использовать любые соцсети, игры или другие приложения. А наша технология тем временем будет собирать визуальные и вербальные сигналы. Анализируя выражение лица, речевые конструкции, ключевые слова и фразы, а также историю поисковых запросов и просмотра сайтов, мы сможем абсолютно точно выявлять признаки депрессии и даже, как я предполагаю, ранние предпосылки суицидального поведения.

– А я вам говорила! – произнесла Шийрин, касаясь пальцами висков. – Эта девушка невероятна! Только подумайте, скольких запущенных по невнимательности случаев мы могли бы избежать!

Карло бросил на нее уничтожающий взгляд, и Шийрин порывисто втянула воздух.

– Ну, то есть… – она отчаянно пыталась угадать по глазам Карло, что он хочет от нее услышать, – я просто…

Карло посмотрел на Дилейни:

– Это прорыв! Это жизненно необходимо!

Дилейни улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка получилась одновременно скромной и торжествующей, а потом сжала пальцы в решительный кулак.

– Но чтобы это работало максимально эффективно, нам нужен *доступ*.

– Доступ – это так важно, – прошептала Шийрин, и на глаза у нее почему-то навернулись слезы.

– Нам нужны все возможные данные, – продолжала Дилейни. – Поэтому, если мы действительно хотим справиться с депрессией у молодых людей, ни в коем случае нельзя позволять им выпускать телефоны из рук.

15
Простой план

– Есть, – объявила Дилейни.

– Я рад, – откликнулся Уэс. – Что у тебя есть?

– Я знаю, как их уничтожить.

Они сидели в Хижине и нарезали огурцы, делая вид, что умеют и будут что-то готовить. Подразумевалось, что огурцы – это первый ингредиент салата. К ним предполагалась тайская лапша, но они знали, что никакой лапши не будет. Они сдадутся и закажут еду из ресторана.

– Не сомневаюсь, что знаешь. Это был лишь вопрос времени. Так как же?

– Мы будем идти все дальше и дальше и в конце концов загоним их в угол. Мы скормим системе полный абсурд. Вроде "АутенДруга". Я сегодня изложила этой жуткой Холстейн совершенно невозможные планы и даже сама не поняла, зачем это делаю. А вот теперь понимаю. Это единственный способ.

– Мы сделаем все еще хуже.

– Да! Мы внедрим во "Вместе" ядовитые идеи, она впитает их, запустит на полную катушку и наполнит ими общий мировой кровоток.

– После чего наступит передозировка, – кивнул Уэс.

– Я представляла это как болезнь, но да, хорошо, пусть будет передозировка.

– И в результате они скажут "довольно"! – Уэс поднял вверх ножик, словно меч. Потом выглянул в темноту за окном, прикрывая глаза ладонью, будто от света.

– Именно, – согласилась Дилейни. – Мы доведем все до совсем чудовищной нелепости. И в конце концов кто-нибудь скажет: "Неужели вам не стыдно?" Или что там они сказали Джозефу Маккарти.

– "Вам не стыдно, *сэр*?" – поправил Уэс.

– Точно! "Сэр" мне нравится.

– Но в случае с Мэй это должно быть "Неужели вам не стыдно, *мисс*?"

– Может, *мэм*?

Ураган лежал на полу рядом с ними, надеясь, что ему что-нибудь перепадет.

– Может, *мисс Холланд*? Это одновременно уважительно и уничижительно.

– "Неужели вам не стыдно, *мисс Холланд*?"

– Ага, хорошо. И ты сама это скажешь?

– Нет, разумеется! Это скажет весь мир. Люди!

– А, ну да. Люди! Какие люди?

– Все люди! – воскликнула Дилейни. – Народ!

– Ах, народ. Я люблю народ. Он всегда поступает правильно. – В голосе Уэса одновременно звучали надежда и сомнение.

– Человечество в итоге возмутится бесконечным нарушением его прав и свобод, а также существованием такой монополии и консолидацией богатства, власти и контроля в одном месте.

Уэс внимательно вглядывался в ее лицо.

– Ты говоришь серьезно. Ладно. Допустим. Значит, ты решила начать с “АутенДруга”?

– Он ужасен, но это же такая глупость, – сказала Дилейни. – Одно это приложение должно взбесить людей. Они начнут массово отказываться от технологий. Разобьют свои гаджеты и уйдут в горы. Это приложение может стать триггером для глобальной паузы, чтобы перезагрузиться, переосмыслить.

– Звучит отлично. Перезагрузка и переосмысление. Все понятно. Возможно, даже примут новые законы. Мы за законы?

– Конечно, да. Мы заставим “Вместе” зайти так далеко, что они будут вынуждены вмешаться. Федеральная комиссия по связи. ЕС. ООН.

– Всемирный фонд дикой природы. Женская национальная баскетбольная ассоциация.

– Прекрати!

– ФИФА. “Зи-зи Топ”[11]. Можешь представить себе объединенную мощь ФИФА и “Зи-зи Топ”? Эти парни могут поднять шум!

– Я серьезно.

– Я тоже серьезно. Мне кажется, это сработает. Ты же знакомишься с разными отделами “Вместе”, и каждый раз, попадая в новый отдел, ты будешь внедрять там дурацкие идеи. – Он наклонился, чтобы потрепать Урагана по морде. – Посмотри, что они с ним сделали. (Ураган тихонько поскуливал, вытянув лапы и перебирая ими в воздухе, как будто представлял, что бежит.) Он был настоящей собакой. А они отобрали все дикое и хорошее, что в нем было.

16
Тирания выбора

– Впечатляющая презентация! – сказал Дилейни какой-то мужчина. Она была в кампусе, ее окружали мужчины, и она изо всех сил старалась, чтобы ее взгляд не спускался ниже пояса. – Я Фуад, – представился он и приложил руку к воображаемой шляпе тем самым жестом, который был свойствен Дэну Фарадею, – Дилейни зря надеялась, что им дело ограничится. Если так будут делать все, ей здесь не выжить.

– Спасибо, – ответила Дилейни и огляделась в поисках вина. Ей сказали, что здесь будет праздник, но вина нигде не было, никакого намека на вино.

Презентацию Дилейни, сделанную два дня назад, записали и теперь прокручивали каждый час. И вот ее пригласили сюда, в новую столовую на краю кампуса, на четвертом этаже, с прекрасным видом на стальные воды Залива. Технически это было регулярное обязательное сборище под названием Всеобщее Смешение, где “совместные” из самых разных и никак не связанных между собой отделов должны были знакомиться и обмениваться идеями, но на этот раз гвоздем программы был “АутенДруг” и команда его разработчиков.

Дилейни отчаянно пыталась прикинуться дурочкой, не сомневаясь, что ее замысел очевиден для всех. Теперь она проклинала себя – она зашла слишком далеко. То, что она говорила Холстейн и компании, было настолько вопиюще нелепо, что все на той встрече, а теперь и в этой столовой должны были это понять. С каждым повтором презентации вероятность того, что все увидят, чего она на самом деле добивается, все возрастала. Может, они и фанатики, но не идиоты.

– Очень впечатляющая! – повторил Фуад и пояснил, что он из отдела по работе с молодежью. – Но мне кажется, что можно пойти еще дальше.

Дилейни закашлялась и прикрыла рот рукой. Если ее не убьют собственные махинации, то это точно сделают эти бесхитростные и одержимые люди. Где вино? Она опять огляделась вокруг, словно мать, потерявшая ребенка в торговом центре.

– Тебе что-нибудь принести? – спросил Фуад.

– О, я просто… – промямлила она, продолжая озираться.

Три длинных стола были заставлены огромными блюдами с едой, и “совместные” толпились вокруг, разговаривая и поедая

пищу прямо руками. Здесь не было упаковок, не было столовых приборов, не было стаканов или тарелок. И не было вина.

Фуад покивал каким-то своим мыслям; обе руки у него были заняты: в одной он держал сашими, а в другой – какой-то искрящийся дрожащий шарик. Шарик был размером с мячик для гольфа и явно наполнен жидкостью.

– Я попросил взять меня в команду “АутенДруга”, – продолжал он. – Надеюсь, ты не против? – Он закинул шарик в рот, от легкого сжатия челюстей тот взорвался, и Фуад проглотил содержимое – как будто совершенно без усилий.

– Нет, конечно же, нет, – ответила Дилейни.

Фуад был первым встреченным Дилейни “совместным”, кого можно было назвать денди. Хотя на нем была простая красная футболка и черные брюки – не легинсы, – эффект это прозводило такой, словно он ходил в шейном платке, с тростью и бокалом коньяка в руке.

– Я постараюсь быть полезным, – заверил он и, приложив ладонь к груди, слегка поклонился, прикрыв глаза.

Потом положил в рот еще один шарик. Когда Дилейни только вошла в столовую, она решила, что это воздушные шарики с водой для послеобеденных развлечений. Фуад на мгновение сжал челюсти, и откуда-то из его глотки раздалось тихое шипение. В уголке губ появилась лиловая капелька.

– Ты уже пробовала? – спросил он, потянулся к пирамиде шариков и взял еще один, на этот раз розовый.

Дилейни выбрала желтый.

– Наверное, лимонад, – сказал Фуад.

Дилейни положила шарик в рот, и он, желатиновый, круглый и целый, заполнил все пространство. Она попыталась не морщиться и не давиться.

– Теперь протолкни его вглубь, и он лопнет, – подсказал Фуад.

Дилейни сдавила шарик во рту, но ничего не произошло.

– Может, надо чуть-чуть посильнее, – предположил Фуад, сочувственно улыбаясь.

Она толкнула шарик языком, и он действительно лопнул. Сок ударил в челюсти, в глотку, в нёбо. Дилейни закашлялась и начала плеваться. Жидкость вытекла изо рта и залила блузку.

– К ним нужно привыкнуть, – пояснил Фуад.

Дилейни продолжала задыхаться и кашлять.

– Ты как? – спросил он.

– Нормально, – прохрипела она и хотела попросить стакан воды, но тут же поняла свою ошибку. Немного придя в себя, она посмотрела на пирамиду шариков как на заклятого врага. – Это

было чудесно.

– Идея в том, – стал объяснять Фуад, – чтобы изменить привычки. Ты же знаешь, что в кампусе под запретом любые одноразовые вещи и упаковка.

Дилейни закатила глаза.

– Ну конечно!

– Так вот, Тамара Гупта решила пойти дальше. Знаешь ее?

Дилейни что-то об этом читала. Гупта была специалистом по потреблению воды и когда-то выступала категорически против применения бутилированной воды для мытья посуды, а потом и против самой посуды.

– Ее книга показалась мне очень провокационной, – сказал Фуад. – Мэй пригласила ее сюда для оценки, и она подсчитала, что здесь, в главном кампусе, мы тратим около полумиллиона литров воды в год только на мытье посуды. Это меня потрясло. Это потрясло всех. Поэтому теперь мы прекрасно справляемся безо всяких тарелок и прочего.

– Мне это нравится, – сказал другой мужчина с зажатым в руке бананом, потянувшись мимо них за стеблем сельдерея и превращая их дуэт в трио, старательно делая вид, что так и надо.

У него были острые птичьи черты лица и бегающие глазки. Из карманов комбинезона цвета “серый металлик” со множеством молний торчали и выпирали разнообразные гаджеты и антенны.

– Фрэнсис, – представился он, сделав движение подбородком в сторону Дилейни. Она окинула взглядом его костюм, но сумела вовремя остановиться в районе талии.

– Как поживаешь, Фрэнсис? – слегка настороженно поинтересовался Фуад. – Познакомься, это Дилейни.

Фрэнсис в два укуса проглотил свой банан и бросил шкурку в большую компостную кучу посреди столовой. В поле зрения Дилейни попал его костлявый зад, обтянутый серой лайкрой, и она поспешила отвести взгляд.

– Прекрасно, спасибо. – Фрэнсис открыл молнию на правом предплечье и достал тоненький телефон. Дилейни еще ни разу не видела такой модели. – Ты новенькая, я так полагаю? Как твоя фамилия?

– Уэллс.

Его пальцы бодро забегали по экрану. Дилейни с Фуадом оставалось только ждать. Это была очень типичная ситуация – наблюдать, как собеседник роется в телефоне, и покорно ждать результата для продолжения разговора. Неожиданно Дилейни вспомнила: кажется, у Мэй Холланд была интрижка с каким-то Фрэнсисом. Этот Фрэнсис выглядел лет на сорок, не меньше, Мэй сейчас что-то около тридцати пяти, так что да, это вполне может

быть он. Возможно, дело было в освещении, но Дилейни показалось, что она видит отдельные седые пряди у него на висках.

На экране телефона Фрэнсиса появилось лицо Дилейни.

– А, Дилейни Уэллс! Мне нравится. Тут написано, что ты “бродяга”. – Дилейни стояла перед ним, но он еще с полминуты читал о ней в телефоне и только потом, изучив все досконально, поднял глаза и посмотрел на нее. – Очень интересно. Росла в хижине.

– Фрэнсис из группы “СооПред”, – пояснил Фуад.

– Ого! – произнесла Дилейни, тут же смутившись от собственного энтузиазма. Она действительно хотела встретить кого-нибудь из “Соответствия Предпочтений” – отдела, где разработали более мрачную и жесткую вариацию программы “Ты Уверен?”. “СооПред” стимулировал лояльность брендам и ответственное потребительское поведение с помощью целого набора санкций и негативных стимулов. Это был самый быстро растущий отдел в кампусе и, как считала Дилейни, один из первых в очереди на уничтожение.

Она внимательнее посмотрела на Фрэнсиса и уверилась, что это он и есть. Именно этот человек много лет назад заснял, как он с Мэй занимается сексом. Это случилось, когда Мэй сама была новичком в компании. Ролик был выложен в Сеть и породил горячие споры о том, кому должны принадлежать записи такого рода. Мэй в конце концов смирилась, согласившись, что, выйдя в мир, все видео, все фото, все документы *принадлежат* миру. Как адвокат радикальной прозрачности, она не могла протестовать против опубликования в Сети момента, который имел большое значение для этого мужчины. Дилейни была уверена, что видео и сейчас лежит во всеобщем доступе.

– Твоя презентация была очень смелой, – проговорил еще кто-то с акцентом, который показался Дилейни немецким. К ним присоединился третий мужчина, гораздо старше остальных, ближе к шестидесяти.

– Спасибо, – ответила она.

Мужчина представился Хансом-Георгом. Его маленькие белесые глазки прятались за очками без оправы, взгляд казался одновременно заинтересованным и разочарованным. Длинные темные волосы, слегка тронутые сединой, романтично спадали на плечи. В своей простой фланелевой рубашке, свободных джинсах и безупречных белых теннисных туфлях здесь он казался совершенно не к месту и не ко времени.

– Я тоже “бродяга”, – сказал он. – Или “скиталец”? Как правильно? – Он посмотрел на Фуада, ожидая от него подсказки.

– И так и так, – ответил Фуад. – Таких, как вы, здесь очень немного. Я почти завидую, что у вас есть возможность заглянуть во все уголки “Вместе”. Мало кому так везет.

– Возможно, мне повезло, потому что я приехал издалека, – заметил Ханс-Георг. – Я знаю, что здесь есть другие немцы, но мне кажется, что я единственный из Веймара. Я знаю, что Бейли – большой поклонник Гете. Простите, *был* поклонником. Как ужасно. Ох.

Дилейни была в курсе, что в последнее время в кампусе стало много выходцев из Германии, – вероятно, их приглашали на работу ради того, чтобы ублажить тамошних политиков. Если “Вместе” наймет сотни немцев здесь и за границей, может быть, их правительство пойдет на уступки в своей бесконечной законодательной войне.

– Дилейни, прости, но я должен спросить, – сказал Ханс-Георг. – Ты не думаешь, что призывы к молодым людям проводить больше времени онлайн вызовут вал критики в адрес “Вместе”?

– Неизмеренная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой, – сказал Фрэнсис. – Паскаль[12].

Дилейни улыбнулась ему. Он внутренне сиял. Ему явно очень нравилось вставлять цитаты – правильные или нет – в любой разговор. Ханс-Георг, кажется, тоже заметил ошибку, улыбнулся и вернулся к своему вопросу.

– Тебе не кажется, что, запуская нечто подобное так скоро после ВРВ, мы очень рискуем?

ВРВ, то есть “Виртуальная Реальность Всем”, был очень дорогим пилотным проектом, работа над которым велась не один год. Его целью было приучить детей к дезориентирующим эффектам виртуальной реальности путем надевания шлемов на младенцев – как во сне, так и во время бодрствования. Родителям обещали не только повышение IQ, но и вероятность поступления в лучшие университеты, однако педиатры подняли такую волну возмущения, что проект все же пришлось закрыть, хотя на него уже были потрачены миллиарды.

– Это интересно, – невпопад произнесла Дилейни, не зная, что сказать. Ей нужно было срочно сменить тему, а потом как-нибудь смыться. – Ты это пробовал? – спросила она у Ханса-Георга, показывая на пирамиду питьевых шариков. – Они хороши.

– Пробовал, – ответил Ханс-Георг и вздохнул.

– Перебор? – поинтересовался Фрэнсис.

Ханс-Георг с вежливой улыбкой пожал плечами.

– Ханс-Георг вырос в Восточной Германии, – пояснил Фуад. – У них там не было такого выбора.

– Это правда, – согласился Ханс-Георг. – Я помню, как поехал с тетей в Берлин. Это было после падения Стены. До этого я не был на Западе. Я помню, как мы стояли перед пекарней и смотрели на витрину. Там было столько умопомрачительных вещей! Пятьдесят видов печенья, десятки разных тортов. Всевозможные круассаны, и кексы, и самый разный хлеб. Крендельки! В шоколаде, с изюмом, с корицей, с солью. А марципан! Я никогда еще не видел марципана, хотя знал о нем из балета про многоголовую крысу… как это по-английски?

– “Щелкунчик”, – сказал Фрэнсис.

– Точно! И вот мы стояли перед этой пекарней и не решались зайти внутрь. И я посмотрел на тетю и увидел, что она плачет.

Фрэнсис кивал, сложив губы в сочувственную гримасу.

– Поэтому Стена и рухнула, – сказал он. – Люди хотели, чтобы у них был выбор. Они мечтали о свободном рынке.

– Прости, – сказал Ханс-Георг, продолжая вежливо улыбаться и задумчиво глядя на Фрэнсиса. – Ты не понял. Она плакала не поэтому. Когда мы пришли, был уже вечер, и она знала, что всю эту прекрасную еду скоро просто выбросят на помойку. Для нее это было невыносимо. – Ханс-Георг посмотрел в сторону буфета, как будто он тоже олицетворял собой расточительство.

– Слишком большой выбор, – сказал еще один мужчина, крепкий, в обтягивающем комбинезоне с короткими рукавами. На руках, скрещенных на груди, вздувались мышцы.

– “Перебор”, – сказал Ханс-Георг. – Так говорила моя тетя. “Зачем нам столько всего?”

Новый собеседник слушал Ханса-Георга, но смотрел при этом на Дилейни.

– Для нее это было символом загнивающего Запада, – продолжал Ханс-Георг. – Воплощением излишеств и глупости. Да, она была коммунисткой, но в этом я с ней согласен. Это было перебором тогда, и это перебор сейчас. Прости, Габриэль. Я монополизировал Дилейни.

– Габриэль, – представился мужчина в комбинезоне и кивнул. – А *ты* что думаешь? – спросил он у Дилейни, глядя на нее так пристально, что она была вынуждена отвести взгляд.

– О выборе? – уточнила она.

Фрэнсис и Фуад отошли от них, причем демонстративно направились в разные стороны. Габриэль не отрывал глаз от Дилейни, не обращая внимания на их уход.

– Да.

– Это бремя нашего времени и причина большинства болезней нашего общества.

Габриэль слегка покачал головой, как будто говоря: *может,*

так, а может, и нет, но хорошо сказано.

– Да-да! – подхватил Ханс-Георг. – Именно! Исследования Габриэля показывают, что так и есть!

Он остановился, словно предлагая Габриэлю продолжить самому, но тот промолчал, по-прежнему глядя на Дилейни с таким выражением, как будто знал ее когда-то давно и теперь пытался вспомнить откуда.

– Главное открытие Габриэля, – снова заговорил Ханс-Георг, – состоит в том, что выбор – это один из основных факторов стресса для последних трех или четырех поколений. Для миллениалов, поколений Y и Z это не просто синдром упущенной выгоды, это паралич, вызванный неограниченными возможностями. Я правильно говорю, мистер Чу?

Дилейни наконец поняла, кто перед ней. Габриэль с самого начала показался ей смутно знакомым, но она не могла понять почему. Теперь все сложилось. Это был Габриэль Чу, человек, которого знали во всем мире. Это он создал U4U.

– А, так вы – *Габриэль Чу*! – сказала Дилейни.

Он пожал плечами. Она решила, что это часть его игры – скромно представиться просто Габриэлем и дать собеседнику возможность постепенно догадаться обо всем.

Дилейни знала, что этот человек – один из самых опасных в компании. Рамона Ортиз могла объявить путешествия преступлениями против планеты, но Габриэль Чу казался способным превратить миллиарды умов в кашу. Он не признавал никаких тестов на тип личности, высмеивал типологию Майерса-Бриггса и искренне хохотал над Уолтером Кларком и Вильгельмом Вундтом[13]. Про Фрейда он сказал: “У его работ авторитета не больше, чем у уличных астрологических прогнозов”. В ставшем широко известным меме он заявил последователям Фрейда: “Можете вести свои дневники сновидений и собирать похабные истории. А мне уже известно будущее человечества”. Но если не считать всего этого, он казался человеком вполне простым.

– Ты проходила какой-нибудь из его опросов? – спросил Ханс-Георг у Дилейни.

Лицо Габриэля напряглось – кажется, на этот раз ответ был ему действительно интересен.

– Конечно, – ответила Дилейни, и Габриэль расслабился. – Постоянно прохожу. На них подсаживаешься.

На протяжении многих лет Дилейни смотрела на опросники U4U со смешанным чувством уважения и ужаса. Эти тесты с невинными названиями, якобы развлекательные, были очень популярны. “Какой ты коллега?” “Ты случайно не тайный

деспот?" "Поможет ли тебе буддизм стать продуктивнее?" "Что твой увлажнитель говорит о твоей способности обрести счастье?" Опросы были самыми разными – от коротких и эксцентричных до многоуровневых и претендующих на наукообразие. U4U, изначально выпущенное отдельным приложением, стало хитом, разные компании и анонимные разработчики начали создавать свои тесты на его основе, а Габриэль Чу, имевший докторскую степень по клинической психологии, превратился в публичную фигуру мирового масштаба. Его короткие лекции о свойствах личности и их изменчивости смотрели миллионы, и аудитория проходивших тесты неуклонно росла. Результат каждого из них заносился в таблицу, из которой сразу можно было выяснить, кто вы – ценитель высокой кухни, достойный родитель или желанный любовник.

Когда "Вместе" приобрела компанию Чу за 2,1 миллиарда долларов, почти весь мир удивился, так как его тесты казались безобидной игрушкой для обывателей, однако Дилейни предполагала худшее и оказалась права: из их результатов стали извлекать данные о человеческом поведении, которые "Вместе" не могла получить никаким официальным путем. Тесты создавались забавы ради, но содержали сотни очень личных вопросов, поэтому пользователи – то есть потребители – оказались полностью беззащитными. Информация, которой многие ни за что не стали бы делиться в обстановке клинического исследования, радостно выкладывалась на всеобщее обозрение в виде ответов на "развлекательные" тесты.

– Когда я проходил клиническую стажировку, – тем временем рассказывал Чу, – я работал с молодыми студентами, в основном из колледжей, ребятами чуть за двадцать. И большинство людей, которые приходили к нам в клинику, жаловались на одно и то же – на стресс и неспособность принять решение при наличии неограниченного выбора.

– Только представь! – благоговейно прошептал Ханс-Георг. – При советской власти люди мечтали, чтобы у них было больше двух сортов хлеба. А теперь у нас есть выбор, но он нас подавляет.

– Людям нужно три варианта, а не шестьдесят, – сказал Габриэль. – А во многих категориях выбор вообще не нужен. Например, мы выяснили, что из 1000 опрошенных только 77 хотели бы сами выбрать себе матрас. Остальным просто нужен удобный, относительно недорогой и от надежного производителя. Стресс возникает, когда вы начинаете думать, что принесете новый матрас домой и поймете, что он не слишком хорош, или слишком дорог, или при его производстве использовался детский

труд.

Откуда-то возникла Кики.

– Вот ты где! – воскликнула она, тыча пальцем в Дилейни. Кики всегда знала, где должна быть Дилейни, но при встрече все время демонстрировала удивление. Она кивнула Габриэлю и Хансу-Георгу. – Мне надо с ней поговорить. Она еще не сделала свое “ЗнакоМы”! Ханс-Георг, твое было прикольным. Что-то про классическую музыку, да?

– Да-да, Дебюсси.

Слово “Дебюсси” в словаре Кики отсутствовало. Она потыкала пальцем в браслет.

– А, точно, – кивнула она и потащила Дилейни к выходу.

– Надеюсь, мы еще поговорим, – сказал им вслед Габриэль. – Может быть, во время твоих скитаний ты забредешь в U4U. И ты тоже. – Он посмотрел на Ханса-Георга, имея в виду, что приглашение распространяется и на него. Но тот не отрывал взгляда от удаляющейся Дилейни.

***

Пока они спускались по лестнице, Дилейни разглядывала костюм Кики. На этот раз на ней был обтягивающий красный топ с рисунком в виде перьев. Легинсы изображали русалочий хвост – чешуйчатый, сине-зеленый, слегка светящийся. Фляга с водой была украшена плавником, зловеще подпрыгивающим над ее головой.

– Рыба и перья, – сказала Кики, заметив взгляд Дилейни. – Новый фаворит ТУ. Мне нравится. Сделано в Греции бывшими преступниками. Пошли.

Дилейни сделала себе мысленную пометку выяснить, что такое ТУ, но тут же сообразила, что Кики говорит о “Ты Уверен?”. О нем она знала – более светлый и стильный аналог “СооПреда”, всепроникающая и всемогущая совесть покупателя. Если вы хотели купить вредный для окружающей среды пиджак, на экране появлялось диалоговое окно. “Ты Уверен?” – спрашивало оно и предлагало лучшую альтернативу.

Всю дорогу Дилейни улавливала периферическим зрением и пыталась как-то осмыслить полурыбу-полуптицу, извивающуюся рядом с ней.

– Итак, “ЗнакоМы”, – сказала Кики. – Тебе давно пора этим заняться. Нам нравится, когда новые “совместные” придумывают, как лучше узнать их. Мы обнаружили, что обычно межличностные контакты налаживаются очень медленно, целый год или даже два, и это, конечно, неправильно. Доктор Чанапаи… Ты ее знаешь?

Дилейни подумала, что Кики предпочтет быть единственной из них, кто знает о работе доктора Чанапаи, поэтому сказала, что

нет.

– Так вот, она объяснила, что люди, попадающие в новую для себя культуру, должны незамедлительно отметить свое прибытие и отдать дань уважения той культуре, к которой принадлежат. Поэтому мы просим новых сотрудников представиться. Ты можешь угостить всех каким-нибудь значимым для твоей культуры блюдом, а можешь спеть или сыграть мини-концерт, если обладаешь достаточными талантами. Можно даже караоке. Вообще что угодно. Один парень из Индианы сделал маленький кукурузный лабиринт, хотя после этого поступило несколько жалоб. У вас в Айдахо есть кукурузные лабиринты?

Браслет Дилейни завибрировал, хотя она не устанавливала на нем виброрежим. Она посмотрела на экран. Там было сообщение от Фрэнсиса: “Приветствую! Чтобы улучшить мои взаимодействия с «совместными», я прошу всех новых знакомых ответить на несколько вопросов для оценки моих навыков общения”. Дилейни промотала текст вниз. Там было 32 вопроса. 1. Можно ли назвать меня дружелюбным? 2. Поддерживаю ли я адекватный зрительный контакт? – и так далее. Ответить на каждый вопрос можно было одним из пяти смайликов, от клыкастого дьявола до расплывшегося в улыбке ангела.

– Дилейни! – окликнула ее Кики.

Дилейни оторвала взгляд от экрана:

– Прости. Кукурузные лабиринты? Нет, ничего об этом не знаю.

Теперь Кики тоже смотрела в свой телефон. С каждой новой прочитанной строчкой ее лицо мрачнело. Наконец она взглянула на Дилейни.

– Все в порядке? – поинтересовалась та.

– Да, – ответила Кики, ее нижняя губа тряслась. – Я просто получила серьезный стыж. Кто-то нашел мое старое фото, где я стою рядом с человеком, которого только что обвинили в нападении – в нескольких нападениях. Кажется, это выяснилось вчера, а я ничего не знала. Как же я пропустила! Прошло уже двадцать четыре часа, а я не выразила своего осуждения и не объяснила, почему я с ним фотографировалась.

Ее телефон снова звякнул.

– Они нашли мое сообщение ему. Я вообще не помню этого парня! Это было восемнадцать лет назад! Зачем я ему писала?

– А что ты ему писала?

– “Привет, Пол. Это Кики”.

– Не думаю, что стоит из-за этого переживать.

– Да я и не переживаю, просто сейчас неподходящий момент. Мой Показатель Стыда выше, чем надо. Я пытаюсь быть хорошим

человеком, но потом возникают вот такие вещи, и… – Она шмыгнула и провела ладонью под носом.

Дилейни очень хотелось сгрести Кики в охапку и убежать с ней куда подальше.

– Извини, – сказала Кики, пытаясь взять себя в руки и вытирая глаза. – У нас есть дела. “ЗнакоМы”. Без кукурузных лабиринтов.

– Да, думаю, лучше без них, – кивнула Дилейни.

Из браслета Кики раздался звонок.

– Привет, Нино! Нет, мама не плачет…

Дилейни отвела взгляд, стремясь дать Кики немного личного пространства, и заметила парочку в лайкровых комбинезонах от щиколоток до плеч. Однако эти костюмы были тоньше, чем у остальных, почти прозрачными. У одного из мужчин сквозь ткань просвечивали темные пятна в местах, где росли волосы.

Кики вернулась к ней.

– Хорошо, значит, нужно придумать что-нибудь еще. Может, что-то связанное с твоей работой рейнджера? Что-нибудь на природе, но не такое страшное, как кукурузные лабиринты? – Ее лицо на секунду напряглось, как будто она представила всю грязь и хаос природы. – Или *про* природу, но *здесь*, во “Вместе”. Ты можешь показать фото. Кто-то когда-то показывал “Моану”. Кажется, он был с Фиджи, поэтому…

– Я подумаю, – сказала Дилейни.

– И это не должно быть что-то масштабное. Можно человек на сорок. Хорошее число. А эти сорок расскажут другим о том, что ты привнесешь в кампус.

– Я что-нибудь придумаю.

– Мы просто очень рады, что ты здесь, – сказала Кики. – Особенно я. Ты умеешь слушать и не судишь.

Дилейни почувствовала себя ужасно. Она только и делала, что судила, – особенно Кики, которая явно была на грани нервного срыва.

– Что бы ты ни придумала, это будет отлично.

Дилейни натянуто улыбнулась, зная, что это никак не может быть правдой.

17
Труды наших плодов

– Нам не стоит ехать вместе, – сказала Дилейни.

– Почему? – не понял Уэс, просовывая руку в рукав мешковатой фланелевой рубахи. – Они же знают, что мы живем вместе. Будет, наоборот, странно, если мы приедем поодиночке.

Уэса взяли на работу, и Дилейни это одновременно ужасало и странным образом успокаивало. Она понимала, что присутствие Уэса в кампусе десятикратно увеличивало риск, что ее раскроют, он был слишком простодушен и забывчив. Например, между делом, чисто случайно, мог проболтаться о ее партизанской миссии, заказывая миску салата в столовой.

– Я должен надеть камеру?

– Нет. Веди себя как обычно. Они знают всю твою историю. Они спросят, почему ты был трогом, и тебе придется отвечать честно. Но свои частные мысли все-таки лучше держать при себе.

Дилейни начала завязывать шнурки.

– Не могу на это смотреть, – сказал Уэс, вышел из комнаты и не возвращался, пока она не закончила. – Как мы будем добираться до кампуса? – спросил он, когда со шнурками было покончено. – Как вообще теперь правильно перемещаться, после “Стой + Смотри”? Может, пойдем под парусом? Подожди. – И начал рыться в карманах, как будто в одном из них была припрятана яхта.

Некоторое время они обсуждали, какое транспортное средство будет наиболее логичным и совместно-допустимым, в конце концов заказали поездку на автомобиле на солнечных батареях и ждали, сидя на диване; Ураган прихромал к ним и улегся в ногах у Уэса. Дилейни до сих пор не могла поверить, что Уэса наняли после первого же собеседования. Его определили в команду “АутенДруга” – приложения, которое они придумали, чтобы Дилейни получила работу, которая была ей не нужна.

– Тебе сказали, кто будет твоим куратором? – спросила Дилейни.

– Наверное.

– Все понятно, ты не помнишь, – констатировала Дилейни и совсем упала духом. – Ладно, может, это и хорошо. Просто продолжай витать в облаках. Мое имя желательно тоже забыть.

– Что?

– Я серьезно. Будет лучше, если ты вообще не станешь обо мне упоминать.

– Ты мне даже не нравишься, Анастасия.

– Мы должны держаться друг от друга подальше.

– Понял, держаться подальше. А теперь скажи мне, Оливия, я смогу познакомиться с Дженни Батлер, астрофизиком, которая знает время и дату собственной смерти?

– Она ушла из кампуса, поскольку после смерти Бейли все космические программы были свернуты.

– Ох. Видимо, *это* она предсказать не смогла. – Уэс замолчал, ожидая, что Дилейни засмеется. Ураган заскулил.

– Они покупают в среднем по три компании в неделю, – сказала Дилейни. Смеяться ей совершенно не хотелось. – И так же легко закрывают проекты, особенно если они касаются того, что находится за пределами Земли.

Уэс заметил что-то на большом пальце своей ноги, достал пилочку, склонился и что-то произнес, опустив голову между коленей, но Дилейни не расслышала.

– Прости, – сказал он, выпрямляясь. – Я говорю, что так компания стала гораздо менее интересной. Я понимаю, что я все равно не занимался бы космическими кораблями, но мне хотелось хотя бы пообщаться с людьми, которые там работали.

На какой-то момент Дилейни понадеялась, что он действительно уволится в первый же день. Это существенно упростило бы дело.

– Но я должен хотя бы посмотреть, как там все устроено, – сказал он. – Тем более что могу приводить с собой Урагана.

– Не сегодня, – заметила Дилейни.

– Я знаю. Но там, в кампусе, наверное, тысячи животных. В основном из “Джунглей”, тамошние ребята любили зверушек. Я уже все узнал – там есть собственный ветеринар, няни для животных, игровые группы. Территория для кроликов. Норы.

– Не думаю, что там есть норы. Просто огороженный участок, куда выпускают кроликов.

– Должны быть норы. Кролики живут в норах.

– Там нет никаких…

Телефон-раскладушка Уэса звякнул. Он открыл его и прочел сообщение. Дилейни напряглась. Почти сразу она догадалась, что сейчас Уэс начнет рассказывать ей об очередном воздыхателе, подпавшем под чары Пиа Мински-Ньютон. Уэс напечатал ответ и захлопнул телефон. Дилейни подождала жалоб на тяжкое бремя красоты его подружки, но их не последовало.

Телефон Дилейни сообщил, что машина на месте. Они попрощались с Ураганом и вышли из дома. Их ждал мужчина в шлеме за рулем фиолетового автомобиля.

– Прежде чем сядем, – сказала Дилейни, – не забудь, что все

разговоры в машине записываются.

– Я знаю.

– Я знаю, что ты знаешь. Только теперь это не теории. Это действительно важно. С этого момента и до тех пор, пока ты не вернешься сюда вечером, всегда помни, что все, что ты говоришь, будет услышано и может быть найдено за секунды. Это архивы, доступные каждому.

– Хорошо.

– Лично я приспособилась говорить медленно. Делать паузу, прежде чем что-то сказать. Сам увидишь, так многие поступают. Все, что ты скажешь, будет зафиксировано навечно, поэтому осторожность необходима. Я ведь рассказывала тебе про “ТвойГолос”.

– Да. Я все понял. – Уэс полез в машину.

– Можно проверить вашу сетчатку? – послышался хриплый и напряженный голос водителя из динамика над головой.

Дилейни наклонилась к сканеру. Радостный звонок подтвердил, что она – тот самый человек, который заказал машину.

Водитель взглянул на Уэса:

– А вашу?

– Я просто пассажир. И меня нет в базе.

– Вам никогда не делали сканирование сетчатки? – удивился водитель и посмотрел на дом, откуда они вышли. – Вы же не троги?

– Нет, у меня просто глаукома, – сказал Уэс.

Водителя это не удовлетворило. Он начал говорить о безопасности, о праве знать, кто едет с ним в машине.

– Уэс, – сказала Дилейни, – ты можешь просто подключиться к его телефону?

У Уэса специально для таких случаев был смартфон, которым он обычно не пользовался, но сейчас взял с собой. Быстрый обмен данными через телефоны был примитивной и устаревшей формой идентификации. Изучив профиль Уэса и не найдя там сведений о нарушениях или негативных отзывов, водитель наконец тронулся с места.

– Бедная Пиа… – предсказуемо вздохнул Уэс.

У Дилейни тут же заболела голова.

– Видимо, это тот принц. Представляешь, в Норвегии еще есть принцы. Пиа познакомилась с ним на конференции по климату, и теперь он не оставляет ее в покое. Он уже познакомил ее со своим отцом.

Еще одна вспышка боли.

– С королем?

– Да! А потом этот король сам флиртовал с ней минут двадцать на глазах у всех. Она думает, что ей пора маскироваться.

Дилейни никогда раньше не подливала масла в этот огонь иллюзий, но ей вдруг стало все равно.

– Разве что-то может замаскировать ее красоту?

Уэс вздохнул.

– Ты права. Нужно сказать ей это.

У каждого человека есть своя слепая зона, подумала Дилейни. Она посмотрела в окно, на пилоны, торчащие из причала, как иглы дикобраза. Но, продолжала рассуждать она, в этом плане и я слепа – не вижу, где моя слепая зона. Не к добру это все.

***

Когда они доехали до Бэй-Бридж и кампус “Вместе” раскинулся перед ними во всей своей маниакальной геометрии, Уэс обреченно пробормотал:

– Никогда раньше нигде не работал.

– Не может быть, – отозвалась Дилейни и попыталась оценить, нужно ли ему молчать об этом, но решила – учитывая, что с вероятностью 50 % их услышит ИИ “Вместе”, а потом и их отдел кадров, – что его наивность и неискушенность могут счесть очаровательными.

– Правда. У меня не было работы, куда надо приходить в определенное время, где следят за твоим присутствием-отсутствием и где ты должен есть тогда, когда едят другие.

Из телефона Дилейни раздался непривычный звук. Опять сообщение от Фрэнсиса. Она получала их регулярно с момента их знакомства, но теперь он каким-то образом смог изменить ее рингтон. “Не забудь заполнить мой опросник!” – гласило сообщение, сопровождаемое смайликом, который выглядел одновременно радостным и обеспокоенным.

– Фрэнсис? – спросил Уэс.

Дилейни натянуто улыбнулась, напоминая Уэсу, что необходимо следить за языком.

– Гляньте-ка, – произнес водитель, тормозя перед съездом на Трежер-Айленд. Перед ними выстроилась очередь из дюжины машин, и Дилейни высунула голову в окошко, чтобы посмотреть, что происходит.

Уэс показал ей на человека, стоявшего на стальной ограде моста, прямо перед съездом. Это был мужчина лет шестидесяти, с подстриженной седой бородой, в джинсах и темной спортивной куртке. Над головой он держал плакат.

– Не могу прочитать, – сказал Уэс.

Дилейни перегнулась через него. “УБИЙСТВО МОЕЙ ЖЕНЫ ДОСТУПНО ДЛЯ ПРОСМОТРА НА ВСЕХ ВАШИХ ПЛАТФОРМАХ. ЗАЧЕМ? Я ПРОШУ ВАС УБРАТЬ ВИДЕО УБИЙСТВА МОЕЙ ЖЕНЫ С ВАШИХ ПЛАТФОРМ”.

Все едущие перед ними машины притормаживали – водители то ли хотели прочитать надпись, то ли боялись, что мужчина прыгнет на дорогу.

– Вдовец, – сказал водитель.

– Кто? – не понял Уэс.

– Вдовец, так его называют. Он тут уже не первую неделю.

Когда машина проезжала мимо, мужчина заглянул к ним в окно, и его голубые глаза задержались на лицах Дилейни и Уэса. Он знал, что они “совместные”. Он затряс своим плакатом и закричал:

– Услышьте меня!

Дилейни сжала руку Уэса, чтобы тот не ляпнул чего-нибудь. Уэс отвернулся и высвободил ладонь.

– Услышьте меня! – снова прокричал Вдовец.

Дилейни показалось, что сейчас он бросится прямо на их машину. Она раньше не слышала о нем и его плакате. Но ситуация была не нова. Жену этого человека кто-то убил – неизвестный преступник, полиция, неважно. Это было снято, выложено в Сеть и сохранено навсегда. Никто не собирался удовлетворять его требования.

– Сделайте что-нибудь! – кричал он. – Я знаю, вы там работаете!

Дилейни встретилась с ним взглядом. Он был не больше чем в десяти футах, глаза его были безумны.

– Я пытаюсь, – одними губами произнесла она.

– Что? – прокричал он. – Что ты сказала?

Уэс, пораженный, повернулся к Дилейни. Она что, действительно что-то сказала или показала этому человеку? С ума сошла?

Дилейни примирительно подняла руки, тут они наконец преодолели затор, и машина набрала скорость. Сердце Дилейни колотилось все сильнее. Такси въехало на Трежер-Айленд и начало спускаться к кампусу “Вместе”.

В прошлом уже предпринимались попытки выступить против размещения в открытом доступе материалов, разжигающих ненависть, распространяющих ложь и содержащих сцены насилия, но ни одна из них не имела успеха. Со временем стало понятно, что с этим ничего не поделаешь. Лишь однажды “Вместе” попыталась принять реальные меры, но это лишь доказало, что вина лежит не только на компании, но и на нескольких

миллиардах пользователей. Желая умилостивить Евросоюз, “Вместе” представила новую медиаплатформу, “Буэ”, специально отведенную для размещения всего отвратительного и антиобщественного. В компании надеялись, что тролли и социопаты будут вариться там в плотно закрытом котле оскорблений и призывов к взаимному уничтожению, не задевая чувства добропорядочных граждан. По мнению Бейли, все беды в Сети создавали всего один-два процента отморозков. Но как только “Буэ” была запущена, туда потянулись миллионы, а затем и миллиарды вроде бы нормальных людей. Она стала популярнее всех остальных платформ компании вместе взятых. Людям были нужны кровь и кишки, поэтому “Буэ” потихоньку слили с мейнстримовыми платформами. Небеса “Вместе” могли *вместить* даже преисподнюю.

Дилейни и Уэс подошли к главным воротам. Кампус купался в солнечных лучах. Дилейни взглянула на часы. Они приехали на тридцать минут раньше.

– Пойдем позавтракаем, – сказала она.

***

Они пошли завтракать в огромный атриум, где от центрального круглого буфета расходились лучами сорок длинных гранитных столов. Это была самая праздничная и располагающая к общению столовая из всех, что Дилейни доводилось видеть. В одном конце зала помещался большой экран, закругляющийся по сторонам, как скобка. *Нуждаетесь во вдохновении? В совете?* – вопрошал экран. – *Поговорите с Живой Стеной Вдохновения, Благодарности и Добрых Чувств!* На экране появлялись и исчезали улыбающиеся “совместные”. Потом возникло изображение Мэй Холланд, пожимающей руку полицейскому. “Мы гордимся сотрудничеством с местными департаментами полиции и вместе делаем города безопаснее, – гласила подпись внизу. – С помощью нашей программы «ЗамГлаза» общины могут лучше, чем когда-либо, обеспечивать собственную безопасность благодаря взаимному наблюдению…”

– Ага, – сказал Уэс, – а столовая называется “Едвилль”.

На его лице было написано страдание.

– Здесь очень много интересных названий! – с нарочитой радостью отозвалась Дилейни.

Они обошли буфет, впитывая глазами буйство разнообразных красок. Любой фрукт можно было взять целиком или нарезанным на причудливые кусочки. За серебряными подносами и противнями с картофельными блинчиками, вегетарианскими колбасками и фальшивым беконом из морских водорослей замерли повара. Осознав, что тарелок здесь нет, Уэс зачерпнул

горсть ананасовых кубиков и безглютеновых шариков из овсянки.

– Мои глаза, – пробормотал он. – Я боюсь за свои глаза.

Кажется, он не моргал с того момента, как они оказались в кампусе. Он со вздохом посмотрел на буфет, вокруг которого собралась пара дюжин людей в разноцветной лайкре, каждый с едой в руках. Потом мотнул головой в сторону группы мужчин за сорок, рельеф их ягодиц во всей красе блистал в лучах утреннего солнца.

– Я хочу это развидеть, – сказал он. – Жуть какая-то.

Дилейни приложила палец к губам. Уэс закинул в рот подрагивающий шарик с жидкостью и сжал челюсти. Его веки тут же захлопнулись и вновь распахнулись, глаза слегка вылезли из орбит, он сглотнул и ухмыльнулся. Дилейни подумала, что питьевые шарики могут ему понравиться. Они же дурацкие, а Уэс любит все дурацкое.

– А вот это прикольное.

– Посмотри на экран, – сказала она.

Уэс повернулся. *Тайна есть ложь*, гласила надпись вычурным шрифтом. *Делишься – значит, любишь.* Это были обычные банальности. *Мир хочет, чтобы за ним присматривали.* Дальше появились объявления о занятиях. Сегодня должен был состояться онлайн-семинар под названием “Креативность: можно ли ее купить? И сколько она должна стоить?”, ведущий – приглашенный специалист по статистике.

Посетителям предлагалось посылать на экран свои сообщения – при желании анонимно, – которые затем отображались на нем огромными буквами. Если другим сообщение нравилось, они могли ставить ему смайлики, и если смайликов набиралось достаточно много, оно задерживалось на экране надолго и увеличивалось в размерах. Авторы идеи рассчитывали, что экран станет динамичным цифровым салоном, но результат, как показалось Дилейни, пока никак не дотягивал до “Алгонкинского Круглого Стола”[14]. “Порадуйся себе!” – гласило первое новое сообщение. “Благодарю вас!” – возвещало следующее.

– Не ожидал, что здесь будет столько фруктов, – заметил Уэс. – Точнее, тропических фруктов. Сейчас вроде как не сезон. Посмотри, сколько бананов.

Дилейни кое-что пришло на ум. Она пристально уставилась на Уэса, пытаясь привлечь его внимание.

– Что? – не понял он, озираясь по сторонам. – Что такое? Что-то случилось?

Она растянула губы в жуткой улыбке. До Уэса наконец дошло. Она предполагала, что их слова записываются и

проверяются в реальном времени “ТвоимГолосом”.

– Как мы в Калифорнии можем есть бананы, – проговорила она, тщательно подбирая слова, – если их собирают нищие работники в Гватемале, за три тысячи миль отсюда?

Уэс кивнул. Он что-то понял – по крайней мере, что он должен что-то понять.

– Хороший вопрос, – подхватил он. – Эти бананы на самом деле из Гватемалы? Я думал, откуда-нибудь поближе. Во Флориде растут бананы?

– Нужно послать эти мысли на экран, – сказала Дилейни и попыталась вспомнить, что за непростительное название у этого устройства. Она осмотрелась и обнаружила его выгравированным на стене. – Послать “Живой Стене Вдохновения, Благодарности и Добрых Чувств”. – У нее не было никакого плана, сейчас она просто хотела проверить, насколько эта система поддается влиянию. – Давай спросим у *сообщества*, что они думают об углеродных издержках доставки этих бананов в такую даль. – Она кивнула на телефон Уэса, который лежал на каменной столешнице.

– Мне хотелось бы знать, – согласился он. – Это очень важно.

Он показал ей на ее собственный телефон.

Она покачала головой и снова указала на его.

– Раскритикуют. Меня, – сказал он.

Это была его теория, в принципе подтверждающаяся фактами. ИИ можно запутать, если произносить слова в неправильном порядке и через паузу. Он считал, что в таком случае их не будут фиксировать и проверять.

– Уважения. Заслужишь. Ты, – возразила Дилейни.

Он откинулся на стуле, скрестил руки на груди и сидел так целую минуту.

– Для тебя. Нашла. Работу. Я. – Это Дилейни.

Наконец он взял телефон и начал печатать, используя сложную систему, которую сам придумал для того, чтобы передавать сообщения с этого древнего устройства более продвинутым получателям.

“Меня беспокоит наличие здесь бананов. Каковы углеродные издержки? Имеем ли мы право сегодня есть бананы?” Его палец застыл над кнопкой “Отправить”.

– Ты уверена? – спросил он у Дилейни. Она кивнула. Он нажал кнопку.

Они подождали. Слова Уэса появились на экране, но только на секунду и в самом уголке. Их быстро вытеснила реклама чьего-то подкаста под названием “Идеальный Старт со Мной”. “Это о том, как больше любить себя”, – гласило пояснение.

– Банановскам, – сказала Дилейни.

Уэс недоуменно посмотрел на нее.

– Банано*скам*, – повторила она.

Уэс помотал головой. Несколько лет назад в Швеции придумали слово *flygskam*, означающее “стыд за полеты”. Так общество порицало тех, кто летал на самолете туда, куда можно было доехать поездом. Потом был придуман более предпочтительный термин, *tagskryt*, “гордость за поезд”.

Уэс напечатал “банановскам” и послал на экран. Слово появилось и вновь исчезло. Вместо него возникла надпись “Гренландия”, закрутилась и разбросала по экрану разноцветные конфетти. Гренландия, долго державшаяся в стороне, наконец-то согласилась применять на выборах “Демокшу”, софт “Вместе”, доведя таким образом общее число использующих его стран до 122. Система была бесплатной и требовала лишь, чтобы у всех граждан были аккаунты “Вместе”. Теперь голосования в большинстве стран проходили с помощью “Демокши”, что повысило надежность результатов. Личная информация и политический выбор граждан оставались строго конфиденциальными, если только правительство или любой другой стратегический партнер “Вместе” не требовали к ним доступа. В таких случаях они с легкостью продавались за определенную сумму. “Гренландия” вспыхнула еще раз, все в столовой закивали, заулыбались и продолжили жевать. Дилейни жестом показала Уэсу, чтобы он попробовал еще раз.

На экране снова появилось “Банановскам”, на этот раз крупнее.

У меня был их альбом, – написал кто-то в ответ. – *«Жестокое лето»*[15].

Уэс, которого внезапно охватил соревновательный дух, начал быстро набирать текст в телефоне. *Насколько нормально сейчас есть бананы в Северной Калифорнии? Какой ценой, углеродной и человеческой, они нам даются? #Банановскам!* Он послал сообщение, и на этот раз, поскольку это было уже третье упоминание, слово “банановскам” отобразилось на большом экране более крупными пульсирующими буквами. Люди стали поворачивать головы к экрану, в глазах у некоторых зажегся интерес. Некоторые схватились за телефоны и планшеты, и слово “банановскам” стало расти и окрашиваться в пламенно-красный цвет.

И вот на экране появилось новое сообщение: *Работникам на банановых плантациях в Гватемале платят шесть долларов в день. Они отправляют бананы на контейнеровозах, а это одни из главных загрязнителей планеты. Топливо и масло растекаются по*

всему Тихому океану. Потом бананы попадают на Лонг-Бич. Потом едут по Пятому шоссе на грузовиках с бензиновыми двигателями. И все это для того, чтобы мы могли есть бананы, хотя у нас нет на это права. #Бананоскам!

– Это ты написал? – спросила Дилейни.

Уэс помотал головой.

– Теперь объясни, – сказала Дилейни. – Бананоскам = Стыд за бананы.

– Шутка, – сказал Уэс. – Знают они. Очевидная.

– Знают? – переспросила Дилейни. – Никогда. Не шутит. Здесь. Никто.

БАНАНОСКАМ = СТЫД ЗА БАНАНЫ. Уэс послал очередное сообщение на экран.

Тридцать голов тут же закивали.

Вскоре весь экран стал антибананowым, и самый сообразительный сотрудник столовой принял меры. Он собрал пару десятков оставшихся бананов и унес.

В течение завтрака “бананоскам” породил “ананаскам” и “папайяскам”. Все фрукты, не выращиваемые в Калифорнии, подверглись остракизму и были признаны преступными. Работники кухни не успевали уносить каждый новый преступный фрукт, и к обеду все пришли к выводу, что в кампусе отныне будут есть только то, что выращено в радиусе ста миль и доставлено без использования ископаемого топлива. Но даже это приняли как промежуточный вариант, подлежащий доработке. На “Живой Стене” шли горячие дебаты о том, что можно начать выращивать прямо в кампусе помимо уже существующих, но до сего момента чисто декоративных, помидоров и лимонных деревьев и что можно ввозить парусными судами. Составлялись планы исследований, приобретались близлежащие фермы, а над столовой с этого дня появилась вывеска: “У НАС НЕТ БАНАНОВ”, внушая всем чувство большой гордости.

18
Как читать этот текст

– Вот ты где!

Как всегда, прекрасно зная, где в любой момент находится Дилейни, Кики все равно была в восторге от того, что ее нашла. Они стояли перед зданием “АлМаса”.

Сегодня на Кики была вычурная деревянная бижутерия, белое трико и сапоги до колен в стиле то ли Барбареллы, то ли Кондолизы[16]. Но ее лицо за эту неделю как будто постарело на годы. Дилейни не могла сказать ей об этом. Она даже не могла сказать, что та выглядит уставшей. Это обязательно отметит “ТвойГолос”, а также “АнонПред” и, возможно, “КомАнон” тоже.

– У тебя все хорошо? – спросила она уклончиво.

– У меня? О да! – ответила Кики. Потом, как будто осознав, что ее ответ прозвучал как попытка защититься, начала заново, на этот раз попробовав искренне рассмеяться: – У меня все *прекрасно*. Просто чуть-чуть не выспалась. Готова к ротации?

– Готова, – сказала Дилейни, и тут взгляд Кики стал отсутствующим. Дилейни подождала, пока та попутешествует по незримым мирам и вернется.

– Я недавно получила оценку, – сказала Кики, – и мне порекомендовали спать не меньше 7,6 часа. Но я даже вспомнить не могу, *когда* столько спала. Может, в старших классах? А ты сколько спишь?

Дилейни понятия не имела.

– Не знаю. Возможно, часов семь.

Мысли Кики снова отправились куда-то вдаль.

– Пошли автоответы, – сказала она своему ИИ-ассистенту. – Всем сорока одному. – Она вернулась к Дилейни: – А через сколько ты обычно отвечаешь на сообщения?

Уэс установил Дилейни сложную систему автоответов на все входящие сообщения, но она не могла сказать этого Кики.

– По-разному, – пожала она плечами.

– Я стараюсь побыстрее. Потому что в некоторых диалогах я не писала так долго, что среднее время ответа у меня теперь 22 минуты, и это было отмечено. И поделом мне, конечно, это невежливо и непрофессионально. Поэтому я попросила “ВладейСобой” помочь мне повысить скорость. Но сегодня утром Нино заболел, и я опять отстала, поэтому приходится посылать автоответы, а это тоже плохо. Я хочу найти баланс, но это так трудно… Прости. Что там у нас?

– Мое следующее место работы, – сказала Дилейни. – Ты говорила, это “СутьСюжета”?

– А, да. Пошли. – Кики энергично зашагала через двор к зданию, напоминающему оранжерею. За огромными стеклами виднелись цветы и зелень. – Это будет замечательно, – сказала Кики и посмотрела на свой браслет. – *Воодушевляюще*, – поправилась она, и браслет одобрительно звякнул. – Посмотреть еще на один наш отдел. Войти на новую территорию. – Браслет, судя по всему, не прибавил ей очков. Она попробовала снова: – *Ревностно* войти на новую и *рачительную* территорию. – Прозвучало два довольных звонка, и Кики улыбнулась.

Дилейни поняла, что совершенно неважно, куда вставлены призовые слова и правильно ли они используются. Ты все равно получаешь очки.

– Я очень рада, – сказала Дилейни. – Но мне будет не хватать Винни.

– Винни… – растерянно повторила Кики, и на лице у нее отразилась паника. – Винни. Винни из “Мыслей Вместо Вещей”. – Браслет выдал ей ответ, и она улыбнулась. – Точно, Винни Очоа. Очень *мимолетная* женщина. – Очередной звонок. – *Запоздало* мимолетная, я бы сказала. – Звонок.

– Конечно, – кивнула Дилейни. – Именно.

– Итак, “СутьСюжета”. Последний крупный проект Бейли до того, как он ушел с постоянной работы… а потом ушел от нас. – Глаза Кики внезапно увлажнились. Она нахмурилась и взяла себя в руки. – Это настоящий памятник его приоритетам. Он был человеком эпохи Возрождения. Идем.

Кики приложила палец к сенсору у тяжелой стальной двери, и они вошли в помещение, похожее на какую-то странную библиотеку – если бы библиотеку проектировали роботы для динозавров. Повсюду огромные доисторические папоротники и суккуленты, в зарослях которых прятались слоновьих размеров винтажные мониторы и антикварные пишущие машинки на платформах под тяжелыми стеклянными куполами.

– Нас должен встретить Алессандро, руководитель команды.

Они встали под четырнадцатифутовым растением подозрительно хищного вида. Дилейни покосилась на него и на всякий случай отодвинулась подальше от того, что могло быть ртом.

Кики взглянула на часы:

– Мы рано пришли, поэтому я немного расскажу тебе об этом месте. Когда вышел фильм… Ты видела фильм?

– Да.

– Актер, который сыграл там Бейли… Черт, как его зовут?

Ладно, неважно. В реальной жизни он собирает пишущие машинки – наверное, поэтому они здесь? А еще он, кажется, написал какую-то книгу. В общем, все это навело Бейли на мысль, что он тоже может написать роман. А так как Бейли был очень методичен, он начал изучать все, что касается художественной литературы. Он прочитал всевозможные руководства. И я думаю, что даже кое-какие романы. Он обнаружил, что ему трудно концентрироваться так долго, чтобы дочитать книгу до конца, они же все такие длинные. Наверное, ты это знаешь по колледжу? В гуманитарных науках до сих пор нужно много читать?

– В общем, да, – ответила Дилейни и неодобрительно сморщила нос. Кики улыбнулась.

– Поэтому Бейли сразу начал изучать, что читают другие люди и у всех ли такие же проблемы с дочитыванием. Очевидно, что бумажные книги не позволяют извлечь из них никаких ценных данных и должны быть запрещены…

– Хотя бы ради защиты окружающей среды! – подхватила Дилейни.

– Да-да, само собой.

– И иногда они такие *тяжелые*. – Дилейни изобразила, что поднимает гирю.

– Но электронные книги дают нам много данных, – продолжала Кики, – и мы обнаружили, что, несмотря на то что люди до сих пор каждый год покупают *миллионы* художественных книг, очень маленький их процент читается полностью. Это стало облегчением для Бейли и для таких, как я, потому что я практически не могу высидеть целый фильм, не говоря уже о том, чтобы потратить сколько там надо времени на чтение романа. Но ты, наверное, прочитала несколько штук? Прямо с начала до конца?

– Да, несколько прочитала.

– Браво! – вскрикнула Кики и получила радостный звонок от браслета. Подняв глаза, она устало улыбнулась. – А вот и Алессандро. Привет, Ало, отдаю ее тебе. Это Дилейни. – Она повернулась к Дилейни, и в глазах у нее снова появились слезы. – Прости. Столько эмоций на этой неделе. Но я так рада с тобой общаться. Мы обязательно увидимся в пятницу на празднике в честь Бейли. А пока желаю тебе провести здесь время со *здравомыслием* и *неумеренностью*.

И удалилась, сопровождаемая двойным звонком. Алессандро помахал ей вслед, потом повернулся к Дилейни и пристально посмотрел на нее большими немигающими глазами, словно обведенными тонким контуром. Темные густые локоны падали ему на плечи.

– Пожалуйста, не зови меня Ало, – попросил он, откидывая волосы с лица. – Я отправил столько “АнонПредов”, что не сосчитать, но люди продолжают меня так звать. Ну ладно. Так ты училась в Риде? Я – в Кеньоне. – Он прикрыл большие печальные глаза.

Дилейни забеспокоилась, что между колледжами есть какая-то особая связь, насчет которой она не в курсе.

– Когда я учился, то, как и ты, совершенно не представлял, что могу оказаться здесь. Я должен был стать преподавателем компаративистики. По сути, это, – он обвел рукой помещение с находящимися в нем людьми, – я ненавидел больше всего. А теперь я должен убедить тебя в том, в чем когда-то убедили меня. Пойдем.

Дилейни последовала за Алессандро к его рабочему месту – эргономичному креслу в окружении двенадцати разнокалиберных мониторов. Все это чем-то напоминало ударную установку группы, исполняющей прогрессив-рок. Алессандро снова откинул прядь с лица и сел, как будто собрался сыграть соло. Экраны ожили, заполнились отсканированными книжными страницами, которые поверх текста были покрыты десятками значков и цифр. Здесь словно шла гражданская война между словами и данными.

– Первой целью Бейли было выяснить, почему он никак не может дочитать до конца определенные романы и почему такое вообще случается с людьми. – Алессандро встал и подкатил к Дилейни второе кресло. Она села. – Человек берет книгу и бросает ее на середине. Почему? Электронные книги позволяют нам это изучить. Мы можем, например, взять две тысячи читателей “Джейн Эйр” и посмотреть, кто из них ее дочитает. Мы это уже сделали. Оказалось, что таких 188. Не очень много, правда? При этом тем, кто все же дочитал, книга понравилась. – Он несколько раз коснулся одного из мониторов и получил ответ. – Вот, 83 % одобрения, для мертвого автора весьма высокая оценка. Поэтому мы стали копать дальше и обнаружили, что из тех 2000 человек, которые начали читать “Джейн Эйр”, большинство бросивших сделали это примерно на 177-й странице. Мы посмотрели, что же такого на странице 177, и увидели, что людям, кажется, не понравилась героиня по имени Грейс Пул. Она вызывала у них страх и уныние. Им хотелось больше про любовь с мистером Рочестером. Если бы автор был жив, мы могли бы сказать ему…

– Ей, – поправила Дилейни.

– Ей? – машинально переспросил Алессандро и побледнел.

О нет, подумала Дилейни. Она такое уже видела.

Алессандро встал. Он явно не знал, что делать. Волосы

полностью закрыли ему лицо, но он больше не убирал их. Дилейни показалось, что он готов напустить в помещение газа и чиркнуть спичкой.

– Все нормально, – сказала Дилейни. – Ты же говорил про *мистера Рочестера*.

– Да? – недоверчиво спросил Алессандро через занавес волос.

– Конечно. Ну, если бы мистер Рочестер был живым человеком, мы могли бы сказать ему, что людям нравится читать о нем.

Алессандро заткнул часть волос за ухо, показав испуганный левый глаз.

– Хорошо. Ладно. – До него, по-видимому, дошло, что Дилейни предлагает ему способ спастись от провала. – Да, я об этом и говорил.

Он проверил браслет в поисках сообщений от “ТвоегоГолоса”, но ничего не нашел – “ТвойГолос” не читал романов. Он расслабился и уселся обратно в кресло.

– Так о чем мы? – Как у только что восставшего из мертвых, мысли у него еще путались.

– Ты говорил, что мы могли бы исправить “Джейн Эйр”.

– Да, могли бы. Но поскольку автор мертва, *она,* – он произнес это с таким нажимом, словно хотел стереть долгие века шовинизма и невежества, – не может сама узнать об этом из имеющихся данных.

– Не повезло, – сказала Дилейни, и Алессандро улыбнулся.

– Но живой автор или издатель может получить цифры и поступить так, как они подсказывают, – продолжил он. – И такие данные уже подтвердили свою огромную ценность. Именно те цифры, о которых я сказал, – сколько человек покупают книгу, сколько начинают ее читать и сколько заканчивают. Разумеется, завершение чтения положительно сказывается на последующих продажах, потому издателям очень важно знать, где и почему люди перестают читать. Иногда это очевидно. Как тут, с неприятной героиней. Мы можем помочь исправить это. “АлМас” написал очень простую программу для превращения неприятных персонажей в любимчиков читателей.

– Ого.

– Главное, чтобы главный герой вел себя так, как вам нравится.

– Совершенно логично.

– Правда же? Однако отчего-то многие писатели этого не понимают. Но мы уже проникаем в колледжи и магистерские программы, так что теперь у них есть информация. Мы даем ее бесплатно, в качестве жеста доброй воли.

Дилейни одобрительно-восхищенно присвистнула.

– Но есть и структурные проблемы. Например, людям не нравится эпистолярный жанр. Мы выяснили, что читатели обычно пропускают в книге большинство писем, особенно если они отделены от остального текста отступами или набраны другим шрифтом. Тем не менее они готовы их читать, но если в каждом письме не более 450 слов, если они встречаются не чаще чем через сто страниц и если включены в общий текст – тот же размер, тот же тип шрифта, те же отступы и ни в коем случае никакого курсива.

– Разумно, – заметила Дилейни.

– Мы узнали так много интересного! Самым простым было определить нужное количество страниц. Книга не должна быть больше 500 страниц, абсолютный максимум – 577.

– По-моему, даже это слишком много, – сказала Дилейни.

– В общем, да. Еще один важный фактор – количество идей или тем в одной книге. Мне казалось, читатель способен вынести штук девять-десять, но знаешь, что оказалось?

– Три? – предположила Дилейни.

– Именно! Больше трех основных идей – и люди бросают чтение. Плохо, когда автор разбрасывается идеями направо и налево, особенно если на сегодняшний день они уже устарели. Например, Жюль Верн на протяжении двадцати страниц описывает технологию, от которой давным-давно отказались. Это ведет к более высокому проценту недочитывания и к более частым пропускам страниц. Те, кто склонен пропускать неинтересное, формально часто дочитывают книгу до конца, но по меньшему времени, уделяемому каждой странице, мы можем заключить, что они на самом деле не *читают* значительную часть текста. Мы постоянно видим это в любовных романах, где люди читают как бы по диагонали, пока не дойдут до… – Алессандро внезапно замолчал. Было очевидно, что он не может сказать “до секса”, “до постельных сцен” или даже до “пикантных подробностей”. – До наиболее волнующих романтических эпизодов, – наконец выкрутился он и тут же испуганно округлил глаза, не понимая, справился или только что потерял работу.

Дилейни пожала плечами и улыбнулась. Алессандро уловил намек, и на его лице отразилось облегчение.

– Так вот, эти исследования привели к скандалу с Фонтенбло, – продолжал он. – Нельзя винить в этом Бейли, потому что он об этом не знал, а если б знал, то наверняка не одобрил бы. Это был просто эксперимент, совместный проект с издателями.

– Ты про того ИИ-автора?

– Да, про Донну Фонтенбло.

– Когда машины писали целые книги?

– Нет, это преувеличение. Суть была в том, чтобы ИИ написал те части, которые все равно никто не читает, – проходные вещи, о которых я говорил. *Популярные* сцены, кульминационные события и самые поэтические отрывки все равно писали люди. Такие моменты выигрывают от человеческой руки.

– Без сомнения, – согласилась Дилейни. – Разумное разделение труда.

– Точно. Если мы ценим людей, мы должны избавлять их от скучных задач. Анализируя любовные романы, мы пришли к выводу, что полностью текст прочитывают менее четырех процентов пользователей. Поэтому в качестве эксперимента мы в сотрудничестве с несколькими издателями подключили ИИ к работе над теми фрагментами, которые обычно никто не читает. На самом деле значительная часть коммуникации уже давно осуществляется таким образом. Например, ИИ исправляет речи для политиков.

– Я об этом слышала.

– Ну вот. Я не хочу, чтобы ИИ писал целые книги. Никто не хочет. Бейли не считал, что человека можно целиком и полностью заменить, это просто глупость. Но он считал – мы считаем, – что у алгоритмов своя роль. Бейли изучил руководства по писательскому мастерству и сочинению сценариев, “Тысячеликого героя” Кэмпбелла, а потом стал читать про схемы, формулы, и это слово, “формула”, привело его к озарению. Ведь формула – это, по сути, алгоритм.

– Точнее не скажешь.

– Для начала возьмем, к примеру, сценарии. Их ведь всегда пишут по формулам. Мы провели анализ и обнаружили, что любой успешный сценарист строго придерживается определенных правил, и сценаристы, которых мы привлекли, заверили нас, что в их рядах все согласны с тем, что формула – это не ограничение, а, наоборот, ключ к свободе. Знание правил позволяет творить в определенных границах. Мы выяснили, что в 82 % лучших сценариев завязка происходит на странице 11. Ты можешь считать писательство мистическим непознаваемым искусством, но на самом деле здесь присутствует точная наука, и отрицать это было бы нелепо. Данные – это…

– Комфорт, – закончила Дилейни.

Алессандро тепло улыбнулся.

– Правда ведь? Формулы – это сущность комфорта. Не только для творцов, но и для зрителей. *Особенно* для зрителей. Когда зритель получает *именно то*, что рассчитывает получить и именно

когда рассчитывает, это и есть комфорт.

– В этом глубинная суть искусства! – поддержала Дилейни.

– Вот, *ты* понимаешь. Это просто набор указаний, в пределах которого автор полностью свободен. Скажем, в английском алфавите 26 букв. С этими ограничениями ведь ни у кого нет проблем? У нас в распоряжении определенное число слов – еще одно ограничение. Предложения могут быть определенной длины – это тоже необходимое ограничение.

– Ограничения – ключ к свободе, – нашлась Дилейни.

– Именно, именно! – согласился Алессандро.

Дилейни видела, что он хочет похвалить ее, сказать хотя бы что-нибудь простое вроде “Наши мысли совпадают!”, но не знает, как сказать нечто подобное женщине, к тому же коллеге, с которой он только что познакомился и в разговоре с которой перепутал пол автора “Джейн Эйр”. Поэтому он всего лишь улыбался целых три секунды, демонстрируя прекрасные зубы. Но сказать, что его зубы прекрасны, Дилейни тоже не могла.

– Данные не диктуют автору сценария, *что* написать, – наконец закончив улыбаться, пояснил Алессандро, – но определяют основные рамки того, что он должен написать, и дают эмпирические подтверждения тому, *когда* об этом нужно написать.

– Прости, что я это говорю, но это же и так кажется совершенно логичным. И неопровержимым. В противном случае у нас была бы полная… анархия.

– С обеих сторон! – воскликнул Алессандро. – Со стороны творца *и* со стороны критики. Сторону критики мы усмирили уже некоторое время назад. Помнишь, как было раньше, когда в рейтингах фильмов царил полный хаос? До агрегации критики оценки ставились как попало. По поводу одного и того же фильма критик из Лос-Анджелеса мог заявить одно, а критик из Осло – совершенно другое, не было никакой возможности достичь порядка и консенсуса. Но когда мы стали применять процентные показатели к каждому отзыву, мы смогли усреднить их, и все стало гораздо понятнее. У обычного человека в нашем мире высоких скоростей нет времени предварительно прочитать даже три рецензии на фильм, не говоря уж о двадцати пяти. Но когда он видит, что средняя оценка составляет 74,61 %, ему все ясно.

– А ясность – это объективность, – подхватила Дилейни.

Он внимательно взглянул на нее и снова улыбнулся.

– Ты создана для этого места.

– Мне тоже так кажется.

Браслет Алессандро звякнул.

– Ладно, пора подвигаться, – сказал он и встал с кресла. – Я

предпочитаю потягивания. А ты? – Он принялся энергично маршировать на месте, одновременно вытягивая вверх руки, сначала правую, потом левую, как будто пытаясь ловить ускользающие мыльные пузыри.

– Я всегда хотела попробовать, – сказала Дилейни и стала тянуться вверх вместе с ним.

По прошествии четырех минут браслет Алессандро снова звякнул, и оба сели. Алессандро раскраснелся и запыхался.

– Как тебе, наверное, известно, – продолжил он, – агрегированные оценки оказались настолько удачными, что быстро распространились с фильмов на живопись, танец, скульптуру, поэзию. Знаешь, насколько низкая оценка оказалась у сонетов? Поэтому их больше не преподают.

– Сонеты? Это что еще такое? – рассмеялась Дилейни.

Алессандро смотрел на нее с обожанием.

– Потом мы предложили численные показатели так называемым музеям изящных искусств. Поначалу все сопротивлялись, но неопровержимое удобство чисел, да и просто возможность узнать о качестве произведения искусства по его оценке, выраженной в процентах, очень быстро нашли отклик у большинства людей. У восьмидесяти восьми процентов, если быть точным.

– Только благодаря этому мы наконец знаем, кто лучший в мире художник, – заметила Дилейни. “Вместе” обнародовала свои результаты несколько лет назад, опросив 32,1 миллиона респондентов. Исследование доказало, что лучшим художником всех времен и народов является Норман Роквелл, за которым следуют Дейл Чихули, Фрида Кало, Пабло Пикассо и Патрик Нагель.

Они обменялись улыбками.

– Мне понравилось, что Лувр стал показывать агрегированные оценки, – сказала Дилейни.

– Да, – кивнул Алессандро. – Они *сами* пришли к нам. Было полно мошенников, которые распространяли пиратские данные, а Лувр хотел, чтобы все было правильно.

– Меня просто поразило, когда выяснилось, что у “Тайной вечери” всего 66 %.

– Подумать только, сколько веков ее переоценивали! Да, подобные вещи становятся откровением. Мы усреднили десятки тысяч оценок, перестав полагаться на мудрость горстки академиков. Агрегированные оценки более демократичны и эгалитарны. До них все было иерархично и субъективно.

– Субъективность – это всего лишь объективность, которой не хватает данных, – мгновенно выдала Дилейни.

– Точно! – восхитился Алессандро и снова задумался, можно ли сделать Дилейни комплимент. Но и на этот раз решил не рисковать. – Мне кажется, что творцы наконец стали признавать нашу роль. Стена, выстроенная между искусством и данными, должна рухнуть.

У Дилейни появилась реально дурацкая идея, и она подумала, что Алессандро это понравится.

– Я вот размышляю о красоте… – начала она.

– Так…

– Мне пришло в голову, что ведь у нас не существует приемлемых показателей красоты и художественного таланта. А нам они нужны. Возьмем, к примеру, Рембрандта. Я знаю, что должна считать его работы великими, даже гениальными, но я этого не вижу. И мне не хочется полагаться на чужое мнение.

Лицо Алессандро сияло все больше, и происходи все это лет десять назад, он наверняка схватил бы Дилейни за руку со словами: “Да, да! Как мы похожи, и как мне нравится говорить с тобой!” Но здесь и сейчас между ними подобное не допускалось. Поэтому он промолчал.

– И вот о чем я сейчас подумала… – продолжала Дилейни. – Естественно, я не могу сама это сделать, потому что я не инженер. Но ведь можно вывести объективный показатель красоты! ИИ судит соревнования по гимнастике и дайвингу, конкурсы фотографов и так далее, верно?

– “Золотой Глобус”, – вставил Алессандро.

– Да, и у нас здесь появилась полная ясность. Больше не надо сомневаться. К тому же давно существуют критерии оценки человеческой красоты – того, что считается красивым в разных культурах. Симметрия лица, размер глаз, кистей рук, соотношение талии и бедер. Мы давно это применяем.

– Да-да.

– Так разве сложно будет применить это к картинам, музыке, поэзии и любой другой форме искусства? Нужно просто выявить набор идеальных параметров, которые можно использовать везде. Взять “Тайную вечерю” и вычислить ее показатели симметрии, гармонии цветов…

– Оригинальности. Смелости.

Дилейни поняла, что он позаимствует эту идею. Присвоит ее. Дилейни отдаст ее ему и будет смотреть, как она расцветает пышным цветом.

– В красоте есть смелость, – подтвердила она, – и ее точно можно измерить.

Теперь нужно сменить тему и вернуться к чему-то менее новаторскому. Он испугается, если она продолжит развивать

мысль, автором которой он хотел бы быть сам. Лучше просто заронить семя. Надо позволить ему забыть, откуда это семя взялось.

– Извини, – сказала она. – Мы говорили о фильмах.

Он помолчал. Улыбнулся. Спрятал куда-то в голове прекрасную идею, которую теперь считал своей.

– Точно, о фильмах. Еще до того, как мы открыли собственную студию, и до того, как приобрели три из пяти последних оставшихся китов кинобизнеса, мы просто предложили им сотрудничество. Вначале ИИ проанализировал, что хорошо и что плохо в их фильмах. Мы взяли сотню картин, имевших успех у критиков, с рейтингом выше 86 %, и сравнили их с сотней других, с рейтингом менее 66 %. Результаты многое нам объяснили. В менее успешных фильмах обнаружилась масса типичных ошибок, и стало понятно, что у определенных актеров, режиссеров и продюсеров всегда низкие показатели, то есть в чисто дарвиновском смысле они проиграли естественный отбор и должны быть выбракованы.

– Лично я не обращаю внимания на фильмы с рейтингом ниже 52, – сказала Дилейни.

– Неужели 52? Мой предел – 77. Жизнь слишком коротка. Не стоит тратить время на то, что ниже 76–77. – Он откинулся в кресле. – Недавно был забавный случай. Жена убедила меня посмотреть фильм с оценкой 64. Обычно я такого не делаю, но это была новая картина, так что выборка критиков была еще мала. И мне уже квакнули о ней, потому что в фильме было восемь факторов, которые входят в число моих предпочтений, – например, костюмы, свадьбы, британский акцент и лошади. Я уже все их не помню, но в этом фильме точно были определенные интересующие меня индикаторы. Поэтому я его посмотрел, но убедился, что агрегированная оценка не врет. Он был действительно на 64, и я подумал: “Кто вернет мне эти девяносто четыре минуты жизни?”

– Ужас.

– *Ужас!* – согласился Алессандро.

– У меня было нечто подобное, только наоборот, – начала рассказывать Дилейни, придумывая историю на ходу. – Несколько месяцев назад я посмотрела фильм, не взглянув предварительно на рейтинг, и…

– Ого!

– Да уж. Так вот, я посмотрела фильм и вышла из кинотеатра, думая, что он мне понравился.

– Так… – почти обеспокоенно проговорил Алессандро.

– А потом нашла агрегированную оценку – 44!

Алессандро трагически присвистнул.

– И я задумалась, – продолжала сочинять Дилейни, – как так получилось, что мне понравился фильм с оценкой 44? Я однозначно упустила недостатки и раздула то, что меня в нем привлекло. Назавтра я все обдумала и увидела, где ошиблась. Фильм определенно был на 44. Это был последний раз, когда я познакомилась с произведением искусства, не посмотрев на цифры.

Алессандро глядел на нее озадаченно. Дилейни испугалась, что перегнула палку. Нужно сбавить обороты.

– Ты не была в наших студиях? – задал Алессандро спасительный вопрос.

– Нет, – покачала головой Дилейни. – Было бы интересно сходить на экскурсию!

– О, тебе нужна не экскурсия. Такая фанатка кино, как ты, должна увидеть все изнутри. Я не удивлюсь, если они пошлют тебя туда на несколько недель. Ты ведь правда разбираешься. Я замолвлю словечко.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Так вот, когда были основаны “СфероСтудии” – теперь они называются “Совместный Контент”, или “С-Конт”, – объем неучтенных данных был огромен. Обычные студии вообще не использовали большую их часть. Мы наняли топ-менеджера, которая делала вид, что разбирается в искусстве, и она начала запускать какие-то проекты, но выяснилось, что она вообще не учитывает реальные данные о том, что реально нужно реальным людям. Данные стримингов показывали, что 71 % просмотров набирают романтические комедии, а среди ее проектов романтических комедий было только 22 %. Так что это было не просто глупостью, а каким-то надругательством над вкусами зрителя.

– Практически самодурство, – вставила Дилейни.

– Самодурство, точно, – кивнул Алессандро, и Дилейни поняла, что произнесла еще одно слово, редко попадающее в автозамену. – Поэтому долго она не продержалась. Ее преемники оказались более внимательными к аудитории. Они начали соотносить контент с желаниями зрителей. А потом мы основательнее углубились в тему и стали учитывать не только то, чего хотят люди, но и когда они этого хотят. Помнишь, мы говорили про Бейли? Он хотел разобраться, почему люди бросают читать определенные книги в определенном месте. Мы начали внимательно изучать этот вопрос в отношении не только книг, но и фильмов, телепередач и так далее. Мы собрали данные. И начали работать с большинством оставшихся киностудий и,

конечно, с крупными издательствами над тем, чтобы их продукты становились более пригодными к просмотру и прочтению, а значит, и более успешными. Если прислушиваться к цифрам, результат не заставит себя ждать.

– Совершенно верно, – сказала Дилейни. – По моему мнению, это все просто замечательно.

19
Откуда берутся идеи

Работа Уэса в компании началась блистательно, и это действовало Дилейни на нервы. Пока они вместе добирались до кампуса – на двух автобусах и метро под Заливом, – все было замечательно, но как только входили в ворота, она начинала бояться, что Уэс что-нибудь кому-нибудь разболтает. Она не могла его контролировать, а он был так счастлив. После первой недели он подал запрос на право приводить с собой Урагана, и хотя собаку нельзя было везти на общественном транспорте, он договорился с водителем, который разрешал держать ее в машине на коленях. Когда Дилейни увидела Уэса, тридцатишестилетнего мужика, за столом на его первой работе, с Ураганом у ног, то испытала неподдельную гордость за друга. Однако она старалась как можно меньше контактировать с ним в кампусе. Это было слишком рискованно, а Уэс был слишком беспечен. Все разговоры откладывались до дома.

– Тебе такое присылали? – спросил он однажды. Он полулежал на матрасе на полу, с планшетом на животе, привалившись к стене и пристроив локоть на спящего рядом Урагана.

Дилейни села на кровати. На экране Уэса причудливым шрифтом было выведено: “Источники происхождения идеи”.

– Нет, ничего такого не было.

Он говорил, что у него на работе ничего не происходит – только инструктажи, заполнение бланков, подписание соглашений, совещания и медобследования, но когда сегодня приехал домой, то получил это.

– Я не открывал без тебя, – сказал он.

“Готов?” – спросил экран.

– Готов, – ответил Уэс.

“Нам сообщили о твоей замечательной новой идее, «Бананоскам», и мы благодарим тебя за вклад в дело «Вместе». Мы изучаем, как возникают новые идеи, поэтому просим тебя поучаствовать в этом коротком (и занимательном!) опросе. Желательно отвечать быстро”.

– Прелесть какая! Правда, никогда меня ничего так не радовало. “Как возникают идеи”.

Надпись исчезла, сменившись изображением хрупкой пожилой женщины в оттенках сепии. Она шла по пустыне, потом остановилась и повернулась к Уэсу, сверкая глазами.

– Творчество – это удивительная и таинственная вещь, – проговорила она.

– Кто это? – не понял Уэс.

– Джорджия О’Кифф[17], – объяснила Дилейни. – Она нарисованная.

О’Кифф превратилась в Джима Моррисона.

– И хотя таинственный процесс рождения идей до сих пор не поддается научному объяснению, – сказал Моррисон, – мы тут, в компании, стремимся лучше разбираться в условиях, способствующих их появлению.

Джим Моррисон превратился в Акиру Куросаву.

– Для этого, – произнес воскрешенный Куросава почему-то с британским акцентом, – мы просим авторов идей ответить на 65 вопросов. Получи удовольствие и нашу благодарность!

Куросава исчез, и на экране снова возникла Джорджия О’Кифф. За ее спиной простиралась пустыня Нью-Мексико в сумерках.

– В какое время дня у тебя появилась идея?

– В восемь пятнадцать, – ответил экрану Уэс.

О’Кифф стала Джоном Колтрейном[18].

– Спасибо! – сказал он. – Где ты был в это время? Пожалуйста, постарайся ответить как можно точнее. Если это возможно, укажи место на карте.

– В “Едвилле”. – И Уэс поставил точку на столовой. – Это крутое название способствовало моему вдохновению.

Колтрейн опять стал Куросавой.

– Спасибо, – сказал он. – Можешь описать твое состояние в этот момент? Например, “расслабленный”, “в стрессе”, “испытывал давление”, “не испытывал давления”, “счастливый”, “грустный”. Неправильного ответа нет.

– Я был сыт.

Снова Джорджия О’Кифф:

– “Удовлетворенный”. Спасибо.

Опять Джим Моррисон.

– И на мне был килт, – добавил Уэс.

– Спасибо.

Моррисон превратился в Колтрейна.

– Мне показалось, ты сказал, что на тебе был кит?

– Нет, на мне был *килт*.

– Окей. На тебе был килт. Правильно?

– Да. Очень узкий.

– Узкий килт, – повторил Колтрейн и превратился в мутноватый силуэт.

Дилейни подумала, что это, вероятно, Томас Эдисон.

– Что вдохновляло и/или мотивировало тебя, когда ты придумал “Бананоскам”? – спросил Томас Эдисон.

– Мне хотелось положить конец бананам.

– Спасибо. Было ли это желание результатом определенного креативного процесса, этапом жизненного пути или следствием образа мысли? Например… – Эдисон стал перечислять понятия, дублировавшиеся словами на экране: упорство, теория неудачи как успеха, теория откровений в сиесту, теория менеджмента викингов, теория следования за светом, теория внутреннего молчания, обобщение, разделение, командный дух на основе страха, ужас на основе любви, работа стоя, работа на дому, обучение во сне, лаймы, другое.

– Преимущественно лаймы, – сказал Уэс.

– Преимущественно лаймы, – повторил Эдисон. – Спасибо.

Дилейни не могла этого вынести. Она встала, чтобы уйти.

Уэс поставил опрос на паузу и покопался в куче бумаг, которую принес с собой в постель.

– Новое письмо от твоей профессорши, – сказал он и протянул Дилейни очередной голубой конверт Агарвал. Дилейни взяла его и ушла в свою комнату.

Дорогая Дилейни!

Не жду, что ты ответишь на мои письма. Но надеюсь, что ты их хотя бы читаешь, пусть только ради того, чтобы посмеяться над старухой.

Я тут недавно придумала аналогию, которой хотела бы с тобой поделиться: “Вместе” предлагает миру плод с ядовитого древа.

Старые монополии индустриальной эпохи загрязняли реки, озера и подземные источники, потому что правительства слишком боялись ограничивать их, а у них было много денег. Десятки тысяч людей умерли. “Вместе” мало чем от них отличается. Денег слишком много, а законов слишком мало. Вот уж действительно, двигайся быстро, ломай все подряд[19]*. Они уже сломали три поколения. Ваше пришло в мои классы со всеми симптомами зависимости. Никто не спит. Половина моих студентов засыпают на занятиях, потому что каждую ночь они сидят в телефонах или наушниках, пока не отключаются. Ты это прекрасно знаешь. Я думаю, ты сейчас испытываешь огромное давление. Я сужу по своим ученикам – давление возросло. Не оттого что нагрузка изменилась, это не так. Они проходят нормальный университетский курс, который, конечно, всегда был*

достаточно трудоемким, только сейчас к нему добавились сотни сообщений, которые нужно прочитать, написать, послать, обдумать.

Они принимают лекарства, чтобы не спать. Потом напиваются и обдалбываются, чтобы заснуть. И чем дальше, тем будет только хуже, гораздо хуже. Человек просто не способен это вынести. Одна студентка сказала мне на днях, что написала за сутки двенадцать тысяч шесть сообщений. Это однозначно форма безумия, мономании. Но это считается необходимым для участия в жизни общества.

Я знаю, что твои работодатели делают все возможное, чтобы не дать победить здравому смыслу, и скрывают неприятные для них медицинские исследования, но постоянное увеличение числа самоубийств в последние двадцать лет абсолютно очевидно результат двух взаимосвязанных факторов цифровой эпохи – пагубного влияния на здоровье маниакальной (и преимущественно бессмысленной) умственной активности и отсутствия реальных целей. Никто не отдыхает, и никто не занимается ничем полезным. Вместо этого происходит постоянный обмен ерундой, смайликами, Попаями и прочим, что не дает людям по-настоящему размышлять и убивает все надежды на новые идеи.

Говорю еще раз: пожалуйста, уходи!

Агарвал.

В дверь просунулась голова Уэса:

– Они спрашивают про мою обувь, какая на мне была обувь. А еще сколько я занимался физкультурой в тот и в предыдущий день.

– Ты ответил “никакая” и “нисколько”?

– Я сказал, что сплю десять часов в день.

– Ты *действительно* спишь десять часов в день.

– Завернувшись в саван и устроившись у огня.

– Эффектно. Молодец.

– А работаю только в помещениях без дверей.

Дилейни представила себе армию рабочих, выносящих все двери в компании.

– Прогуляемся? – спросил Уэс.

Ураган изгрыз себе лапы до крови, Уэс не мог говорить об этом. Каждый день он заливал раны антисептиком и время от времени подмешивал антибиотики в еду Урагана, но пес словно обезумел. Главной радостью в его жизни была беготня по пляжу,

но теперь он мог только сидеть, как инвалид, в детской коляске, которую купил для него Уэс. Они направились к берегу. День был ветреным, волны высокими, но лишь один серфер подчинился требованиям и получил разрешение на выход в море. Одинокая фигура виднелась вдали, напоминая черную кошку на стальной крыше океана.

– Ты же понимаешь, теперь они будут заставлять всех спать по десять часов, – сказала Дилейни.

– Думаешь?

– У них же нет идей.

– Я тоже заметил, что у них проблема с идеями, – согласился Уэс.

– Именно поэтому они их и покупают. Это давно известно.

– Да, но сейчас происходит нечто странное. Они покупают компании и людей, которые приходят к ним с идеями. Но как только эти люди попадают в компанию, у них как будто атрофируются мозги. Это что? Чувство самоудовлетворенности? Эффект откормленного тельца?

– Это страх.

– Может быть, но не только. Это непроизвольная реакция на ледяную атмосферу в компании. Знаешь, примерно так же скукоживаются яички в холодной воде.

– Уже слишком поздно добавить это в ответы на твой опрос? Теория яичек произведет фурор.

– Слушай, я серьезно. Мне кажется, у Мэй что-то застопорилось. Подумай, сколько уже лет у нее нет ни одной идеи. В целом компания просто обновляет существующие устройства и надеется, что люди не заметят отсутствия прогресса. Но ведь и доходы перестают расти. Даже когда они купили “Джунгли”, не произошло никакой существенной… черт, я вынужден сказать, “синергии”. Они не сделали ничего, чтобы объединить свои сильные стороны с “Джунглями”. Похоже, Мэй ходит по тонкому льду.

– Вряд ли. Разве есть кто-то, способный ее заменить?

– Да тот же Стентон взял и вернулся, – напомнил Уэс. – И, кажется, заново отвоевывает позиции. Чем дольше Мэй топчется на месте, тем более уязвимой становится. Наверняка именно поэтому она не часто показывается в кампусе, на этих Мечтательных Пятницах. Ждет, пока у нее появится что-нибудь новенькое.

Дилейни сама об этом думала. Было очень похоже, что это действительно так.

– Как там команда “АутенДруга”? – спросила она. – Ты стараешься сделать программу как можно хуже?

– Пока мои возможности ограничены, – ответил Уэс, – я только кодирую. Они не зовут меня на обсуждения концепции. Всем правит Холстейн. Мне кажется, она уже думает, что сама все придумала.

– И это, вероятно, хорошо. Не надо быть слишком на виду. Ни мне, ни тебе.

Уэс поправил одеяло Урагана, чтобы тому было лучше видно прибой и пробегающих мимо собак. Ураган с завистью провожал их взглядом.

– Кстати, пока я отвечал на опрос, я придумал еще одну идею. Но ее не стоит никуда запускать. Если они ее примут, она положит конец всему роду человеческому. Плохая идея. Реально гнусная. – Уэс бросил через ограду палку, она беззвучно упала на песок, а Ураган испустил тоскливый вздох. – Отвратительная идея, которая на первый взгляд может показаться вполне благородной.

– Ты описал саму суть “Вместе”.

Уэс устремил взгляд вдаль.

– Я думаю, что им бы она понравилась, да и обычным людям тоже. Но в итоге она породит лишь ненависть к самим себе и уничтожение частной жизни.

– Не рассказывай, если не хочешь.

Уэс посмотрел на Урагана, который ответил ему умоляющим взглядом. Вынужденный смотреть на то, чего он сам больше не мог делать, пес на пляже страдал еще сильнее.

– Помнишь, как в школе учат подсчитывать углеродный след? – спросил Уэс.

Дилейни помнила. Нужно было внести в программу элементы своего образа жизни – описать машину, дом, маршруты поездок, рацион, – и программа выдавала примерную оценку. Каждый год в День Земли ученики вводили данные по своим семьям и сравнивали полученный результат, скажем, с результатом финского оленевода. Семьи ненадолго задумывались о числах, выражали сомнение в их точности, а потом напрочь забывали до следующего года.

– Ну вот, – продолжил Уэс. – Но теперь у нас есть данные, которые позволяют значительно повысить точность этих прежде грубых оценок.

– У нас? – переспросила Дилейни.

– Подумай сама, – мрачно сказал Уэс. – Среднестатистический человек совершает 88 % своих покупок через “Вместе” или ее партнеров. Деньги очень легко отследить. Поэтому если завтра ты купишь бутылку исландской воды, то это сразу станет известно.

– И?..

– И мы можем легко определить реальные углеродные издержки этой покупки. – Уэс показал на пару контейнеровозов, бороздящих воды Залива: – Смотри, эту воду везут через океан за тысячи миль, углеродный след подсчитать ничего не стоит, и это можно сделать для любой вещи – для пары носков из Камбоджи, для электрической лампочки из Малайзии. Причем в реальном времени. Как только ты что-то покупаешь, суммарный показатель твоего углеродного следа увеличивается. Мгновенно.

– Если бы эти данные оставались конфиденциальными, они могли бы быть полезными, – сказала Дилейни.

– Да. Если бы эти данные знала только ты, то могла бы принимать более взвешенные решения. Это как с подсчетом калорий, ты ведь можешь поменять свои привычки. А это привело бы к более разумной торговле.

Уэс кинул за ограду еще одну палку, и Ураган проводил ее взглядом почти равнодушным.

– Но данные не останутся конфиденциальными, – сказал Уэс. – "Вместе" сделает их общедоступными, потому что тайна есть ложь, так ведь? Они назовут это "Индивидуальная Углеродная Нагрузка". Или "Личная Углеродная Нагрузка".

– "На Цыпочках", – сказала Дилейни. – Придумают какое-нибудь нелепое игривое название.

– А вот это круто. "На Цыпочках". Боже.

Он склонился к Урагану, пес вытянул шею и положил морду ему в ладонь.

– Тут все завязано на стыд, – сказал Уэс. – Наблюдение, сбор данных и стыд как модификатор поведения. Именно в этом направлении все и движется.

– Это нельзя никому рассказывать, – предупредила Дилейни. – Пока нам лучше заниматься более дурацкими вещами.

Уэс поглаживал морду Урагана. Пес выглядел воплощенным отчаянием.

– Посмотри, что они с ним сделали. Раньше он был божеством, Голиафом. А теперь только и может, что сидеть и грызть себя.

Дилейни промолчала, у нее не было слов утешения.

– Отчасти мне даже хочется все ускорить, – сказал Уэс.

– Ты про "АутенДруга"?

– Я про все. Надо затопить их. Сделать дебильное приложение проще простого, и тут мы в идеальном положении. У нас есть тупые идеи, а у них – средства и мотивы для их присвоения и распространения. Десять таких же дурацких программ, как "АутенДруг". А, ты улыбаешься, значит, согласна!

– Они нас прикончат, – сказала Дилейни.
– Нет, – возразил Уэс. – Они будут нас обожать!

20
Откуда берутся плохие идеи

Они начали с малого. Первым они создали приложение, которое после еды сообщало человеку, насколько ему понравилось. Дилейни собрала несколько показателей, которые можно было считать с браслетов пользователей, и применила термины типа “оптимальный пульс”, “количество эндорфина” и “центр удовольствия”. Приложение получило название “Доволен?” и незамедлительно стало хитом. В течение недели оно возглавило рейтинг самых скачиваемых в кампусе, потом – в Калифорнии, потом – в мире. Никто не считал его глупым или вредным. Напротив, Уэса – который значился его разработчиком – чествовали как нового инфлюэнсера в сфере пищевых технологий, учитывая, что “Доволен?” последовало вскоре за “Бананоскамом”. “Совместные” восхищались тем, как складно все получается: ты не должен есть то, что ты не должен есть, но то, что ты должен есть, должно приносить тебе удовольствие, и вот теперь есть приложение, которое говорит тебе, правда ли ты получаешь это удовольствие.

– Все вышло не так, как я рассчитывал, – признался Уэс.

– И нам нельзя было допускать, чтобы разработчиком считался ты, – добавила Дилейни.

Учтя свою ошибку, они придумали способ анонимного предложения идей и назвали его “АнонИдея”. Любой бескорыстный “совместный” мог вбросить свою мысль в общий котел и дать любому желающему возможность заняться ее разработкой. В компании это восприняли как верх добродетели и альтруизма, но оказалось, что никто, кроме Дилейни с Уэсом, на самом деле не хочет делиться идеями.

Их следующий шаг был простым, но, по их мнению, достаточно оскорбительным, чтобы спровоцировать массовое возмущение. Приложение “Счастлив?” было создано на базе “Доволен?”, однако отличалось тем, что позволяло в реальном времени определить, счастлив ли пользователь в более широком смысле. Они применили те же самые показатели, но добавили к ним последние покупки. Подразумевалось, что счастливый человек будет покупать только дарящие счастье вещи – прибамбасы для тренировок, цветы, шампанское, яркую одежду, секс-позитивные игрушки – и в разумных количествах. “Счастлив?” анализировало покупки и выдавало рейтинг “Счастье/Здоровье” (СЗ), визуальным отображением которого

стал мультяшный бегемотик с меняющимся выражением мордочки. Продавцы и маркетологи тут же влюбились в “Счастлив?” за эффект замкнутого круга: чтобы считаться счастливым, человеку нужно было всего лишь покупать больше вещей, делающих его счастливым, потому что только счастливые люди покупают вещи, делающие их счастливыми.

Вслед за “Счастлив?” Дилейни придумала “Да?”, которое по показателям с браслетов определяло, был ли достигнут оргазм во время полового акта. Потом она добавила в приложение определение его продолжительности, интенсивности и общего качества. Следующее обновление позволило пользователю сравнивать свои оргазмы с оргазмами друзей, родственников и школьных любовей, да и с любой группой людей в мире, поскольку данные делились по регионам, возрастам, уровню дохода и генетическим особенностям.

Людям понравилось.

***

– Наверное, надо придумать что-то еще тупее, – сказал Уэс.

Они вернулись с работы в Хижину.

Ураган по-прежнему грыз задние лапы. Шерсть у него сделалась клочковатой, как изъеденный молью ковер. Уэс запихивал в него гормоны и антибиотики, но ничего не помогало. Пес просто хотел бегать. Уэс опустился на пол и почесал ему живот. Ураган заскулил.

– И добиться того, чтобы чаша терпения переполнилась, – сказала Дилейни. – Должен же быть какой-то предел абсурда.

Уэс взглянул на нее.

– Предел абсурда? – переспросил он, взял Урагана за морду и посмотрел ему в глаза. – Она думает, что у абсурда есть предел. Как интересно.

Следующая идея Дилейни была уже действительно гадкой и не имела никакой иной цели, кроме как подтвердить самообожание “Вместе” и ее сотрудников. “Предлагаю, чтобы наш кампус отныне назывался *Здесь*, а все, что вне его, – *Нигде*”, – написала она в “АнонИдее”. Предложение было подхвачено Валери Байонн, одной из Бригады 40, и реализовано за несколько дней. Люди в кампусе сочли это очаровательно дерзким и даже умным, что доставило большое удовольствие Валери, которая сама была достаточно дерзкой и умной, чтобы распознать эти качества в идее Дилейни.

Уэс придумал “Ба-бах!” – приложение, предназначенное для стимулирования спонтанных действий. “Спонтанность – это соль жизни! – писал он. – Она крайне важна для нашего эмоционального и интеллектуального процветания!” Приложение

каждые два часа напоминало пользователю, что нужно сделать что-нибудь неожиданное. Оно стало хитом.

Дилейни предложила “Думаю о Тебе”, приложение дважды в день автоматически посылало короткое сообщение, “Д. О. Т.”, или просто дот, каждому из контактов пользователя. Вместо “Думаю о тебе” можно было написать что-то свое, добавить обращение по имени и увеличить частоту рассылки. Дилейни рассчитывала, что люди взбесятся от нескольких лишних сотен, а то и тысяч сообщений в день, но большинство только порадовались, что о них думает хотя бы алгоритм, так что это приложение тоже оказалось успешным.

Уэс поднял планку с “Покажи Свою Любовь”. Смысл этой разработки заключался в том, что все выражения любви, поддержки и пожелания благополучия или просто поздравления с днем рождения должны быть публичными и подсчитываться. Идея мгновенно была подхвачена, и началась настоящая гонка вооружений. Посылать добрые сообщения приватно стало нелепо, эгоистично и смешно, так что все они стали достоянием общественности, а чтобы доказать свою любовь, их теперь надо было посылать еще чаще. Бабушка, которая к обеду успела послать Халилу или Шивон тридцать сообщений, любила своего внука или свою внучку очень сильно и уж точно сильнее, чем бабушка, которая послала всего одиннадцать. Цифры не могли лгать.

Естественным следующим шагом стало “Были?”. Это приложение призывало общество определить, были ли у пользователя хорошие родители. Оно требовало предоставить конкретные данные, фото, письма, сообщения, видеозаписи, а также сведения об успехах в учебе, личной жизни и карьере. Качество родительства определялось совместными усилиями ИИ, специалистов и простых граждан. Уэс добавил вишенку на торте – рекламный слоган “Показатели Папы, Метрики Мамы”, но, честно говоря, к этому моменту они с Дилейни уже почти перестали ждать народного возмущения. Его и не последовало. Людям была нужна определенность, и они ее получили.

Дилейни, все так же анонимно, наколдовала “Покойся с Миром”. В случае смерти человека из списка ваших контактов вам приходило оповещение, а потом приложение определяло, кто еще из списка знал усопшего и кому нужно послать соболезнования. “Покойся*Плюс*” соединяло пользователя с флористами, перевозчиками и юристами по недвижимости, а “Покойся*Элит*” управляло всем этим, включая рассылку соболезнований, от вашего имени. За несколько недель приложение скачали миллионы.

Уэс прочитал исследование, утверждавшее, что человек счастливее, если у него есть страсть – всепоглощающее хобби или любимый способ времяпрепровождения, – и на основании этого придумал “ПроектСтрасть”. Если вы не могли сами определить, в чем же ваша истинная страсть, приложение вам помогало – анализировало все ваши посты в соцсетях, историю поиска, ленты интересов, покупки и передвижения и определяло (по словам Уэса, с точностью в 99,3 %), что вам больше всего нравится делать. Люди решили, что это крайне полезная программа.

Увидев однажды, как ребенка застыжили за то, что он не убирал собачьи какашки в течение целых тридцати секунд, пока доставал из кармана пакетик, Дилейни придумала “ДавайВместе”, или “ДаВ”, с помощью которого пользователь мог снимать хулиганящих детей, идентифицировать их и связывать эти видеодоказательства с чипами отслеживания, которые были вживлены в лодыжки большинства детей. Дилейни и Уэс очень надеялись, что от идеи “давинга” всех затошнит и это станет наконец последней каплей, однако люди почему-то были благодарны за такое приложение, ведь родителям больше не приходилось гадать, не делают ли их чада чего-нибудь неприемлемого, пока они не видят, и немногочисленные слепые пятна в отношениях между детьми и теми, кто их воспитывал, оказались полностью устранены.

Потом Дилейни придумала “УлЛит”, рассчитывая, что его приберет к рукам Алессандро. Так и оказалось. Основной целью приложения было улучшение старых романов. Несимпатичные герои на основании жалоб и предложений в отзывах превращались в милых, маловразумительные и устаревшие термины менялись в соответствии с современными стандартами; лишние главы и абзацы, скучные и нравоучительные пассажи удалялись. В электронную книгу, даже купленную давно, изменения можно было внести мгновенно. Запуская приложение в общий доступ, Алессандро действовал аккуратно, ожидая серьезных возражений. Но никто – за исключением нескольких никому не интересных ученых, чьи работы также были быстро исправлены их же бывшими студентами, – не возражал.

– Вот это меня на самом деле удивило, – признался Уэс.

Дилейни уже ничему не удивлялась. Но продолжала стараться.

Она предложила дополнение к “УлЛиту”, предназначенное для исправления всех существующих текстов – от газетных статей двадцатого века до богословских трактатов шестнадцатого, – чтобы исключить из них все оскорбительное и сделать их более понятными. Тексты становились доступны для группового

редактирования, подобно “Википедии”. Отзывы были исключительно позитивными.

“ПоложиКонец” было детищем Уэса. Пользователь мог загрузить в приложение изображение любого предмета и спросить у интернет-сообщества, заслуживает ли он права существовать или должен исчезнуть из реального мира и человеческой памяти. Уэс специально оговаривал, что речь идет о вещах вроде тыквенного хлеба или ковра во всю комнату, но хакеры очень быстро перенастроили приложение так, чтобы оценивать людей, преимущественно знаменитостей. Большинство из них были приговорены Сетью к смерти и удалению из человеческой истории.

В качестве последнего средства Уэс решил прибегнуть к придуманному им “ПомРеш”, приложению для принятия решений, с помощью которого человек мог попросить у общественности помощи в любом вопросе – от назначения свидания до покупки буррито. Пользователь обозначал проблему, собирал кворум и вверял себя мудрости толпы. И это оказалась самая популярная из всех идей. Приложение было переименовано в “Консенсус”, и когда муниципалитеты и государства начали использовать его в качестве основного инструмента принятия решений, когда родители Дилейни стали полагаться на него в любом своем выборе и когда миллионы людей вообще прекратили выходить из дома, обедать, разговаривать с близкими и заводить детей – учитывая воздействие деторождения на окружающую среду, принимать такое решение в одиночку было преступным нарциссизмом – без предварительного обсуждения с народом, Дил и Уэс решили, что пора переосмыслить свои методы.

– Все бесполезно, – сказала Дилейни.

– Как раз наоборот, все очень полезно, – не согласился Уэс.

– Ничто не кажется им перебором. Ничто не способно их поколебать.

– Может, мы пока просто не видим? – с сомнением предположил Уэс.

– Может быть, – покорно согласилась Дилейни. Ей никогда еще не было так страшно.

21
Самый длинный день

Дилейни давно просрочила свое “ЗнакоМы”. Она проработала в компании уже почти четыре месяца, так что когда ее предложение наконец одобрили, вздохнула с огромным облегчением. Она думала, что это будет отличный шанс получше узнать большую группу “совместных” и, возможно, увидеть уязвимые места, болевые точки и слабости, на которых можно сыграть.

Кики ее план понравился. Она снова выглядела крайне уставшей, но Дилейни никак не могла придумать приемлемого способа сказать ей об этом или задать вопрос.

– В твоем мероприятии в первую очередь должно быть что-то о тебе. А это очень *твое*. Тюлени… это же тюлени?

– Морские слоны, – уточнила Дилейни.

– Это круто. Право.

Наверное, она хотела сказать “браво”, но у Дилейни не хватило духа ее поправить.

– Спасибо, – сказала она.

– Это так необычно, потому что ты и сама необычная, – сказала Кики и тут же покраснела. Они обе поняли, что слова “ты необычная” к концу дня обязательно будут помечены как нежелательные. – Алло! – поспешно воскликнула Кики, прижала палец к уху и начала весьма громкую беседу с каким-то, как показалось Дилейни, пожилым человеком.

Не переставая говорить, она встала в планку, положив телефон под собой на землю. Ее русалочьи легинсы, на этот раз с лососевым отливом, сверкали на солнце, трицепсы напрягались и дрожали. Наконец она закончила упражнение и села, закрыв глаза и тяжело дыша, как будто сбросила огромную ношу.

– Это мой дядя из Аргентины. Я поставила себе цель больше контактировать с родственниками, которые остались там, и у меня хорошо получается. Двадцать два звонка за последнюю неделю, так что я совсем чуть-чуть недотягиваю до цели. И заодно могу делать упражнения, пока говорю.

– Двадцать два звонка родственникам за неделю? – переспросила Дилейни.

– Это для начала. Со временем я добьюсь большего. – Она снова встала в планку. – Мне нужно работать над прессом. И я должна похудеть на четыре фунта. Ты уже используешь “ВладейСобой”?

Дилейни беспокоило стремление Кики похудеть. Она и так весила, наверное, не больше ста фунтов, ее руки казались толщиной с садовый шланг.

– Кто сказал, что тебе надо худеть? – осторожно спросила она и тут же подумала, как расценит это ИИ. Такой вопрос был на грани.

– Мой индекс массы тела не идеален. Мне пришло предупреждение. Но я и с этим справлюсь. А, кстати, ты случайно не говоришь по-французски?

– Ньет, – ответила Дилейни, изображая французский акцент. Кики вяло улыбнулась.

– Ладно, ничего. Я пытаюсь практиковаться и подумала, что мы могли бы говорить по-французски, если б ты его знала. Я стараюсь заниматься по двадцать минут в день, но думаю, что было бы лучше это с чем-то совмещать. Я начала просто выполнять задания, но у меня плохо получается.

Мысли Кики скакали туда-сюда, взгляд был тревожным и неуверенным.

– Я уже спрашивала, сколько ты в среднем спишь? – спросила она, но не стала дожидаться ответа. – Ты слышала, что, согласно новым исследованиям, идеал – десять часов? Тот парень, что придумал “Бананоскам”, спит десять часов! В *саване*! Несколько дней назад я легла в кровать в восемь часов и думала, что проспала достаточно, но сенсоры не посчитали все эти часы *качественным* сном. Поэтому вчера я только и думала о том, как бы поспать качественно, и в итоге толком не спала вообще. Так что цель повысилась до десяти часов, а мой показатель упал до 6,4.

Из ее браслета раздался коротенький смешок.

– Нужно посмеяться, – сказала она. – Смеюсь я тоже мало. Есть что-нибудь веселое, о чем мы можем поговорить?

Дилейни попыталась придумать шутку. Вечно она не может вспомнить ни одного анекдота. Ее лицо, видимо, скривилось от напряжения, потому что Кики внезапно рассмеялась, но тут же закашлялась.

– Тебе не кажется, что ты ставишь слишком высокие цели? – спросила Дилейни.

Кики, согнувшись, пыталась остановить кашель. Она подняла вверх указательный палец, прося минутку. Через какое-то время выпрямилась и несколько раз глубоко вздохнула.

– У тебя было такое смешное лицо! – наконец сказала она. – Ух, я хорошо посмеялась! – И посмотрела на браслет, проверяя, зачел ли он ей этот смех. – Что ты там говорила?

– Тебе не кажется, что ты ставишь слишком высокие цели? –

повторила Дилейни.

– Спасибо, что беспокоишься, но “ВладейСобой” это учитывает. Там масса сигналов, которые тебя предупреждают, если что. Смотри. – Она протянула Дилейни руку с браслетом, на котором мигали многочисленные цифры. Дилейни понятия не имела, что все они значат. – Тут сказано, что я использую свои возможности только на 71 %. Так что мне есть к чему стремиться. – С запястья прозвучал счастливый звонок.

Дилейни поймала себя на том, что одновременно очень рада за Кики и очень за нее переживает.

– Все хорошо? – спросила Кики.

– Все хорошо, – подтвердила Дилейни.

– Привет, Нино! – воскликнула Кики и умчалась.

***

Идея показать процесс размножения морских слонов возникла у Дилейни не просто так – у нее был в этом и личный интерес. Без машины добираться до Плайя 36 (бывшего Дрейкс-Бич), полтора часа на север, было непросто и недешево. Если она возьмет с собой автобус “совместных”, то проведет “ЗнакоМы” и при этом сама наконец увидит одно из самых интересных явлений в мире животных, о котором столько слышала. Каждый год около сотни морских слонов, весом примерно в тысячу фунтов каждый, долгие недели нежились на берегу Пойнт-Рейес, выкармливая детенышей. Их было столько, что трудность заключалась не в том, чтобы увидеть животных, а в том, чтобы не наступить на них. Наблюдательная площадка была совсем рядом, но слоны совершенно не обращали внимания на людей, пока дрались за самок, спаривались, рожали детенышей и возвращались обратно в море.

Получив одобрение Кики, Дилейни начала планировать и искренне втянулась в процесс. Сейчас у нее не было никакого злого умысла, ей хотелось, чтобы мероприятие прошло удачно, и она была уверена, что все получится. Если она проведет “ЗнакоМы” достойно, то завоюет благосклонность “совместных”, и это поможет ей получить доступ к тайнам компании. Она решила позвать Уэса, а также подумывала пригласить Алессандро и Винни, однако Кики сообщила ей, что участников “ЗнакоМы”, как и почти всех мероприятий в кампусе, отбирает “АлМас”.

“Так лучше всего обеспечивается эффективное смешение «совместных» из разных отделов, – написала Кики. – А кроме того, большинство людей не хотят брать на себя ответственность за решение, кого приглашать, а кого нет”.

Освободившись от этой обязанности, Дилейни решила проверить, будут ли на пляже в предстоящую субботу рейнджеры,

и выяснила, что их будет двое или даже трое и они дадут пояснения всем желающим. Она надеялась, что на этом все, что главное – привезти всех на берег с морскими слонами. Однако понимала, что какие-то вопросы наверняка возникнут.

– Сделай описание мероприятия, – посоветовала Кики. – Как можно подробнее. Ответь заранее на все возможные вопросы. И конечно, сделай так, чтобы в презентации имелась функция поиска. Я видела описания по 60–70 страниц. Один человек, предлагавший устроить групповые танцы, выложил двухчасовое учебное видео. Но у тебя все… проще.

Дилейни написала три абзаца, добавив шесть ссылок на основную информацию о морских слонах, их жизни на тихоокеанском побережье, цикле размножения, Пойнт-Рейес в целом и Плайя 36 в частности. “Если вы никогда не бывали на Пойнт-Рейес, будьте готовы, – написала она. – Это впечатляет”. Людям, живущим в Северной Калифорнии, вроде бы не надо было напоминать, чтобы они брали с собой теплую одежду, но она упомянула об этом, а также о солнцезащитном креме, удобной обуви и шапках для тех, кому продувает уши. Она послала черновик Кики, которая явно была занята и написала в ответ только одно слово: “Еда”. Дилейни поняла, что “совместные”, видимо, не будут брать обед с собой, поэтому договорилась с ближайшей к Приморской Хижине кулинарией на поставку восьмидесяти сэндвичей – для веганов и вегетарианцев, рыбоедов и мясоедов, как минимум по два варианта на каждого из присутствующих – и большого количества салатов и напитков в многоразовых контейнерах. На этом она завершила планирование и передала все в руки Кики.

Группу из сорока двух “совместных” сформировал алгоритм. Участники подбирались из самых разных отделов и с самыми несхожими интересами. А поскольку люди наверняка захотят делать фотографии, причем, возможно, и групповые, нужно было представить репрезентативную (или даже несколько приукрашенную) выборку сотрудников компании по полу, возрасту и расовой принадлежности. После этого был создан групповой чат, и во вторник Дилейни скинула туда свое описание, разбухшее до трех страниц в результате добавления информации о питании и перечня всего, что нужно взять с собой.

“А что насчет безлактозного меню?” – вопрошало первое же из сообщений в чате. Дилейни выругала себя за этот очевидный промах. “Не смотрите это описание! – написала она. – Скоро пришлю исправленное!”

Она заново перечитала все три страницы, отредактировала их и добавила еще две, стараясь учитывать все возможные аллергии

и пищевые предпочтения. Она упомянула о глютене, яйцах, орехах, пасленовых и корице (два последних недавно стали хитами в сфере физиологических и эстетических непереносимостей) и решила, что будет уместно добавить название поставщика еды – “У Эмиля” на Пачеко – на тот случай, если кто-то надумает сделать индивидуальный заказ.

“«У Эмиля»? Вы это видели?” К сообщению была прикреплена ссылка на фото хозяина кафе Эмиля в молодости, позирующего с флагом Израиля на пляже – по-видимому, в Тель-Авиве. За первым сообщением последовали еще 76 от четверти участников экскурсии, большая часть – со ссылками на претенциозные статьи. Завязалась бурная дискуссия о том, кто прав и кто не прав в конфликте Израиля и Палестины, а также о том, как должен чувствовать себя “совместный”, поедая сэндвич, изготовленный человеком (и его работниками), который так гордится Израилем и его злодеяниями, что шовинистически позирует с его флагом на роскошном пляже, отобранном у арабов.

***

– Вот дерьмо, – заметил Уэс, жуя сэндвич Эмиля с бастурмой и горчицей, неизменно входящий во все его заказы. – И что теперь, Эмиль не будет снабжать вас едой? Тогда, наверное, надо ему об этом сообщить?

Они с Дилейни сидели дома и читали чат, где история продавца сэндвичей на Оушен-Бич окончательно потонула в истории Ближнего Востока. Дилейни с ужасом осознавала, что до поездки еще целых четыре дня. Только за 21 час после первой рассылки о мероприятии набралось 288 сообщений.

Кики оповестила ее, что семеро из сорока двух участников отказались от экскурсии в знак протеста и уже успели вежливо пригрозить, что сообщат, что “Вместе” поддерживает сионистского кулинара, хотя оставалось непонятным, куда они собираются об этом сообщить и кто должен принимать меры (и какие) по этому поводу. В своих сообщениях, явно написанных под пристальным контролем юриста, Кики старательно объясняла, что “Вместе” не занимает никакой политической позиции по поводу конфликта Израиля и Палестины, не собирается затыкать никому рот, но при этом не заставляет никого поддерживать, материально или иными способами, приверженцев какой-либо страны, флага, нации или политического курса. Компания изо всех сил старалась продемонстрировать уважение всем сторонам и считала, что лучший способ сделать это – самоустраниться из дискуссии.

И это был только День Второй. До экскурсии оставалось еще четыре. “А автобус ездит на растительном топливе?” – спросил

один из участников. “Это стандартный автобус «Вместе», так что, думаю, да”, – написала Дилейни. “Походные ботинки нужны?” – “Нет, мы будем просто стоять на песке или на парковке рядом с пляжем. Даже если кто-то захочет прогуляться по одной из туристических троп, специальной обуви для этого не требуется. Но ты, конечно, можешь надеть походные ботинки, если хочешь!” – “Не вижу списка необходимых вещей. Обычно для таких мероприятий на свежем воздухе бывает список”. – “Я выкладывала список, вы, наверное, просто не заметили его среди сообщений, так как он короткий. На самом деле вам нужны только вы и, как я уже писала, теплая одежда и, возможно, шапка. Я даже возьму солнцезащитный крем, так что его можно вычеркнуть из списка!” – “Подождите. Мы что, изменили список? Где новый список? Он что, правда в pdf? Почему не ВместеДок?” За этим следовала ссылка на статью об опасностях формата pdf с упоминанием многочисленных случаев прикрепления вирусов к таким документам. “Мне понадобятся ботинки?” – спрашивал еще кто-то. Дилейни была твердо намерена отвечать каждому отдельно и без раздражения. “Только если у тебя они есть и ты привык надевать их в таких случаях! Но кроссовки тоже подойдут”. – “Нам нужны кроссовки? А сандалии можно?” – “И сандалии можно! Но учти, может быть холодно”. – “Почему холодно? В прогнозе написано плюс шестнадцать. Тебе известно что-то, что неизвестно им?” – “Мне известно только, что иногда там резко холодает. Может спуститься туман, и температура упадет до десяти или даже семи. Теплая одежда!” – написала она и добавила смайлик. “Дилейни, какой солнцезащитный крем ты берешь?” Дилейни еще не покупала крем, поэтому быстро поискала в интернете и выбрала органическую марку “Рассвет разума”. Это вызвало новую лавину сообщений. “Стоп, мы что, теперь поддерживаем сайентологию?” – написал кто-то. Дилейни сначала ничего не поняла, но быстро выяснила, что основательница бренда Дон Ангер когда-то была сайентологом, хотя, кажется, уже давно перестала им быть и не публиковала нигде ничего в поддержку сайентологии. После четырех часов и 413 сообщений, содержащих утомительное перечисление грехов и добродетелей всех бывших и нынешних производителей солнцезащитных кремов в мире, группа наконец остановилась на органическом бренде с Антильских островов. То, что продукт везли за несколько тысяч миль, вполне могло привести к какому-нибудь “скаму”, но к концу Второго Дня этого так и не произошло. Дальнейшие сообщения были в основном разговорами “совместных” между собой и не требовали ответа от Дилейни. “Кто-нибудь берет шляпу? Кто-нибудь берет воду?” – “У

нас будет много воды", – написала Дилейни. "У меня в сумке есть лимон, – сообщил один мужчина. – Вдруг кто-нибудь захочет добавить его в воду". На это отреагировали девятнадцать человек, большинство хотели знать, откуда этот лимон взялся. И хотя владелец лимона заверил всех, что это лимон из его собственного сада, дискуссия не завершилась. "Спасибо, мне не надо! Я не употребляю ничего кислого!" – "Я могу взять сахар", – безрассудно предложил человек с лимоном. "Что за нах? Сахар?" – возмутился кто-то, и это спровоцировало вал антисахарных заявлений и манифестов. В конце концов участник с лимоном, который тоже относительно недавно пришел в компанию, решил, что ему лучше отказаться от поездки, и был заменен на другого.

"Я слышал, что молескиновые пластыри очень хороши от мозолей. (Это было первое сообщение на следующее утро.) Дилейни, у тебя есть такие пластыри в аптечке?" – "Я возьму, – написала Дилейни, – но на самом деле вряд ли они нам понадобятся. Мы просто будем стоять на пляже и смотреть на морских слонов. Никаких тяжелых подъемов!" Она добавила милый смайлик. "Простите, возможно, я что-то пропустил, – писал еще один участник, – но нужно ли брать шляпу? Какую? С широкими полями? Мягкую? Ковбойскую? Пробковый шлем?" – "Любая шляпа подойдет", – отвечала Дилейни. "А вы знаете, что компания-производитель этих молескиновых пластырей только что была приобретена корпорацией, которая ведет дела с «Цыпочками»? Пожалуйста, давайте не будем ее поддерживать. Очнитесь!" Злая рожица. "Когда будет список вещей в ВместеДок?" – "Он есть!" – "В автобусе будет вайфай?" – "Это стандартный автобус «Вместе», так что, думаю, да". – "В моем автобусе во вторник отключился вайфай. В результате я оказался совершенно не готов к презентации". – "В нашем автобусе все будет в порядке! И это будет в субботу утром, так что никакие презентации не должны пострадать!" Дилейни добавила смайлик со счастливой белочкой.

Вопросы продолжали поступать. Дилейни чувствовала себя обязанной читать все, чтобы среди сотни ежедневных тредов не пропустить что-то, что обязательно потребует от нее ответа. Через какое-то время участники ненадолго переключились на обсуждение млекопитающих, за которыми они собирались наблюдать. "Это они?" – спросил один, приложив фото морского леопарда. Дилейни указала ему на различия двух видов, пояснив, что морские леопарды – это морские леопарды, а морские слоны – это вовсе не морские леопарды, и получила ответ: "Ого. Эти твои какие-то страшные. Я бы не хотел встретиться с ними на темном

айсберге!” Шутка всем понравилась и породила кучу желтых смеющихся рожиц, часть из которых хохотала до слез, свидетельствуя о том, что поставившие их люди сейчас тоже рыдают от смеха. “Так что там насчет ботинок? – спрашивал очередной участник. – Я посмотрел на Пойнт-Рейес онлайн и обнаружил множество холмов, неровную местность, морской берег (!) и даже кое-где грязь”. – “Там, где мы будем, вполне ровно. Там можно ходить на каблуках, платформе, в сандалиях, даже ездить на уницикле”. – “Уницикл?! – тут же последовала реакция. – У меня диабет!” Дилейни попыталась затоптать разгорающийся уницикловый огонек, прежде чем он успеет превратиться в пожар. “Никаких унициклов! Это просто шутка! Я просто хотела сказать, что там очень ровная и безопасная местность”. – “Униciклы уж точно небезопасны!” – написал кто-то со ссылкой на целый ряд несчастных случаев с униciклами, произошедших по большей части в Польше. “А носки? – спросил другой участник. – Я слышал, что рядом с соленой водой лучше носить шерстяные, но не могу найти производителя с сертификатом гуманной стрижки овец. Кто-нибудь знает?”

***

В день экскурсии Дилейни приехала к кампусу в девять утра и встретилась у ворот с Эмилем. Он привез на тележке восемьдесят сэндвичей в герметичных биопластиковых контейнерах. В момент появления Дилейни он спорил с Ровеной, которая утверждала, что пластиковые контейнеры одноразовые, а значит, запрещены. После продолжительной дискуссии и обмена сообщениями с Кики сэндвичи все же пропустили внутрь, просканировали и разрешили к погрузке в автобус и последующему поеданию. Вместе с двумястами питьевыми шариками их отправили в багажный отсек, и когда навесная дверца закрылась, Дилейни едва не рухнула на землю. Она думала, что самая сложная часть дня уже позади. Автобус с вайфаем, специально обученные рейнджеры и сотни прекрасных животных, спаривающихся и извивающихся, как гигантские слизняки, на девственном пляже, должны заставить всех забыть о своих переживаниях и жалобах.

Когда участники собрались у автобуса, Дилейни увидела, что чуть ли не все одеты словно для восхождения на Эверест. Хотя походные ботинки обсуждались неоднократно и Дилейни не раз повторила, что они необязательны, практически на каждом, за редким исключением, были новенькие ботинки с тракторными подошвами, а также новые мягкие охотничьи шляпы и шарфы – как из имиджевых, так и из практических соображений. О новых флягах с водой и новеньких темных очках на шнурках и говорить

нечего. Абсолютно все пришли в органическом флисе – флисовые куртки под флисовыми жилетами и флисовые жилеты поверх флисовых курток. Штаны у большинства были совершенно одинаковыми, и Дилейни смутно припомнила, что в День Четвертый кто-то разрешил дилемму шорт против брюк, предложив всего за 280 долларов купить штаны с молниями под коленками, которые превращались в шорты. Из сорока двух “совместных” такие штаны были на тридцати девяти. Все немножко посмеялись над этим, но затем Нестор, крайне серьезный человек с насмешливым взглядом, указал на то, что если продукт рекомендуют друзья, которым можно доверять, то логично, что остальные следуют рекомендации, и это гораздо лучше, чем когда сорок два человека движутся в сорока двух различных направлениях.

– Лучшее – это всегда лучшее, – заявил он, и все согласились.

Для поездки, которая должна была занять около полутора часов, Дилейни подготовила плейлист с веселой музыкой, который включила, как только они выехали из ворот “Вместе”. Первым треком была песня Отиса Реддинга, и тут же ей на телефон пришло сообщение: “Он ненавидел женщин!” – и ссылка на анонимную и бездоказательную публикацию, где утверждалось, что он плохо поступил с бывшей возлюбленной, которую встретил после выхода своего хита “Причал в заливе”. “Спасибо, подняла настроение с утра пораньше!” – продолжал автор сообщения, намекая, что Дилейни испортила ему день своей поддержкой мизогинии. Дилейни включила следующую песню, “На пляж” Ланы Дель Рей, но быстро поняла, что риск слишком велик, и перемотала на третью. Ей оказалась “Идем дальше” Маппетов, незнакомая большинству пассажиров, так что в течение трех минут, пока она шла, никто не возмущался, хотя некоторые пытались найти признаки причастности этой песни к явному или тайному злу. Нила Даймонда она пропустила сразу, решив, что любой исполнитель еврейского происхождения будет выглядеть сомнительно в свете ее промаха с израильскими сэндвичами, затем промотала шестой и седьмой треки (из “Триллера” Майкла Джексона), задумалась ненадолго над “Будь моей крошкой” группы *The Ronettes*, но вовремя вспомнила про Фила Спектора[20] и, наконец, остановилась на композиции молодого рэпера из Ганы, которого открыла для себя недавно. Но и его первая песня быстро пала под огнем возмущения – оказывается, еще подростком он позволил себе шутку на грани приличия о своей учительнице математики, – так что Дилейни выключила музыку и предоставила всем возможность на восемьдесят одну минуту погрузиться в звуки из персональных

наушников и безопасное одиночество.

Когда они доехали до округлых зеленых холмов Петалумы и увидели пасущихся на них лошадей и овец, стайку гусей в пруду и толкущихся за кривым заборчиком коров, Дилейни ощутила гордость. Она была не отсюда родом, но выросла в похожем месте и гордилась тем, что и в ее родном штате, и в штате, который стал для нее домом, среди всеобщей строительной лихорадки и искушений миллиардными заработками все же сохранились вольные пастбища. “Мы уже на финишной прямой, – подумала она, – отсюда и до конца маршрута нас ждет лишь красота природы, а когда доберемся до удивительного творения эволюции, мне останется лишь отойти в сторонку”.

Ее телефон звякнул; опять посыпались сообщения от участников. “Для вегана это все равно что Холокост”. “Не знал, что по пути мы будем наблюдать издевательства над животными”. Дилейни пыталась придумать ответы, но сообщения лились сплошным потоком, без пауз. “Для меня это Долина Триггера”. Дилейни оглянулась на пассажиров и увидела, как одна женщина утешает другую, обе старательно отводили глаза от вида за окном. “Совместного” по имени Сил тошнило в туалете. “Уже двоим плохо”, – писал Сил (из туалета). “Пусть водитель едет помедленнее”, – поддержал его другой пассажир. Третьему пришла в голову альтернативная мысль: “Может быть, лучше побыстрее миновать эту скотобойню?”

Они проехали Петалуму, но Дилейни знала, что впереди еще много ферм. “Дальше только молочные фермы!” – написала она, но это никого не утешило. “Ты бы согласилась, чтоб тебя доили?” – спросил кто-то. “Я не пью молока, у меня непопулярность лактозы”, – написала Дилейни, надеясь, что попытка пошутить поможет, но без толку. “Ужасно, бедных коров весь день дергают за соски, чтобы люди могли пить то, что для них не предназначено”. Дилейни снова посмотрела на пассажиров, надеясь найти понимание хоть в ком-то, но все глаза были опущены в экраны, пальцы набирали текст, так что ей осталось только считать минуты до окончания поездки.

Плайя 36, как и большая часть калифорнийского побережья, была относительно легкодоступным, но при этом практически нетронутым уголком природы. Автобус припарковался на присыпанной песком площадке рядом с деревянным инфоцентром, а дальше, буквально в сорока футах, сотня морских слонов – самок, самцов и детенышей – валялась на пляже, греясь в солнечных лучах и издавая трубные звуки. Лазурное небо было усеяно мелкими пушистыми облачками. Позади расстилались серовато-зеленые холмы, слева и справа вздымались скалы, а

перед ними был пляж с огромными зверями, неимоверно уродливыми и такими беззащитными на вид.

Дилейни стояла у двери автобуса, выпуская пассажиров и думая, что все жалобы на неправильную музыку, эксплуатацию коров и даже израильские сэндвичи должны испариться при виде этого чуда природы. Телефон звякнул. “Тут очень много песка”. Она огляделась. Кто это написал? “Я забыл намазаться солнцезащитным кремом”. Это было от Сила, который двадцать минут назад страдал в туалете автобуса. “Я тоже, – написал еще один «совместный». – Пойду обратно в автобус и не выйду, пока не намажусь”. – “Надеюсь, мы не успели заработать рак кожи”, – отвечал Сил.

Дилейни повела остальных экскурсантов к русоволосому рейнджеру, у которого на бейдже значилось имя Мэтт Коуди. Это был мужчина средних лет, розовощекий, темноглазый и ничем особо не примечательный, в зеленых брюках, зеленой куртке и зеленой шляпе. Солнечных очков он не носил. Его лицо и фигура создавали впечатление спокойствия и добродушия. Широко улыбаясь, он приветливо посмотрел на группу, как будто рассчитывая по-настоящему насладиться общением с экскурсантами.

– Большая группа! – сказал он. – Что ж, рад вас приветствовать. Я Мэтт Коуди, или рейнджер Мэтт, если хотите официально. Вы находитесь в фантастическом…

– Это они? – перебила его одна из “совместных”, состроив жуткую гримасу.

– Да. Вы увидите, как…

– И что, тут нет никакого… э-э-э… барьера? Они не опасны? – спросил другой экскурсант, пятясь назад.

Третья, глядя в телефон, сообщила:

– Тут написано, что они могут преодолеть тридцать футов за десять секунд.

Группа обеспокоенно зашушукалась. За исключением нескольких оранжевых конусов, на пляже действительно не было никакого барьера между людьми и морскими слонами, большинство из которых весили не одну тысячу фунтов.

– С нами все будет в порядке? – спросила молоденькая девушка, широко раскрыв глаза от ужаса и медленно отступая к автобусу.

– Ребята, все будет отлично, – попытался успокоить всех рейнджер Мэтт. – Вы здесь не одни. Смотрите, никто не боится. – Он повел руками направо и налево, где стояли другие люди, которых, кажется, никто из “совместных” до сих пор не замечал.

– Зачем нам подходить так близко? – спросил один из

экскурсантов.

– Тут надо установить более конкретные границы, – заметил другой.

– Вы можете находиться где угодно, – сказал рейнджер Мэтт, ободряюще улыбаясь, – только не заходите на сам пляж.

Дилейни была уверена, что он понял, что за группа к нему приехала, и специально выбрал иронически-веселый тон.

Сил хмыкнул:

– Мне кажется, это вторжение в их…

– Личное пространство? – подхватил рейнджер Мэтт, подавляя улыбку. – Да, я догадываюсь, что вас это сильно волнует. – И, как будто точно зная, в какие неприятности собирается влезть, ехидно продолжил: – Хочет кто-нибудь узнать, что именно тут происходит?

Приподнялось несколько робких рук. Дилейни подняла обе, и повыше, пытаясь привлечь внимание Мэтта и показать, что она – руководитель группы и заодно с ним. Он не уловил намека.

– Ну хорошо. – Он резко хлопнул в ладоши, напугав всех. – Здесь вы можете видеть примерно сорок взрослых самцов морских слонов. А также около двадцати взрослых самок. Малыши родились в последние пять-шесть недель. Все это время матери кормили их, но теперь начали возвращаться в океан. Они оставляют детенышей тут, на пляже, чтобы те сами нашли путь к воде, научились плавать, добывать себе пищу и выживать. Многие не выживут.

– Как это – не выживут?! – потрясенно воскликнул Сил, успевший густо намазаться кремом.

– Ну так, – пожал плечами рейнджер Мэтт. – Иногда погибает до трех четвертей приплода. Некоторых съедают акулы. Некоторые тонут. Некоторые умирают от голода. Кто-то может умереть прямо здесь, на пляже.

– О боже! – тихо произнес кто-то.

Экскурсантов охватила паника. Четверо из них уже бежали к автобусу. Еще шестеро кинулись следом – оказать бедолагам поддержку.

– Помнится, в девяносто восьмом, – продолжал рейнджер Мэтт, – из-за Эль-Ниньо[21] примерно восемьдесят пять процентов щенков утонули прежде, чем научились плавать…

Раздались стоны и всхлипы. Еще больше “совместных” ретировалось в автобус, не желая слушать, о каких еще ужасах будет рассказывать рейнджер Мэтт. Среди примерно пятнадцати оставшихся одно лицо, полускрытое большими солнцезащитными очками и мягкой охотничьей шляпой, показалось Дилейни смутно знакомым.

– Ханс-Георг? – спросила она. Она и понятия не имела, что он тоже был в автобусе.

– Дилейни! – отозвался он, горячо пожал ей руку и заговорил со своим очаровательным немецким акцентом: – Это поразительно, просто поразительно! Никогда такого не видел! Только посмотри на них! Как они катаются, и играют, и… как это? Мычат?

– Ага, мычат.

Дилейни была очень рада, что кому-то еще это нравится, что кто-то видит это теми же глазами, что и она. Телефон звякнул. Это был дот от ее родителей. В последнее время они – точнее, программа в их телефонах – присылали несколько десятков таких сообщений в день. “Думаем о тебе!” Буквы разлетались на экране веером маленьких фейерверков. Она снова посмотрела на Ханса-Георга, мечтая убежать с ним в близлежащие холмы.

– Огромное спасибо тебе за то, что привезла меня, всех нас, сюда, – сказал он. – Я никогда этого не забуду. – С этими словами он отошел от нее и направился к пляжу, заложив руки за спину, как будто бродил по музею. Казалось, что он молча общается с песком, океаном, тюленями, ветром и солнцем, совершенно открыто и бесстрашно наслаждаясь дикой природой.

Несколько наиболее смелых и любопытных “совместных” фотографировали, смотрели в бинокль Мэтта и задавали вопросы, но остальные как будто не понимали, что вообще здесь делают. Те, кто все же не стал возвращаться в автобус, немножко поснимали тюленей и себя на фоне тюленей, сделали Попай-селфи с тюленями и несколько групповых фото в различных позах и с различными фильтрами. На это ушло минут восемь-десять, после чего им стало совершенно нечем заняться. Двое пошли в инфоцентр, один – в туалет. Никто не покинул пределы парковки. За исключением тех немногих, кто продолжал задавать вопросы рейнджеру Мэтту, никто не хотел узнать больше о тюленях, ради которых они полтора часа ехали к океану, и участники экскурсии стали один за другим возвращаться с солнечного и ветреного пляжа в прохладу и полутьму автобуса, в замешательстве делясь впечатлениями через телефоны. В основном они возмущались рейнджером Мэттом, который рассказывал им вещи, которые они не были готовы слышать, и Дилейни, которая подвергла их испытанию общением с рейнджером Мэттом, а также песком, и солнцем, и ветром, и огромными дикими существами, к чему они также не были готовы.

Спустя двадцать пять минут у берега остались только Ханс-Георг и еще парочка “совместных”. Остальные кисли в автобусе, так что Дилейни зашла в инфоцентр, нашла там водителя,

который покупал книги для своих детей, и попросила его вернуться. К сэндвичам никто не притронулся. Ни у кого не было времени достать их из багажного отсека.

По дороге домой начались жалобы, как подписанные, так и анонимные, но все – в апокалиптическом тоне. Молодая женщина, которая была шокирована тем, что самки морских слонов бросают своих детенышей, рассказала, что ее подругу тоже бросила мать. Если бы она знала заранее, что столкнется на экскурсии с таким – сначала с несчастными животными Петалумы, а потом с этим жестокосердным рейнджером, который так радостно рассказывал про преступления млекопитающих матерей, – то ни за что бы не поехала. Пытаться затоптать угли ее красноречия было бесполезно, а остальные только подливали масла в огонь. “Это как минимум просто неприемлемо”, – написала одна участница, явно считая свое мнение очень взвешенным. “Немыслимая жестокость”, – подхватила другая. Вскоре кто-то заявил, что стоит вообще запретить “ЗнакоМы”. И экскурсии на природу. И рейнджеров. И парковки. Что-то в парковках вывело возмущение “совместных” на новый уровень, и вой достиг невиданных масштабов. Мир был полон жестокости и преступлений, и парковки почему-то оказались в центре самых худших из них. Автобус затопили рыдания и утешения-без-прикосновений. “С меня хватит”, – написал один из экскурсантов. “Больше никогда – значит больше никогда”, – написал другой.

А потом автобус сбил овцу.

22
Тринадцать способов смотреть

В воскресенье Дилейни была предоставлена самой себе, поэтому валялась в постели, пока до нее не добрался солнечный луч. В одиннадцать она села и с час смотрела в окно, где изредка мелькали чайки. Она вспомнила сон, приснившийся под утро.

Беременная Мэй Холланд сидела в стеклянном кубе, раскинув ноги, показывая на тень между своих ног и пытаясь подманить к себе Дилейни. При этом Дилейни четко, как это бывает в снах, понимала, что Мэй зовет ее не *посмотреть* на ребенка, а *стать* ребенком.

Не исключено, что я схожу с ума, подумала Дилейни.

Все утро она слышала, как Уэс топает по дому, явно намеренно, желая обозначить свое присутствие, но не желая стучать в ее дверь. Однако в итоге все же постучал и заглянул в комнату.

– Мне конец, – сказала она.

– Овца выжила? – спросил он.

Дилейни пожала плечами. Накануне вечером она вкратце рассказала Уэсу о поездке, о жалобах и о том, как автобус въехал в овцу. Животное, доселе безымянное и предназначенное на котлеты, отвезли в ветеринарную клинику и нарекли Афиной. Кто-то из “совместных” установил там камеру, и все несчастные, что оказались в автобусе-убийце, наблюдали за ней, молясь и надеясь на благополучный исход. Афина получала всю возможную помощь, но после удара пятнадцатитонным автобусом на скорости сорок миль в час шансы ее были невелики.

– Мне так грустно, что я не успел познакомиться с ней, – вздохнул Уэс.

– Умоляю!

– Мне кажется, она была замечательной овцой.

– Отвали!

Уэс исчез, но тут же появился вновь – с конвертом.

– Тебе вчера пришло еще письмо, – сказал он и бросил конверт на кровать.

Письмо, конечно же, было от Агарвал. Дилейни колебалась, гадая, хватит ли у нее духу прочесть его. Однако все же вскрыла конверт, надеясь, что слова Агарвал придадут ей новых сил – пусть даже это будут упреки.

Дорогая Дилейни!

Мне нечего терять, поэтому буду говорить все, что приходит мне в голову. Много лет я безуспешно пыталась ввести в обиход слово “техноконформизм”. Но, видимо, такое происходит только само по себе и нельзя внедрить слово в лексикон искусственно. Понимаешь, мои подростковые годы пришлись на 1980*-е. Мы были настолько комично антиавторитарны, антикорпоративны и антиконформны, что я помню, как меня приводил в бешенство даже местный продуктовый магазин.*

Ваше поколение было самым конформистским в истории, но те, что приходят за вами, становятся еще большими конформистами. Мне не нравится об этом говорить. Но подумай. Все вы владеете одной и той же моделью телефона. Вы радостно предоставляете свои персональные данные самой монополистической и жадной корпорации в истории. Вы, ваше поколение, постоянно стараетесь демонстрировать эмпатию, интеллект и политическую активность. Вы бойкотируете компании (и людей) за самые мелкие прегрешения. Но для этой компании – компании, где ты теперь работаешь, компании, которая имеет самые мощные возможности контролировать все, что мы знаем, покупаем и делаем, компании, которая добилась самой большой и пугающей концентрации власти и богатства в человеческой истории, – ты почему-то делаешь исключение. Мне этого никак не понять.

Твоя

Агарвал

От письма Дилейни стало только хуже. Она забралась под одеяло и накрыла голову подушкой. Пискнул телефон – она забыла его отключить. Предупреждение, что она еще не заполнила ИУЛО (Исследование Удовлетворенности Личным Общением) для всех пассажиров автобуса; все они, конечно же, уже выставили свои оценки ей. Она не стала на них смотреть, засунула телефон под матрас и не вылезала из кровати до понедельника, изредка просыпаясь и снова засыпая с одним и тем же чувством тупого отчаяния.

***

Алессандро сказал, что ему жаль, что она покидает “СутьСюжета”. Она пробыла здесь две недели, работая преимущественно над исследованием шуток в кинокомедиях –

какое количество идеально, а какое уже чересчур (54 и 77). Дилейни сказала, что ей тоже жаль уходить.

– Но я рад, что ты уходишь недалеко, – добавил Алессандро. – “Отслеживание движений глаз” тесно связано с нашей работой в “СутиСюжета”, как ты, наверное, понимаешь. Возможно, если тебе понравится то, чем занимается команда Эрика, ты в итоге останешься на нашей стороне кампуса. Нам нужны такие, как ты.

Когда он произнес последнюю фразу, на его лице внезапно отразилась паника. Слова “такие, как ты” повисли в воздухе, пока он и Дилейни осмысляли их на предмет оскорбительности. Что-то в них было не так, и Дилейни понимала его испуг. Но через несколько секунд, завершив проверку, они убедились, что все в порядке, и Алессандро – который явно успел живо представить себе позорное увольнение и вечное клеймо на своем лбу – расслабился.

Он сопроводил Дилейни к новому месту работы, где их встретил очень высокий мужчина с огромной бородой, похожей на гирлянду из черного лишайника.

– Эрик, – представился он и пристально посмотрел на Дилейни. – Рид? – спросил он и показал на себя: – Льюис и Кларк.

Дилейни понятия не имела, о чем он.

– Гуманитарные школы Северо-Запада! – пояснил Эрик и до того надсадно расхохотался, будто всю жизнь заставлял себя смеяться и его легкие с трудом это выдерживали.

Ее удивило, как много “совместных”, оказывается, идентифицируют себя с учебными заведениями и пытаются через них найти точки соприкосновения друг с другом.

Эрик повернулся к Алессандро:

– Просто уточняю: требуется соглашение о неразглашении?

– Да, – подтвердил Алессандро. – Я вернусь в десять. И не забудь, что в полдень праздник Бейли. Так что у тебя полчаса.

После смерти Бейли мероприятия в его честь следовали одно за другим, но сегодня весь кампус должен был собраться на Ромашке для масштабного праздника.

– Понял, – сказал Эрик.

Это был самый высокий человек из всех, кого Дилейни видела в кампусе “Вместе”, – и, возможно, самый высокий из всех, кого она вообще видела вблизи. Она посчитала, что в нем наверняка футов семь. Из-за лишайниковой бороды он почему-то казался еще выше.

– Шесть футов десять дюймов, – сказал он, словно читая ее мысли. – Ты не посмотрела заранее?

Дилейни нервно хихикнула, ощутив прилив благодарности к Эрику за то, что он не носит легинсы. Может быть, для людей

его роста существуют особые правила? Она последовала за ним в комнату, где синеватое освещение давали лишь включенные мониторы.

– Садись, – сказал Эрик, показывая на эргономичное кресло перед стандартным экраном, сел рядом и протянул ей какую-то человеческую версию лошадиных шор. – Знаешь, что это?

Дилейни с удивлением обнаружила, что когда он сидит, его голова оказывается на одном уровне с ее. Наверное, он такой высокий за счет длинных ног, решила она, и тут в нос ударил резкий кисловатый запах. Она даже слегка улыбнулась, подумав, что из всех вещей, с которыми “Вместе” пытается бороться, эта – запах человеческого тела – пока ему не поддалась. Такого приложения не существовало.

– Надень, пожалуйста, – попросил Эрик.

Она надела устройство на голову и поняла, что оно действительно работает как шоры, ограничивая периферическое зрение.

Она не увидела возвращения Алессандро, но почувствовала его. Он поставил перед ней планшет, и она быстро промотала текст и приложила палец в качестве подписи. Эрик и Алессандро рассмеялись.

– Тут такое не пройдет! – объяснил Алессандро. – Ты находишься в мировом центре исследований движения глаз. Ты должна прочитать все до последнего слова!

И Дилейни пришлось читать соглашение о неразглашении до последнего слова, пока Эрик и Алессандро спорили, кто из них знал заранее, что она попытается подписать документ, не прочитав его. В конце концов они сошлись на том, что оба так и думали и что поэтому было очень смешно наблюдать за ней. Тем временем Дилейни отметила, что запах Эрика усиливается всякий раз, когда он двигается или говорит, а когда смеется своим хриплым смехом, то становится, кажется, вдвое заметнее. Когда она закончила читать, в верхнем правом углу экрана планшета загорелся зеленый огонек, и теперь она уже смогла поставить подпись. Алессандро взял планшет и снова удалился. Эрик откашлялся.

– Это не специально для тебя. Это должен сделать каждый новый человек в отделе. Так лучше всего демонстрировать технологию – как она работает и как будет использоваться. Знаешь, на чем она основана? – Он не стал ждать ответа. – Давай объясню. Смотри на экран. На что угодно, что притянет твой взгляд.

Монитор ожил, показывая набор движущихся фигур и картинок. Она посмотрела на оранжевый треугольник, кошку,

сидящую на дереве, и вереницу похожих на сперматозоиды закорючек, пересекшую экран по диагонали.

– Когда ты смотришь на монитор, в твои зрачки направляется инфракрасный луч. Он создает отражения в зрачках и на роговице. Инфракрасная камера отслеживает вектор между роговицей и зрачками, и таким образом можно определить, на что конкретно ты смотришь. Это также позволяет отметить, на чем ты фиксируешь взгляд, в каком порядке смотришь на вещи – эта иерархия очень важна для наших исследований – и к чему возвращаешься неоднократно.

– То есть программа записывает, на что я смотрю и как долго.

– Именно, – радостно подтвердил Эрик, и вокруг него распространилась волна запаха.

– Но разве это законно? – спросила Дилейни.

Эрик явственно напрягся, и она поняла, что совершила первую ошибку. Она попыталась исправиться:

– Я имею в виду, неужели никто не пытался подать за это в суд?

– Пытались, – сказал Эрик, и его запах ожил, словно между ними прошел невидимый хищник. – И в некоторых городах и штатах существуют законы, ограничивающие применение этой технологии. Но уже миллионы систем ее используют. Например, она уже давным-давно применяется в тесте на скрытые ассоциации, в тесте Струпа и, разумеется, в исследованиях восприятия объектов, зависящих от направления взгляда.

– Конечно, – согласилась Дилейни, серьезно кивая.

– Это очень важно для диагностики аутизма и целого ряда других неврологических расстройств, – продолжал Эрик, успокаиваясь.

– Думаю, не важно, а *крайне* необходимо.

– Проблема существует только с отдельными аспектами нейромаркетинга. Я тоже думаю, что тайно регистрировать эмоциональную реакцию покупателей неправильно. Я высказывался против этого в нескольких своих постах, которые широко разошлись здесь, в компании.

Дилейни с жаром закивала.

– Да, мне кажется, я их видела! – сказала она и тут же выругала себя за ложь. Уж можно не сомневаться, что у них есть способ выяснить, видела она что-то или нет.

– Но отслеживание движений глаз, – продолжал он, возвращаясь на комфортную территорию менторства, – просто для определения того, на что и как долго смотрит человек, – это абсолютно логично. Все началось с маркетинга. Рекламодатели хотят знать, на что вы смотрите. На что вы реагируете. И это

ценно не только для тех, кто делает рекламу, но и для аудитории. Плохую рекламу она проигнорирует, тот, кто ее сделал, найдет новое направление работы, и вы больше не увидите того, что вам не понравилось. Но если что-то окажется успешным, глаза к нему потянутся, и остановятся на нем, и рассмотрят подробности, а потом то, что привлекло и удержало внимание зрителя, можно будет повторить.

– Идеальный симбиоз, – восхитилась Дилейни и наконец-то увидела, как Эрик улыбнулся. – Это единственный конструктивный способ определить, что на самом деле видит, читает и на что реагирует человек.

– Так и есть, – подтвердил он, и Дилейни почувствовала, что снова начинает ему нравиться. – Так что польза этой технологии для рекламщиков стала толчком для ее развития. Но потом кино- и телекомпании тоже стали просить данные, и это был огромный прорыв. Было даже весело, потому что, работая с первой тестовой группой зрителей, мы обнаружили, что на одну очень высокооплачиваемую актрису они на самом деле не хотят смотреть. Как только она появляется на экране, взгляды – целых семьдесят семь процентов! – шарахаются от нее как от чумы. Можешь быть уверена, что эти данные повлияли на ее последующие гонорары.

Дилейни улыбнулась, но потом решила, что должна более явно проявить одобрение.

– Ха! – сказала она.

– Так что же будет, если применить эту идею к любому фильму или шоу? Что реально притягивает взгляды? Взрывы, женская грудь, накачанный пресс – это было ясно и раньше. Но, оказывается, есть и менее очевидные вещи. Определенные виды одежды, города, декор, выражения лиц, животные, дети имеют высокие показатели. Если бы ты знала то, что знаю я, то понимала бы, насколько серьезно это уже повлияло на кинопроизводство. А может быть, ты даже замечала, что в новых фильмах значительно увеличилось количество маленьких, но не грудных детей и собак среднего размера?

– Замечала, – солгала Дилейни.

Эрик кивнул.

– И стало меньше людей с большим весом. Меньше романтических сцен между людьми старше 65. Меньше съемок в Балтиморе и на Ближнем Востоке. Но вообще это все примитивно. Главное направление, которое меня вдохновляет, – это образование. Я был учителем год после колледжа. Учил девятиклассников в пригороде Денвера.

– Круто, – нашлась Дилейни.

– Я задавал им что-то прочитать на неделю, совсем немного, десять-пятнадцать страниц, но у меня не было никакой возможности выяснить, кто из них действительно что-то прочитал. Когда мы дали им электронные книги, мы, по крайней мере, смогли узнать, какие страницы они пропускают и сколько времени уделяют каждой странице. Но детишки умудрились и это обойти. В конце года один ученик показал мне, как он листал Толстого, отмеряя нужное количество минут на каждую страницу своей электронной книги, а сам в это время смотрел видео мотоциклетных аварий в Бразилии. Ему достаточно было одной руки на книжке, а смотрел он при этом в телефон!

– Ужасно!

– Но представь, если бы можно было отслеживать взгляд. Мы бы точно знали, все ли прочитал ученик. И у нас было бы поколение, которому не просто задавали “Анну Каренину”, а которое ее действительно *прочитало*!

Дилейни предположила, что слово следует произнести по слогам, и пропела его Эрику – “У-ди-ви-тель-но!” – с вполне искренним чувством.

– Да, – согласился он. – Нам нужно только насытить общество нашей технологией. Хотя фактически насыщение уже есть. Последние года три все телефоны и мониторы “Вместе” поставляются с устройствами и программами для отслеживания. Их надо только активировать. О, нам уже пора.

***

Празднование в честь Бейли было устроено со вкусом. Со дня его смерти прошла уже не одна неделя, так что времени было достаточно, чтобы первоначальный шок прошел и люди смогли без сильных проявлений скорби заняться планированием мероприятия. Вдова Бейли Оливия попросила провести его на открытом воздухе, так что кампус превратился в некую траурную Коачеллу[22] с зажигательным исполнением всеми здравствующими членами “Полифоник Спри”[23] песни “Свет и день”. Здесь присутствовали, лично или через спутниковую связь, трое американских вице-президентов и все главы стран G8, Большой восьмерки. На лужайке все встали в круг – на воде серферы обычно так чтят память погибших друзей, – и Келли Слейтер, знаменитая в прошлом фристайл-серфер, прочла стихотворение, написанное Лэрдом Гамильтоном, знаменитым бигвейв-серфером (тоже в прошлом). Получилась настоящая вечеринка, как того и хотел бы Бейли, главной темой которой была его жизнь, и вечеринка удалась на славу. Все веселились, и общее настроение слегка подпортили лишь мучительно печальная речь Гуннара и присутствие Стентона – молчаливое, но

очень заметное.

– Мы всегда были друзьями, – сказал он позже Новостной Сети “Вместе”, внутреннему корпоративному медиа. – Когда у меня появилась возможность сделать что-то за границей, он подтолкнул меня воспользоваться ею. Если вы действительно знали Бейли, то согласитесь: главное, во что он верил, – это радикальная самоактуализация. Удерживать любого человека от любого опыта – это было не про него.

Затем Стентон посетил ЭКон, где его засняли прощающимся с “логовом” Бейли, а оттуда направился к каноническому групповому портрету, где были запечатлены он сам, Бейли и Тау Господинов. Перед портретом он ненадолго задержался. Реакция на его присутствие была неизменно вежливой, однако многие “совместные”, достаточно долго проработавшие в компании и знавшие его историю, были обескуражены и отчасти напуганы.

Остаток дня объявили для всех свободным, чтобы каждый смог помянуть Бейли так, как хочет сам. Дилейни получила напоминание об ИУОЛ от Эрика, заполнила его и тут наткнулась на Ханса-Георга, сидящего на невысоком холме под яблоней на окраине кампуса. Его буйная шевелюра и белые носки, натянутые почти до колен, вызвали у нее в голове образ Исаака Ньютона.

– Привет, Дилейни, – сказал Ханс-Георг. – Есть минутка? – Он положил рядом с собой на траву папку из искусственной кожи и предложил сесть на нее. – Ты его знала? – спросил он.

Дилейни ответила, что нет.

– Я общался с ним лишь однажды, в Веймаре. Он приехал на конференцию по коммуникациям или что-то типа того, уже не помню. Я был студентом и задал вопрос на его докладе. Бейли отвечал пятнадцать минут, а потом нашел меня после заседания, и мы проговорили еще минут двадцать. Бейли знал о Гете больше, чем я, а ведь я писал про него диплом. Он был очень щедрым человеком и по-настоящему любознательным.

– И любил поговорить.

– Да, на самом деле я сам был вынужден прервать нашу беседу. Мне надо было бежать на работу. Но меня потрясло, насколько он искренний. Его недоброжелатели, сомневавшиеся в его мотивах, просто не понимали, что он действительно верил в то, что технологии могут решить все проблемы, что связи – это все. Это другие силы…

Ханс-Георг посмотрел вокруг, а потом вверх, на ветви яблони. Дилейни была уверена, что он хотел сказать, что Бейли не такой, как Стентон и Мэй, для которых всегда на первом месте монетизация любознательности – не только любознательности Бейли, но и всех людей на Земле. Именно Стентон стоял за

введением “Права Знать” в двадцатых и всегда выступал за обнародование любой информации, в том числе обо всех врагах “Вместе”. Но ничего такого Ханс-Георг не сказал.

– Спасибо за поездку к морским слонам.

– Не за что, – пробормотала Дилейни, захваченная врасплох.

– Я думаю, со временем остальные тоже смогут посмотреть на это путешествие с благодарностью. Но групповая динамика и оторванность многих от природы, которая… – Он прервал себя, осознав риск такого направления беседы. – Как твои ротации? – спросил он после паузы.

Дилейни постаралась ответить покороче. Ханс-Георг сказал, что провел неделю в “АлМасе”.

– Это было поразительно. То, что они там делают. Ты знала, что там шестнадцать подземных этажей? То, что видно снаружи, это лишь часть их деятельности.

И снова Дилейни почудилось, что он чего-то недоговаривает. Ему как будто не давала покоя какая-то мысль.

– И они объединяются с поведенческими исследованиями, слышала?

Дилейни не слышала, но в этом не было ничего удивительного. “АлМас” всегда хотел не только следить за поведением людей, но и диктовать его.

– Ну что ж… – Ханс-Георг проворно поднялся. Он выглядел встревоженным, словно до него внезапно дошло, что он сказал слишком много или просидел здесь слишком долго. – Желаю тебе спокойного дня. – Он приложил руку к груди и слегка поклонился. Сделав три шага вниз по холму, обернулся: – Моя папка! Чуть не забыл. Извини.

Дилейни встала, стряхнула с папки несколько прилипших травинок и протянула ему. Он снова поклонился и посмотрел на нее заговорщицки:

– Интересно, что там внутри?

– Ну да, – ответила Дилейни, хотя до этого момента совершенно об этом не думала.

Ханс-Георг огляделся по сторонам и приоткрыл папку ровно настолько, чтобы Дилейни успела увидеть, что в ней лежит лишь один пожелтевший листок бумаги с написанными от руки нотами.

– Это сочинил мой дед. Отрывок песни. В единственном экземпляре. Не думаю, чтобы это представляло для кого-то хоть какую-то ценность, но для меня это многое значит.

Он повернулся и начал спускаться с холма к Ромашке.

Дилейни следила за его фигурой, пока она не слилась с остальными, а когда отвела взгляд, то обнаружила рядом с собой

весьма интересное лицо. У лица были большие, похожие на кошачьи глаза, над которыми идеальным куполом возвышался лоб. В черных волосах мелькали голубые пряди. Лицо кивнуло Дилейни, как если бы рассмотрение ее вблизи подтвердило какие-то более ранние предположения.

– Джоан, – представилось лицо.

23
К Джоан: Как луны безмятежной

– Я была в твоем Адском Автобусе. Джоан Фам. Ты не провела предварительный поиск? Боже. С тобой все даже хуже, чем я думала.

Джоан было под тридцать, ее стройное гибкое тело обтягивало белое трико. Прежде чем Дилейни успела что-то сказать, Джоан вгляделась в ее камеру и слегка улыбнулась, поняв, что камера выключена. Дилейни тоже осмотрела Джоан на предмет записывающих устройств и, не найдя ни одного – а также ни одного кармана, молнии или липучки на ее одежде, – для перестраховки взглянула вверх, в яблоневые ветви, неосознанно повторяя за Хансом-Георгом.

– Все нормально, – сказала Джоан. – Я знаю места в кампусе, где можно расслабиться. Ну и вообще я не как все. У меня есть… как бы это сказать… определенные привилегии. Хочешь прогуляться? Ты уже была на треке? – Она показала на петляющую розовую линию вдали.

Дилейни последовала за ней. Джоан Фам шла по кампусу, кивая знакомым, но не замедляя шага. Она была самым уверенным в себе и естественным человеком, которого Дилейни встречала здесь.

– Вижу, ты еще не привыкла к тутошней одежде, – заметила Джоан. – К стилю сексуальных супергероев. Там, – она указала подбородком на дорожку для пробежек в ста ярдах впереди, – нам будет проще поговорить.

Проложенный год назад трек шел вокруг всего кампуса, почти вплотную к двенадцатифутовой металлической ограде – украшенной завитушками в стиле ар-деко, но от этого не менее внушительной, – которая отделяла территорию “Вместе” от общественного променада, опоясывавшего Трежер-Айленд по периметру. Дорожка быстро завоевала популярность среди “совместных”, и через шесть недель ее пришлось расширить, чтобы вместить всех желающих пешеходов и бегунов, а затем и велосипедистов и самокатчиков, однако езду по ней на любых моторных средствах передвижения запретили, чтобы не подвергать опасности окружающих.

Но, как и с любой хорошей задумкой, проблемы без конца возникали. Поначалу из-за того, что рядом с периметром теперь собиралось много “совместных”, обычные люди находили причины прогуляться мимо ограды или посидеть рядом с ней.

Они фотографировали “совместных”, заговаривали с ними, передавали им записки и просили совета, как устроиться на работу во “Вместе”. Тогда высадили живую изгородь – плотный бамбуковый лесок, и какое-то время казалось, что уж теперь-то все в порядке, однако бамбук стремительно разрастался. И вскоре бездомные, что обитали в самодельных палатках и лачугах под эстакадами, решили, что под сенью бамбуковой стены будет житься куда приятнее. И буквально за пару недель между водами Залива и кампусом выросло кривобокое кольцо из палаток и навесов – наглядная демонстрация, что общество понятия не имеет, что делать с теми, кого оно отвергло. Кроме того, этот стихийный лагерь еще и довольно прямо намекал на то, к чему приводит уход от налогов, практикуемый корпорациями.

Когда эта проблема всплыла – в соцсетях, само собой, ведь такого понятия, как “новости”, больше не существовало, – Мэй Холланд высказалась блестяще: “Эти люди заслуживают нашего уважения и заслуживают достойной жизни. Мы работаем с федеральным и местным правительствами над долгосрочным решением, которое поможет им всем”.

– Значит, ты вообще не в курсе, кто был на твоем “ЗнакоМы?” – спросила Джоан. – Ты наверняка знаешь проблему при покупке с авиабилетами: ты смотришь цену, потом уходишь с сайта, а когда возвращаешься, билет уже дороже на пятьсот баксов. Так вот, парень, который написал приложение, фиксирующее цену на билет, был в твоем автобусе. И женщина, что придумала “Весы”.

Про “Весы” Дилейни знала. Это было приложение, которое могло определить вес человека по фото или движущемуся изображению.

– И что ты об этом думаешь? – взглянула на Дилейни Джоан.

– О “Весах”? Это здорово.

– Да не о “Весах”. “Весы” кошмарны, и ты это знаешь. Я о поездке.

– Ну… Все нормально, – сказала Дилейни.

Джоан остановилась.

– Хватит гнать пургу, – объявила она.

Она как будто совершенно ничего не боялась. В глазах всех остальных людей в кампусе Дилейни всегда видела страх – боязнь оскорбить, сказать что-нибудь не то, быть неправильно понятым и пострадать из-за этого. Их лица всегда слегка подергивались, потому что человек не чувствовал себя свободным ни в словах, ни в действиях. В лице Джоан не дергалось ничего. И это было удивительно.

– Мне было очень обидно. – Дилейни неожиданно поняла, что

впервые признала это.

Да, она была растеряна, зла, поведение экскурсантов казалось ей жестоким и тупым, но до этого момента она не осознавала, насколько все это ее ранило. Джоан ускорила шаг, и Дилейни была благодарна ей за это. Сосредоточившись на движении, стараясь не отстать от Джоан, она была не так сконцентрирована на отповеди за свое фиаско.

– Я знаю, что ты очень старалась, – говорила Джоан. – Но, во-первых, в твоей задумке было слишком много неизвестных. Список необходимых вещей неполный, а главное – ты не объяснила людям, чего им ждать.

Дилейни попыталась возразить, дескать, она объяснила все, как могла, – составила многостраничное описание с парой дюжин ссылок! Но Джоан покачала головой:

– Нет. Я говорю не об общем описании и ссылках. Ты должна была шаг за шагом, с таблицами, фото и видео, объяснить, что именно и как будет происходить, кто и что будет говорить – и как долго. Люди даже статьи не читают, если в самом начале не написано, сколько минут потребуется на чтение. И им совершенно не нужна была экскурсия, где не расписана каждая секунда. Им нужна точная информация. Определенность от начала до конца. Это люди, которые хотят знать дату своей смерти.

– Но ведь на работе им…

– *На работе*. – Джоан остановилась и посмотрела вокруг. – *На работе*. В этом-то и суть. В кампусе эти люди знают, что за ними присматривают. Их “ВладейСобой” расписывает каждую минуту. На этом острове им известно, что люди, которых они могут встретить, проверены на благонадежность и будут разговаривать правильно, что еда, которую им дадут, выбрана с учетом всех возможных нюансов их пищеварения. Здесь они знают, что не наткнутся на рейнджера, который путается в гендерных местоимениях и без предупреждения рассказывает о самках, которые бросают своих детенышей. Дилейни, ничего из этого здесь произойти не может. Все это остается за воротами, как пластмассовые корзинки и ирония.

– Да. Ты права.

– “Вместе” – замкнутая экосистема, а любая замкнутая система с подозрением и даже враждебностью относится ко всему, что может нарушить ее гомеостаз.

Дилейни кивнула.

– Но вообще-то была еще пара факторов, от тебя не зависящих, которые сработали против тебя. Во-первых, по тем или иным причинам тебе досталась странная выборка

участников. Да, они были из разных отделов, но все они *живут в кампусе* и все интересуются животными и их благополучием. Алгоритмы решили, что такая выборка удачна. А в итоге оказалось, что твои пассажиры – особенно чувствительные зоозащитники, которых может привести в ужас что угодно, потому что они живут за забором. Я бы даже сказала, что они более склонны предъявлять претензии, чем среднестатистический работник “Вместе”.

Дорожка привела их к площадке для мини-гольфа. Там было полно народу. Они остановились, наблюдая за игроками.

– Вот что подходит для “ЗнакоМы”. – Джоан кивнула на молодую женщину, которая катила мячик мимо “мельницы”. – Нечто простое и давно одобренное. А твоя экскурсия стала самой рискованной затеей с того случая, когда один парень повез всех в Модесто играть в боулинг и есть куриные крылышки. Такая же катастрофа. Пошли.

Дилейни пришлось перейти на трусцу, чтобы догнать ее.

– Поэтому, когда происходит нечто подобное, они устраивают сеансы “Возвращения и Восстановления”, – сказала Джоан. – Это нечто среднее между судебным разбирательством и групповой психотерапией. Немножко упражнений на доверие, немножко целительных вибраций и даже немножко восстановительного правосудия. Они уже трижды встречались по поводу твоей экскурсии.

Дилейни резко затошнило.

– Кто встречался? Все, кто был в автобусе?

– Не *все*, – уточнила Джоан. – Двое еще слишком переживают и не готовы в этом участвовать. Так что всего человек сорок. Я была на первых слушаниях и не сомневаюсь, что все могло обернуться еще хуже, если бы я не постаралась поддержать баланс. Сама знаешь, как могут накаляться страсти. Каждый, кто встает, чтобы высказаться, должен показать себя более пострадавшим и возмущенным, чем тот, кто выступал до него. Сглаживать ситуацию в таких обстоятельствах задача не из легких.

Дилейни захотелось влезть на ограду и прыгнуть в Залив.

– Прости, что принесла плохие новости. Но все можно исправить. Я пойду с тобой на заключительное слушание. Тебе уже одобрили перерыв в расписании. Я запишу в твой “Помощник”.

– Подожди. Заключительное слушание?

– Завтра утром. Встретимся у Театра Немезиды. Они представят свои выводы и расскажут, кто что из этого вынес. Это не так страшно, как может показаться. Выступать будет Сил, и это

лучший вариант для тебя. Он боится собственной тени. Я пропустила последнее заседание, но мне кажется, тут может родиться несколько занятных идей. Они также собираются сделать презентацию на “Возможности Мечтать” на следующей неделе, и я думаю, это тоже плюс. Значит, они смогли извлечь из своего опыта нечто позитивное. Вот черт. У тебя губы дрожат. Ты чего?

– Все нормально, – выдавила Дилейни.

Она злилась на себя из-за того, что такая ерунда, как поездка на побережье, так на нее повлияла. Ей предстояли куда более серьезные битвы.

– Прости, что столько на тебя вывалила. – Джоан сжала плечо Дилейни. – Это слишком, да?

Дилейни была невероятно благодарна за этот простой жест. Когда к ней в последний раз кто-то прикасался? Нет, не вспомнить.

Они так увлеклись разговором, что чуть не врезались в группу людей, в центре которой обнаружился Стентон. Ему явно показывали новый органический огород.

– До чего же странно видеть его здесь, – сказала Джоан. – Это как встреча с отцом, который тебя бросил. – Они остановились в сторонке. – Ты видишь то же, что и я?

Стентон, одетый, как обычно, в камуфляжные брюки и полосатую рубашку, озирался по сторонам, точно перепуганный котенок. Вокруг молодые “совместные” в лайкре копали грядки, куда-то тянулись, наклонялись и демонстрировали все подробности своей анатомии, и Стентон просто не знал куда глаза девать. На каждый овощ в этом огороде приходилось с полдюжины гениталий, которые он изо всех сил пытался не замечать. В конце концов он решил, что не будет вообще ни на кого смотреть, и уставился в небо, лишь изредка опуская взгляд до уровня чьего-то лба.

– Бедняга вот-вот утонет в море пенисов, – сказала Джоан. – Ужасно смешно.

С краю группы Дилейни заметила знакомое лицо. Человек смотрел на Стентона не отрываясь, словно изучал новый биологический вид. Габриэль Чу явно наслаждался замешательством Стентона.

24
Ода к греческой овце

– Объясни мне еще раз, пожалуйста, что сейчас будет?

– Намечены два разных мероприятия, – начала Джоан. – На следующей неделе состоится “Возможность Мечтать”, где Сил хочет показать презентацию. Там могут присутствовать все желающие. Но сначала “Возвращение и Восстановление”. Это закрытое собрание, только для тебя и выживших в Катастрофе Плайя 36.

Дилейни остановилась и привалилась к стене.

– Прости, – сказала Джоан, – но они именно так это называют. А себя называют *выжившими*. Знаю, знаю. Хорошо, что у них всего полтора часа. Раньше бывало, что это продолжалось по шесть-семь часов. А полтора пролетят, не успеешь и глазом моргнуть.

Но на самом деле эти полтора часа вовсе не показались Дилейни такими уж мимолетными.

Они вошли в зал без окон на третьем этаже, оформленный как некое подобие греческого амфитеатра, с расположенными вокруг сцены скамейками. Здесь было так темно, что сначала им пришлось пробираться на ощупь, касаясь чужих коленей и голов, пока они не нашли два свободных места. Как только они сели, на сцене вспыхнул свет, и в его белый круг вступил Сил. Теперь Дилейни увидела, что народу изрядно – как минимум человек сто. Она посмотрела на Джоан, благодарная за поддержку, но та не сводила глаз с фигуры на сцене.

Сил был худым, если не считать небольшого брюшка, подчеркнутого полосатой, как у спортивного рефери, только желто-коричневой, облегающей водолазкой. Водолазка была слегка маловата, так что при каждом вдохе приподнималась, обнажая пупок, но Сила это нисколько не волновало. Близко посаженные на круглом лице глаза с тяжелыми веками внимательно осматривали зал, не пропуская ни одного человека.

– Здравствуйте. Я Сил. Спасибо всем, кто решил разделить со мной этот, как я надеюсь, последний, эпизод нашего путешествия. Оно было долгим. – По залу пролетел приглушенный ропот, явно в поддержку ведущего. – И теперь с нами Дилейни. Приветствуем тебя, Дилейни.

Лица присутствующих стремительно менялись при словах “спасибо”, “Дилейни” и “приветствуем”. Она подумала, что должна что-то сказать в ответ, но Джоан резко сжала ее ладонь,

давая знак промолчать. Сил пригласил на сцену нескольких “выживших”, которые решили поделиться своими чувствами, хотя их выступления были больше похожи на сеансы истерики. Каждого из них глубоко ранило то, что произошло на Плайя 36, и многие до сих пор в растерянности. В недоумении. В потрясении. Некоторые даже потеряли дар речи. Многим стало не по себе, и все возмущены. С тех пор многие плохо спят, показатели сна их модулей и отделов упали, и виновата в этой проблеме исключительно Дилейни. Она толком не спланировала мероприятие, и в результате они не смогли нормально подготовиться к нему. Они ожидали больше контроля, организованности, проверок, обсуждений, вклада, сотрудничества, понимания, уважения к окружающей среде и всем живым существам, а кроме того, никто заранее не пообедал.

Как и предупреждала Джоан, каждый считал своим долгом выставить себя более травмированным, чем предыдущие ораторы, и старался углубиться дальше в историю – личную или общечеловеческую – в поисках аналогий с тем, что случилось, и с собственными чувствами. Чей-то дядюшка был заложником в Иране, и его племянник теперь точно знал, что он там испытывал. Другой участник поспешил заявить, что превращать иранцев, в частности Хомейни, в карикатурных ближневосточных злодеев, даже с целью осмысления опыта кп-36 (аббревиатура события намеренно писалась строчными буквами ради снижения ее воздействия), – это регресс, и тот, кто это сказал, должен отказаться от своих слов. Отказ состоялся, и были пролиты обильные слезы сожаления и исцеления.

Наконец зажегся свет, и стала видна большая цифровая доска. Всем предложили проделать упражнение – сказать, если бы они были деревьями, то какими? Это упражнение уже много лет считалось крайне полезным для стимуляции интеллектуальных озарений и эмоционального катарсиса. Сил проявил удивительную находчивость – пусть каждый из участников экскурсии напишет на доске одно обстоятельство, которое в тот день доставило ему особые неприятности, а рядом – возможное решение проблемы.

Многие назвали источником серьезного дискомфорта автобус. Решения варьировались от *автобусов меньших размеров* до *дня без автобусов*, и в конце концов кто-то предложил отныне *никаких автобусов*, что большинство сочли потрясающе радикальным, а значит, самым лучшим вариантом. Также главной неприятностью назвали сам пляж – слишком много воды, слишком много песка, слишком мало инструкций, а также там вершились тюленьи детоубийства. Все согласились, что когда

сорок два человека приезжают на гигантской стальной машине, чтобы посмотреть, как тюленьи семьи плодятся и бросают своих детенышей, – это проявление страшной агрессии. Кто-то объявил, что это просто “дарвиновское порно”, и такую оценку встретили более чем одобрительно, так как добавление “порно” к любому слову означало, что это ужасное явление больше нельзя наблюдать, фотографировать, снимать на видео и вообще обсуждать.

Чем дальше, тем более категоричными становились предлагаемые решения проблем пляжа, автобуса и некомфортной близости к дикой природе. *Не посещать данный пляж* было первым, затем предложили *закрыть пляж,* затем *не эксплуатировать животных ради удовлетворения нашего тупого любопытства*, и, наконец, окончательные формулировки гласили: *Людей нельзя допускать к любым животным в любой обстановке*, а кроме того, *большие группы людей, путешествующие вместе в пятнадцатитонных сжигающих топливо транспортных средствах, настолько неприкрыто оскорбительны для природы, что мы больше никогда не должны принимать участие ни в чем подобном.* О мученице Афине никто не упомянул – душевные раны были еще слишком свежи и глубоки, – но, несомненно, все подумали.

Пока “совместные” со все нарастающим гневом и болью исписывали доску, Дилейни заметила Габриэля. Он стоял позади всех, у входа, как будто специально пришел только для того, чтобы увидеть, чем все кончится. Он скрестил руки на груди, обтянутой похожей на кольчужное плетение серебристой тканью, и слегка склонил голову, словно хотел заглянуть в самую глубину происходящего и в душу каждого присутствующего.

Когда под конец мероприятия черед дошел до Дилейни, Джоан снова сжала ее руку.

– Я очень многое узнала, – сказала Дилейни. – Ваша смелость вдохновляет меня становиться лучше. – И, изобразив, что слишком сильные эмоции не дают ей продолжать, она на секунду повернулась к Джоан, состроив гримасу, прокралась к выходу и выбежала из здания. Потом быстро пересекла лужайку, вышла из ворот и села в первый же шаттл, идущий с острова.

***

В эту ночь Дилейни почти не спала. Она пыталась сформировать из разрозненных мыслей набор афоризмов и основных тезисов, которые можно было бы отправить Силу, чтобы тот распространил их среди аудитории на “Возможности Мечтать”. Когда она все же провалилась в сон, время приближалось к половине четвертого. В пять она ненадолго

проснулась, ужаснулась безумию своих идей и заснула снова. А когда проснулась в семь, ее словно пронзило током. Она положит конец тому, что любят миллиарды людей, уж теперь-то это должно сработать!

За завтраком, проходя мимо пирамиды из лаймов, она продолжала размышлять, как обратиться к Силу, как заставить его плясать под ее дудку, и тут он обнаружился прямо у нее за плечом.

– Я так рад, что ты вчера пришла.

– И я счастлива.

– Я искал тебя, потому что знаю, что ты хотела бы узнать новости об Афине.

– Конечно! Я очень тревожусь за нее.

– Она скончалась этим утром. Травмы оказались несовместимы с жизнью.

Дилейни скорбно склонила голову.

– Я так сожалею о твоей потере. О нашей общей потере. Ты был с ней?

– Нет, не смог, – сказал Сил, и его глаза стали еще печальнее.

Судя по всему, раньше до него не доходило, что он мог бы провести с Афиной ее последние минуты. Однако он не забыл найти Дилейни, чтобы она лишний раз почувствовала себя виноватой. И она знала, что это хорошо. Просто прекрасно. Значит, скорее всего, он поведется.

– Как ей повезло, что у нее был такой защитник, как ты, – сказала она.

Сил принял комплимент с блаженной полуулыбкой.

– Вчера я много думала обо всем, что ты говорил, и поняла, что хочу большего. Я чувствую себя так, будто побывала на первом уроке замечательного учителя, но потом он ушел.

Она внимательно наблюдала за его лицом и в этот момент ясно увидела, как оно меняется. После канонизации в качестве защитника овец и получения звания замечательного учителя его самооценка изменилась фундаментально и навсегда. Дилейни была в этом уверена.

– Ты не согласишься позавтракать со мной? – спросила она, и эго не могло позволить ему отказаться.

25
Признаки сжатия душ человеческих
Часть 2

– Я хотел бы взять за основу гениальную презентацию “Стöй + Смöтри” Рамоны Ортиз, которую все мы видели недавно, – говорил со сцены Сил.

Зал, в котором проходила “Возможность Мечтать”, был полон. Дилейни села в пятом ряду ближе к левому краю, с одной стороны, надеясь, что не привлечет к себе внимания, а с другой – что не будет выглядеть отстраненной и незаинтересованной. Она заняла место для Джоан, которая появилась, когда свет уже притушили.

– Хорошо ты устроилась, – одобрила она. – Ну что, будет интересно. Ты как, нормально?

– Ажиотаж большой, – сказала Дилейни и сама удивилась, как ей в голову пришли эти слова.

– Ажиотаж большой, угу. – Джоан откинулась на спинку кресла. Потом повернулась к сидящему с другой стороны от нее молодому человеку с копной черных волос и повторила: – Ажиотаж большой!

– Ладно, хватит, – сказала Дилейни.

– Что? Я просто говорю, что ажиотаж большой.

– Хватит.

– Это просто то, что я слышала про ажиотаж. И что он большой.

Дилейни организовала все сама. Она сделала рассылку для всего кампуса, в которой хвалила выдающиеся способности Сила. А каждый раз, когда где-то возникал намек на новую идею, “совместные” проявляли живейший интерес, надеясь узнать, что это за идея, какими словами она может быть изложена, что носит человек новой идеи, как он пользуется руками и ногами и, кстати, есть ли польза от оргстеклянной сцены?

Сил был одет в небесно-голубой килт поверх чуть более бледного голубого трико, торс подчеркивали подплечники и пояс для инструментов. На шее у него дерзко болтался горчично-желтый шарф в стиле Че Гевары. Создавалось впечатление, что внимание и ответственность были для него водой и солнцем, позволяя расцвести во всей красе.

– Рамона очень хорошо объяснила, какой ущерб мы наносим планете излишними перемещениями, – говорил он, – и я хочу

поблагодарить ее за то, что она заставила нас задуматься об этом.

Зрители закивали. Рамона действительно очень быстро стала легендой и членом Бригады 40. И тут Дилейни заметила Уэса. Он сидел в первом ряду. Никогда в жизни она не видела его в первых рядах.

Сил обвел аудиторию тяжелым взглядом, так что всем захотелось немножко пригнуться.

– Но кроме этого, нам стоит задуматься и об ущербе, который мы причиняем каждый день, совершая более короткие и вроде бы безобидные поездки.

Поехали, подумала Дилейни.

– Как известно некоторым из вас, недавно группа "совместных" совершила что-то вроде *выезда на природу*, – яда в последних словах точно хватило бы на всех присутствующих, – и во время этого выезда мы очень многое узнали, а потом много думали, много говорили и в конце концов объединили наши открытия в революционный план действий, который может спасти планету, находящиеся под угрозой исчезновения виды и не исключено, что даже человечество.

У Дилейни аж в глазах защипало.

– Во-первых, – продолжал Сил, – давайте признаем несомненную справедливость всего, на что обратила наше внимание Рамона. Авиаперелеты для избранных аморальны и не просто наносят вред планете, а воздействуют на нее самым пагубным образом. Это невозможно отрицать.

Все притихли, будучи, по-видимому, в шоке от осознания новой идеи, которую уже никто никогда не опровергнет.

– Но у воздействия две стороны. Есть воздействие, которое мы оказываем на природу каждый раз, когда покидаем свои дома, а есть воздействие этих поездок на нашу психику. Оба опасны, и обоих можно избежать. Наша группа придумала термин для этих явлений и чувств, которые мы из-за них испытываем.

На экране появились жирные белые буквы, отбрасывающие зловещую красную тень: "Тревожность Воздействия".

– Все мы ей подвержены, – продолжал Сил. – Каждый раз, когда вы отправляетесь в новый ресторан в городе, вы совершаете бесчисленное множество преступлений против измученной жертвы – нашей природы. Потом – сам ресторан, который становится магнитом для посетителей, приезжающих туда на машинах и других транспортных средствах. Потом – еда! Сколько животных должно умереть, чтобы этот модный ресторан проработал один вечер? Сколько акров амазонских джунглей должно быть сожжено, чтобы создать пастбища для говяжьих крокетов, которые подарили вам секундное наслаждение?

Сколько пестицидов внесено на пшеничные поля ради того, чтобы вы бездумно жевали хлебные палочки?

Он выдержал театральную паузу.

– И, наконец, мы оказываемся соучастниками в эксплуатации, к примеру, гватемальских производителей бананов. Согласен, банановскам помог нам осознать это, но есть еще и сенегальские дети, делающие шоколад для вашего тирамису. И многие, многие другие. На самом деле всякий раз, покидая кампус, мы рискуем поддержать какую-нибудь бесчеловечную, архаичную и по самой своей сути насильственную практику. В кампусе мы можем проверять, что к нам привозят, что мы используем и потребляем. Но за его пределами сделать это гораздо сложнее, если не сказать больше – невозможно.

Много кивков.

– На примере “Стöй + Смöтри” мы осознали, что должны искать альтернативы путешествиям на автомобилях и самолетах, даже на автобусах и поездах. Например, садясь в автомобиль или автобус, вы поддерживаете автопроизводителей, которые отбирают у нашей планеты огромное количество ресурсов. Железную руду, каучук, алюминий, битум. Все эти транспортные средства ведь не из бамбука сделаны! Машины по определению эксплуатируют природу и выступают символом человеческой агрессии по отношению к нашей матери-Земле.

Сил закрыл глаза для большего драматического эффекта. Дилейни забеспокоилась, что он зайдет слишком далеко, но, быстро оглядев зал, обнаружила, что все взирают на него с восторгом. Глаза Сила внезапно распахнулись, как будто он получил новый сигнал с другой, более сострадательной планеты.

– Последние выходные – отличный пример! У одной из “совместных”, – тут он принялся шарить глазами по залу, явно отыскивая Дилейни, но безрезультатно, – возникла на первый взгляд невинная идея отвезти группу на Пойнт-Рейес посмотреть на морских слонов. Мы думали, что мы – просто безобидные пассажиры автобуса, работающего на солнечной энергии, и неспособны никому навредить, но мы заблуждались. Во-первых, питание не было проверено подобающим образом, и из-за этого мы стали пассивными пособниками отвратительных преступлений против угнетаемого палестинского народа, и за это нам никогда не будет прощения.

Он снова замолчал, на мгновение прикрыл глаза и продолжил:

– Во-вторых, под колесами нашего тщеславия в тот день погибло прекрасное создание. Вы наверняка об этом слышали. Это создание, которое мы назвали Афиной, было убито нашим

отчаянным желанием *ехать, куда-то попасть, оказаться в другом месте*. – Он буквально выплевывал слова. – Мы хотели *почувствовать песок под ногами*. Мы хотели *лично увидеть морских слонов*. Животных, которые вообще-то не приглашали нас к себе. Мы сели в огромную машину – пятнадцать тонн необоснованных привилегий – и вторглись в их среду обитания. Мы сделали это, как настоящие захватчики – жестоко, грубо и эгоистично. А затем, по пути домой, мы раздавили невинное животное по имени Афина.

Сил показал на экране фотографию овцы, страшно похожей на ту, которую они убили, хотя эта явно была жива, здорова и с богатой внутренней жизнью.

– И мы пришли к заключению, что подобные поездки морально недопустимы. Если бы мы воздержались от экскурсии, мы бы снизили нашу Тревожность Воздействия. Мы могли бы остаться здесь, в кампусе, и не допустили бы того ущерба, который неизбежно наносим природе всякий раз, когда бездумно выбираемся в окружающий мир.

Воздух в зале вибрировал от общей жажды стать лучше. Казалось, зрителям уже не терпится совершить революцию – под предводительством самого пассивного и боязливого человека.

– Все это было неправильно, – сказал Сил. – В тот день мы повели себя не лучше, чем Колумб. Нас не должно было там быть. Точка. И ни один человек не должен иметь возможности туда *попасть*. Все.

Зал сотрясся от аплодисментов. Сил, не привыкший к такому публичному одобрению, выглядел перепуганным. Через какое-то время хлопки стихли, и он слегка расслабился.

– Так вот. Чему мы теперь можем научиться и что предпринять в более широком масштабе? Давайте начнем с шоссе – с тех самых дорог, которые способствуют отвратительному разрушению природы.

Зрители с ненавистью взирали на экран, где появилась съемка с дрона восьмиполосного шоссе.

– Люди совершили огромную ошибку, начав строить шоссе, – проговорил Сил тихо и задумчиво. Он смотрел на свои ботинки, как будто сам изобрел дороги. – Мы легко преодолеваем большие расстояния для работы, ради повседневных дел и утоления туристического голода. Человек в индустриальной стране каждый день в среднем проезжает тридцать две мили, только чтобы добраться до работы и обратно. Еще шесть миль – это поездки за покупками. Отвезти детей в школу – еще примерно столько же. Дом, работа и места, которые мы хотим увидеть, нерационально разбросаны в пространстве, что привело к чрезмерному

использованию автомобилей и автобусов, а это, в свою очередь, привело к изменениям климата, повышению уровня Мирового океана и, потенциально, приведет к коллапсу цивилизации и вымиранию всех живых существ. Но!

Зрители нервно засмеялись. Сил улыбнулся.

– Здесь, в кампусе “Вместе”, мы уже сейчас можем стать примером для других. Поднимите руку те, кто ездит на работу издалека.

Оказалось, что примерно половина аудитории.

– Я не буду спрашивать, кто пользуется личным автомобилем, – не хочу, чтобы кто-то стал жертвой общественного порицания. Я спрошу иначе – кто ездит на автобусах “Вместе”?

Поднялись почти все те же руки, за редким исключением.

– Разумеется, эти автобусы просторны, роскошны и удобны. Почти все работают на электричестве. Но и их нужно запретить!

Раздались отдельные хлопки. Сил поднял палец, призывая к терпению. Он еще не закончил.

– Вы спросите – а как же поезда? – Позади него на экране появилось изображение стандартного пригородного поезда, обработанное так, что поезд походил на машину Судного дня. – Что ж, и наши поезда не без греха. Они не питаются солнечным светом или нашим чувством самоудовлетворенности. Для их производства требуется огромное количество энергии, а они сами ездят в лучшем случае на электричестве, изрядная часть которого, по крайней мере в нашей стране, до сих пор вырабатывается за счет сжигания ископаемого топлива – в частности, природного газа, – которое добывается буквально у нас из-под ног, подвергая риску тектоническую целостность планеты. Поезда не должны существовать!

Дилейни внимательно наблюдала за лицами “совместных”. Она рассчитывала на три волны реакции, и люди пережили их ровно в том порядке, который она предполагала. Сначала отвращение, отторжение – ведь эта идея ставила под угрозу их привычный образ жизни. Затем осознание, что они, “совместные”, приверженцы инноваций, ни сейчас, ни вообще не имеют права отвергать новую концепцию, какой бы абсурдной она ни казалась. И под конец Дилейни увидела коллективное согласие, доказывающее, что они приняли эту смелую мысль и ни за что не будут стоять на пути прогресса, – а все новое прогрессивно по определению.

– Мы знаем правильный ответ, – говорил тем временем Сил. – Остается только произнести его вслух. Вы наверняка уже догадались, о чем я. Мы должны жить так близко к своей работе,

чтобы нам не нужно было ездить. Мы должны либо работать там, где живем, либо жить там, где работаем.

Сил дал аудитории время переварить это, и Дилейни смотрела, как на лицах “совместных” отражается осознание перспектив. На деле это означает оставить свои дома и квартиры в Ноэ-Вэлли, среди холмов Окленда или в зеленой тени Атертона. Но, отдавая себе отчет в бессилии перед этой благородной идеей, они зааплодировали, стараясь перещеголять друг друга в энтузиазме, уже готовые разрушить свою устроенную жизнь. Кто-то крикнул:

– Правильно!

Дождавшись, чтобы шум стих, Сил перешел к заключительной части.

– Я предлагаю, – голос его становился все более уверенным и властным, – пятилетний план строительства еще десяти тысяч жилых единиц Вместилищ.

На экране появилась наспех сляпанная анимация – шестиэтажные комплексы росли как овощи на грядках.

– При этом будет применяться программа кнута и пряника, так что те, кто продолжает ездить на работу за счет нашей планеты, будут лишаться бонусов, а те, кто добирается пешком или на велосипедах, – наоборот, получать их. Это будет касаться всех поездок. Все ваши мили будут учитываться в показателе Личного Углеродного Следа.

Название “Личный Углеродный След” Силу тоже подкинула Дилейни. Она надеялась, что Уэс не станет возражать.

– Мы начнем отсюда, с кампуса, – продолжал Сил, – и я надеюсь, что через несколько лет это движение охватит весь мир. И мы считаем, что это положительно повлияет не только на состояние планеты, но и на наше с вами благополучие. Вы переживаете из-за своего ежедневного воздействия на окружающую среду? Не надо никуда ездить. Вы переживаете из-за того, что можете испугать морских слонов или убить овцу? Не надо никуда ездить. Вы переживаете из-за вреда бензина, машин, дорог, поездов и стали? Не надо никуда ездить!

Зал снова потонул в аплодисментах. Дилейни было интересно, как “Вместе” попытается внедрить идею “не выходи из дома”. Если и этот бред не убедит всех, что компания не только помешана на власти, но и просто помешана, то людей не убедит уже ничто.

Присутствующие уже наперебой предлагали варианты названия для программы, кто-то выкрикнул “Будь дома!”, а потом кто-то еще – Шийрин? Точно, она! – предложил соединить эти два слова. Очередное предложение – писать “БудьДёма”, чтобы это

перекликалось с нордической аурой “Стöй + Смöтри”, и в конце концов, после призыва сократить количество букв как символ сокращения потребляемых ресурсов, было единогласно одобрено название “БуДöм”.

26
Вместе на новом месте

Количество подавших заявку на проживание во Вместилищах выросло за день в сто раз. Никто больше не желал жить вне кампуса (в “Нигде”), потому что все очень переживали за свой углеродный след и не хотели, чтобы все видели, как они ежедневно добираются до кампуса, подвергая планету страшным опасностям. Топ-менеджеры “Вместе” первыми быстро и тихо переехали в кампус, надеясь создать впечатление, что они жили тут всегда.

– Придется переезжать, – сказала Дилейни.

Они с Уэсом стояли на парковке у пляжа, Ураган сидел в коляске. Пес не понимал, почему его не могут хотя бы отвезти на пляж. Он ерзал, поскуливал и выворачивал шею, пытаясь увидеть океан.

– *Придется*? – переспросил Уэс.

– Я и так уже от всех отстаю. Если я заварила эту кашу, а теперь не присоединюсь, это будет выглядеть лицемерием.

– Либо ты делаешь серьезные успехи, либо ты спятила, – сказал Уэс.

Ураган гавкнул три раза, каждый – тише предыдущего. Он недавно начал вот так вот лаять в совершенно непредсказуемые моменты, без всякой видимой причины.

– Кроме того, так я буду ближе, – сказала Дилейни, – к рычагам и кнопкам.

– Вряд ли они держат рычаги и кнопки в жилых отсеках, – заметил Уэс. – Думаю, ты найдешь там кровати и раковины.

Ураган снова залаял, но теперь это было больше похоже на хрип.

– Куда ты переходишь дальше? – спросил Уэс.

– Пока не знаю.

– У тебя уже глаза в кучку. Мне кажется, тебе вредно быть там круглые сутки. Эти люди сводят тебя с ума.

– Знаешь, что это было на самом деле? – спросила Дилейни. – Эйфория от собственного аскетизма. До меня вдруг дошло. Как тогда с банановскамом.

– Головокружение от аскетизма, – повторил Уэс. – Ну да. Типа того.

– И градус растет. Помнишь, как тогда в столовой началась настоящая вакханалия отречения от бананов. Никаких бананов. Никакой папайи. Бедные фрукты вычеркивались из списка

дозволенного. А теперь конец путешествиям, автомобилям, дорогам, самолетам.

– Избавление, – задумчиво проговорил Уэс. Он присел на корточки, чтобы устроить Урагана поудобнее. – Да, это тоже проявление власти. Власти уничтожать. Когда мы были детьми, это происходило с людьми. Постоянно уничтожали людей. Теперь уничтожают обычаи и практики, традиции, историю. Твои "Мысли Вместо Вещей" работают так же. Стремление стереть что-то с лица земли. Как моя теория зомби.

– Это не как твоя теория зомби.

Теория зомби Уэса заключалась в том, что в перенаселенном мире убийство зомби является общественно приемлемым способом выразить отвращение к чрезмерному распространению вида. Популярность фильмов и игр про зомби обусловлена чувством, что на планете осталось совсем немного разумных людей, и эти немногие имеют право прекратить страдания всех тех, кто застрял между недожизнью и смертью.

– Ты права, они жаждут быть первыми в избавлении, – сказал Уэс. – Для них это очищение. Ты начинаешь с комнаты, заваленной хламом, а заканчиваешь чистой белой коробкой. Слышала новый слоган "Прошедшее Совершенно"? *Прошлое можно усовершенствовать*.

– Устранение загрязнений, – сказала Дилейни.

– Искоренение неизвестного, – сказал Уэс. – Мне думается, все это началось с Мэй. Она непогрешима, потому что никогда никуда не ходит и ничего не делает. Она всегда со всеми вместе. Но помимо того, что она вместе со всеми во "Вместе", она на самом деле не *делает* ничего.

– Если ты что-то делаешь, есть риск сделать это неправильно.

– И из-за того, что она боится что-то сделать неправильно, она интеллектуально бесплодна. У нее никогда не было ни одной оригинальной идеи.

Дилейни вспомнила про УЗИ Мэй, и ее мысли перескочили на непорочное зачатие.

– Они говорят, что "АутенДруг" готов, – сообщил Уэс.

– К запуску? К реальному выводу на рынок?

– Они планируют сначала провести эксперимент в Индии. Значительная часть кода писалась там, и офис в Мумбаи делает версию на хинди. Все это уже месяц как разрабатывается. Они только что мне сказали. Почему ты так улыбаешься?

– Потому что это офигенные новости. Я была уверена, это займет больше времени. Но чем быстрее, тем лучше. Не говори мне, что ты привязался к этой программе. Если помнишь, это было фейковое приложение, которое мы придумали, чтобы

скомпрометировать “Вместе”.

– Я не привязался, просто слегка разочарован тем, как быстро все движется. Эта Холстейн – сила! Каждую неделю она присылает мне огромный апдейт обо всех исправлениях и улучшениях, которые они внесли. Обычно она добавляет, что мой вклад для них очень важен, но я чувствую себя так, словно стою на берегу, а они орут и машут мне со скоростного катера.

– И?..

– И это уже очень далеко от того, с чего мы начинали.

– Но это же хорошо, разве нет?

– Все перестало быть шуткой. Это не игра и не приложение для танцев. Они применяют настоящие научные данные. Настоящие сенсоры. Настоящий ИИ. С ними работают реальные ученые. Если серьезно, мне уже кажется, что приложение правда работает – оно может сказать, врет ли твой собеседник, откровенен ли он, комфортно ли ему, безразличен ты ему или нет.

– Так в этом же и была суть.

– Я представлял это как шутку. А теперь мне страшно.

– Это и должно было быть страшно!

– Но оно не должно было *работать*.

Они пошли домой, подгоняемые ветром в спину. В Хижине Дилейни проверила почтовый ящик и нашла очередной синий конверт Агарвал.

> *Дорогая Дилейни!*
>
> *Мне обязательно нужно тебе написать. Только что я обедала с академиком из Северной Кореи, она диссидентка, и она очень много рассказала мне о природе информационного контроля. Она жила в условиях самых жестких ограничений, а потом изучала систему в Китае, и ее открытия совершенно прозаичны и при этом совершенно кошмарны.*
>
> *Прозаическая часть состоит в том, что у большинства людей нет времени беспокоиться или бороться. В Северной Корее среднестатистический человек просто выживает. Он работает часов* 60 *в неделю, а еще нужно готовить, заниматься уборкой и детьми и пытаться урвать хоть часок на отдых. Свободного времени там крайне мало, и они тратят его на телевидение с жесточайшей цензурой и то, что там заменяет интернет.*
>
> *При желании гражданин Кореи может добыть информацию из внешнего мира. Но ему потребуются*

постоянные колоссальные усилия, и это очень рискованно. А поскольку стремление узнать правду не главный приоритет – важнее найти средства для пропитания и обеспечения других базовых нужд, – мало кто утруждает себя этим. Чтобы просто начать искать доступ к запрещенной информации, нужны время, деньги и смелость. Поэтому, по оценке моей собеседницы, меньше 3 % северокорейских граждан предпринимают хоть какие-то попытки.

Китай свободнее, но и он несвободен. Там тоже необходимы большое желание и усилия, чтобы найти что-то помимо информации, одобренной государством. Ты спросишь, какое отношение все это имеет к твоей работе в компании? "Вместе" продолжает контролировать огромные потоки информации. Большинство людей ведут свою онлайн-жизнь только через компанию; среднестатистический человек получает все, что ему нужно, через ее платформы.

Представь, какую власть это дает "Вместе". Да, мы все еще живем в свободном обществе, где любой может написать все, что ему угодно. Но увидит ли кто-то написанное? Если ты пользуешься их платформами, ты видишь только то, что продвигают они. Контент может быть самый разнообразный, но весь он одобрен "Вместе" и соответствует ее идеологии или бизнес-интересам.

Конечно, я не говорю, что человек в демократическом обществе не может добыть информацию, неугодную твоей компании. Но сколько людей действительно это делает? Сколько живет в состоянии активного поиска правды? На самом деле очень немногие. Помнишь, как я пыталась убедить студентов выступить против видеонаблюдения в кампусе? Мало кто меня поддержал. Поэтому твое поколение, а также предыдущее и следующее, оказались лакомым кусочком для деспотов и тиранов.

Мир движется к авторитарной власти, Дилейни, и главное здесь – порядок. Люди думают, что мир вышел из-под контроля. Они хотят, чтобы кто-то положил конец этим переменам. Это прекрасно соотносится с деятельностью "Вместе": она подпитывает стремление к контролю, к устранению неоднозначности и сомнений, к организованности и к сведению любых сложных вещей к простым цифрам. Она говорит нам, как надо. Разве это не авторитаризм?

Я знаю, что люди закатывают глаза всякий раз, когда я упоминаю об Эрихе Фромме, но прости, без него никак. Помнишь, как он писал про молодых эсэсовцев, которые считали, что нацизм их освобождает? Они хотели, чтобы им указывали, что делать. Они хотели освободиться от свободы. Им были обещаны бесконечные возможности в новом мире. Обещан порядок. Улицы станут чистыми, нарушители закона исчезнут, твой день будет расписан, и не останется ничего неизвестного.

Из других новостей: у меня обнаружили рак. Метастатическая меланома – правда, красиво звучит? Уже четвертая стадия, но врачи сохраняют оптимизм, так что и я тоже. Будет ли лицемерием с моей стороны не думать об этом? Ладно, буду держать тебя в курсе.

Агарвал

Только она могла исписать три страницы и лишь в конце упомянуть о раке, как будто вспомнила об этом в последнюю минуту. Дилейни до боли хотелось написать ответ, немедленно поехать к ней, но она знала, что нельзя. Вместо этого она подала заявку на проживание в кампусе и спустя несколько минут получила сообщение от Джоан: “У меня есть для тебя койка”. Дилейни уже знала, что у более высокопоставленных сотрудников найдутся тысячи путей обхода и преодоления барьеров, так что ей было абсолютно все равно, как именно Джоан смогла выбить для нее место в своем модуле. Сейчас модули в кампусе быстро переоборудовались: одноместные преобразовывались в двухместные, двухместные – в трехместные, а трехместные – в четырехместные. Это был один из способов удовлетворить резко возросший спрос, прежде чем построят новые здания.

Сил почитался новым пророком “Вместе”, быстро поднялся до Бригады 40 и стал обязательным участником всех мировых конференций по климату – которые, само собой, теперь проводились исключительно виртуально. Они с Рамоной Ортиз начали вести из кампуса стрим под названием “Куда не ходить и чего не делать”, где граждане “Здесь” и “Нигде” могли в прямом эфире задавать вопросы об экологической целесообразности выхода из своих домов.

“Моя дочь играет в волейбол. Региональный турнир проходит в четырех часах пути от нас, и добраться до места его проведения можно только по скоростному шоссе. Этично ли везти ее туда?”

Ответ был “нет”. Почти всегда ответ был “нет”.

Парниковые газы невозможно отменить, а каждый раз, когда вы едете по дороге, вы стимулируете строительство новых дорог

и расширение индустрии путешествий. Если Сил и Рамона не были абсолютно уверены насчет влияния на окружающую среду, они сосредоточивались на Тревожности Воздействия, которая работала куда эффективнее. Они, а также все “совместные” вслед за ними, постоянно повторяли: “Вы точно хотите рисковать?”

***

Контракт на проживание в модуле, который подписала Дилейни, был очень похож на соглашение при приеме на работу – безумная смесь юридической терминологии, риторики манифестов, советов по самопомощи и расставленных как попало заглавных букв.

Модули – это эксперимент в Лучших Практиках Проживания. Неважно, Оптимизатор ты или Коммунитарист, планы расселения во Вместилище – это апофеоз удобства и Общности.

Здесь в документ были вставлены картинки с восходами, которыми можно любоваться из мягких белых постелей.

Как и в любом Научном Эксперименте, главное – это контроль.

Контракт сопровождался саундтреком, в котором Дилейни узнала ранних *On Direction*[24].

Для нашего успеха в достижении Комфорта и Осознанности и получения Реализуемых Данных необходима твоя полная приверженность этому Эксперименту.

Дальше следовали 403 вопроса о привычках, аллергиях, графике питания и сна, любимых развлечениях, толерантности к шуму, отношении к микробам, любимой цветовой палитре и о комфортной температуре воды в душе.

Ты можешь оптимизировать свой стручок в рамках Определенных Параметров. Ты – Бесконечно Креативная личность, так что сделай свое жилье своим! Кстати, по последним данным, для генерации идей оптимальным считается спать по 10 *часов, и для этого каждая Капсула Сна оборудована устройствами для белого шума и розового шума, а также ультрафиолетовым освещением, Естественным Освещением (если это возможно) и диффузорами с Иланг-Илангом.*

Дилейни прикрыла глаза. Заглавные буквы вгоняли ее в депрессию. Потом открыла глаза и продолжила читать.

Список запрещенных предметов и материалов смотри в Приложении. Продукты питания, медикаменты и предметы личной гигиены, доставленные снаружи, запрещены без Особого Разрешения. Для получения Особого Разрешения свяжись с Координатором твоего Модуля. Посещение Энергичных Танцев По Четвергам необязательно, но рекомендуется. Подави свои дурные Начала! О домашних животных: мы любим Домашних Животных!

Однако…

И еще 77 страниц, а так как Дилейни не могла подписать контракт, если программа отслеживания заметит, что она пропустила хотя бы слово, ей пришлось прочитать их все.

***

Она въехала в “стручок” во вторник, с двумя чемоданами. У главных ворот, в стеклянной пирамиде Ровены, ее пожитки были проинспектированы. Ровена реквизировала одноразовые бритвы, шампунь и кондиционер – все, что содержало пластик или содержалось в нем, – и показала Дилейни на корпус Вацлава Гавела, где ей предстояло жить. Все общежития носили имена диссидентов, борцов за свободу и революционеров.

– Вацлав Гавел – между Джоном Брауном и Сесаром Чавесом. Если дойдешь до Майкла Коллинза – значит, ты зашла слишком далеко.

В Сети Дилейни нашла великое множество фото и видео из Вместилищ, но в реальности ее “стручок” показался ей меньше, значительно меньше, и в нем было гораздо больше разнообразных деталей, одновременно элегантных и экстравагантных, в духе Захи Хадид и Питера Пэна сразу. Здесь избегали прямых углов и повторяющихся форм. Бамбуковые дверцы шкафов представляли собой каждый раз разные параллелограммы и трапеции. Через стеклянную дверь громадного холодильника можно было видеть все его пестрое содержимое – и вот как раз тут царил идеальный порядок. Упаковок не существовало. Закуски лежали в многоразовых контейнерах, расставленных на кварцевой столешнице. Нут в куркуме, вяленые грибы, крекеры из цветной капусты, имбирный попкорн – все хранилось в герметичных стеклянных и жестяных баночках. В ванной стояли большие диспенсеры с зубной пастой и мылом. Этот “стручок” был угловым, двойные окна от пола до потолка смотрели на Ромашку, Залив, пару близлежащих мостов и зубчатый белый хребет в центре Сан-Франциско.

– О, ты уже здесь! – воскликнул кто-то, и тут же что-то заскрипело.

Она обернулась и увидела мужчину в ярко-розовых кроссовках.

– Сорен, – представился он, прикладывая ладонь к груди и слегка кланяясь. Высокий, лысеющий, с покатыми плечами и скошенным подбородком, он выглядел как надувная кукла, и голос звучал соответствующе. На нем было облегающее, но плохо сидящее трико, свисающее складками на животике и кривых коленях, точно он в спешке надел гидрокостюм на пару размеров больше нужного. Поверх трико, прикрывая бедра, как мини-юбка,

красовался килт.

– Ты же должна была въехать завтра, нет? Какой сегодня день? “Внемли”? – Он направился в сторону кухни, скрипя кроссовками.

– Вторник, – сказала Дилейни.

– Сегодня вторник, – подтвердила “Внемли”.

Дилейни замечала это у многих “совместных”. Они все время были онлайн, но при этом не дружили с календарем. Никогда не знали, какой нынче день недели, а о числе имели весьма приблизительное представление.

– Ты уже нашла свою кровать? – спросил Сорен. – Ее только что установили.

Он скрестил руки на груди, и Дилейни заметила татуировки на предплечьях. ДЕЛАЯ – ДЕЛАЙ, гласила строчка на одной руке. Надпись была набита так, чтобы ее мог прочитать любой, кто смотрит на Сорена. На другой руке буквы были перевернуты вверх ногами, чтобы их мог прочитать лишь сам Сорен. Те же самые слова: ДЕЛАЯ – ДЕЛАЙ.

– Моя вон там, – сказал он и показал на фанерную трубу с круглой дверцей, похожую на жилище гигантского суслика. – Я чутко сплю, поэтому мне нужна дверь. А вот твоя. – Он подвел ее еще к одному спальному месту, которое она сначала не заметила. Как и его нора, оно было футов восемь в длину и фута три в высоту, но находилось прямо у окна.

– Посмотри, подходит тебе?

Дилейни залезла внутрь и моментально почувствовала одновременно удушье и головокружение. Спать здесь все равно что под лобовым стеклом машины на высоте четвертого этажа.

– Замечательно, – объявила она.

– Рад, что тебе нравится, – сказал Сорен. – Прости, что у тебя окно.

– Тут не будет слишком светло? – спросила она.

– Там должна быть занавеска. Вон там, в конце.

Дилейни действительно обнаружила занавеску и задернула ее. Эффект удушья стал полным. Она лежала в гробу со стеклянной стенкой на четвертом этаже.

– Мне нравится, – одобрила она и поспешила выбраться наружу.

– Датчики сна уже установлены, – сказал Сорен. – Какой у тебя средний показатель?

– Семь? – неуверенно ответила она и увидела, как он буквально побелел от такой неточности. – Я сегодня еще не проверяла, – исправила она свою оплошность. – Вчера был 7,81.

– У меня 7,94, – поведал он. – Так что, похоже, нам обоим

есть над чем поработать. Наша компания заботится о том, чтобы люди спали больше – по меньшей мере 10 часов. Это оптимальный показатель для максимальной креативности. Чувствуешь запах иланг-иланга? Это нейромодулятор, действует гораздо лучше, чем лаванда. Он понижает пульс и давление.

– Да, да, – закивала Дилейни. – Иланг-иланг, замечательно. Очень полезно.

– Я уже привык, – сказал Сорен. – Считается, что мозг начинает ассоциировать иланг-иланг со сном – как только ты чувствуешь запах, твое тело расслабляется. Что еще? А! Есть правило – никаких гаджетов за два часа до сна, но это никто не соблюдает. А вот холодильник в десять закрывается. Доказано, что еда и питье перед сном не способствуют хорошему отдыху. Для меня это просто благословение. Мне очень трудно держать себя в руках, когда есть выбор. Кстати, могу я тебе что-нибудь предложить?

– Пить хочется. – Дилейни огляделась в поисках стакана.

– Стаканов нет, – сказал Сорен. – Но в раковине есть фонтанчик.

Дилейни нашла фонтанчик, попила из него и снова стала озираться, надеясь найти полотенце. Полотенца тоже не нашлось, но она решила не спрашивать и вытерла рот уголком рубашки.

– Спасибо, – сказала она.

– Хорошо, когда неправильного выбора просто нет, – заметил Сорен. – Именно поэтому я не могу жить в городе.

Дилейни храбро улыбнулась.

– У меня куча зависимостей, – продолжил Сорен. – Алкоголь, таблетки, порно. Этот дом для меня просто спасение. Я понимаю, вначале он может показаться довольно спартанским… – Он обвел взглядом комнату. – Да, наверное, так и есть. Но здесь ты можешь получить все, что необходимо. Просто нельзя получить все, чего *хочется*. Или *кажется*, что хочется. Ты любишь выпить?

– Не особо, – ответила Дилейни.

Он вздохнул с облегчением.

– Ты можешь жить так, как привыкла, – сказал он. – Но я, конечно же, не пью. Джоан и Фрэнсис не пьют здесь, в модуле. Я их не заставлял, они сами так решили. И таблетки здесь достать негде. Наверное, это тебе уже говорили, хотя это и так очевидно.

– Да, – сказала Дилейни и подумала: “*Фрэнсис*? Господи, только не тот Фрэнсис!”

– Моим последним грехом было порно, – признался Сорен, и Дилейни несколько озадачилась, как можно закрыть к нему доступ, учитывая количество порно в Сети.

– Все мои гаджеты активируются по отпечатку пальца, –

пояснил он, словно отвечая на незаданный вопрос.

О дальнейшем Дилейни догадалась сама. Фильтры привязаны к отпечаткам. Когда Сорен заходит в систему, фильтры активируются и порно блокируется.

– Я сам все это настроил, так что отдел кадров узнает, если я сорвусь. Но иметь барьеры полезно. Я не безнадежен. Я могу контролировать себя, когда достать запрещенку непросто. Так, что еще?.. Физкультура? Ты бегаешь трусцой? – Он окинул взглядом ее фигуру, но потом, осознав, что это оскорбительно, сделал вид, что осматривает всю кухню. – Может, водное поло? Гребля? – Он явно обратил внимание на ее плечи.

– Немного бегаю, – сказала она. – Раньше занималась альпинизмом.

– Ты же из Айдахо, да? А потом жила в городе? – Слова “в городе” Сорен произнес с явным подозрением. – Мне кажется, я где-то слышал, что ты жила в троговском районе. Это правда? И как *там* было?

– Ужасно, – ответила Дилейни. – Полный хаос.

– Могу себе представить. В моем колледже общежития были построены по планам Вместилища, так что мне не пришлось долго адаптироваться, когда я попал сюда. Как часто ты ходила за едой и прочими покупками?

– Почти каждый день, – ответила она и изобразила лицо мученицы.

Сорен присвистнул.

– Я не бывал за пределами острова уже, наверное, года два. Не знаю, как бы я там выжил. – Он вяло улыбнулся, чтобы показать, что шутит, но прозвучало это совсем не как шутка.

– Прости, – спохватилась Дилейни, – я забыла спросить, чем ты занимаешься.

Голова Сорена непроизвольно дернулась.

– Ты не поискала заранее информацию о тех, с кем будешь жить? – спросил он скорее удивленно, чем укоризненно.

– Извини. Просто все произошло так быстро…

– Нет-нет, – успокоил он, – все нормально. Просто это интересно. Необычно. Я уже довольно давно не отвечал на этот вопрос. Чем я занимаюсь? Ну, обычно люди знают меня как создателя умного знака “стоп”.

– Ты придумал смарт-знак “стоп”?

Сорен самодовольно рассмеялся и склонил голову:

– Виновен!

Смарт-знак “стоп” был установлен на тупиковой деревенской дороге в Айдахо, неподалеку от дома родителей Дилейни, и сводил их с ума. На этой улице не было движения и абсолютно

никакой надобности в знаке “стоп”, и раньше они просто проезжали мимо, как и все остальные. Но когда появился умный знак, им пришлось останавливаться по дороге в город и обратно по шесть раз на дню, и это выводило из себя. Набрав за первый месяц на тысячу долларов штрафов, отец Дилейни под покровом ночи сломал знак, но его тут же заменили новым – городу очень нравился доход, который он приносил.

– Мой отец хотел тебя убить, – ляпнула Дилейни. – *Я* хотела тебя убить. Наверное, ты получил миллион угроз.

Сорен внезапно помрачнел.

– Надеюсь, ты говоришь это не всерьез, – сказал он, внимательно глядя на нее. Потом посмотрел на свой браслет, и до Дилейни дошло. В записанном виде ее слова выглядели не лучшим образом.

– Конечно, нет! – громко произнесла она, лихорадочно пытаясь придумать, как исправить ситуацию и избежать предупреждения – наверняка весьма существенного, учитывая упоминание об убийстве. – Я просто пошутила! – добавила она, стараясь, чтобы это прозвучало как можно веселее.

– Я понял. – В глазах Сорена появилось нечто вроде одобрения. – Да, сначала людям это не нравилось. Но мир привык к этим знакам, они ведь спасают жизни. Это как ремни безопасности. По правде говоря, мне кажется, что так люди учатся соблюдать закон, даже в мелочах. Именно для этого, например, был придуман “Кант Кан” – чтобы поддерживать правопорядок объективно и повсеместно, а не субъективно и время от времени.

Дилейни порылась в памяти. “Кант Кан”? Она надеялась, что Сорен говорит не о категорическом императиве.

– Люди не хотели размышлять о категорическом императиве, – сказал он. – Поэтому “Кант Кан” превратился во “Все Просто”.

А, вот что. Об этом она слышала.

– “Все Просто” я знаю. А автоматические штрафы за превышение скорости тоже ты придумал? У меня было несколько.

Благодаря этому нововведению любое превышение скорости регистрировалось автоматически, а сумма штрафа мгновенно списывалась с банковского счета нарушителя.

– И это спасло 20 000 жизней за прошедший год, – сказал Сорен. – Знаю, что это звучит банально, но зачем принимать законы, если у нас нет способов обеспечивать их исполнение? К тому же так у копов освобождается время для более интересной работы.

– Вполне разумно, – согласилась Дилейни.

– Хочешь попить чего-нибудь еще? – Сорен открыл холодильник, и она увидела сложенные в два ряда разноцветные питьевые шарики.

– Давай любой, – сказала она, и он кинул ей розовый.

– В основе “Все Просто” лежит простая логика, – продолжал Сорен. – Если не следить за выполнением правил повсеместно и постоянно, наступит хаос и погибнут люди.

– Так ты до сих пор работаешь в команде “Все Просто”?

– Уже нет. В прошлом году перешел в “Солнечный Свет”. То, что раньше называлось “Без Темных Углов”, а потом объединилось с “Доступом”.

– “Доступ” – это та программа, которая занималась проведением интернета в места, где нет покрытия сети? – Дилейни тут же пожалела, что спросила. К программе в свое время возникло много вопросов, и в ее словах можно было услышать осуждение.

– Я не был членом группы Южного Сентинельского острова, если ты об этом. – Сорен поджал губы. – Тех людей уже нет, и программу закрыли.

Дилейни вспомнила подробности. Они послали команду сотрудников на отдаленный остров в Индийском океане, где тех убило местное племя, которое жило без интернета и, похоже, в нем не нуждалось.

– Какая жалость, – вздохнула Дилейни, и Сорен снова заулыбался.

– В общем, мы находим в городах и сельской местности территории, которые не видны, и обеспечиваем видимость. Устанавливаем камеры и спутниковое наблюдение там, где иначе могли бы происходить неприятные вещи.

– А, камеры в нацпарках и все такое.

– Ну да…

– Это замечательно, – сказала Дилейни и подумала: “Так это тоже был ты”.

– Мы сейчас установили прекрасное оборудование на Плайя 36. Еще одно хорошее нововведение, которое возникло благодаря твоей… экскурсии. Теперь людям не надо туда ехать, чтобы посмотреть на морских слонов.

– Какая прекрасная идея! – одобрила Дилейни. Внутри у нее все кипело.

– С каждым годом мы все ближе к стопроцентному покрытию. – Сорен подпрыгнул и уселся на столешницу. Его ляжки расплылись по ней, как нефтяное пятно. – И я надеюсь – причем Стентон думал точно так же, – что когда наши камеры будут видеть каждый дюйм на планете, то, во-первых,

путешествия станут бессмысленны, а во-вторых, прекратятся преступления. С путешествиями все просто. Вместо того чтобы ехать на Плайя 36, берешь и подключаешься к камерам, которые мы там установили. Но преступления – это другое дело. Это изменит всю парадигму. Они станут просто невозможны.

– Или любого преступника быстро схватят.

– Да. – Сорен взял яблоко и стал изучать его на предмет идеального места для укуса. – Но мне кажется, что в течение жизни одного поколения все и думать забудут о преступлениях. В них не будет никакого смысла. Именно поэтому момент, когда видеопокрытие охватит весь мир, так много значит. Я называю его “финалом преступлений”. – Он с хрустом вгрызся в яблоко.

Дилейни сначала не вполне поняла. Но потом до нее дошло. Он имел в виду, что всем преступлениям наступит конец.

– О! – проговорила она. – Финал. Последнее преступление в мире.

– А потом мы двинемся дальше, – продолжал он, – уничтожая все неизвестное и неожиданное. Когда все на виду, ничего плохого произойти не может.

– Логично.

– А еще мы сейчас занимаемся переселением трогов в умные дома. – Сорен оценивающе посмотрел на Дилейни. – Знаешь, я, возможно, попрошу тебя как-нибудь дать интервью. Мы снимаем серию программ, где бывшие троги рассказывают о преимуществах жизни в умных домах. Если ты не против.

– Нет, разумеется, в любое время, – согласилась она, надеясь, что он об этом забудет. Потом показала на вереницу стеклянных банок на столешнице: – А эти запасы все время пополняются?

– Да. Ты еще познакомишься с теми, кто за этим следит. – Сорен доел яблоко и бросил огрызок в ведро с компостом. – Все необходимое обновляется ежедневно. Крупы, овощи, фрукты. Ты заполнила опросник?

– Заполнила, но многое уже и так было указано в моих данных.

– Само собой. Но если тебе нужно внести изменения в рацион, который они предлагают, можно послать запрос, и они добавят нужные продукты. Если ты захочешь апельсин, то можешь быть уверена, что этот апельсин выращен на экологичной ферме, работникам там хорошо платят, а транспортировка в кампус осуществляется без сжигания ископаемого топлива. Но вот если сейчас не сезон, значит, тебе не повезло. Слышала о бананоскаме?

Дилейни едва не поперхнулась.

– Еще бы, все слышали.

– Гениально же, да? Этот Уэс Маказьян так крут! – Он показал на свой килт: – Одна из его штучек. Эксцентричность стимулирует генерацию идей. И это из-за Уэса здесь уже неделю как отказались от дверей. Двери мешают творческому потоку.

Дилейни улыбнулась. Как же ей это нравилось! Зря она переживала. Видеть Уэса в кампусе, смотреть, как он делает карьеру, как к нему относятся “совместные”, как они обожают и боготворят его – это было прекрасно.

– Если тебе вдруг понадобится что-то нетипичное, – объяснял тем временем Сорен, – например, лекарство от кашля или ягодный пирог, то ты тоже можешь это заказать и, как правило, получишь все в течение дня, ведь самые разные продукты уже есть в кампусе. И абсолютно все от проверенных поставщиков. Тебе не нужно ни о чем беспокоиться.

– Да это просто мечта – не беспокоиться!

Сорен слегка улыбнулся.

– Мы должны подавать пример миру, как можно и нужно жить. В прошлом году наш “стручок” завершил двенадцатимесячный цикл всего с одним мешком отходов для вывоза на свалку. – Из часов Сорена раздался тихий свист. – Черт! Мне пора. – Он побледнел. – Я не должен был произносить то первое слово. Ты остаешься?

***

Она осталась, очень радуясь тому, что наконец одна. “Стручок” представлял собой большую студию, где спальные места были расположены по углам. Кухня плавно переходила в гостиную, где стоял огромный диван в форме турецкого огурца, на котором могли вольготно разместиться семь-восемь человек. Перед диваном в окружении полок с дюжиной книжек, расставленных по цвету корешков, висел экран. Другой мебели в модуле не было. Дилейни потратила несколько минут на щелканье, послала много смайликов тайской медсестре, которая пела “Над радугой” умирающему пациенту, и стыж родителям из Перу, которые позволили своей дочери гулять под дождем без куртки. В ванной она сделала Попая с зеркалом и отметила улыбочками три с лишним десятка чужих Попаев. Ее отец пользовался “Консенсусом” – ему нужна была помощь в выборе марки масла. Она добавила свой голос к большинству – веганское, органическое, несоленое – и отложила телефон.

Ванная была просторной и прохладной, почти все пространство занимала душевая кабина с утопленным в пол поддоном из наливного бетона синего цвета, со свечками по краям. Она не знала, когда снова окажется одна, поэтому быстро закрыла за собой матовую дверцу. Телефон тренькнул. Она

получила “Исследование Удовлетворенности Личным Общением” от Сорена. Нажав на кнопку “напомнить позже”, Дилейни разделась.

Из душевой лейки, расположенной прямо над центром поддона, полился дождь идеальной температуры. Через окошечко в потолке светило солнце. Дилейни набрала в ладонь мыла и погрузилась в одурманивающий жасминовый туман. Ей казалось, что она никогда не принимала настолько расслабляющего душа, но спустя две минуты откуда-то раздался вежливый звоночек, поток воды начал постепенно уменьшаться и через несколько секунд иссяк, хотя она ничего не трогала. Пар рассеялся, и она осталась стоять в пустом поддоне, озираясь в поисках полотенца. За дверью появилась чья-то тень.

– Дилейни, это ты?

– Джоан? Я здесь. Душ отключается автоматически, что ли?..

– Угу, через две минуты. Ты не успела смыть мыло?

– Нет, все нормально. Я просто не знала. Сейчас выйду. – Она надеялась, что Джоан догадается оставить ее одну, однако не увидела за дверцей никакого движения. – А полотенца здесь или…

– Кажется, кто-то невнимательно читал свой контракт на проживание…

– Там было сто десять страниц! Наверное, я где-то отвлеклась. – Она начала дрожать. – Так что там с полотенцами?

– Выходи, – сказала Джоан. – Сейчас объясню.

Дилейни вышла из душа, прикрываясь руками, и под солнечным светом стало чуть теплее. Джоан вежливо отвернулась.

– Мы не вытираемся полотенцами, – сказала она. – Тут принято так называемое медитативное высыхание на воздухе. Смотри туда. – Она показала вверх.

Дилейни взглянула на потолочное окно и увидела, как стекло отъезжает в сторону, впуская свежий воздух.

– Конкретных деталей я не знаю, – сказала Джоан, – но тут все устроено так, чтобы улавливать ветер с Залива и пропускать его внутрь. Поэтому полотенца не нужны. Дыши. Медленнее. Ты почти высохла.

Дилейни изо всех сил старалась восстановить контроль над своим телом.

– Представь, – продолжала Джоан, – сколько воды уходит на производство и стирку полотенец. И вообще это глупо. Ты идешь в душ и выходишь оттуда чистой. Допустим, на тебе остается немного воды. Ты берешь полотенце, чтобы вытереть эту воду, а потом что, отправляешь полотенце в стирку? Но ты ведь только

что вымылась, так почему же полотенце оказывается грязным, если ты вытерла с себя чистую воду?

– Мне холодно, – сказала Дилейни.

– Это хорошо! Еще один плюс. Вспомни об арктических заплывах, ледяных ваннах, клубах моржей. Польза для здоровья огромна. Тут ты сохнешь под солнышком с легким ветерком. Если подойти к делу осознанно, ты поймешь, что это здорово. Просто закрой глаза.

Дилейни закрыла. Она действительно уже почти высохла. Дрожь постепенно стихала. По коже пробегали почти приятные мурашки. Но она все еще стояла голой перед Джоан Фам, и это было непривычно и неудобно.

– Мы называем это “выходом из себя”, – пояснила Джоан.

Господи боже, подумала Дилейни.

– Чувствуешь, как хорошо от чего-то отказаться? – спросила Джоан. – Исключить что-то из жизни?

– Сосед дома! – объявил мужской голос.

– Мы тут! – Джоан шагнула туда, где недавно была дверь. – Это Фрэнсис. Еще один наш сосед. Постой там, – сказала она ему.

Дилейни опять похолодела. Это не может быть *тот самый* Фрэнсис. Но когда она оделась и вышла в кухню, он оказался тем самым. И теперь она будет жить с ним в одном модуле. Фрэнсис очень осторожно поглядывал на обтянутые блестящим трико ягодицы наклонившейся Джоан, но, почувствовав присутствие Дилейни, повернулся к ней с совершенно невозмутимым видом.

– Это ты! Вот мы и встретились. Наконец-то я заставлю тебя заполнить исследование, которое все время посылаю. – Он старался, чтобы это прозвучало как шутка, но голос был полон обиды.

Отступать было некуда. Дилейни уже подписала все контракты и соглашения. Ей придется жить с ним.

– Какое исследование? – спросила Джоан, проходя мимо него к ящичку с сухофруктами.

Ее движения сигнализировали о том, что ей комфортно общаться с Фрэнсисом, о доверии, даже уважении к нему.

– Вопросы о первом знакомстве, – пояснил он. – Я так и не получил ответов.

Джоан взглянула на Дилейни и закатила глаза.

– Тебе не хватает времени? – спросил Фрэнсис. – Если так, есть множество инструментов, которые тебе помогут. Мы заботимся о том, чтобы никто не чувствовал себя обиженным.

– Может быть, стоит начать ими пользоваться, – сказала Дилейни, оглядывая “стручок” в поисках чего-нибудь, на что у нее могла бы быть аллергия. Ей нужно срочно найти повод уйти.

Она не может жить с этим человеком.

– Может быть, может быть, – проговорил он. – Знаешь, а ты – загадка.

– Ладно тебе, Фрэнсис, – сказала Джоан.

Он улыбнулся – сначала злобно Дилейни, потом мягко Джоан.

– Просто моя работа в “СооПреде” подразумевает устранение всех “может быть”.

– Мы знаем. – Джоан нежно потрепала его по щеке.

***

Когда Сорен вернулся, уже почти в десять вечера, Фрэнсис созвал собрание жильцов. На повестке дня были общие показатели и квоты.

– Учитывая, что теперь у нас новая соседка, – он кивнул на Дилейни, – а также несколько новых параметров, которым должен соответствовать весь “Гавел”, необходимо показать результаты лучше, чем от нас ожидают. Я буду краток, так как, согласно лучшим практикам, идеальная продолжительность подобных встреч составляет шесть-восемь минут.

Джоан ухмылялась, глядя на него. Он посмотрел на нее – сквозь нее – и продолжил:

– Итак, квоты. Дилейни, ты должна была прочесть это во вводных документах, но я напомню: путь к общим целям “Вместе” начинается здесь, в модулях. Данные всех соседей по модулю собираются и объединяются. Если мы достигаем оптимальных показателей, это идет на пользу всему этажу, так как показатели всех модулей на этаже усредняются. Затем показатели этажей усредняются в показатели корпуса. Если мы справляемся хорошо, этаж справляется хорошо, “Гавел” справляется хорошо, а значит, и “Вместе” в целом справляется хорошо.

Джоан притворно зевнула. Фрэнсис поджал губы, но больше никак на это не отреагировал.

– Итак, во-первых, смех. Новые исследования говорят о том, что идеальный показатель – 34–36 минут в день. Это означает, что каждый лично должен стремиться к этим цифрам. Они не суммируются. Здесь мы отстаем, так как… – он посмотрел в свой планшет, – у Сорена лишь 12 минут, у Джоан – 14, у меня – 21,5. Так что давайте немножко побольше веселиться, окей? – Он оглядел собравшихся с застывшей улыбкой и недовольством во взгляде. – Далее, потребление и отходы. С этим у нас все неплохо, но могло быть лучше. Мы употребили 82 % доставленных продуктов, осталось 16 % и 2 % ушло в отходы. Это высокий показатель, самый высокий по всему корпусу. Так что браво. Но всегда можно изыскать резервы. – Его браслет звякнул. – Окей,

мы почти закончили. Вы можете сами посмотреть на большинство квот, но мне хочется упомянуть самую главную – это, конечно же, сон.

Джоан снова зевнула, на этот раз по-настоящему.

– Всем вам известно, – продолжал Фрэнсис, – что компания относится ко сну очень серьезно, и это правильно. Наша цель, как установил Уэс Маказьян, спать не менее десяти часов. И недавние исследования говорят о том, что групповая динамика – очень важный фактор. В некоторых модулях очень низкие общие показатели, и они списывают это на то, что, скажем, кто-то из соседей ложится поздно, или шумит по утрам, или еще как-то мешает другим. Поэтому модули должны регулировать эти вопросы, вместе работать над созданием среды, способствующей хорошему отдыху и креативности. Вы согласны?

Он посмотрел на Сорена, который пожал плечами, а потом на Джоан, взгляд которой как будто намекал на что-то.

– Нам должны доставить полезные приспособления Уэса – саваны и очаг, – но пока будем справляться без них. Не отключайте браслеты, чтобы система знала, когда у вас наступает фаза быстрого сна. Нельзя забраться в капсулу и два часа сидеть в Сети. Это все понимают? – Его браслет снова звякнул. – Ладно, уже десять. Пора ложиться. В идеале вы должны заснуть через двенадцать-тринадцать минут. Если всем это удастся, прекрасно. Если нет, нам грозят санкции. – Он со значением посмотрел на каждого из соседей, самый сердитый взгляд оставив для Дилейни, потом слегка поклонился и направился к своему спальному кокону. – Желаю всем хорошего и омолаживающего сна, – сказал он напоследок и юркнул внутрь.

Дилейни забралась в свою капсулу.

– Готова ко сну? – спросил голос, похожий на голос Джуди Денч[25].

– Да, – неизвестно кому ответила Дилейни.

– Превосходно! – сказал голос. Это действительно была Джуди Денч. Точнее, имитация, но очень качественная. – У тебя сорок четыре неотвеченных сообщения. Хочешь надиктовать ответы сейчас? Многим людям легче расслабиться, если они знают, что завершили все дела.

– Нет, спасибо, – отказалась Дилейни. Она уже совершенно расхотела спать, завороженная этим голосом и тем, что он может сказать дальше.

– Сейчас я выключу свет, – предупредила Джуди. – Хочешь послушать успокаивающую подборку из твоей любимой музыки?

– Да, пожалуйста, – ответила Дилейни.

Заиграла соната Шопена. Дилейни не слышала ее уже много

лет, но алгоритм с легкостью нашел сонату в ее плейлисте.

– Музыка будет стихать в течение восьми минут, – пояснила Джуди. – Концентрация иланг-иланга будет немного повышена.

Дилейни лежала на спине и ждала следующего предложения Джуди.

– Согласно данным о твоих предпочтениях, ты любишь спать на боку, – сказала та. – Хочешь перевернуться на бок?

Дилейни улыбнулась.

– Большое тебе спасибо, – сказала она и повернулась. Закрыла глаза, но веки дрожали. Она открыла глаза и перевернулась на другой бок.

– Увеличить концентрацию иланг-иланга? – спросила Джуди.

– Нет, спасибо. Пожалуйста, помолчи несколько минут.

– Мне послышалось, что ты сказала: “Помолчи несколько минут”. Я правильно поняла?

– Да, правильно. Пожалуйста, тихо.

Джуди замолкла. Дилейни подумала об Уэсе. За исключением буквально нескольких дней, в последние два года она всегда засыпала в двух шагах от него. Ей не нужно было его “я люблю тебя”, нет, но осознание, что он дышит с другой стороны тоненькой стенки, успокаивало. Шопен постепенно стихал, и она знала, что Джуди опять появится, как только музыка закончится. Но перестать думать никак не получалось. Она представляла себе Афину, мертвую овцу. Представляла Сила с его боязливым возмущением. Потом почему-то представила на месте Афины себя, как ее сбивает автобус “Вместе” и она катится вниз с насыпи.

– Стоп, – пробормотала она под нос самой себе. – Стоп!

– Что ты сказала? – включилась Джуди.

– Пожалуйста, помолчи, – попросила Дилейни и явственно услышала, как Джуди раздраженно фыркнула.

Дилейни подумала о горных вершинах. Она всегда так делала, когда не могла заснуть. Это была достаточно обыденная задача, помогающая занять мозг и прогнать лишние мысли. Она начала с Айдахо, в порядке убывания высоты. Пик Бора. Она представила себе его снежную вершину. Пик Лезермана. Разум постепенно успокаивался, превращаясь из сумасшедшего монстра с тысячью щупалец в мирного оленя, жующего дикие цветы на лугу с видом на горы.

Маунт-Черч.

Пик Даймонд.

Маунт-Брейтенбах.

Пик Лост-Ривер.

Восемь минут Шопена закончились, и Дилейни внутренне

напряглась.

– Сон обычно наступает в течение двенадцати минут, – сказала Джуди. – Сейчас я бы рекомендовала встать и походить, или я могу тебе что-нибудь почитать. Хочешь продолжить чтение “Мидлмарча”? Ты остановилась на странице 177.

– Нет, спасибо. – Дилейни повернулась лицом к окну. Через щель в занавесках она увидела внизу, на земле, какого-то маленького зверька – кажется, мышь. На лужайке был небольшой островок плюща, и полевка выбралась из него, пробежала несколько футов, но потом вернулась обратно. Дилейни смотрела, как она то выбегает из зарослей, то скрывается снова, боясь пробыть на открытом пространстве больше пары секунд. Через какое-то время полевка перестала появляться. Дилейни вглядывалась в плющ, но не видела ее. Она закрыла глаза, пытаясь представить себе норку, наполненную ее запахом, теплую…

– Мои сенсоры говорят, что ты не спишь, – объявила Джуди громче, чем раньше. – Тебе рекомендуется встать и походить несколько минут. Это поможет отвлечься. Когда человек слишком долго лежит в постели, пытаясь заснуть, это, наоборот, способно затруднить засыпание.

Дилейни внезапно озарило. Может, задача Джуди Денч довести людей до самоубийства? А эта капсула и этот трепетный голос – просто часть эксперимента, в результате которого станет ясно, что может заставить человека покончить с жизнью? Выживет она или проснется в Вальгалле?

– Все нормально, – сказала Дилейни. – Ты можешь отключиться.

– Мне послышалось, ты сказала мне отключиться. Я правильно поняла?

– Да, правильно. Пожалуйста, отключись и больше не включайся.

– Я попробую, – сказала Джуди.

Пик Дональдсона, подумала Дилейни. Она забиралась на него.

Пик Хиндмана. С шоссе его не видно.

Пик ГССШ. Понятия не имею, что это значит.

Пик Ноу-Регрет.

Ха. Это реальное место, очень красивое. Она однажды там была. Сидела на вершине перед закатом и смотрела, как косые лучи медленно затопляют долину, по очереди касаясь всех живых существ и предметов, лаская скалы, цветы, мышей и лосей своими золотыми пальцами. Она была тогда одна, вокруг ни души на целые мили, и не сомневалась, что она – единственный человек,

который наслаждается этим зрелищем. Момент был настолько прекрасен, что сердце готово было разорваться, но только ее память сохранила его.

27
Твои капризы – их страдания

Дилейни разбудил поток сообщений от Уэса.

“Ты слышала? Ты знаешь?”

“Куда я его дену?”

“Надо встретиться, поговорить”.

“Это конец”.

До Дилейни уже доходили слухи, и вот теперь это свершилось. По следам ее “ЗнакоМы” и Гибели Афины – происшествие стало именем собственным – группа неистовствующих “совместных” начала протестовать против домашних животных в кампусе и самой концепции домашних животных. Первой оценкой, на которой все сошлись, было “проблематично”. Дальше последовало “неприемлемо”, “варварски” и, наконец, “запрещено”. Кто-то запустил в Сеть постер с котом за решеткой и подписью “Освободите!” в стиле советских плакатов, и после этого лавину уже невозможно было остановить. В какой-то момент возникла кратковременная дискуссия о легитимности заведения животных для эмоциональной поддержки, но и это было очень быстро признано очередным примером бессовестной эксплуатации. Дело шло к тому, что слово “питомец” запретят, а их бывших хозяев подвергнут остракизму.

Лежа в своей капсуле, Дилейни нашла в телефоне оповещение.

“Совместным” дается одна Рабочая Неделя, чтобы выдворить узников-животных за пределы кампуса. Спасибо за Сотрудничество!

“Мне так жаль, – написала она Уэсу в ответ. – Поговорим попозже. Что-нибудь придумаем”.

Но она понятия не имела, что здесь можно придумать. Шанса добиться исключения не было; праведный гнев противников угнетения животных достиг максимума, и в пекле революции исключения были немыслимы. Подавляющему большинству оказавшихся под запретом животных предстояло отправиться в приюты, где их, скорее всего, со временем усыпят. Урагану повезло хотя бы в том, что он мог жить дома с мамой Уэса, пусть она его особо и не жаловала.

– Я заметила, что ты проснулась, – сказала Джуди Денч. – Ты проспала 6,3 часа. Не хочешь вернуться в постель и отдохнуть еще?

– Нет, спасибо, – отказалась Дилейни.

Уэс никогда не разлучался с Ураганом. Он тактично не стал намекать, что вообще-то это она – причина запрета. Экскурсия к морским слонам запустила процесс полного разделения человеческого и животного мира. Дилейни вдруг поняла, что многие из последних правил диктовались, по сути, той же идеей разделения: между “Здесь” и “Нигде”, между путешественниками и местами поездок, между государствами, городами, группами, видами… Все это уменьшало шансы причинить вред, испытать пагубное воздействие, оказаться в неприятном положении.

“Мясо они тоже запретили”, – написал Уэс.

И через несколько секунд: “Удалили все видео с домашними животными”.

Дилейни проверила и убедилась, что это правда. Она не смогла найти ни одного ролика с милыми зверушками ни на одной из платформ “Вместе”. Никаких животных в специальных одежках, никаких умилительных примеров межвидовой дружбы, никаких историй о спасении животными людей. Они исчезли, слово “хозяин” подверглось запрету, слово “питомец” отныне можно было употреблять только в значении “воспитанник” или “ученик” – и даже в этом случае оно было нежелательно. Дилейни проверила ролик с убийством жены Вдовца – он был на месте. Ролик со смертью Бейли тоже никуда не делся. Убийства и самоубийства – сколько угодно, но видео с питомцами исчезли.

“С Ураганом все будет хорошо”, – написала она, сама в это не веря.

***

– Пошли! – Джоан стояла в дверях, ожидая, пока Дилейни завяжет шнурки.

Теперь и Джоан знала, как медленно та это делает, и явно была намерена познакомить ее с другими видами обуви.

Но это было лишь одной из множества задач, которые Джоан поставила перед Дилейни в отделе “Ты Уверен”. Именно она организовала перевод Дилейни сюда. Недавно отдел отказался от вопросительного знака в названии, подразумевая, что их сервис обеспечивает одновременно и вопрос, и ответ, и Джоан считала, что Дилейни должна остаться там окончательно. Дилейни мечтала хоть об относительном спокойствии и свободе, а Джоан каким-то образом удалось избавиться от многих ограничений, которыми были связаны остальные в кампусе, и Дилейни думала, что в ее отделе будет ощущать меньше давления.

– Это подразделение в кампусе развивается быстрее всех, не считая “СооПреда”, – говорила Джоан, выводя Дилейни из “Гавела” на солнечный свет. – И ты возненавидишь этих людей.

Нет, я не произносила слова “ненависть”.

Она показала пальцем на свое ухо, прошептала одними губами: “Звонок!” – и после этого Дилейни следовала за ней в тишине.

Она слышала о работе Джоан до “Вместе”. Та основала сайт под названием “Эластика”, который был посвящен высокой моде и стилю жизни успешных людей. Кто-то считал его слишком фривольным, кто-то – визионерским. Но все это было экономически так далеко от интересов большей части населения Земли, что никто не обратил бы на проект никакого внимания, не проповедуй он настолько экологичные и внезапно оказавшиеся пророческими ценности. “Эластика” поддерживала продажу безупречно изготовленных вещей от безупречных производителей, которые, по заявлению Джоан и ее соратников, “стоили ровно столько, сколько заслуживали”. Они понимали, что убедить рядового потребителя, привыкшего к рубашкам по 18 долларов, в том, что не вредящие окружающей среде, сшитые на этичном производстве с высокой оплатой труда рубашки не могут стоить меньше 80, выйдет не сразу. Но также понимали, что потребители обязательно будут платить за “экологические гарантии” (как это стали называть), возможность не искать информацию и не принимать решения самостоятельно.

“Эластика”, в штате которой состояли восемь человек, одобряла и продвигала товары, преимущественно одежду и предметы декора, и продавала их через свой сайт, беря себе определенный процент. К моменту, когда “Вместе” купила компанию, ее прибыль составляла 67 миллионов долларов в год. Через некоторое время после покупки “Эластики” Мэй Холланд приобрела сайт “Меньше, но Лучше” – еще один законодатель вкусов, призывающий положить конец быстротечности моды. Две команды были объединены в одну под названием “Ты Уверен?” (ТУ), которая очень быстро стала потребительской совестью “Вместе”.

Дилейни получала уведомления от ТУ последние года полтора. Их получали все, кого она знала. Она выбирала в интернет-магазине “Вместе” пару туфель – и тут же появлялся значок ТУ с пучком солнечных лучей и вопросом: “Ты уверена?” Покупателю предлагалось ознакомиться с лучшими вариантами товаров, которые неизменно были дороже, но зато качественнее, надежнее и наносили гораздо меньший вред экологии. Если покупатель соглашался на предложение ТУ, ему начислялись бонусы. Если он соглашался зарегистрироваться в клубе ТУ, ему гарантировались скидки. Многие начинали доверять ТУ во всем, а если покупатель в 90 % случаев поддерживал выбор ТУ, то общие

скидки становились такими, что разница между товарами ТУ и более дешевыми неодобренными вариантами практически исчезала.

– Готова? – спросила Джоан.

Дилейни сделала вид, что нервничает.

– Думаю, да.

Они подошли к строению, похожему одновременно на домик на дереве и яйцо Фаберже, поставленное на сваи. Первый этаж был на высоте 14 футов над землей. Под ним, на траве, валялась куча забракованных предметов – сумочки, перчатки, брюки, тостер, кресло. Все это выглядело так, словно вещи действительно выбросили из одного из треугольных окон купола.

– Наши тебе понравятся, – уверила Дилейни Джоан. – Правда, они могут сказать что-нибудь по поводу этого, – она провела рукой по одежде Дилейни, – но ты не обижайся, они иначе не могут.

Дилейни сегодня оделась особенно тщательно – в джинсы из вторично переработанного хлопка, которые купила на “Эластике”, винтажную рубашку и балетки. Джоан рассмотрела ее перед тем, как они вышли из модуля, и ничего не сказала. Теперь же Дилейни захотелось переодеться.

– Нам туда, – кивнула на яйцо Джоан.

Они поднялись по винтовой лестнице в офис открытого типа, гудевший, как пчелиный рой.

– Я тебе говорила! – воскликнул кто-то. Мимо них пронеслась облитая солнечным светом и запахом лилий женщина в брючном костюме из искусственного меха. Она улыбнулась Дилейни, показала на свой наушник и закатила глаза.

– Это Хелен, – пояснила Джоан. – Логистика поставок.

Дилейни посмотрела наверх и увидела свисающие с потолка слова, вырезанные лазером из фанеры: “Неограниченный Выбор Уничтожает Мир”. Другой лозунг из светящихся неоновых букв напоминал: “Твои Капризы = Их Страдания!” На потолочном окне серебром было выведено: “ПОМНИ О ПЯТИ П”.

– Это официальное представление! – громко объявила Джоан. – Новенькой нужно исчерпывающее знакомство со всеми вами и с тем, что мы делаем.

– Дилейни? Я Берит, – представилась одна из женщин, высоченная блондинка с огромной палкой в руке. – Они утверждают, что это трость. Нравится? – Она вытянула руку с палкой, с сомнением глядя на нее.

– По-моему, отличная штука, – одобрила Дилейни.

– Ты же наверняка шутишь. – Берит выбросила палку в окно.

– Познакомься, это Ро, – сказала Джоан.

Дилейни обернулась и увидела женщину в облегающем комбинезоне цвета слоновой кости. На ее плечах лежали блестящие черные косички, местами отливающие синим.

– Смотри, Джоан, они совсем как твои. – Она имела в виду джинсы Дилейни. – Не синтетические, правда ведь? Коллекция прошлой осени, да? Привет, Дилейни. Добро пожаловать. Можешь это понюхать?

Ро вытащила откуда-то маленький флакончик и брызнула из него на запястье Дилейни. Та понюхала и уловила тот же запах, что и на Хелен. Лилии.

– Приятно.

– Приятно, – с улыбкой кивнула Ро. – А это? – Она пшикнула в воздух из другого флакончика. – Из Каира.

Дилейни почувствовала легкий запах кардамона.

– Мне нравится.

Но Ро этого оказалось явно недостаточно. Флакончик вместе с мечтами каких-то египетских предпринимателей полетел в окно.

Дилейни насчитала в помещении еще двенадцать членов команды ТУ. Они называли себя “эластичными”, несмотря на то что большинство никогда не работали в “Эластике”. Ей представили всех по очереди, она с трудом запомнила четверых. Прити – лет тридцати, маленькая и фигуристая, с копной черных вьющихся волос. Саба – розовощекая и в веснушках, с ярко-зелеными глазами, тонкими губами и маленькими зубками.

Дилейни никогда не видела настолько эффектных и притягательных людей, какими оказались сотрудники ТУ – исключительно женщины. Каждая могла похвастаться яркой индивидуальностью, уникальным стилем и кажущимся безразличием к модным тенденциям. Носили они в основном лен и яркий хлопок, кое-где с вышивкой, часто конопляную ткань и, как ни странно, вельвет. Никакой кожи – ни натуральной, ни искусственной – и никакой синтетики.

– Пойдем, – сказала Саба и взяла Дилейни за руку.

В центре помещения стоял высокий круглый стол, на котором были навалены многочисленные предметы, от штанов и шляп до соковыжималок. На краю примостилась накренившаяся башня из белоснежных подушек. Ро взяла со стола солнцезащитные очки и протянула их Дилейни:

– Нравятся?

Очки показались Дилейни очень хлипкими и скучными, и она решила, что это вопрос с подвохом.

– Не очень, – честно сказала она.

– Черт, – с сожалением вздохнула Саба. – А ведь сделаны из

кукурузы, но выглядят совсем уж некузяво, да? Я и сама знаю, просто очень хочется, чтобы они мне нравились. Очки из кукурузы, это же должно быть клево?

– Ребята, нам нужно освободить этот стол! – сказала Хелен.

– Здесь только то, что прислали сегодня, – заметила Джоан. – И все уже прошло через команду первичного одобрения.

– У вас есть другие работники? – спросила Дилейни.

– Да, конечно, это не весь отдел. Сколько у нас отборщиков?

– Тысяча сто, – откликнулась Прити.

– Здесь только руководящее звено, – пояснила Джоан. – Я думала, ты знаешь. Вещи, попадающие сюда, уже прошли как минимум шесть этапов одобрения. Подождите, мы должны выслушать мнение Дилейни об эспадрильях. Хелен, покажи ей.

Хелен перевернула холщовую сумку, и на пол высыпалось с полдюжины пар веревочных сандалий. Дилейни заметила, что на большинстве плиток на полу что-то написано. “СПОНТАННОСТЬ УБИВАЕТ КОАЛ” – прочитала она.

– Нам сегодня необходимо выбрать эспадрильи, – сказала Хелен. – Мне нравятся те, что из Барселоны. Они до сих пор делают их вручную, но пока только по сотне в день. Нам нужно как-то масштабировать производство. Дил? Слушай, как тебя называть – Дил, Лейни или что ты предпочитаешь?

– Дил – нормально.

– Итак? – поторопила ее Джоан.

У Дилейни не было никакого мнения. Она никогда не носила эспадрильи.

– Десять-пятнадцать процентов выбросов парниковых газов на Земле приходится на долю легкой промышленности, – сообщила Джоан. – Это больше, чем все авиаперелеты и морские перевозки вместе взятые.

– Пожалуй, я возьму вот эти, – сказала Хелен и ушла с одной из пар сандалий.

Вот так просто здесь менялись судьбы людей: теперь компания-производитель этих сандалий станет прибыльной и популярной, а большинству ее конкурентов, скорее всего, придет конец.

– А хуже всего перепроизводство, – продолжала Джоан.

– Миллионы вещей так и не распродаются, – подхватила Ро. – А модные дома не желают делать скидки на непроданные товары, тем более отдавать их бесплатно.

– В “Гуччи” против того, чтобы бездомные носили их куртки и засирали их сумки, – сказала Берит.

Дилейни не переставала удивляться свободной и даже развязной манере общения сотрудников ТУ, больше нигде в

компании она не сталкивалась с таким. Но, как и обещала Джоан, “эластичные” как будто существовали в ином пространстве, не подвергаясь общим ограничениям. Она даже не видела здесь камер.

– Перепроизводство – это серьезная проблема, – сказала Джоан.

– Серьезная проблема – это традиционная модель продаж, – поправила Прити. – Все ее элементы – издевательство над окружающей средой. Сначала они строят эти жуткие торговые центры, потом забивают их товарами со всего мира с ужасными экологическими издержками, после чего в течение месяца выставляют эти товары, надеясь, что их купят. Половина не продается, и их приходится либо везти обратно, либо сжигать. Просто уму непостижимо!

– Ани штаралишь как могли. – Ро тестировала приспособление для отбеливания зубов. – Они старались как могли, – повторила она, вынимая штуковину изо рта. – Но теперь у нас есть определенность.

– Теперь можно поставлять только то, что было заказано, – пояснила Джоан. – Одна рубашка – один покупатель, никаких премудростей, никаких отходов. Поэтому розничная торговля должна умереть. Корень зла – это обычные магазины из кирпича и бетона, к которым все привыкли. Именно они создают отходы! Только в нашей стране на свалки ежегодно отправляется сто миллиардов тонн вещей. Уровень углекислого газа сейчас самый высокий за три миллиона лет!

– Следующий шаг – это контроль производства, – сказала Ро.

– Даже при модели прямых поставок компании все равно производят больше, чем могут продать, – заметила Прити.

– Традиционно они получают заказы от магазинов, – вступила в разговор еще одна женщина – кажется, Джемма. – Магазин в Бозмене может сказать: пришлите нам двенадцать таких рубашек. Тысяча других магазинов сделает то же самое, и производитель примерно поймет, сколько нужно изготовить.

– Но магазины все равно могут вернуть нераспроданные остатки, – возразила Джоан.

– Значит, задача состоит в том, чтобы точнее определять спрос, и тогда будет меньше отходов, – сказала Прити.

Дилейни ждала, пока кто-нибудь объявит, что “Вместе” находится в самой выгодной позиции, чтобы решить эти проблемы раз и навсегда. Вернулась Хелен.

– Очевидно, – заявила она, – что “Вместе” находится в самой выгодной позиции, чтобы решить эти проблемы.

Следующие полтора часа Дилейни водили по всему офису,

предлагали оценить то или это, пойти куда-нибудь с Берит, а потом вернуться и посмотреть презентацию, которую только что подготовила Прити или Ро. В одиннадцать половина сотрудников прервалась на перекус у высокого стола. Еду привезли на тележке трое мужчин в желтых комбинезонах. Тарелок, как обычно, не было. Пока Дилейни ела скон и салат из фенхеля, Берит разглядывала ее рубашку.

– Синтетическая, – наконец вынесла она вердикт. – Почему?

Дилейни была уже готова к такому вопросу.

– Она винтажная.

Отчего-то она решила, что пользоваться старыми вещами лучше всего – и уж точно лучше, чем делать новые. “Старое надежнее”, – учили ее в старших классах.

Берит взглянула на Джоан, словно прося разрешения. Джоан пожала плечами.

– Твоя рубашка сыплется, – сказала Берит. – Не потому что она старая, а потому что это неизбежно. С нее постоянно отлетают микроволокна. Когда ты ходишь, когда ты двигаешь руками. И особенно когда ты ее стираешь. И каждое из этих микроволокон в конечном итоге попадает в воду. Вот по этой причине люди пассивно потребляют такое количество пластика.

Дилейни не знала, что на это сказать.

– Короче говоря, – подытожила Берит, дергая себя за выбившуюся соломенную прядь, – все мы так или иначе пьем твою рубашку.

– Спасибо, – почему-то сказала Дилейни, и ей стало стыдно.

И в этот момент ей стало окончательно понятно, на чем держится деятельность ТУ. Покупая отобранные ими товары, человек получает возможность не быть соучастником в разрушении планеты, а значит – не испытывать стыда.

Скажите мне, что купить. Скажите мне, как не причинить вреда.

– Раньше мне, как и всем, нравился обычный шопинг, – поделилась еще одна женщина. Манса? Она выглядела очень молодо, буквально как школьница, – личико сердечком, четырехдюймовые пробковые каблуки. – Идешь в торговый центр и разглядываешь тысячу блузок, при этом понятия не имеешь, где их сделали, из чего и как там обращаются с рабочими.

– После того как мы одобряем товар, его продажи взлетают до небес. – Это кто, Джема? Дилейни окончательно запуталась в этих женщинах.

– Поэтому здесь и нет камер, – заметила Ро. – Раньше биржа могла наблюдать за нашими совещаниями, и там творилось бог знает что, какие-то американские горки. Так что пришлось

вмешаться Комиссии по ценным бумагам. И теперь мы невидимы. Очевидно, что наша деятельность помогает производителям. Стимулирует их к правильному корпоративному поведению. Сейчас они из кожи вон лезут, чтобы нам понравиться.

– Постепенно все больше компаний на рынке начинают копировать эти методы, – сказала предположительная Джема. – И когда они считают, что готовы, наших представителей приглашают для экспертизы. Если мы можем поддержать нового игрока, значит, в мире прибавилось добра.

– Но это работает только при достаточно большой потребительской базе, – подхватила Джоан. – И если покупатели переключаются с одного товара или марки на другие, эффект реально заметен. Так что мы придумали подписки. Это обязательство покупать только у тех компаний, которые мы одобрили. По сути, мы – добрые советчики, которые говорят: “Эй, ты что, правда хочешь купить своей любимой дочурке Сиене эту дешевую пластиковую игрушку? Она же сплошь из токсинов и неперерабатываемых полимеров и отправится на свалку к концу месяца!”

– Чтобы спасти планету, нужно отказаться от чрезмерного выбора, – кивнула Берит. – Обратила внимание на плакат наверху? То же самое, просто немного порезче.

– О боже, вы это видели? – вдруг вскрикнула Прити.

“Эластичные” собрались вокруг нее и начали обсуждать какое-то новое приложение под названием “Дружок”. Кузина Прити, живущая в Мумбаи, сказала, что приложение теперь повсюду. За неделю его скачали больше сорока миллионов индийских пользователей.

– Выведи на экран, – сказала Джоан. – Глупо толкаться вокруг телефона.

Дилейни посмотрела на большой экрна. На нем появилось женское лицо в рамке.

– Это моя кузина Урмила, – пояснила Прити.

Дилейни перестала дышать. Это же “АутенДруг”. Идея осталась прежней, но само приложение было разработано гораздо тщательнее и теперь называлось “Дружком”.

– Отвратительное название, – сказала Джоан. – Уже его ненавижу.

– Ты что! – воскликнула Прити. – Это же как детектор лжи. Оно сообщает тебе, откровенен ли с тобой человек, правду ли он говорит. “Дружок” чувствует любую нечестность. Видит все скрытое, умалчиваемое. Как это называется? Хитрость?

– Оно умеет чувствовать хитрость? Какой *мрак*, – заметила Джоан.

– А что там за большие цифры в углу? – спросила Хелен.

В правом верхнем углу экрана, выше лица Урмилы, пульсировало число 88.

– Это общее качество дружбы, – объяснила Прити. – Вы же знаете статистику. Здоровье и долголетие очень сильно зависят от наличия настоящих друзей, потому и слоган такой. – Она показала в левый верхний угол экрана, где строгим шрифтом было написано: “Кто твои *настоящие* друзья?”

– И все дело в качестве, а не в количестве, – продолжила Прити. – Нас всегда волновало, *сколько* у нас друзей, но на самом деле нужно было оценивать *качество* дружбы.

– Отвратно, – сказала Джоан.

– Это же прикольно, – растерялась Прити.

– Мерзко, а не прикольно, – отрезала Джоан.

Но она оказалась в меньшинстве. Прочие “эластичные” пытались придумать, кому бы позвонить, чтобы протестировать приложение. Берит решила, что ее бывшая однокурсница подойдет. Через несколько минут на главном мониторе появилась темноволосая женщина по имени Анита. Она находилась в Швеции, в Упсале.

– Анита, привет! – сказала Берит.

Она укрылась в укромном уголке офиса, чтобы Анита думала, будто она одна, хотя на самом деле все “эластичные” наблюдали за Анитой на большом экране.

– Как поживаешь? – спросила Берит.

– Хорошо! – ответила Анита, но экран показал, что она лжет.

– Точно все хорошо? – переспросила Берит.

– Да. А что такое? – удивилась Анита.

На экране пульсировали красные отметки – недостаток откровенности, защитная реакция. “Эластичные”, разойдясь в стороны, чтобы случайно не попасть в объектив камеры Берит, бесшумно радовались.

– Слушай, я всегда хотела спросить тебя, – продолжала Берит. – Когда мы были в колледже, ты как-то летом поехала на Стокгольмский архипелаг с друзьями. Помнишь?

– Естественно, – пожала плечами Анита. Она выглядела рассеянной и не слишком заинтересованной разговором. Она сидела за столиком во дворе.

– Мой тогдашний парень, Пер, тоже там был, – сказала Берит. – Помнишь Пера?

– Ну да, – неуверенно ответила Анита.

– Кажется, ты всегда питала к Перу слабость, так ведь? – спросила Берит.

– Я бы не назвала это слабостью. Берит, почему ты вообще

сейчас об этом заговорила? Это было восемь лет назад. Я не видела Пера с того самого лета. Где он сейчас? В Торонто?

– Просто у меня ощущение, что в тот раз между вами что-то произошло. Может, ты забыла, но я тогда не могла поехать, мой брат был при смерти.

– Да, знаю. Я всегда очень жалела, что ты не поехала с нами. – Голос Аниты дрожал, глаза наполнились слезами. – Но между нами ничего не было.

Загорелся зеленый огонек. Это была правда. “Эластичные” были впечатлены. Однако Берит продолжала давить:

– Просто скажи мне. Тебя же тянуло к нему, да?

– Ох, Берит, – вздохнула Анита. – Ты не собираешься домой? Может быть, тогда и поговорим? Мне все это как-то не нравится.

Общий показатель искренности Аниты едва перевалил за 20.

– Ладно, не бери в голову, – сказала Берит. – Я услышала все, что хотела. – И разорвала связь.

Она вернулась к группе “эластичных”, принимая их соболезнования и мрачно улыбаясь в ответ на проклятия в адрес Аниты и таких, как Анита.

– Вы были близкими подругами? – спросила Прити.

– С шести лет, – ответила Берит.

– Берит! – резко вмешалась Джоан. – Тебе что, тринадцать? Нельзя относиться к этому серьезно! Это просто идиотское приложение, которое придумали какие-то ботаны.

Берит рассмеялась.

– Да я знаю. Знаю, что это глупо. Но я позвоню ей как-нибудь еще, хочу все окончательно выяснить.

Ро попыталась ее утешить:

– Дай ей еще пару шансов, а потом подсчитай средний результат. – Глаза ее так и излучали великодушие. – Она это заслужила, заслужила интегрированную оценку.

***

В последующие дни популярность “Дружка” все росла и росла, а Дилейни ждала, когда же люди начнут сопротивляться. Но ничего не происходило. За неделю приложение завоевало всю Южную Азию и начало продвижение на восток и север. В Японии и Южной Корее оно стало самым скачиваемым за последние десять лет. Дилейни решила поговорить с Уэсом, узнать, что ему известно о запуске в Америке, но не успела этого сделать – приложение уже было везде. Без всяких объявлений и рекламы. Просто оно внезапно оказалось в каждом телефоне, и все только о нем и говорили. Друзья проверяли друзей, а когда закончились друзья, которые не в курсе, как оно работает, перешли на родственников. Миллиарды лживых слов, серьезных и не очень,

были сказаны и оценены, и человечество потонуло в океане разочарований и подозрений. Все оказалось гораздо хуже, чем Дилейни могла себе представить.

Но никто не обвинил “Вместе”. Компания до поры до времени успешно скрывала свою роль в разработке “Дружка”, желая сначала посмотреть, что будет, а уж потом принимать лавры. Некоторые организации по поддержке семьи выпустили предостережения, горстка психологов и прочих экспертов пытались объяснить, к каким проблемам может привести проверка друзей и родных на честность, но приложение уже стало привычным инструментом, совсем как термометр или рулетка. Потому что, как заявляли люди, мы имеем право знать, когда нам врут и кто нам истинный друг.

28
Прошедшее несовершенное

Для Дилейни все это было дико. Шли недели, но она продолжала пребывать в растерянности и оцепенении. Она, как лунатик, ходила на работу и постоянно слышала восхваления в адрес Холстейн, которая приписала себе все заслуги по созданию “Дружка”, хотя пару раз все же упомянула о ценном вкладе Уэса.

Как-то в субботу от Уэса прилетело сообщение: “Давай навестим мою маму. Встретимся в «Эль Торо»”.

Дилейни доехала на метро до Мишн-Дистрикт и, выходя на 16-й улице, увидела Уэса наверху эскалатора. То, как он явно не случайно перехватил ее по дороге, да еще и надел соломенную шляпу с широкими полями, свидетельствовало, что встреча с мамой была лишь предлогом. Он улыбнулся, мимоходом поздоровался и выдал ей такую же шляпу, только с маленькими якорьками. В этом районе покрытие камер было средним, но Дилейни понимала, почему Уэс предпринимает такие меры. Она молча пошла за ним и быстро догадалась, что они направляются в Трог-Таун.

Трог-Таун состоял всего из шестнадцати кварталов. Наверное, именно такими были города в прошлом, но на самом деле Дилейни было не с чем сравнивать – она переехала в Калифорнию лишь несколько лет назад. У шлагбаума, перегораживающего узкую аллею, их встретил пожилой трог в белом жилете. Дилейни и Уэс молча достали свои телефоны и отдали ему. Трог положил их в пакет и запер в шкафчике.

– Добро пожаловать, – сказал он, наконец улыбнувшись. – Я Джеки. Вам что-то подсказать? – Он протянул им плохо отпечатанную брошюрку с картой на задней обложке.

– Где почта? – спросил Уэс.

Джеки показал им, как пройти к единственному почтовому отделению в Трог-Тауне на перекрестке 16-й и Брайант.

Они шли по аллее, пока не выбрались на более открытое пространство, где в нос ударила тяжелая волна самых разнообразных запахов – смесь нагретого солнцем мусора и застарелой вони мочи, фекалий, специй, жареного мяса, человеческого пота, сигаретного дыма. Вокруг мельтешила пестрая толпа хиппи, анархистов и прочих отщепенцев и чудиков – а также тех, кто просто не мог себе позволить жить где-то еще. Половину домов превратили в коммуны, но люди ютились везде – в крытых двориках, гаражах, на чердаках. Здесь царили

скученность и хаос. Бродячая собака пробежала мимо них, обернулась, словно оценивая, не перепадет ли ей что-нибудь. Дилейни перешагнула через разложенные на тротуаре старые книжки в мягких обложках, расписанные вручную платки и какие-то картинки с блестками.

– Меняю на твою шляпу, – предложила сидящая у развала женщина.

– Сатэй! Сатэй! – кричал лысый мужчина, угрожающе размахивая куриными шашлычками. Тонкие деревянные шампуры были первыми острыми предметами, которые Дилейни видела за много месяцев.

– Прости за эти шпионские игры, – сказал Уэс. – Вот. – Он протянул ей письмо от Агарвал.

Дилейни сунула конверт в карман.

– Тебе надо завести ячейку на почте. Пусть твои письма приходят сюда. Не стоит получать их в Хижине.

Они проводили взглядом мужчину лет тридцати, который пронесся мимо на велосипеде, не держась за руль. На нем не было шлема, черные волосы развевались по ветру, и он казался самым свободным человеком в мире.

– За “Дружка” тоже прости, – сказал Уэс. – Я честно думал, что это будет последней каплей. Тот самый утес, с которого все полетит в бездну.

Уличный оркестр играл “Распсодию в стиле блюз” – играл хорошо, очень хорошо, и никто это не записывал. Дилейни ощутила приступ паники от мысли, что эту прекрасную музыку услышат только несколько десятков людей поблизости, что она не будет зафиксирована – и исчезнет навеки.

– Дил! – окликнул ее Уэс.

Она очнулась и догнала его.

– Может, получится переориентировать его на детей? – предположила Дилейни. – Это единственный способ заставить применить какие-то меры. Устроить так, чтобы дети могли проверять через это приложение своих родителей.

– Ты что, не понимаешь? Половина пользователей “Дружка” и так дети. В основном девочки. Родители только плечами пожимают, когда их детки накидываются друг на друга со все возрастающей яростью. Дилейни, это просто ужасно. А разводы? Точное количество выяснить невозможно, но их уже десятки тысяч. За несколько *недель*. В течение года это приложение станет основным инструментом при найме в большинстве компаний. Уже появились приложения, которые обещают повысить ваши показатели в “Дружке”. Психотерапевты уверяют, что могут научить изображать искренность. Один пластический хирург из

Далласа заявил, что может исправить соответствующим образом ваше лицо. Он называет процедуру “ремоделированием мимики”.

Посреди тротуара стояла лестница. Забравшийся на верхнюю ступеньку мужчина в дутой куртке изучал карниз старого склада. Что-то привлекло его внимание, он достал какой-то инструмент с выдвижной ручкой и стал тыкать им вверх. На тротуар упала крошечная камера. Он слез с лестницы, раздавил камеру ботинком и подобрал осколки.

– Хочешь сувенир? – спросил он, протягивая один осколок Дилейни.

Она отказалась, и они двинулись дальше, мимо склада, переоборудованного под квартиры. Из прорезанных в стенах окон слышалась гулкая партия бас-гитары. Откуда-то сверху – возможно, с чердака – доносились пронзительные голоса ссорящихся любовников. Навстречу прошел человек на ходулях, дымя косяком и кашляя. Из переулка внезапно появилась парочка, явно под кайфом, им вслед отчаянно лаял лабрадор. Вдалеке кто-то запускал фейерверки. Но во всем шуме Трог-Тауна отсутствовал один звук – по крайней мере, пока они его не слышали. Здесь совершенно не было детских голосов. Закон запрещал детям жить в “пещерах”. Предполагалось, что дети здесь есть, что в Трог-Тауне их, возможно, сотни, но сегодня их было не видно и не слышно.

– А если так? – сказала Дилейни. – Пусть “Дружок” научится читать сообщения твоих друзей и искать все упоминания о тебе. Это будет настолько…

– Уже есть, – перебил ее Уэс. – Ты должна понять, над этим работают лучшие умы. А ИИ обучается и перенастраивается каждый час. Он собирает всю возможную информацию, из всех источников. Язык тела на видео и фото. Он видит то, что ты сама никак не контролируешь. Это не старинный полиграф, его невозможно научиться обманывать. Он улавливает такие мельчайшие изменения в твоем лице, которые нельзя сознательно подавить. А еще появилась новая характеристика – “Дружок” теперь измеряет не просто правду, а *степень* правдивости. Ты что-то говоришь, а приложение дает твоим словам численную оценку по шкале искренности.

– Что говорит Холстейн?

– Она счастлива. В компании давно не появлялось таких прибыльных идей.

– А как же “Стöй + Смöтри”? “БуДöм”? – спросила Дилейни.

– Они не приносят денег, не то что “Дружок”. Ты не представляешь, сколько они нашли способов монетизации. Бригада 40 из кожи вон лезет, разве что еще не вынула мозг

Холстейн для изучения. Я тебе говорил, что они даже меня приглашают на некоторые совещания?

– В Бригаду 40? – поразилась Дилейни.

– Ну, я, конечно, еще не член. Пока. Но это интересно.

– Интересно?!

Это было все равно как если бы Уэса позвали на встречу Совбеза ООН, а он вел себя так, словно сосед пригласил его сыграть в футбольный симулятор.

– Они там все какие-то уж очень заумные. Постоянно трындят о прибылях и тут же о добродетели. Наверное, это все от Мэй пошло. У них в головах деньги, добро и прозрачность неразрывно связаны. Поэтому "Дружок" – это высшее достижение, поскольку обнажает последние скрытые мысли, мотивы, частные мнения. Программа видит все. Если ты говоришь, что любишь что-то, а на самом деле нет, тебя призовут к ответу. Тут же. И оппонент не сможет ничего возразить. Да и что он может сказать? Что имеет право на ложь? На предательство? На двуличие?

Дилейни смотрела на него с ужасом.

– Я думала, это будет просто какая-то глупая игрушка. Как те приложения, в которых подростки рисуют друг другу смешные носы.

– Нет, "Дружок" – это очередной этап очищения. Руководство просто повернуто на очищении. Мол, совершенствование нашего вида возможно только путем избавления от слабостей и отклонений. А те, кто не может приспособиться, пусть становятся жертвами естественного отбора. Все, кто чересчур дерзок или неосмотрителен, отбраковываются, и человеческий вид становится все более покорным. Сюда!

Уэс втянул Дилейни в проулок, и они спрятались за мусорным баком. Мимо проехал полицейский робот-наблюдатель. Даже наиболее воинствующие троги не могли бороться с тем, что полиция посылала в их кварталы эти машины, которые снимали лица и записывали голоса. Робот остановился напротив проулка, блокируя выход. Дилейни зажала Уэсу рот. Камера на крыше повертелась туда-сюда, но в конце концов робот поехал дальше.

– О правительственных контрактах даже думать не хочу, – снова заговорил Уэс. – Но только представь, как это может использовать полиция, армия. А дипломатические переговоры? Как их представить без скрытых мотивов, без утаиваний?

Из окна за баком свисал рукописный плакат: "БУДЬ ВМЕСТЕ С НАМИ, ХВАТИТ СОВМЕСТНОСТИ". Дилейни прищурилась, пытаясь разглядеть что-нибудь сквозь стекло, и различила силуэт девочки – лет пяти, не старше. Но тут появился другой силуэт и уволок девочку куда-то внутрь.

– Да, кстати. Я говорил тебе о моей теории насчет Стентона? Вообще-то она уже подтвердилась, но никто даже не заикается об этом. Он ушел в “Хуавей”, чтобы их уничтожить. Убедил делать более легкие и дешевые телефоны. Их перестали покупать, курс акций рухнул, и телефоны “Вместе” стали доминировать на рынке. Тогда он вернулся в компанию. Очень удобно. Это был настолько дьявольский план, что я почти зауважал его. Пошли.

Они выбрались из проулка и вновь влились в толпу. Им пришлось увернуться от внушительной дамы верхом на не менее внушительном коне, который испугался людей, забавы ради стреляющих с крыши по дронам. Еще две дамы средних лет пронеслись мимо на роликах в направлении стихийного рынка-развала – в каждом троговском районе был такой, – где продавалась всякая запрещенка: сигары, кожаные туфли, арахис, куклы Барби, сушеное бизонье мясо, бюсты Линкольна и Черчилля, презервативы из овечьей кожи. На входе тощий человек в красном атласном жилете продавал надувные шарики. Дилейни едва не купила один в виде панды – она не видела настоящих надувных шариков с тех пор, как ей было двенадцать.

Они остановились у прилавка с последними оставшимися в мире газетами. Одно издание из Австрии, три из Германии. Журнал кубинской диаспоры в США. И конечно, целая витрина, посвященная Либерии – последнему государству трогов. Их пресса процветала, причем печаталась на английском. Один из крупных заголовков гласил: “Новый генеральный директор ВТО задумывается о масштабных антимонопольных мерах”.

Женщина за сорок в винтажном фартуке с большими карманами для мелочи внимательно осмотрела их и заключила:

– Вы все равно не сможете пронести это в ваш кампус. – И погнала их прочь движением руки, как будто смахивала пыль с каминной полки: – Посмотрели – и проходите дальше.

Дилейни с Уэсом смущенно поспешили прочь, мимо чучела Мэй Холланд, свисавшего с электрических проводов. Через несколько шагов, прямо посередине прохода, был водружен реактивный снаряд времен холодной войны, обезвреженный, но все равно жутковатый. Он был направлен в сторону Трежер-Айленда. Кто-то написал на корпусе: “Думаем о тебе”.

– Мне надо присесть. – Дилейни плюхнулась на бордюр. – Как эта женщина поняла, что мы из “Вместе”?

Уэс пожал плечами.

– Я давно тут не был. Люди стали злее.

Мимо них прошел пожилой мужчина с бумбоксом на плече, и громкий рэп, казалось, пронзал насквозь то, что осталось от его мозга.

– Видела, они выпустили твой оценщик красоты? – спросил Уэс.

– Видела, – сказала Дилейни.

Идея, которую Дилейни когда-то подкинула Алессандро, действительно превратилась в приложение под названием “Эрмоса[26]”. Пользователям предлагалось загружать картины, фото, букеты и прочее, и самообучающийся алгоритм оценивал их по шкале от 0 до 1000, учитывая композицию, симметрию, гармонию цветов и еще несколько сотен характеристик.

– Слышала про студентов-художников?

Она слышала. Все больше и больше студентов и выпускников художественных училищ и академий требовали, чтобы профессора пользовались приложением “Эрмоса” при выставлении оценок. “Требуем честности и объективности в красоте!” – призывал быстро распространившийся лозунг. Люди – это клубки противоречий, настаивали студенты, они не могут определять, что красиво, а что нет.

– Помнишь то британское шоу талантов? Там участников тоже теперь оценивает алгоритм “Эрмосы”.

– Никто не хочет, чтобы его судили люди, – сказала Дилейни. – Это слишком болезненно.

В бейсболе судей упразднили уже много лет назад, решив, что компьютеру проще отмечать страйки и болы. Потом последовали дайвинг, гимнастика, фигурное катание. Никто не протестовал. Субъективности не было места в спорте.

– Может пойдем? – спросил Уэс.

Дилейни встала, и они направились к выходу с рынка.

– Как поживает Пиа? – спросила Дилейни.

Они прошли мимо столика с шубами из искусственного меха, пакетами на застежке, влажными салфетками и яйцами.

Уэс скривился.

– Так ты знаешь.

– Что знаю?

– Ну ты ведь спросила про нее после того, как всплыла тема “Эрмосы”, которая оценивает красоту.

– Боже. Да никакой связи.

Уэс посмотрел на Дилейни с подозрением. Он никогда раньше не смотрел на нее так, будто оценивал ее правдивость. Ей стало не по себе. Удовлетворенный, он продолжал:

– Ты же наверняка знаешь, что они тестируют версию “Эрмосы” для оценки человеческой красоты. Называется “Лицом к свету”.

– Впервые слышу…

– Ничего, скоро узнаешь. Это та же технология, те же

принципы, та же шкала. И рейтинг Пиа оказался совсем не таким, как она ожидала. Нечего ухмыляться. Она никогда тебе не нравилась, но она просто раздавлена.

– Мне очень жаль, правда. И я не ухмыляюсь.

Дилейни взяла Уэса за руку. Он уставился на ее пальцы, как на клубок змей. Она выпустила его ладонь.

– Не я создала приложение. Я просто подкинула идею одному парню.

– Знаю. Алессандро. Я уже неплохо с ним знаком. Сначала он сказал, что приложение не предназначено для того, чтобы оценивать красоту реальных людей, а через неделю запустил "Лицом к свету". – Уэс посмотрел в белесое небо. – У Пиа 628.

Дилейни отчаянно хотела вернуть своего друга, того Уэса, прежнего Уэса. Тогда они бы вместе посмеялись над всей этой фигней.

– Уэс, ну ты что. Вы с Пиа не можете относиться к этому серьезно. Это же полная ерунда.

– Как она может не относиться серьезно?! – воскликнул он. – Приложение вполне надежно. Алессандро вписал туда все стандарты красоты, все микропараметры симметрии и пропорций. А Пиа купила премиум-версию, где каждое отклонение от идеала подробно объясняется. Большую часть отклонений в себе она не может изменить. Ты знала, что ее глаза слегка асимметричны? И слишком близко посажены? Что приложение говорит, будто ее груди конической формы и недостаточно упругие?

– Уэс. Ты вообще себя слышишь? Как ты можешь воспринимать такое всерьез?

– А как ты можешь не воспринимать? Это все равно что не верить в науку. Я инженер. Это наука.

– Но это *не* наука! – воскликнула Дилейни. – Никакой науки тут нет! Да блин, Уэс, красота – это самая субъективная вещь на свете!

Уэс остановился у прилавка с кассетными плеерами и виниловыми проигрывателями. "Никакой х**ни с подключением через вайфай", – гласила надпись сверху. За восьмидорожечный плеер просили две тысячи, за CD-плеер – вдвое больше. Рядом с ними в плексигласовом контейнере стояла коробка с пончиками "Криспи Крим". "Скорее всего, еще съедобны", – было написано на наклейке. Пончики отдавали за 180 долларов.

– Как бы то ни было, – сказал Уэс, – когда эти цифры уже у тебя в голове, их не сотрешь. Твой показатель я тоже посмотрел. По фото.

– Не говори мне.

– 722.

– Блин, Уэс, что с тобой происходит? – Дилейни знала, что теперь и она не сможет забыть эти цифры. – Зачем ты мне сказал?

– Ты же говоришь, это все ерунда, так какая тебе разница?

Мысли Дилейни двигались по замкнутому кругу. Она обрадовалась, что ее показатель выше, чем у Пиа, но тут же устыдилась этого.

– Пиа уже собралась делать операцию, – сказал Уэс. – Проще всего исправить слишком широкий нос. Хирург гарантирует, что показатель тогда будет выше 700.

Они остановились у последней палатки, под вывеской “ТОЛЬКО СОЛОМИНКИ”. Здесь действительно были только соломинки – большинство пластиковые, некоторые явно из прошлого века, варианты для экономных и для транжир.

Дилейни взяла Уэса за локоть:

– Уэс, вы оба сошли с ума. Ты говорил ей, что она красивая?

– Говорил! Говорю! Постоянно! Ты же знаешь. Но это только мои слова. А “Лицом к свету” – это общее мнение. Оно точное и объективное. Она не будет счастлива, пока ее показатель не перевалит за 800. Как минимум. А это долгий путь.

Дилейни понимала, что миллионы, десятки миллионов людей скоро захотят сделать то же самое, что и Пиа, – исправить свою внешность. Как это остановить? Или лучше все бросить, уйти, сбежать из этого города, из всех городов, спрятаться в горах, никогда больше не выходить в интернет? Она посмотрела в глаза Уэсу и впервые в жизни увидела в них страх.

– Как там мама? – сменила она тему.

– Нормально. Ее подруга Гвен выходит на пенсию. Ее вынудили. В бухгалтерском деле почти не осталось трогов. Гвен всерьез подумывает переехать в Либерию.

Либерия, как последнее государство трогов, предоставляло налоговые льготы квалифицированным работникам, желающим получить политическое убежище.

– А Ураган?

– Пока держится. Целыми днями смотрит на улицу. Облюбовал себе местечко на крыльце, греется на солнышке и глазеет. Не знаю, смирился ли он, или просто ждет смерти, или еще что.

– Мне очень жаль, что ты не смог оставить его в кампусе.

– Я тебя не виню, – сказал Уэс, подразумевая, что он *больше* ее не винит. – Ураган наверняка рад, что ему не приходится смотреть, как ты завязываешь шнурки. Представляешь, какое облегчение.

***

Они договорились встретиться в следующий раз через месяц,

на том же самом месте. Когда они были уже недалеко от почты, Уэс перешел на другую сторону улицы. Он не хотел испытывать судьбу – государственное предприятие оставалось государственным предприятием, и вероятность распознавания была высока. Они помахали друг другу на прощанье, Дилейни надвинула шляпу пониже и вошла внутрь.

Еще от дверей она заметила камеры – федеральное учреждение не могло обойтись без них. Но они были бесполезны – смотрели в потолок или в темные углы. Их не отключили, но обезвредили. Дилейни встала в очередь за пожилой женщиной, которая писала адрес на посылке. За пуленепробиваемым на вид стеклом расположился молодой бородатый служащий.

Угрозы Американской почтовой службе нарастали год от года, при поддержке самой Мэй Холланд. Она давно объявила открытую войну бумажным письмам во имя безопасности и защиты человеческого достоинства. “Это последнее прибежище террористов и белых шовинистов!” – заявляла она. С момента своего основания “Вместе” старалась без особой необходимости не выступать против ультраправых, однако в этом случае Мэй использовала их как повод ужесточить контроль. Цифровые медиа можно просканировать и найти призывы к ненависти и насилию, отмечала она. Но бумажные носители по сути своей непрозрачны, поэтому являются идеальными сосудами для их распространения. Доказательств того, что террористы используют Американскую почтовую службу, так и не нашли, но приманку заглотило достаточно людей, чтобы она стала мишенью для выпадов разнообразных чудаков и борцов с терроризмом.

Когда Мэй призвала запретить почтовые отделения, то получила всеобщую поддержку. Почтовая служба терпела убытки, клиентов у нее оставалось все меньше. Но когда историки припомнили слова отцов-основателей, неоднократно упоминавших, что федеральная почта – это обязательная составляющая здорового демократического общества, Мэй без раздумий дала задний ход и сосредоточилась на более достижимой цели – проверке всей бумажной корреспонденции. “Вместе” предложила новую бумагу и конверты – чем-то похожие на те, что использовала европейская авиапочта, – которые можно было прямо во время сортировки подвергнуть сканированию. Компания даже была готова оплатить все необходимое для этого программное обеспечение, технику и облачное хранилище.

– Ни один человек не будет читать ваши письма! – уверяла общественность Мэй. – Только если машина обнаружит определенные ключевые слова, письмо будет отправлено на второй уровень проверки, где за него возьмутся люди.

Программу запустили в Канзасе при поддержке губернатора Помпео. Результаты пробного запуска были неоднозначны. Из примерно 320 миллионов текстов писем, обработанных в Канзасе за первые восемь месяцев, целых 12 миллионов требовали проверки людьми. Конечно, делать это было некому. Один из советников Помпео предложил для этих целей отправлять письма за рубеж; нашелся малайский подрядчик, который утверждал, что его работники могут читать и оценивать 500 000 писем в неделю. Однако власти все же решили, что пересылать американскую почту в Малайзию слишком сложно и, возможно, даже неэтично.

– Это радостный день для внутренних экстремистов, – сказал Помпео, когда стало известно об отмене программы. – И очень печальный день для безопасности нашей республики.

Неудача, как говорят, засела шилом в боку Мэй Холланд.

Дилейни арендовала почтовую ячейку и получила маленький серебряный ключик. Прежде чем уйти, она решила проверить замок. Дверца отворилась с радостным скрипом, внутри обнаружился листок розовой бумаги. Это явно была рассылка – кто-то не пожалел денег, чтобы положить копии в каждый ящик.

> ТЫ СОУЧАСТНИК! ТЫ ПРЕСТУПНИК. ЧТО ТЫ СКРЫВАЕШЬ? КАКИЕ МЕРЗОСТИ РАССЫЛАЕШЬ ЧЕРЕЗ ЭТУ АДСКУЮ СЛУЖБУ?

И далее в том же духе, с многочисленными отсылками к Библии. Подписи не было. Дилейни скомкала бумажку и сунула в задний карман.

Когда она уже закрывала ячейку, работник почты опустил в щель еще одну предоплаченную листовку. Строгий шрифт, никакой вакханалии заглавных букв.

> *Дорогие друзья Американской почтовой службы! Если я выиграю, я буду бороться за сохранение этого главнейшего столпа демократии. Мы имеем все права на конфиденциальность нашей переписки, цифровой или аналоговой…*

Дилейни перевернула листок.

> *Тома Голету в президенты.*

29
Устранение угрозы

Том Голета был популярен у “эластичных”. Он планировал посетить “Вместе” и по мере приближения этого дня выступал все чаще, а его речи становились все более яростными. “Эластичные” вместе смотрели его выступления, а после бурно обсуждали каждое его новое предложение.

Ему особенно удавались короткие заявления, ясные и иногда даже лирические, которые он обычно произносил, стоя перед камерой в рубашке с коротким рукавом, озабоченно наморщив лоб.

– Монополия, – сказал он однажды, – это такое же антиамериканское явление, как коммунизм, как госизмена, как массовые аресты. Все это – посягательство на наши свободы. Монополии уничтожают малый бизнес. Они безжалостно и крайне эффективно убивают семейные магазины.

Дилейни вспомнила магазинчик своих родителей. Там ей позволяли лазить и бегать повсюду. Она помнила запах свежего разливного молока в кладовке, солнечное сияние сладких перцев и мандаринов. Помнила, как вскарабкивалась на мешки с кофе в подвале, помнила, как родители поручили ей раздавать конфетки детям. Все в магазине было криво и косо, ценники выцвели, прибыль – сплошные слезы. Но и родители, и покупатели любили это безалаберное, однако такое уютное место. И все было хорошо, пока не появилась “Народная Еда”.

– Если мы согласны с тем, что Соединенные Штаты – это государство, построенное на свободном предпринимательстве, – продолжал Голета, – то мы должны согласиться и с тем, что монополии – это враг свободного предпринимательства.

Камера отъехала назад, и стало видно, что Голета стоит на Мэйн-стрит, когда-то очаровательной, а теперь превратившейся в кладбище заколоченных витрин.

– “М” убила главную улицу в этом городе, как и в тысячах других. Но почему? Потому что мы позволили монополии вырасти, как сорняк, и уничтожить все остальные виды.

Камера вновь приблизилась.

– Монополия – это диктатура в деловом костюме. А “м” – это монополия. Я – Том Голета, и я выступаю за малый бизнес. За свободное предпринимательство. За свободу. Голосуйте за меня!

– Я не понимаю, – сказала Джоан. – Я думала, он демократ. С каких пор демократы осуждают коммунистов?

– Мне кажется, говорит он блестяще, – сказала Ро.

Дилейни была согласна с ней. Каким-то образом Голете удалось сделать своим знаменем свободное предпринимательство, которое раньше отстаивали преимущественно консерваторы.

– Кому есть дело до монополий, когда планета гибнет? – спросила Берит. – Аргумент из прошлых веков. Именно ничем не сдерживаемый капитализм положит конец нашему виду. Разве это не очевидно?

– Но все это так бессмысленно, – сказала Джоан.

– Что именно? – не поняла Джемма.

– Все эти выборные кампании. Они тратят сотни миллиардов долларов, а результат уже все равно предопределен партийной принадлежностью.

– Джоан хочет, чтобы ТУ занялось политикой, – объяснила Берит, повернувшись к Дилейни. – Ты отмечаешь, в какой ты партии, и должен всегда голосовать в соответствии с этим. Если отклоняешься от курса, получаешь “Ты Уверен?”.

– Или тебе звонят из “СооПреда”, – добавила Ро.

– А что не так? – спросила Берит. – Политическая принадлежность – уже часть твоего профиля предпочтений. Почему бы не разработать что-то вроде автоплатежа?

– Автоголосование, – подсказала Дилейни.

– Именно. Так демократия станет гораздо разумнее, – одобрила Берит.

– Ты автоматически голосуешь в соответствии с курсом твоей партии, как бы он ни колебался, – сказала Джоан. – Побеждает тот, у кого больше избирателей. И ты всегда знаешь, что происходит. Никаких неожиданностей.

– А как же неопределившиеся? – спросила Ро. – Независимые?

– Усыпить их всех, – рассмеялась Джоан. – Но серьезно, весь этот хаос, хрень полнейшая, только мешает государству. Два года на каждую президентскую кампанию. С ума сойти.

– Когда Голета приезжает? – спросила Берит.

– В пятницу, – ответила Джоан. – Я добыла нам хорошие места.

Кому первому пришло в голову организовать этот визит, осталось неизвестным. Голета объявил, что посетит кампус, и его штаб представил это так, что он сам попросил, скорее даже потребовал, а “м” не смогла ему отказать. Но потом появилась другая версия, согласно которой именно компания проявила инициативу, стремясь подружиться с Голетой, чтобы потом склонить его на свою сторону, соблазнить или подкупить (в совершенно законной форме пожертвования), как она уже

проделывала это ранее с тысячами избранных и неизбранных лидеров – с неизменно положительным результатом.

В любом случае Дилейни была озадачена. Голета был умен и опасен, и она сомневалась, что он собирается приехать в кампус без плана. У него наверняка заготовлена зажигательная речь в стиле “Разрушим эту стену!”, соответствующая главному посылу его кампании – крестовый поход против монополий, всемогущества алгоритмов и всего, что ассоциировалось с компанией. Однако “Вместе” вряд ли допустила бы на своей территории революционные призывы. Она прекрасно умела устранять риски, особенно в кампусе, и приглашать в свой дом мятежника было странно.

***

– Я хочу во всем этом разобраться, – сказала Берит.

Они наблюдали из башни ТУ, как он вышел из автобуса на солнечных батареях, ненадолго задержался перед воротами, а затем его пропустили внутрь. Согласно распорядку вначале Голете предстояла обзорная экскурсия по кампусу, с трансляцией в прямом эфире, но без допуска посторонних медиа, а в полдень он должен был произнести речь на лужайке, куда были приглашены все сотрудники, а также избранные представители местных властей. Утром на изумрудной траве расставили несколько сотен белых стульев и возвели сцену. Издали все выглядело невинно, как подготовка к свадьбе в маленьком городке.

– Это избирательная кампания. Что тут непонятного? – удивилась Ро.

Она пробовала какой-то напиток из бурых водорослей. Сделав глоток, скривилась и отставила чашку.

– Я не могу понять, зачем это компании, – сказала Берит. – Мы никогда не приглашали кандидатов. По-моему, ничего хорошего в этом нет. Мы даем деньги всем, играем за всех. Так почему пригласили именно его?

– А Мэй ничего не говорила по этому поводу? – поинтересовалась Хелен.

– Ничего, кроме “оно-началось-оставайтесь-вместе”, – сказала Джоан. – Но до речи еще полтора часа. Давайте пока успеем хоть что-нибудь сделать.

Половину этого времени они действительно работали. Потом начались звуковые сигналы.

– Господи боже! – вздохнула Хелен.

Дилейни взглянула на часы. Чуть больше 11:30, и она уже получила не одну дюжину звуковых и всплывающих уведомлений. Она подбежала к окну и успела увидеть, как уезжает автобус

Голеты.

– Не понимаю… – сказала Ро.

В течение следующего часа благодаря сотням видеороликов и рассказов очевидцев им удалось восстановить общую картину. Голета приехал в 10:44, опоздав на 24 минуты, – уже важный факт, учитывая принятую в кампусе пунктуальность. После приветствий со стороны менее известных членов Бригады 40 Голета со своей свитой был препровожден в новый органический огород. Трое огородников – двое мужчин и женщина – стали показывать ему растения. Голета ненадолго остановился у питахайи, потрогал ее листья и отпустил одобрительные и безобидные замечания. Всего – включая операторов с камерами, “совместных” и сопровождающих лиц Голеты – там было человек шестнадцать. Но все заметили, что Голета выглядит каким-то рассеянным.

Экскурсия продолжалась. Делегация обошла вокруг бассейна с дождевой водой и направились в Храм Благополучия, где, среди стекла, листьев папоротника и потолочной мозаики, изображавшей сельскую идиллию, и суждено было умереть политическим чаяниям Голеты.

Восемь минут, которые Голета провел в спортзале, в окружении 47 мужчин и женщин в стандартных облегающих одеждах “Вместе”, обернулись настоящей драмой.

– Бедный парень, – покачала головой Берит, глядя на видеозапись – У него глаза разбегаются, как тараканы.

Голета не мог оторвать взгляда от изгибов тел, блестящих выпуклостей. Отслеживающая движения глаз программа позже насчитала, что глаза Голеты 112 раз остановились на разных частях анатомии и только 17 раз – на лицах обладателей этой анатомии.

Дилейни было его искренне жаль. Человек никогда не сталкивался ни с чем, даже отдаленно напоминающим этот праздник плоти. Похоже, он не посещал современные спортзалы и не бывал на французских дискотеках или испанских пляжах. Голета был моногамным домоседом со Среднего Запада и не ожидал, что окажется в центре вакханалии. Он заикался. Он потел. Он кашлял, он задирал голову к потолку со сценами из сельской жизни, но ничего не мог с собой поделать – взгляд снова и снова притягивался к окружающим его со всех сторон телам.

– Сил больше нет на это смотреть, – сказала Ро, не отрываясь от экрана.

– Который час? – спросил Голета на видео.

Было ясно, что он хочет уйти из спортзала. Но на часах было только 11:15. Он пробыл в кампусе всего лишь двадцать минут, а

речь была назначена на полдень.

– Может быть, посмотрим что-нибудь еще? – выдавил Голета и торопливо направился к выходу.

Но выход из зала вел на волейбольную площадку, где десять мужчин и женщин, одежды на которых было еще меньше, чем на тех, кто был внутри, перебрасывали друг другу мяч. Его экскурсоводы остановились якобы для того, чтобы поговорить о переработанном пластике, который заменял на площадке песок. Голета кивал, глядя на крошечные кусочки бывших бутылок, стаканчиков и тарелок, но было ясно, что дается ему это с трудом.

– Вот бедолага, – сказала Берит. – Для него это слишком.

– Конечно, нехорошо так пялиться, – сказала Прити. – Но мне больше не хочется выходить наружу, под камеры. Получается, если ты смотришь на кого-то, все записывается?

– Надо сказать, что все это выглядит как подстава, – заметила Джоан. – Такое ощущение, что к этому приложил руку Габриэль Чу.

– Думаешь? – спросила Ро.

Вскоре стало ясно, что до Голеты дошло: он пропал. Он догадался, что происходит, он знал, что все это навсегда останется в Сети, и понимал, что это означает для него.

“Совместные” продолжали как ни в чем не бывало общаться с Голетой, приветствовать, прижимая к груди ладони, но он не смотрел на них. Кое-кто, покрутившись рядом, уже отошел в сторонку и явно рассылал сообщения, видео и фото. Благодаря отслеживанию движений глаз было очевидно, что Голета, кандидат в президенты, только что разглядывал их ягодицы и груди, животы и промежности. А вскоре уже посыпались ролики с подсчетом, куда и как долго смотрел кандидат в президенты. Эффект был катастрофическим.

В 11:38 кто-то из сопровождающих шепнул несколько слов Голете – и этот шепот легко уловили микрофоны “ВидДали”:

– Уходим. В автобусе решим, что дальше.

И Голета ретировался.

В тот день он не произнес свою речь и больше вообще никогда не упоминал о “Вместе”. Он даже не стал встречаться с Мэй. В последующие дни его рейтинги рухнули, поток пожертвований иссяк. Ролики о его визите в кампус были просмотрены сотни миллионов раз, и через три недели Голета выбыл из президентской гонки.

***

Дебаты об этичности отслеживания движений глаз начались в тот же день и первое время были очень жаркими. Однако

достаточно быстро выяснилось, что попытки сдержать наступление программ ОДГ обречены на провал. Все развивалось по обычному сценарию: нововведения были приняты с восторгом, первопроходцы изучали возможности программы, получая как совершенно безобидные (кого из родителей предпочитает младенец?), так и жутковатые (кого из родителей предпочитает подросток?) результаты. Потом подключились наименее разборчивые предприниматели, появилась масса новых приложений и сопутствующих продуктов; наиболее популярными стали те, что были разработаны по следам инцидента с Голетой, – они позволяли любому человеку, имеющему при себе камеру, определять, куда направлены взгляды окружающих.

Мэй Холланд обозначила свою позицию в официальном заявлении, которые она делала крайне редко. Съемка велась в ее стеклянном офисе. На Мэй был белоснежный комбинезон, кое-где тронутый сиреневыми мазками; она не мигая смотрела в камеру.

– ОДГ – это движение от тьмы к свету. Оно позволяет нам знать правду. То, что было скрыто, теперь станет известно всем. То, что вызывало сомнения, теперь будет очевидно. И чем больше мы знаем друг о друге, чем больше наше поведение становится видимым, тем лучше мы становимся. Тех, кто заглядывался на окружающих, приструнят. Тем, кто вожделел, станет стыдно. Мы уже ловим педофилов и потенциальных грабителей, предотвращаем нападения, а скоро сможем остановить терроризм. Глаза – это зеркало души, и они не лгут.

Она отключилась, до последней секунды так и не отведя глаз от камеры. По всей видимости, у нее самой не было проблем с отслеживанием, в отличие от миллиардов других людей.

А вскоре выяснилось, что поскольку сканы сетчатки половины населения Земли уже хранятся в базах, вычислить их владельцев можно за считаные секунды. Если мужчина пялился на женщину на собачьей площадке в Нью-Джерси, по его глазам тут же определялось имя, и его родные, работодатели и вся общественность получали уведомления о его недостойном поведении. Последовала новая волна самоубийств, так как некоторые люди, преимущественно мужчины, не могли снести позора. За первую неделю только в Токио покончили с жизнью 107 человек – тридцать один из них бросился под поезд прямо на месте преступления. Десятки тысяч последовали за ними в других уголках Земли, а несколько сотен, получивших прозвище Эдип, выбрали полумеру – выкололи себе глаза.

Нарушителей называли по-разному, но к самому проступку сразу приклеилось название “гластыд”. “Вместе” поначалу пыталась продвинуть термин “зрительное оскорбление”, но

“гластыд” прижился мгновенно. Конечно, строго говоря, это не было преступлением как таковым; не существовало законов, запрещавших человеку смотреть туда, куда смотреть не следовало. Но стыд был универсальной валютой и рычагом воздействия в Сети. По мере того как технологии ОДГ захватывали мир, то там то тут раздавались призывы запретить их, но сделать это удалось только трогам в своих кварталах. Во всем остальном мире все происходило так же, как и с другими инновациями двадцать первого века – быстро, стихийно и потому неостановимо.

30
На одре болезни [27]

Так появилась новая причина не выходить на улицу. Несколько миллиардов людей, не доверяя своим блуждающим глазам, заперлись в четырех стенах. Они уже и так привыкли сидеть дома – пандемии послужили хорошей практикой в изоляции. После фиаско Голеты быстро изобрели солнцезащитные очки, препятствующие отслеживанию и спасающие людей от гластыда, но технологии ОДГ не отставали и вскоре тоже были усовершенствованы так, чтобы видеть через любые линзы. Все больше людей выбирали удаленную работу, не желая быть видимыми – вдруг они посмотрят куда-то не туда. Их стали звать изолянтами. Алессандро перешел в изолянты, Дэн Фарадей тоже. Для телеконференций изолянты использовали мультяшные аватарки, и многие отказывались даже разговаривать в прямом эфире, они записывали аудио заранее из страха, что неверно употребленное слово будет зафиксировано и повысит их Показатель Стыда. Тем временем предприимчивые разработчики создали программу, распознающую гластыд на старых видео, и полмиллиона репутаций обратились в прах.

Оставаться дома было безопаснее. Начиная с 1970-х средняя площадь жилья увеличивалась с каждым годом, а за время пандемий дома стали еще больше. Практически во всех развитых странах для любой новой постройки считалось обязательным наличие смарт-технологий, в необходимости которых никто даже не пытался усомниться. Потребление энергии и воды было оптимизировано, грабежи стали практически невозможны. Все больше и больше соседних домов связывались между собой, делились изображениями с камер, местоположением домашних животных и зонами распространения вредителей, а главное – сведениями о подозрительных личностях в округе. Экологи могли оправдать свое проживание в “пещерах” только в случае нулевого выброса углерода и отсутствия подключения к электросети, так что с каждым годом троговские дома и районы все больше превращались в бастионы фриков, анархистов и безумцев.

В кампусе Дилейни научилась более-менее контролировать свои глаза. Сначала она стала при личных встречах смотреть людям на макушки, и какое-то время это прекрасно работало, пока не пришло предупреждение, что ее избегание зрительного контакта замечено. Она стала передвигаться по Трежер-Айленду быстро, по возможности сторонясь людей, глядя или вниз, в

телефон, или куда-нибудь в туманную даль. Такое постоянное напряжение выматывало. Она была почти уверена, что у нее выработался тот же синдром вибрирующих зрачков, который она наблюдала у всех “совместных”, но не могла сказать наверняка – невозможно было распознать эту вибрацию вибрирующими глазами.

Единственным местом, где она могла хотя бы относительно расслабиться, был “Гавел”. Официальный рабочий день заканчивался в 17:00, и в 17:18 она была уже дома. Обычно у нее оставалось примерно сорок минут до прихода Джоан с тренировки. Одиночество было спасением. После целого дня болтовни в ТУ – “эластичные” никогда не умолкали, а стен там не было, – она нуждалась в том, чтобы побыть наедине с собой, снова начать формулировать собственные мысли, свести восемь часов разговоров и шума в нечто связное и цельное.

– Включи душ, – сказала Дилейни и пошла к шкафу за халатом.

“Внемли” знала ее голос и сама устанавливала нужную температуру и напор воды. Дилейни было положено шесть минут воды в день, она предпочитала разбивать их на два коротких освежающих сеанса.

– Открой занавески у моей кровати, – велела она и забралась в капсулу, завернувшись в уютный теплый халат.

Дилейни уже привыкла к удобствам жизни в модуле и изучала собственные реакции с отстраненностью ученого-экспериментатора. К своему удивлению, она обнаружила, что почти не скучает по Хижине. Она не скучала по сквознякам, по щелям в столетнем полу, по скрипу, по муравьям, по беготне мышей. Не скучала по ночному холоду, по странному запаху в доме, словно кто-то провел день под палящим солнцем и теперь от него несло застарелым потом, или по солоновато-рыбной вони района в целом. Она не слишком скучала по походам в магазины. Скучала она по Урагану, по запаху океана, но в модуле все было более цивилизованно, и во многом это ей нравилось. Теплые бесшумные полы, идеально удобное расположение шкафчиков, надежная машина для льда, мгновенно и без сбоев включающаяся горячая вода, иланг-иланг. Все было на своих местах, ничего никогда не ломалось, и ей не приходилось тратить время на то, что должно было работать, но не работало. Она постепенно приучилась к тому, что заслуживает комфорта, и шлепала по полу босиком, действительно чувствуя себя как дома, что временами поражало ее саму.

В спальной капсуле она накрылась одеялом и стала вглядываться в окно в поисках своей полевки. Та появлялась не

дольше чем на две-три секунды, и Дилейни никак не могла понять, зачем она это делает. Каждый раз, когда мышка выбегала из зарослей, это было пусть небольшое, но событие, и Дилейни развлекалась наблюдениями за ней, пока не погружалась в дремоту.

– Дилейни?

Конечно, Фрэнсис. Заснуть ей удавалось не всегда. У Джоан и Сорена был более-менее постоянный график, но иногда они приходили позже обычного (а вот раньше – никогда), Фрэнсис же мог появиться в модуле в самое неожиданное время, и чаще именно тогда, когда был меньше всего нужен.

– Я вернулась, – откликнулась она.

Особого смысла спрашивать и отвечать не было. “Мозг” модуля знал, что она здесь, и телефон Фрэнсиса, среди прочих индикаторов, показывал ему, кто сейчас дома. Но понять, почему Фрэнсис делает то, что он делает, было просто невозможно.

– Ты в капсуле?

Никаких других вариантов тоже не существовало. В модуле было пусто, и он слышал, как она отвечает ему из постели. Иногда ей становилось его жалко. У Фрэнсиса был талант раздражать людей, и он, кажется, знал это. Он был настолько навязчивым и трусливым, что любые его попытки как-то подладиться только усиливали это впечатление, и в результате его становилось жаль еще сильнее. Обитатели модуля делали все, что от них требовалось, и еще сотню вещей, о которых ни за что не подумали бы сами, но все равно он каждый день умудрялся найти новый повод призвать их тщательнее следить за бытом. “Ребята, – написал он этим утром, – пол в ванной сегодня слишком мокрый. Кто-нибудь мог поскользнуться”. Далее следовала ссылка на статью, где фигурировало пугающее количество переломов в ванной.

Дело было не в том, что он сам едва не поскользнулся. И не в его чрезмерной аккуратности – она вовсе не была ему свойственна. Просто для него это был способ любить и искать любви. Никто не говорил с ним по доброй воле, поэтому эти напоминания, вопросы, уведомления и мрачные исследования о поскользнувшихся были для Фрэнсиса способом сблизиться с людьми.

– Пытаюсь немного подремать, – сказала Дилейни.

– Я забрал по пути домой наши саваны, – сообщил он. – Хочешь, дам тебе твой? Исследования говорят, что они улучшают сон, стимулируют фазу БДГ и генерацию идей.

– Не сейчас, – отказалась Дилейни. – Но спасибо.

– Ты знаешь, когда возвращается Джоан?

– Нет, – ответила Дилейни, хотя знала, что та вернется часам к шести, как и каждый день. – Пытаюсь подремать, – повторила она. – Нормы сна, ты же знаешь.

Полевка опять выбежала на открытое место и на этот раз оставалась там дольше обычного. На Трежер-Айленде жило много хищных птиц, и порой по лужайке скользила тень краснохвостого сарыча, тогда Дилейни задерживала дыхание, пока ее полевка не оказывалась в безопасности.

– Надеюсь, мы сможем потом устроить собрание, – сказал Фрэнсис. – Нас ждет новый план совместных проектов. Слышала об этом?

– Кажется. – Скорее всего, план был среди тех тысяч сообщений, которые она не прочитала за сегодня.

– Хорошо. Ты будешь? – спросил Фрэнсис.

– Да, – ответила Дилейни.

– Хорошего сна, – сказал он и следующие три минуты громко копался в холодильнике.

Дилейни закрыла глаза, но перед ними стоял Фрэнсис. Она знала, что должна быть с ним дружелюбной. “СооПред” мог стать ключом к уничтожению “Вместе”, и она рассчитывала вскоре попасть туда. Она попыталась расслабиться. Вдохнула иланг-иланг. Начала вспоминать вершины Айдахо, но вместо этого вспомнила разговор о “СооПреде”, который состоялся у них с Фрэнсисом неделю назад. Когда она спросила об отделе и конкретно о его собственной работе, он был так удивлен и польщен, что не умолкал полтора часа.

– “СооПред”, – объяснял Фрэнсис, – важнейший союзник Джоан и всех твоих коллег в ТУ.

Он напомнил Дилейни, что все, что он сейчас скажет, подпадает под действие Соглашения о неразглашении и будет записано.

– В ТУ вы предлагаете потребителю пересмотреть его выбор. Пять П, так?

На этом месте Дилейни в который раз сказала себе, что пора уже выяснить, что же эти Пять П значат. Она все время забывала спросить.

– Вы предлагаете покупателю правильный выбор, – продолжал Фрэнсис, – просите его быть сознательным потребителем. Когда он становится членом Клуба ТУ, он дает свое согласие покупать в рамках рекомендаций ТУ, а взамен получает большие скидки и эксклюзивные предложения. Я правильно все описал?

Он описал все совершенно точно и знал это.

– Так вот, если ТУ – это пряник, то “СооПред” – кнут. В

случае, когда потребитель предпочитает веганскую еду, что отражается в его истории покупок, многочисленные партнеры “Вместе” разрабатывают специальные предложения для его профиля, и внезапная перемена в поведении потребителя может плохо сказаться на их бизнесе. Другой пример: веган внезапно начинает заказывать мясо, и потребительский профиль, тщательно создававшийся на протяжении многих лет или даже десятилетий, обнуляется. Тогда долг “СооПреда” – напомнить потребителям, что предпочтения не стоит менять.

Он не стал вдаваться в детали того, как “СооПред” наставляет на путь истинный заблудших потребителей, но Дилейни и без того могла представить. Кредитные рейтинги постепенно превратились в общий Потребительский Рейтинг, в котором учитывалась предсказуемость каждого человека. Программы лояльности обобщались и объединялись, пока преимущества регулярной структуры расходов не стали настолько велики, что отклоняться от нее оказалось крайне невыгодно. Раньше любой мог запросить свой кредитный рейтинг и получить его у одной из трех основных компаний, занимавшихся такими оценками. Но данные Потребительского Рейтинга в эпоху “Вместе” стали непрозрачными. “Вместе” предпочитала хранить их в тайне от самих потребителей, считая – как полагала Дилейни, – что добиваться от них правильного поведения путем запугивания куда разумнее.

Дилейни поняла, что заснуть не удастся.

Был уже седьмой час, и она вылезла из капсулы, зная, что Джоан вот-вот появится. Обычно та приходила домой первой, взбодрившаяся после спортзала, принося сладковатый звериный запах. Сорен, как правило, появлялся в половине седьмого и с порога интересовался, занялся ли кто-нибудь ужином. Он был талантливым поваром и каждый вечер заявлял, что у него нет настроения готовить и его тошнит от того, что они вечно едят. Продолжая брюзжать, он начинал кидать на стол продукты. Потом водружал на плиту вок. Он всегда производил столько шума, будто хотел, чтобы его труды не остались незамеченными. Соевый соус с шипением лился в разогретую посудину. И когда становилось очевидно, что сегодня их ждет хороший ужин, Джоан включала музыку, которая ему нравилась, – что-нибудь незамысловатое, но бодренькое.

Дилейни села на диван и посмотрела на часы. 18:07. Она включила телефон. Обычно в день она получала около 120 общих рассылок “Вместе”, которые требовали хотя бы беглого просмотра. Это заняло у нее восемь минут. Пятнадцать тысяч жителей Трежер-Айленда за день пересылали примерно 14 750

мемов, заметок, напоминаний и приглашений – автосортировщик Дилейни сокращал это число на 88 %. ИИ автоматически отклонял все приглашения, которые не вписывались в ее график. Другая программа просматривала длинные сообщения и пересказывала не более чем в 20 словах, после чего они поступали в “Истинную Суть”, которая пропускала их через фильтры, настроенные самой Дилейни. Так, например, программа отсеивала все, что касалось спорта, детей, животных, йоги и плавания на каяках. При этом сообщения не удалялись – для отправителей все выглядело так, как если бы Дилейни их открыла и прочитала. Уэс установил ей приложение, которое помнило дни рождения ее друзей и посылало им оригинальные поздравления ночью, чтобы Дилейни была первой. Кроме того, он разработал алгоритм, сканирующий посты “совместных” в соцсетях и расставляющий реакции-смайлики под теми, которые могли быть ей интересны, – о сурках, илистых прыгунах, трехлапых собаках, Айдахо, деревьях, горах и обо всем, что должно было ей понравиться, с точки зрения других людей. К концу дня Дилейни якобы прочитывала примерно 8250 сообщений и ставила примерно 750 реакций.

Дверь резко распахнулась. Дилейни дернулась от неожиданности. Это был Сорен. На голове у него была спортивная повязка.

– Джоан здесь?

Это тоже было лишним. Он всегда знал, где она.

Сорен и Джоан прожили в одном модуле чуть больше года, и было очевидно, что она ценит его как соседа, а он любит ее романтически и безответно. Джоан знала о его любви, но делала вид, что ни о чем не догадывается, и он понимал, что не может выразить свои чувства, пока не получит убедительного сигнала. Но Джоан постоянно говорила, что никогда не будет встречаться с коллегами, пусть недавно “Вместе” и стала поощрять такие союзы, сочтя, что романтические отношения и браки между сотрудниками укрепляют жизнь в кампусе.

Сорен открыл холодильник:

– О чем думаем сегодня? Ты поешь с нами?

Предполагалось, что Дилейни придерживается рациона, рекомендованного ей при медосмотре, но три раза в неделю ей позволялись некоторые вольности.

– Да, сегодня могу поесть дома.

– Как думаешь, Джоан вернется к ужину? – спросил Сорен как бы между делом, но в голосе его отчетливо слышалось любовное томление.

Именно этот момент Джоан выбрала для своего появления.

Сорен отвернулся и принялся кромсать перец.

Джоан запрыгнула на столешницу рядом с ним, закинула ногу на ногу.

– Сорен, ты такой сексуальный, – проворковала она и ущипнула его за руку. – Эти мышцы, когда ты режешь, сводят меня с ума. Дилейни, тебе не кажется, что Сорену надо носить более облегающую одежду?

Дилейни не собиралась присоединяться к Джоан и дразнить Сорена. Она глянула на Фрэнсиса, который, уставясь в стену, что-то бормотал себе под нос.

– Фрэнсис, ты вроде хотел с нами поговорить? – напомнила она.

Не оборачиваясь, он предупреждающе воздел указательный палец.

– Это об общественных проектах? – спросила Джоан. – А ты не получала писем?

– Получала, – ответила Дилейни.

Она просмотрела одно из сообщений – с объявлением о запуске “Видишь – Помоги”, месячника социальной справедливости. “Сместным” настоятельно предлагалось искать, анализировать, отмечать и исправлять социальные несовершенства.

– Фрэнсис? – снова окликнула Дилейни.

Он наконец повернулся к ним:

– Ладно. Я как раз уточнял цели с Бригадой 40. Простите, если заставил кого-то ждать. Вероятно, вы уже знаете основные параметры программы. Нового в ней то, что модулям рекомендуется заняться совместными проектами. Я взял на себя смелость записать нас в проект, который, по моему мнению, затрагивает одну из наиболее острых проблем и касается не только общества в целом, но и нашего непосредственного окружения. Я говорю о лагере бездомных на окраинах острова.

– Вот блин, – сказала Джоан.

Сердце у Дилейни подпрыгнуло. Если и существовало место, где безжалостное высокомерие “Вместе” раскрывалось во всей красе, это был лагерь бездомных за стеной.

31
Трофеи достаются победителю

На следующий вечер, после ужина, Дилейни повела Фрэнсиса, Джоан и Сорена к внешнему кольцу острова, где на ветру, с воем, прорывавшимся через коридор пролива, трепетало несколько сотен палаток и жалких лачуг.

– Как-то это неблагоразумно, – заметил Сорен. – Может, нам стоило получить разрешение?

– Мы первопроходцы, – объявила Дилейни.

– Нам нужно снимать? – спросил Сорен.

– Да, – кивнула Дилейни, и Сорен включил свою камеру.

Они подошли к главным воротам. Сиреневый закат опускался уютными сумерками. Но как только экспедиция вышла за ворота, на них набросился яростный ветер с Залива. Дилейни повернула на восток, и они двинулись вдоль ограды. Вдали на холмах светились золотистыми огоньками дома Беркли и Эль-Серрито.

– Не помню, чтобы мы обсуждали план! – прокричал Фрэнсис сквозь ветер. – Или он есть, но я не в курсе?

– Пока нам не нужно никакого плана, – прокричала в ответ Дилейни. – Сегодня мы будем просто слушать.

Они подошли к крайним жилищам. Рядом стояли две палатки – приземистая небесно-голубого оттенка и высокая, просторная, где человек мог встать в полный рост. У палаток сидела женщина.

– Привет. – В пальцах у нее дымилась длинная желтая сигарета.

Дилейни не видела сигарет уже много недель.

– Привет, – сказала она. – Простите, у вас не будет минутки с нами поговорить?

Фрэнсис положил ладонь на руку Дилейни, как будто оберегая ее. Она вывернулась. Женщина встала. Ей было лет сорок, не больше, но обожженное солнцем лицо с почти беззубым ртом словно принадлежало старухе.

Пока Дилейни рассматривала ее, она тоже изучала гостей.

– Во что это вы вырядились? – спросила она. – Рамон, вылазь. Хватит уже дрыхнуть! – Она постучала по полотну маленькой палатки, просыпав пепел с сигареты на одежду. Стряхнув пепел, она глубоко затянулась.

Из палатки донеслась возня.

– Кто там еще? – пробурчал мужской голос.

– Какие-то чуваки из “Вместе”. – Женщина оглядела визитеров. – Я ж правильно поняла? Вы оттуда?

– Да, мы оттуда. Меня зовут Дилейни.

Женщина с притворной почтительностью улыбнулась и величественным жестом протянула руку – будто для поцелуя.

– Очень приятно, – жеманно сказала она и хрипло захохотала. Потом снова хлопнула по палатке: – Рамон, вылазь!

Из-за большой палатки выдвинулась еще одна фигура. Это был внушительных размеров мужчина, намного выше шести футов и с телосложением портового грузчика, у него была седая борода и очки в тонкой оправе.

– Я звала Рамона, а не тебя, – сказала женщина.

Дилейни осознала, что они сами так и не представились, потому не будет ли грубым спросить ее имя?

– Меня не звали? – спросил человек. – Простите мою подругу за дурные манеры. Я Виктор. А это Глиннис. А там Рамон, у которого такое похмелье, что он не может… – он посмотрел на палатку, как будто отыскивая внутри нужное слово, – э-э… поживее двигаться.

И он протянул руку.

Дилейни протянула свою, и Виктор решительно ее потряс. Джоан и Фрэнсис не проявили никакого стремления к физическому контакту с Виктором или Глиннис. Сорен, который стоял дальше всех, вдруг шагнул вперед и пожал руку Виктору. Глиннис присела в карикатурном книксене.

– Вы насчет того тела, которое нашли на прошлой неделе? – спросил Виктор. – Мы уже рассказали все, что видели. И это было дальше по берегу, так что не мы его первые обнаружили.

– Нет-нет, – сказал Фрэнсис.

Дилейни поняла, что речь идет об очередном самоубийце, бросившемся в Залив. Конечно, обитатели палаток должны были видеть вынесенные на берег тела.

– Разве вы, ребята, обычно не с того здания прыгаете? – раздался из палатки голос Рамона. – Как его, “АлМас”?

– Простите, – сказал Виктор. – Рамон, ну что за манеры?

– Обычно мы сразу узнаем “совместных”, – сказала Глиннис. – По одежке. – И ткнула сигаретой на комбинезон Фрэнсиса.

– А вы в курсе, что значит этот ваш “АлМас”? – спросил Рамон. – Мне всегда было интересно, знают люди или нет. Это же сокращение от *Algo Más* – “Нечто большее”. Вот что это значит. Кто-нибудь из вас знал?

– Еще раз простите, – извинился Виктор, а потом обратился к палатке: – Рамон, или выходи, или заткнись.

– Они не могут заставить нас уйти, – проворчал из палатки Рамон. Было очевидно, что он не собирается присоединяться к стоявшим снаружи. – Это общественное побережье.

– Мы не за этим пришли, – уверила его Дилейни.

– Наша цель не в этом, сэр, – подтвердил Сорен.

– А вы можете сказать вашим людям, чтобы они больше не топились тут? – спросил Рамон. – Осточертели трупы.

– И снова прошу прощения за моего друга, – сказал Виктор. – Так что же привело вас в позорное кольцо?

– На самом деле мы хотели узнать, как мы можем помочь вам, – сказал Фрэнсис.

– Бабло с собой есть? – оживился в палатке Рамон.

– Тихо! – одернула его Глиннис.

– Я бы предложил вам экскурсию, – сказал Виктор, – но тут неспокойно, недавно были стычки из-за территории и ресурсов, так что давайте поговорим здесь. Вы согласны?

Дилейни посмотрела на своих спутников, которые, кажется, были рады, что не придется углубляться в палаточный городок.

– Согласны, – ответила она.

– Я бы предложил вам сесть, но у нас только один стул. – Виктор показал на заваленный барахлом шезлонг. В подлокотниках были держатели для стаканов, в каждом лежало по бильярдному шару, 9 и 3, насколько смогла разглядеть Дилейни.

– Мы здесь сейчас просто затем, чтобы собрать факты. Чтобы послушать вас. И понять, можем ли мы как-то помочь.

Джоан кашлянула, и Дилейни повернулась к ней. Джоан пожала плечами – то ли не знала, стоит ли высказываться, то ли не могла подобрать слова.

– Что ж, вы очень любезны, – сказал Виктор.

– На них там чего, гидрокостюмы? – спросил Рамон из палатки.

Виктор шикнул на палатку и обернулся к Фрэнсису:

– Извините. Он когда-то был серфером.

– Баблосы! – протяжно провыл Рамон. – Нам нужны баблосы!

– Идиот, они не собираются давать нам денег, – сказала Глиннис.

– Или жилье! – проорал Рамон.

В очередной раз извинившись, Виктор сказал:

– Рамон прав в том, что мы бездомные и были бы рады обрести крышу над головой, но я так понимаю, речь не об этом?

– Мы хотим найти правильное решение, – сказал Фрэнсис.

– Дом – вот правильное решение! – пробубнил Рамон.

– Где вы берете еду? – спросил Сорен.

Дилейни посмотрела на него, подумав, что он слишком уж бестактен, но лицо Сорена выражало искреннее сочувствие, и она поняла, что вопрос на самом деле логичный.

– Можно мне ответить? – спросил Виктор у Глиннис. Она развела руками. – Государственные продовольственные банки готовы обеспечивать нас продуктами, но для этого нужно явиться туда, а их склады на континенте. Но как нам выбраться с острова? Денег на паром у нас нет.

– Так почему… – начал было Фрэнсис.

– Почему мы живем здесь, вдали от государственных благ? Хороший вопрос. А ответ в том, что, несмотря на ветра, здесь тише, чище и гораздо меньше преступности. Здесь мы избегаем многих других проблем. Сложности только с едой.

– Еду можно купить за денежки! – пропел Рамон из палатки красивым альтом. – Денежек дайте нам!

– У нас есть три источника пропитания, – продолжал Виктор. – Первый можно назвать собирательством. Раз в два или три дня кто-нибудь выбирается в город и обходит рестораны и магазины здесь, на острове, где нам отдают то, что иначе отправилось бы на помойку. Собиратели приносят еду сюда, и мы ее распределяем.

Сорен нервно прохаживался вдоль линии воды. Казалось, до него только сейчас дошла вся несправедливость жизни бездомных.

– Второй источник – это партизанские продовольственные банки. Возможно, вы о них слышали. В Трог-Тауне. Их деятельность не санкционирована, но время от времени сюда приезжает грузовик или фургон с продуктами, которые им удалось собрать.

– У них отвратная еда, – заметила Глиннис и спросила, кивнув на Сорена: – С ним все нормально?

– А последний источник? – спросил Фрэнсис.

– Надписи на картонках, – крикнул Рамон.

– Третий, – сказал Виктор, – это попрошайничество. Например, Глиннис может настрелять денег у прохожих и туристов рядом с Паромным вокзалом и в хороший день принести домой баксов пятнадцать, а то и тридцатку. На них мы покупаем необходимое. Например, керосин для гриля.

– И наркоту, – радостно добавила Глиннис.

– Да, – кивнул Виктор. – Как вы, наверное, и сами догадываетесь, в этом позорном кольце много наркоманов.

– И бухло! – проорал Рамон.

Виктор мрачно улыбнулся, глядя на Джоан.

– Именно так. Мы здесь едим и пытаемся выжить, и многие из нас употребляют наркотики и алкоголь. Так что все деньги уходят на еду и на пагубные пристрастия. Ну, иногда на одеяла или брезент.

Повисла долгая пауза. Никто не знал, как на это реагировать.

Наконец снова заговорил Виктор:

– Я понимаю, “Вместе” не может снабжать нас продуктами из соображений ответственности. И естественно, если вы дадите нам денег, это будет лечение симптомов, а не решение проблемы. – Он заискивающе вгляделся в лица “совместных”.

Фрэнсис энергично закивал:

– Хорошо сказано!

– Спасибо, Фрэнсис. А насколько я знаю, во “Вместе” умеют решать проблемы. Иначе как бы вам удалось построить такую великую империю за столь короткое время?

Фрэнсис придвинулся поближе к Виктору, как будто внезапно проникся к нему симпатией. Виктор снял очки, протер их краем рубашки и водрузил обратно.

– Знаете что? Я сейчас просто размышляю вслух, но ведь есть так много государственных и благотворительных цифровых сервисов, о которых мы зачастую даже не знаем и не имеем к ним доступа, потому что у нас тут нет нужной техники.

– Интернет-услуги, да, – кивнул Фрэнсис.

– Именно, – подтвердил Виктор. – Доступ к большинству услуг – к актуальной информации о предложениях для таких, как мы, о продовольственных и реабилитационных программах – сейчас предоставляется через Сеть. И чтобы найти работу, тоже нужен интернет. Без него мы все больше маргинализируемся.

– Это, наверное, глупый вопрос, – сказала Дилейни, – но ни у кого из вас здесь нет телефона или?.. – Ей показалось, что она понимает, куда клонит Виктор, и хотела помочь ему.

– Ноутбуков, телефонов? Ничего такого нет, – ответил Виктор. – А представьте, если бы они у нас были! – Он простер кверху ладони и посмотрел в небеса.

“А он хорош”, – подумала Дилейни.

– Мы бы могли искать вакансии, даже, возможно, жилье… Да, это многое бы изменило.

– Фрэнсис, мне кажется, кто-то с твоим положением и весом в компании мог бы запустить пилотную программу помощи этим людям.

Дилейни ждала реакции Фрэнсиса. Он кивал сам себе, уже просчитывая логистику, цифры, представляя, как получает награды от “Вместе”, от города, от Белого дома. Она поймала взгляд Виктора и убедилась, что он понял ее игру.

– Виктор, – Фрэнсис явно наслаждался своим благородством, он ведь не просто запомнил, но и произнес имя бездомного, – ты думаешь, что техника – например, ноутбуки – поможет вам встать на ноги и даже, возможно, даст шанс покинуть этот остров, это

позорное кольцо, как ты говоришь?

– Фрэнсис, – Виктор снял очки и проникновенно заглянул в маленькие черные глаза Фрэнсиса, – ничто не способно изменить нашу жизнь быстрее, чем техника, которая позволит нам получить доступ в интернет и обмениваться сообщениями и электронными письмами с теми, кто готов нам помочь.

Фрэнсис аж на цыпочки привстал. Казалось, он собирался заключить Виктора в объятия и поблагодарить его авансом за будущую Нобелевскую премию мира, но потом все же передумал и отказался от столь тесного контакта.

– Виктор, мы еще поговорим. Я вернусь с новостями. С хорошими новостями!

– Я буду ждать, – сказал Виктор и низко поклонился.

***

Это не заняло много времени. Дилейни никогда не видела – да и никто никогда не видел, – чтобы Фрэнсис работал так самозабвенно. Целую неделю он тратил все свободное время на переписку с членами Бригады 40, представителями городских властей и лично с Мэй, которая ни разу ему не ответила.

– Он такой милый, когда занят делом, – сказала Джоан. – У него уже лет десять не было ни одной идеи.

Но Мэй все же не могла не замечать происходящего. Когда о проекте Фрэнсиса – которому он сам придумал название “Кольцо Возможностей” – стало известно, превращение позорного лагеря бездомных в триумф “Вместе” сделалось главной темой разговоров в кампусе.

– Только подумайте, – говорил Фрэнсис, – это так актуально. Нужно думать локально. Действовать… Стоп. Как там было?

– Ты все делаешь правильно! – заверила его Дилейни.

Ей очень хотелось напомнить ему, что “Вместе” никогда не платила местных – а также федеральных и прочих – налогов и что как раз их уплата могла бы помочь делу обеспечения бездомных питанием, жильем и новыми возможностями, но она знала, что это пустая трата слов.

– Удачи! – сказала она вместо этого.

Фрэнсис поблагодарил ее и начал боксировать в воздухе. Это было его новой привычкой. Каждый раз, когда он чему-то радовался, то принимался сражаться с тенью, приплясывая на месте. Но сейчас ему нужно было получить одобрение “Вместе” на отгрузку бездомным огромного количества бесплатных телефонов и ноутбуков. Дилейни никогда не слышала, чтобы “Вместе” отдавала что-то бесплатно, поэтому очень удивилась, когда пару дней спустя Фрэнсис ворвался в “стручок”, едва сдерживая ликование.

– Они одобрили телефоны! – выкрикнул он, победно стукнул кулаком в стену и принялся метаться по “стручку”, выбирая какой-нибудь подходящий предмет, который можно отколошматить. На его пути попался Сорен, и Фрэнсис изобразил, будто хочет ударить его в пах. – Я просто на седьмом небе!

Еще через два дня он получил ответ по поводу ноутбуков. Ноутбуки не одобрили, однако сказали, что в этом месяце “Вместе” выпустит новую модель планшетов, и предложили отправить первую пробную партию обитателям кольца.

– Ты молодец! – воскликнула Дилейни и ущипнула его за руку.

Фрэнсис вяло попытался отбиться от нее, а потом, по необъяснимой причине, сделал вид, что и ее бьет в пах.

Дилейни тоже была впечатлена. Конечно, дать Виктору, Глиннис, Рамону и прочим жителям периметра технику было глупостью, но это была простая и, скорее всего, безобидная глупость.

– А еще браслеты! – объявил Фрэнсис на следующий день.

– Браслеты? – переспросил Сорен. – А они им зачем?

На глазах Дилейни в Сорене просыпалась осознанность – пусть даже зачаточная. Вопросы типа “Зачем?” были несвойственны ни ему, ни кому бы то ни было еще в кампусе.

– Бригада настаивает, – пояснил Фрэнсис. – Те, кого обеспечат техникой, должны будут носить их, чтобы техника работала. И я думаю, что это имеет смысл. Так мы получим данные относительно состояния их здоровья, а вы же понимаете, что там наверняка полно болезней.

Теперь он прыгал перед зеркалом с воображаемой скакалкой.

– На следующей неделе мы устроим фотосессию. Пусть европейцы наконец увидят, как мы обращаемся с бездомными. Вы придете?

– Это твоя работа и твоя заслуга, милый, – сказала Джоан.

– Мы постоим в сторонке, – сказала Дилейни.

– Ладно, – одобрил Фрэнсис и начал боксировать со своим отражением в зеркале. – Я вот думаю, что мне надеть. А еще – не нужно ли дать одежду Виктору и Глиннис? Или лучше, чтобы они выглядели…

– Нищими? Обездоленными? – подсказал Сорен.

– Не надо, – сказала Джоан. – Все и так нормально. Ты и сам знаешь.

– Им тогда же и технику привезут? – спросил Сорен. – Одновременно с фотосессией?

– Нет, – ответил Фрэнсис, – технику мы привезем уже завтра. Без камер.

Сорен взглянул на него, уважительно сведя брови.

– Это была идея Виктора, – продолжал Фрэнсис. – И если подумать, это правильно. Они получат планшеты, телефоны и браслеты, и у них будет неделя, чтобы освоить их, получить доступ к услугам, набраться опыта. А потом, когда мы придем с камерами, они смогут рассказать нам, что им дает техника. Правда, будет здорово, если кто-нибудь из них уже найдет работу?

– Сколько штук вы им передадите? – спросила Джоан. – И мне очень не хочется задавать тупые вопросы, но как они будут все это заряжать?

– Виктор говорит, что в кольце живет 1137 человек, – сказал Фрэнсис, – и мы выдаем по комплекту каждому. А в конце недели установим там станцию зарядки на солнечных батареях.

– Подожди. Ты говоришь, там больше тысячи человек? – поразился Сорен. – Мне казалось, что сотни три.

Дилейни тоже думала, что Виктор намеренно завысил число обитателей кольца.

– В том-то и дело, – сказал Фрэнсис. – И это дает нам хорошую возможность. Как только мы распределим гаджеты и люди наденут браслеты, мы сможем всех зарегистрировать. Тогда мы будем точно знать их число, сравним его с официальными данными и гораздо лучше сможем понять прошлое и потребности каждого. Это как перепись населения, только гораздо точнее.

– Я надеюсь, – сказала Дилейни, – вы будете отслеживать использование гаджетов, как только они будут включены?

– Конечно, – подтвердил Фрэнсис. – Телефоны и ноутбуки будут активироваться по отпечаткам пальцев, полученные отпечатки мы передадим в полицейскую базу данных, и полиция выяснит, нет ли среди них осужденных преступников или лиц, находящихся в розыске. Телефоны тоже помогут в отслеживании – можно будет увидеть, например, как часто эти ребята оказываются поблизости от мест совершения преступлений.

– Что ж, – заметила Джоан, – звучит разумно.

– А зачем примешивать сюда полицию? – встревожился Сорен.

– Помимо того, что это поможет повысить нашу безопасность? – вопросил Фрэнсис. – Это еще и единственный способ заставить город платить.

– Платить за что? За технику? – не понял Сорен. – Город заплатил за телефоны, планшеты и браслеты? Которые сделали мы?

– У полиции есть право на *quid pro quo*[28], – сказал Фрэнсис. – А в городской бюджет заложена помощь людям, у которых нет

жилья.

– Да, город должен нести расходы, – согласилась Джоан. – Не мы же сделали их нищими.

– Бездомными, – поправил Фрэнсис. – Людьми без жилья. И в любом случае городу техника обойдется по оптовой цене с хорошей скидкой.

***

Все было сделано в темноте. Виктор не хотел, чтобы пялились на доставку и раздачу техники, поэтому попросил, чтобы ее привезли после заката. Фрэнсис и Бригада 40 одобрили план.

В назначенное время Фрэнсис выскользнул из модуля, поводя плечами, как боксер, пробирающийся сквозь толпу болельщиков на пути к рингу. Он трусцой пересек Ромашку и преодолел путь до ворот. Дилейни нашла удобную точку обзора у окна в столовой, откуда была видна палатка Виктора и Глиннис. Сразу после девяти вечера несколько десятков “совместных” вывезли из ворот большие тележки и покатили их к кольцу, где уже ждал Фрэнсис. На каждой тележке лежали простые крафтовые коробки с телефонами, планшетами и браслетами. Вереница тележек остановилась у палатки Виктора, и они с Фрэнсисом приветствовали друг друга, как старые друзья. Дилейни отвернулась; она примерно представляла, что произойдет дальше.

***

Утром Дилейни обнаружила Фрэнсиса на диване с планшетом, в который он тыкал с озабоченным видом.

– Все хорошо?

– Прекрасно, – уверил он.

– Я видела, как вы отвозили коробки. Это было очень трогательно. Как прошло распределение?

– Ну, этим занялись Виктор с Глиннис. Виктор сказал, что так будет лучше, и я согласился. Я сам не хотел, чтобы из этого сделали шоу. Поэтому мы с ним запланировали провести несколько обучающих занятий в ближайшие дни, и я ушел. Я думаю, они все раздадут без особого шума.

Он продолжил печатать и вздыхать.

– Только вот странно, – заметил он, – что еще так мало устройств активировано.

– Сколько? – спросила Джоан, выходя из ванной.

– Шестнадцать, – ответил Фрэнсис. – Вы считаете, это нормально?

– Из одиннадцати сотен? Я бы сказала, что нет. – Джоан открыла холодильник и взяла манговый шарик.

– Может, мне стоит пойти туда и выяснить, не нужна ли помощь? – спросил Фрэнсис.

– А вдруг они просто напились и обдолбались на радостях? – рассмеялась Джоан.

Фрэнсис опять начал печатать.

– Самое удивительное, что даже Виктор еще не подключился. Что же такое?!

***

Вечером, так и не получив никаких вестей от Виктора и его друзей, Фрэнсис попросил Дилейни пойти с ним в кольцо.

Когда они подошли к палатке Виктора и Глиннис, все выглядело как обычно. Все вещи были на своих местах. Даже шезлонг с бильярдными шарами в подлокотниках.

Фрэнсис остановился между палатками.

– Виктор! – позвал он. – Глиннис!

Проявив похвальное уважение к их личным границам, только через пять минут он решился заглянуть в большую палатку. Она была пуста. Заглянули в палатку к Рамону, но там тоже никого не было.

– Может, они просто отошли куда-нибудь, – предположила Дилейни, хотя понимала, что дело нечисто.

Фрэнсис никогда не встречался с другими обитателями кольца, так что не сразу набрался смелости подойти к следующей группе жилищ. Из хижины, построенной наполовину из фанеры, наполовину из брезента, появилась женщина с обветренным лицом и во флисовой жилетке на голое тело.

– О, Виктор и его друганы вчера свалили, – сообщила она. – Сказали, что получили от вас задание что-то куда-то там доставить. Кажется, они отправились куда-то на юг. Или в Канаду.

Фрэнсис издал вопль животного, попавшего в капкан.

– Доставить что? – хрипло спросил он. – Вы видели, как они уезжали? – Он был готов разрыдаться.

– Они увезли все эти коричневые коробки, которые вы оставили. Среди ночи приехал грузовик, и они быстренько все погрузили. А что там было, в коробках-то этих?

32
Надвигается буря

Так как местных новостей больше не существовало, а событие никто не заснял, история о том, что небольшая кучка *людей без жилья* смылась с новыми гаджетами “Вместе” стоимостью в полмиллиона долларов, не получила широкой огласки. Однако достаточно людей в “Здесь” и “Нигде” обо всем знали, и у Дилейни оставалась слабая надежда, что комичный уровень некомпетентности и легковерия, который продемонстрировала компания, поставит “Вместе” в неловкое положение.

Но прошли дни, неделя, десять дней, а единственное, о чем говорили в кампусе, – о возмущении оставшихся обитателей кольца тем, что им не досталось техники, которую они тоже могли бы продать. Хотя возмущались они не слишком громко – только выкрикивали через забор оскорбления, расстраивая “совместных”, которые прогуливались вдоль периметра.

Фрэнсис был в бешенстве, Сорен убит горем, Джоан не выказывала никаких чувств. Фрэнсис обращался в городскую полицию, потом к шерифу, потом в полицию штата, потом в ФБР – и все безрезультатно. У них не было ничего, за исключением имен троих бездомных, да и эти имена, скорее всего, были не настоящими. Грузовик попал на камеры, когда пересекал Бэй-Бридж, но на водителе была маска Попая, а номера оказались украденными. Оставалась небольшая вероятность, что тот, кто купит устройства, не избавится от отслеживающего чипа и серийного номера хотя бы на одном из них, но этого, увы, не произошло – во всяком случае, пока.

Гнев и следовательский пыл Фрэнсиса сменились унынием. В модуле после рабочего дня он, как обычно, смотрел в экран и бормотал, но с видом человека, пребывающего в ступоре, и это было ново и тревожно.

– Он спекся, – однажды сказала Джоан в ТУ. – Выгнать не выгонят, но для него это все равно конец. Не то чтобы он раньше быстро поднимался по карьерной лестнице, но теперь окончательно разжалован в рядовые без надежды на перемены к лучшему.

Даже установка в модуле нового очага не смогла поднять Фрэнсису настроения. Уэс продолжал напоминать, что сон рядом с живым огнем – ключ к креативности. “Где спали пещерные люди, когда изобрели колесо?” – риторически вопрошал он. Поэтому модули были оборудованы очагами, и все молча

надеялись, что пропановый огонь в них станет для “совместных” таким же источником вдохновения, как горящие дрова для людей палеолита. Однако никаких исследований на эту тему пока не появилось.

Когда Фрэнсис возвращался в “стручок”, Дилейни было жалко на него смотреть. Она считала, что ему самому будет лучше, если он уволится из “Вместе”. Он неподвижно сидел перед огнем, а Дилейни пыталась отвлечь его разговорами об общих показателях сна модуля, которые повысились на семь процентов после установки очага.

Фрэнсис кивал, молчал и продолжал смотреть на пламя.

***

Но это происшествие повлияло не только на Фрэнсиса. Дилейни была уверена, что Сорен жаждет поговорить с кем-нибудь о Джоан, и вот однажды, когда она пришла с работы, он поймал ее в коридоре прямо у двери.

– Привет, Дилейни. – Сорен поманил ее в сторонку. – Какая-то причуда строительства, но тут слепая зона. Нас не увидят и не услышат. По крайней мере, пока мы будем говорить тихо и не шевелиться.

– Все в порядке? – спросила Дилейни.

– Я буду краток. Не знаю, сколько у нас времени. Ты с нами уже несколько месяцев, так что скажи, пожалуйста, я очень жалко выгляжу? Я имею в виду – с Джоан.

– О! – пробормотала Дилейни. – Я не…

– Прости, – поморщился он. – Конечно, нечестно так на тебя набрасываться. Но я сам понимаю, что веду себя как идиот, и ничего не могу с этим поделать. Все же видят, как я смотрю на нее. А она играет со мной. Мне стыдно.

– За что? – спросила Дилейни. – Не нужно стыдиться искренних чувств. Ты же любишь ее?

– Вряд ли это можно назвать любовью. Я прячусь под столом и подбираю крошки, если повезет. Мне было все равно, пока с нами жил только Фрэнсис, потому что он не обращает на такое внимания. Но теперь я взглянул на себя твоими глазами и понял, как это ужасно.

– Нет-нет! – запротестовала Дилейни. – Все нормально! Ты когда-нибудь говорил ей?

– Говорил что?

– Что она тебе нравится.

– Она и так знает. И ты знаешь, что она знает. Поэтому она и ведет себя так. – Он шмыгнул носом, как будто был готов расплакаться. – Я принадлежу ей, но я ей не нужен.

– Тогда, может, тебе лучше съехать? – спросила Дилейни.

– Съехать?..

– Сейчас ты находишься все время рядом с Джоан. Она привыкла к тебе. Ты слишком близко. А ты уйди. Переселись куда-нибудь. Может, тогда ей начнет тебя не хватать.

В глазах у Сорена была боль.

– О чем ты говоришь?

С лестницы послышались шаги. Сорен прислушался, и когда стало окончательно понятно, что это шаги Джоан, поспешно юркнул в “стручок” и после этого весь вечер избегал Дилейни.

***

Дилейни спала, накрыв голову подушкой, поэтому услышала лишь неясный приглушенный звук. Позже другие описывали его как звонкий удар, за которым последовал скрежет, словно распахнули старое окно. Убрав подушку, она различила голоса и быстрый топот босых ног по полу.

– Дил, подъем! – раздался голос Джоан.

Дилейни выползла из капсулы и последовала за Джоан в коридор.

Красные знаки “ВЫХОД”, горевшие в обоих концах коридора, отбрасывали кровавый отсвет на бегающие туда-сюда фигуры.

– Что случилось? – опешила Дилейни.

– Взрыв, пожар, что-то такое, – ответила Джоан. – Мы должны спуститься в подвал.

Дилейни посмотрела на часы. 03:13.

Мимо них пронесся человек.

– Все на улицу! Всем собраться на Ромашке!

Они побежали вниз по лестнице, перескакивая через три ступеньки.

На площадке стоял человек, отдающий указания, противоречащие предыдущим.

– В подвал, все в подвал! Побыстрее, не задерживайтесь! Все хорошо. Ждите дальнейших распоряжений.

Дилейни никогда не бывала в подвале. Она вообще не знала, что здесь есть подвал. Они быстро преодолели оставшиеся ступеньки. Все больше “совместных” присоединялось к текущей вниз людской реке. На каждой площадке стояло по несколько человек с телефонами. Они смотрели в экраны, не веря, что никаких подробностей не будет.

Когда Дилейни с Джоан добрались до нижней площадки, из динамиков зазвучал голос:

– В северо-восточной части кампуса чрезвычайное происшествие. Пожалуйста, просим спуститься в подвал своего здания и ждать там дальнейших распоряжений.

– Бездомные, – сказала Джоан. – Это наверняка они.

В подвале оказались такие же модули и общие помещения, как и на других этажах. Дилейни с Джоан нашли кухню в дальнем углу и сели прямо на пол. В кухню заглянула женщина в призрачно-белой ночной рубашке.

– Бомба, – произнесла она и вернулась в коридор.

– *Бомба?* Почему бомба? – не поняла Джоан.

Жильцы со всех этажей собирались в подвале. В кухне скапливалось все больше народу. Все таращились в телефоны.

– Не могу поверить, что ничего не пишут, – сказал мужчина рядом с Дилейни. – Никакой информации. Прошло уже девять минут. Так нельзя.

– Это не из-за очагов? – спросил кто-то. Последовала оживленная дискуссия о том, могут ли очаги в модулях иметь отношение к взрыву на периметре.

С каждой новой минутой неизвестности ужас все нарастал.

– Может, они отрубили питание? Уничтожили вышки?

– Вышки? И спутники они тоже взорвали?

Наконец зажегся свет. Посыпались оповещения: “Оставайтесь на месте. Не покидайте кампус. Вы в безопасности. Угроза нейтрализована”.

Через несколько минут пришло новое сообщение: “Пожалуйста, не приближайтесь к периметру. Там небезопасно. На данный момент никому не разрешается покидать кампус. Пожалуйста, оставайтесь на месте”.

Еще пятнадцать тревожных минут ожидания, и вот хоть какая-то ясность: “В северо-восточной части кампуса произошел взрыв. Пожалуйста, возвращайтесь в свои модули и не покидайте комнаты. Там вы в безопасности. Полиция и пожарные уже на месте и гарантируют, что угроза миновала. Постарайтесь заснуть и ждите дальнейших оповещений”.

***

Когда все вернулись в “стручок”, Фрэнсис взял на себя роль невозмутимого старшего.

– Я знаю, что вы, вероятно, напуганы. Но из того, что я слышал, это единичное и незначительное событие.

– Но они говорят, что все произошло в северо-восточной части, – сказала Дилейни. – Ведь именно там палатки бездомных?

Фрэнсис мрачно кивнул:

– Там. Надеюсь, никто не пострадал.

Дилейни внимательно посмотрела на него. Создавалось впечатление, что ему что-то известно. Или он просто испытывал удовлетворение от того, что бездомных, которые посмели его обмануть, настигла карма.

***

Гипотеза Фрэнсиса оказалась недалека от истины. Полиция сообщила, что взорвался небольшой фургон, набитый взрывчаткой. Он прорвался сквозь ограду в том месте, где шел ремонт. Предполагалось, что водитель фургона намеревался добраться до одного из центральных зданий “Вместе” – большинство считало, что целью была Мэй, – но наткнулся на цементный блок, который торчал из земли со времен военно-морской истории Трежер-Айленда, и передняя ось сломалась. После этого водитель сбежал и взорвал свой груз дистанционно, вероятно решив, что лучше взрыв на краю кампуса, чем вообще никакого. Хотя возгорание произошло всего в двадцати ярдах от ближайших палаток, среди бездомных чудесным образом никто не пострадал.

Дальше события развивались стремительно. Лагерь был свернут за считаные часы и исчез. Все “совместные” возрадовались – правда, молча, – а то, что раньше было ровной местностью за периметром, превратилось в полосу острых камней – якобы волнолом, – чтобы возвести палатки заново стало невозможно. Представители Полицейского департамента Сан-Франциско, которые и раньше время от времени бывали на острове, прибыли для проведения расследования, однако их затмила Служба Безопасности самой “Вместе”. Из частной охранной фирмы прислали четыре дюжины вооруженных охранников, преимущественно бывших моссадовцев. Эти бравые ребята в полном тактическом снаряжении рыскали вокруг ограды. Доступ в воздушное пространство над кампусом был ограничен, а команда бывших курдских разведчиков установила устройство для защиты от дронов, испытанное ими в Северной Сирии. Вокруг острова круглосуточно курсировал катер с отрядом морпехов, и ходили слухи, что воды Залива патрулирует мини-субмарина. Большая часть базировавшихся на Трежер-Айленде предприятий внезапно закрылась, чтобы не открыться уже никогда, и все очень быстро привыкли к постоянному стрекоту вертолетов над головой.

Все были крайне озабочены тем, что никому из следователей, государственных или частных, не удается найти злоумышленника – учитывая все имевшиеся в их распоряжении средства. Однако на грузовике со взрывчаткой, выпущенном тридцать два года назад, не было ни единого электронного устройства. Записи с камер оказались бесполезны – на водителе была маска. Схватили Вдовца – того самого скорбящего мужа, который каждый день устраивал протесты на въезде на остров, – но отпустили после допроса. В кампусе распространилась версия, что взрыв был устроен шайкой недовольных производителей бананов, однако в Сети не

обнаружилось никаких намеков на планирование атаки, и никто не взял на себя ответственность за нее.

***

Жизнь в кампусе стала более тревожной. Преступников – все почему-то решили, что это была группа, – так и не поймали, и никто не мог гарантировать, что они не предпримут новую попытку. “Совместные”, проживавшие на острове, боялись, но были уверены, что за его пределами все гораздо хуже.

За несколько недель до взрыва и после него было совершено несколько неэффективных, но неприятных нападений на автобусы “Вместе”, перевозившие сотрудников, которые пока еще жили в своих домах в Сан-Франциско, Уолнат-Крике и Атертоне. Автобусы забросали камнями. Материальный ущерб был незначителен, зато психологический просто огромен. Количество заявок на проживание в кампусе взлетело, и все доступные секции быстро заполнились, начали строить новые жилые здания. “Совместные”, измученные хаосом в “Нигде” и проявлениями враждебности, теперь вообще не хотели покидать кампус. К счастью, у них больше не было необходимости это делать.

33
Увидь меня, услышь меня, спаси меня

Потом появился аэростат. Это было неожиданно, но, если подумать, неизбежно. Дилейни и понятия не имела, что существуют наблюдательные дирижабли, но спустя две недели после теракта огромная тень накрыла кампус и принялась безостановочно кружить над ним. Бейли еще за несколько лет до этого приобрел турецкую компанию по производству аэростатов, однако потом его интересы переместились на Ио. Но теперь большинство “совместных” уже не представляли, как жили без успокаивающего надзора этой огромной штуки, бесшумно парящей в воздухе в двухстах футах над ними. Она видела все, и увиденное ею было доступно всем. В любой момент времени любой человек, сидевший на травке Ромашки, мог наблюдать за тем, как за ним наблюдает аэростат, и это всех ужасно радовало. Объективы его камер были настолько мощными, что позволяли прочитать буквы на экране телефона и сосчитать волосы на голове. А самое главное, они могли засечь любой посторонний объект, приближающийся с любой стороны – неважно, будет он на земле, в воздухе или в море.

Контроль над работой аэростата и рассылкой сообщений с результатами наблюдений взял на себя Стентон. Провели конкурс на название, в котором “Дирк МакДири” чуть-чуть не догнал “Глаз Бейли”, предложенный Уэсом как дань уважения покойному основателю. Стентон опубликовал видео в честь этого события.

– Помните ли вы, какой была жизнь до того, как Глаз Бейли стал наблюдать за нами? – спрашивал он. – А нужно ли нам об этом вспоминать? Мы вышли на новый уровень безопасности. Мы испытываем колоссальное облегчение. Неожиданностям больше нет места.

Дилейни смотрела ролик вместе с “эластичными”.

– Я так пониманию, Стентон окончательно вернулся? – спросила Берит.

– Как будто отчим вышел из тюрьмы и вернулся к моей матери, – заметила Ро.

– И купил дирижабль, – добавила Джоан.

– Кто-нибудь заметил, что эта штуковина ухмыляется? – спросила Прити.

На аэростате нарисовали большие анимешные глаза и

зубастую улыбку. Он походил на гибрид кита и бомбардировщика B-52.

– Помяните мое слово, – сказала Джоан, – через полгода Стентон будет управлять здесь всем. Это его Рейхстаг.

В помещении сделалось тихо. Все уставились на Джоан.

– Что? Вы сами знаете, что так и будет. У Мэй ни одной идеи с тех пор, как она пришла к власти. Стентон сделал свой ход.

“Эластичные” переглянулись и снова уставились на Джоан, как будто призывая ее замолчать. После теракта даже тут все стали более осторожны в словах. В следующий момент все снова занялись своими делами.

Джоан подошла к Дилейни:

– Ты уверена, что хочешь опять поменять отдел? Зачем? Все равно вернешься сюда.

Но время пришло. Дилейни провела в ТУ три недели – дольше, чем рассчитывала. Пора начать внедрять идеи где-то еще.

– Народ, Дилейни нас покидает, – объявила Джоан. – Она переходит во “Внемли”.

– Это просто ротация, – пояснила Дилейни.

– “Внемли”? – переспросила Прити, наморщив нос. – А почему “Внемли”?

После теракта до Дилейни стали доходить слухи, что Стентон проявляет интерес к “Внемли”, и она решила, что ей стоит попасть туда и попробовать довести до абсурда те ужасы, которые могут быть на уме у Стентона.

– Мне просто любопытно, – ответила она.

– Она вернется, – сказала Джоан и в упор посмотрела на Дилейни: – Ты вернешься. Все возвращаются.

***

– Дилейни! – взвизгнула Кики.

Они договорились встретиться на Ромашке, но Кики, как обычно, пришла в восторг от того, что точка-Дилейни на ее экране вдруг превратилась в настоящую Дилейни прямо перед ней.

– Готова к очередной ротации? – Она улыбнулась, но тут же предостерегающе подняла вверх палец: – Нино, дорогой, привет! Мисс Джолин, рада вас видеть.

Следующие две минуты она вела напряженный разговор с двумя лицами на наручном экране. Дилейни не собиралась подслушивать, но ничего не могла поделать и в результате решила, что это даже к лучшему – если что, она постарается спасти Кики от очередной драмы.

– Я не хотел ее трогать, – говорил Нино. – Я играл с “лего”, и пришла Мия. Мы делали такую штуку, когда нужно стукаться

нашими “лего”. Ну, как кулачками. Но сегодня я промахнулся, и мой “лего” попал по руке Мии.

– Нино, я уверена, что… – начала Кики.

– Боюсь, что рассмотрение инцидента уже запущено, – сказала мисс Джолин без тени сочувствия в голосе. – Это происходит автоматически. Я в любом случае не могла бы ничего поделать. К счастью, у нас качественное видео, так что мы без труда поймем, что конкретно произошло. Проверьте вашу ленту, чтобы узнать о дальнейших этапах процедуры.

– Но, мисс Джолин…

– Увидимся, когда придете за Нино, – сказала мисс Джолин, и экран погас.

– Ты слышала? – спросила Кики.

– Да, – кивнула Дилейни. – Я уверена, все будет хорошо.

Кики вернулась к своему экрану. Видимо, ей прислали описание дальнейших этапов – Дилейни разглядела на экране нечто вроде контракта, который Кики должна подписать.

– Это уже не первый раз, – пожаловалась Кики. – Смотри.

Она показала Дилейни перечень инцидентов с участием Нино. “Контакт коленями 3–11, – прочитала Дилейни. – Подпевал неуместной песне 5–23”. Она с недоумением посмотрела на Кики, та дышала через соломинку.

– Помогает при стрессе, – невнятно сказала та.

Дилейни отрицательно качнула головой.

– Мы опаздываем, – всполошилась Кики. – Ты переходишь во “Внемли”, так? Это вообще где?

Здание находилось буквально перед ними, на фасаде огромными буквами было написано: ВНЕМЛИ.

Кики смотрела в экран.

– О нет! Тут пишут, что мы должны ехать по шоссе. Но так же не может быть. Подожди, я…

Она принялась тыкать в экран, а Дилейни попыталась аккуратно – потому как чувствовала, что сейчас что угодно может окончательно выбить Кики из колеи, – сообщить, что здание прямо перед ними. Наконец, пока Кики ожидала обновления страницы, Дилейни смогла привлечь ее внимание к вывеске “Внемли”.

– А, ладно. Но я хочу убедиться. – И Кики опять уставилась на экран в ожидании, когда сообщение подтвердит ей то, что она уже увидела своими глазами.

– Я могу сама дойти, – сказала Дилейни, и Кики одарила ее благодарным полубезумным взглядом и коснулась наушника, отвечая на очередной звонок.

***

Здание “Внемли” представляло собой остроугольное нагромождение стекла и бетонных балок, призванное, видимо, изображать раковину моллюска. Дилейни пришла рано. Над головой проплыла тень аэростата. Внутри ее встретил огромный слоган, вырезанный лазером по матовой стали.

ЗДЕСЬ ТЕБЯ УСЛЫШАТ.

Умные колонки с самого детства интересовали Дилейни больше, чем все остальные порождения “Вместе”. Ее родители категорически возражали против таких устройств дома, пока не начали работать в “Народной Еде”. Тогда они купили на распродаже колонку и очень скоро уже считали ее незаменимой в хозяйстве вещью. В колледже Агарвал посвятила этой теме не одну неделю. Для нее умные колонки служили наиболее убедительным доказательством того, что человек готов стерпеть любое вмешательство в свою жизнь, если это избавляет его от необходимости вставать с дивана.

Умные колонки проникали в мир своеобразно. Появившись в 2010-х, они очень быстро стали продаваться в огромных количествах – сотни миллионов домов обзавелись ими в первые несколько лет. Прежде чем в игру вступила “Вместе”, производители устройств – вначале в этой сфере было трое основных игроков, включая “Джунгли”, – уверяли покупателей, что ИИ-помощники активируются только при произнесении их наименования или кодового слова. Пользователи верили, что их частные повседневные разговоры никто не слышит, что колонки реагируют только на короткие просьбы, обращенные к ним, и даже эти просьбы не сохраняются в памяти гаджетов. Однако спустя несколько месяцев обнаружилось, что на самом деле колонки слышат вас все время – по крайней мере, *могут* слышать. Более того, производитель может сам активировать их в любой момент. Производители начали тут же извиняться – дескать, возникло недопонимание, уверяли они.

В первый момент пользователей возмутил такой обман, но они сменили гнев на милость, когда их заверили, что разговоры ни при каких обстоятельствах не *записываются*. Конечно, если бы устройство, которое человек покупает в основном для того, чтобы слушать музыку и узнавать о пробках, могло *записывать все разговоры, ведущиеся в доме*, это было бы вопиющее злоупотребление доверием. Это нарушало бы этические нормы. Так что все продолжали считать, что домашние помощники не могут ничего записывать, пока в один прекрасный день производители не признали, что на самом деле они записывают практически все разговоры пользователей с самого начала.

И снова начались оправдания. Когда вы раньше спрашивали,

не записываются ли разговоры, говорили производители, мы не так поняли, что вы имели в виду. Мы думали, что речь идет о записи и *прослушивании* разговоров, а этого, конечно же, мы не допускаем. *Ни за что*. Да, мы записываем разговоры сотен миллионов пользователей, но ни один человек никогда их не *слушал*. Разговоры дома между членами семьи конфиденциальны и священны! – говорили они. Мы записываем их только ради совершенствования нашего программного обеспечения, для оптимизации сервисов, чтобы лучше обслуживать вас, потребителей.

И тогда потребители, которые уже после серии откровений насторожились и вознегодовали, стали смотреть на свои устройства с сомнением, гадая, стоит ли оно того. С одной стороны, их семейные разговоры записывает и хранит для неясного употребления богатейшая частная компания, которая уже не раз вторгалась в частную жизнь. С другой стороны, с помощью колонки можно узнать погоду, не глядя в окно.

Ладно, в конце концов решили пользователи. Можете продолжать записывать все, что мы говорим, но – но! – если мы когда-нибудь узнаем, что нас слушают *живые люди*, это будет уже чересчур.

Да ни за что! – били себя в грудь производители, оскорбленные таким подозрением. Ведь мы с самого начала были открыты и прозрачны! Разве мы уже не признались – после того, как нас поймали, – что наши умные колонки включаются и выключаются по собственной воле? И разве мы не подтвердили, когда нас схватили за руку, что можем слышать и записывать все, что хотим и когда захотим, в частных домах миллионов пользователей? И разве мы не признались, когда вы и так об этом догадались, что записываем абсолютно все частные разговоры абсолютно всех пользователей?

После всей этой открытости и честности, сказали они, нам больно даже думать, что от нас ждут новой подлянки. Никаких больше подлянок! – поклялись они.

Когда стало известно, что на самом деле 10 000 сотрудников прослушивают, расшифровывают и анализируют частные разговоры, записанные умными колонками, производители были удивлены, что люди снова стали возмущаться. *Да*, сказали они, мы все это время записывали и прослушивали ваши разговоры, но никто из этих 10 000 сотрудников *не знает ваших имен*, так почему вас волнует, что мы записываем все ваши частные разговоры и что мы можем нажать пару кнопок и деанонимизировать их в какой угодно момент? Да любую базу данных можно взломать, любой хакер может получить к ним

доступ, так из-за чего, спросили производители, вы так заводитесь?

Но на самом деле никто особо и не заводился. Законодатели молчали, правоохранители не шевелились, а продажи росли.

Так что когда “Вместе” поглотила “Джунгли” и создала умную колонку нового поколения, никто уже не обещал и не ожидал конфиденциальности. Но колонке было нужно новое имя. На протяжении десяти лет, пока помощники звались именами типа Алекса, Сири или Бобо, люди, которых звали так же, жаловались и даже обращались в суд. Поэтому “Вместе” предложила назвать устройство “Внемли”.

***

Когда Дилейни в очередной раз накрыла тень аэростата, рядом с ней появилась женщина лет тридцати. Дилейни бросились в глаза ее блестящие, практически светящиеся ярко-синие тени для век. Когда она моргала, казалось, что огромная бабочка хлопает крыльями.

– Дилейни, – сказала женщина, глянув на наручный экран.

– Да, это я, – кивнула Дилейни.

– Карина. – Она приложила ладонь к груди. – Сегодня я буду твоим проводником.

На ней была свободная блузка в стиле бохо и черные легинсы – самый скромный наряд, который Дилейни видела за долгое время. Карина с трудом сохраняла равновесие на высоченных каблуках, а непомерной величины золотые сережки отчаянно раскачивались при каждом ее шаге.

– Позже я покажу тебе нашу игровую зону, – сказала она, ведя Дилейни за собой вглубь здания. – Но сейчас у нас возникла неожиданная возможность, которая может тебя заинтересовать. Понимаю, что это слишком внезапно, но сегодня у нас общее собрание отдела, где обсуждается одна очень занятная тема. Твое соглашение позволяет тебе присутствовать. Но если не хочешь, можешь отдохнуть часик, пока все не закончится.

Дилейни постаралась не проявить чрезмерной заинтересованности и изобразила некоторое безразличие, сказав, что присоединилась бы, если никто не против.

В центре зала стоял большой стол в форме растекшейся амебы. Двадцать два “совместных” расположились в ее выпуклостях и вогнутостях, а с экранов смотрели аватарки семерых “изолянтов” – мультяшные герои первой половины двадцатого века, на которых уже истекли авторские права. Дилейни показалось, что из всех отделов, где она уже успела побывать, сотрудники “Внемли” в наибольшей степени соответствуют образу “совместных” в ее представлении. Лица у

всех сосредоточенные и строгие, одежда и прически более-менее консервативные. Она предположила, что большинство из них попали сюда из “Джунглей” в результате слияния. Дверь у нее за спиной открылась и закрылась, и она услышала знакомый голос:

– Добрый день.

Это был Стентон. Он быстро прошел мимо Дилейни и занял место в “голове” амебы. За ним следовала женщина в желтом, невероятно узком деловом костюме, которая села рядом. Костюм ее настолько выбивался из общей картины, что в комнате как будто изменилась атмосфера. С другой стороны от Стентона сел крупный усатый мужчина лет пятидесяти в рубашке поло. Стентон представил женщину как юриста, специализирующегося на законах об аудионаблюдении, мужчина оказался бывшим шефом полиции Майами, который усмирял беспорядки во время второй пандемии.

– Я надеюсь, что в течение следующего часа мы выясним, что у нас есть и что мы можем найти, – сказал Стентон.

Дилейни мало что слышала о возвращении Стентона в компанию, но вот он здесь и спокойно председательствует на собрании отдела. Прячась за Кариной и большой вазой с лаймами на столе, Дилейни могла наблюдать за эффектом, который его присутствие оказывало на сотрудников. Почти никто не решался встретиться со Стентоном взглядом. И было ясно почему. У него были странные глаза – темные, тусклые и какие-то безжизненные.

– Как вам известно, власти потерпели неудачу в поисках того, кто направил в наш кампус начиненный взрывчаткой грузовик. Наше собственное расследование, к сожалению, тоже зашло в тупик. В машине не было никаких отслеживающих устройств, а последние документы о владельце оказались тридцатилетней давности. Мы не нашли отпечатков, и хотя машина несколько раз попала на камеры, водитель был в маске. Поэтому у нас нет ни единой зацепки. Но сегодня к нам присоединился специалист по законам об аудионаблюдении, и я рассчитываю узнать, чем “Внемли” может помочь в поисках этого террориста или террористов. Сколько американских домов сегодня оборудовано помощниками “Внемли”?

– Двести шестьдесят миллионов, – ответила женщина в узком костюме.

– Как долго хранятся аудиозаписи от каждой умной колонки?

– Согласно законодательству, записи должны уничтожаться через тридцать дней.

Дилейни посмотрела в свой планшет, чтобы узнать, как ее зовут. Метцгер. У женщины были тонкие черты лица, рыжие волосы и острый взгляд. Было непонятно, сотрудница она

“Вместе” или приглашенный консультант.

– А как долго на самом деле доступно аудио? – спросил Стентон.

– По-разному, – ответила Метцгер. – Некоторые записи хранятся дольше в исследовательских целях…

– В среднем?

– Полтора года.

– Что ж, с этого момента никакие записи не должны удаляться до особого распоряжения. Понятно?

Ответ Стентону, разумеется, не требовался.

– Дальше. Морис, объясни нам, что и как мы будем искать?

Он повернулся к бывшему шефу полиции. Морис положил мощные руки на стол – как будто мясник выложил на прилавок две мохнатые бараньи ножки.

– Раньше нам требовались недели, даже месяцы для получения данных. – У него был акцент жителя нью-йоркских пригородов. – Имя, адрес, дата, контакт – и лишь чтобы получить имя человека, который мог назвать имя другого человека, который мог назвать имя того, кто мог знать… А теперь все аудиозаписи доступны по щелчку пальцев. Любой план, который преступники могли составлять в своем логове. Раньше только для того, чтобы получить разрешение на обыск или установку жучка, приходилось из штанов выпрыгивать…

Стентон нетерпеливым жестом поторопил его.

– “Внемли” – лучший инструмент как для предотвращения, так и для расследования преступлений. Все, что нам нужно, – это доступ.

– И теперь он у нас есть, – сказал Стентон. – Мы с Морисом работаем с нашей службой безопасности, а также с друзьями из Моссад и АНБ, над составлением списка ключевых слов, в который должно входить все, что имеет отношение к планированию терактов. Если мы услышим эти слова, то установим личность пользователя и сможем получить ордер на обыск и тому подобное. В то же время мы свяжем записи с данными о местоположении и перемещениях, которые получаем с телефонов и браслетов. Сейчас мы планируем начать с округов области Залива Сан-Франциско, а… – Он замолчал, увидев поднятую руку. – Да?

Рука принадлежала румяному молодому человеку.

– Сэр, но это невозможно. Мы не имеем права проводить поиск по конкретным словам и не имеем права раскрывать личность пользователя. Это же суть Закона Уайдена и Принципов Квинтерелли!

Стентон на миг остановил мутные глаза на гладком розовом

лице парня, пауза продлилась лишь долю секунды, и он снова заговорил.

Все уже распланировано, в течение тридцати шести часов будет проведен поиск по всем аудиозаписям из пяти ближайших к кампусу округов. Если результатов это не даст, радиус поиска расширится. На остатках лобового стекла фургона найдена старая наклейка из Юты, и хотя Морис считает, что эта нить, скорее всего, никуда не ведет, следует проверить все записи колонок “Внемли” из Юты.

– И из Невады, – добавил он.

***

Работа началась на следующий день. Дилейни подписала очередное соглашение о неразглашении, Карина дала ей шумоподавляющие наушники и огромный планшет и показала программу под названием “Вместо-текст”. На экране была расшифровка разговора двух людей.

– Это очень простая программа. Аудио проигрывается, а на экране появляется расшифровка. Видишь выделенные слова?

Первое слово Говорящего № 1 – “подожди” – выделилось желтым цветом.

– Слова будут подсвечиваться по очереди, и твоя задача – следить за тем, чтобы расшифровка была правильной. Твоя команда работает со сложными акцентами, поэтому у программы иногда возникают проблемы с разпознаванием слов. Кажется, тут у нас выходцы из Восточной Европы. – Карина проверила метаданные файла. – Да, так и есть, потому их английское произношение может создавать трудности для ИИ. Ты можешь спросить, почему они не разговаривают по-болгарски или по-русски? Это вторая загвоздка. Обычно группы смешанные. Не исключено, например, что это отец и сын. Отец приехал из Софии, но сын родился здесь, и дома они говорят по-английски. Или два друга, один русский, второй хорват. Общий язык у них только английский. Короче, если человек говорит с сильным акцентом, требуется человеческая проверка, чтобы убедиться, что мы не пропускаем ничего важного.

– Ясно, – кивнула Дилейни. – А что делать, если расшифровано неправильно?

– Ты должна внести исправление вручную. ИИ на этом учится. И твое исправление тоже станет частью записи – на тот случай, если дальше потребуется еще один уровень проверки.

Дилейни решила, что готова к работе. Она посмотрела на Карину, которая направила на нее камеру телефона.

– Ты можешь подтвердить, что анализируешь эти расшифровки и аудиофайлы без предубеждений?

– Да, – сказала Дилейни.

– Ты можешь подтвердить, что любые предположения и заключения, сделанные на основе акцента говорящих, противоречат политике “Вместе”?

– Да.

– Ты можешь подтвердить, что просто ищешь несоответствия между аудиозаписью и расшифровкой?

– Да.

– Ты можешь подтвердить, что не являешься детективом, сотрудником правоохранительных органов или службы безопасности “Вместе”?

– Да.

– И последнее. Можешь ли ты подтвердить, что не будешь выходить за рамки поставленной задачи, делать выводы о говорящих и пытаться установить личности этих людей?

– Да, могу. Я не буду этого делать.

Карина опустила камеру и улыбнулась.

– Все. Не забывай, что ты только исправляешь слова. Поэтому если услышишь подозрительное слово, то ИИ его пометит. Если услышишь слово “бомба”, набери его, и дальше с ним будет работать служба безопасности. Понятно?

***

Первый разговор происходил между отцом и сыном. Дилейни не слишком хорошо разбиралась в акцентах, но решила, что, скорее всего, родной язык старшего мужчины – русский. У сына был британский акцент с легким отголоском континентальной Европы. Дилейни вообразила, что отец – богатый московский бизнесмен, который послал сына учиться в швейцарский пансион, потом в Кембридж, а теперь они оба осели в Пало-Альто. За годы русский сына стал хуже, чем английский отца, поэтому они стали говорить по-английски.

> ГОЛОС № 1: “Внемли”, проверь, пожалуйста, пробки в Сан-Франциско.
>
> “ВНЕМЛИ”: На 101-й большие пробки, но 280-я едет хорошо. Средняя скорость передвижения по городу – 34 мили в час.
>
> ГОЛОС № 2: Видишь? Всегда лучше ездить по 280-й. 101-я – это полный кошмар. И там отвратительно. А 280-я красивая.

Дилейни решила, что Голос № 1 моложе, значит, это сын. Голосу № 2, судя по всему, за шестьдесят.

> ГОЛОС № 1: “Внемли”, выключись.

ГОЛОС № 2: Она выключилась?

ГОЛОС № 1: Ты же слышал. Я только что ее выключил.

ГОЛОС № 2: Так вот, вчера я говорил с Владом.

ГОЛОС № 1: И что, он признался, что спит с Аминой?

ГОЛОС № 2: Ради бога! Не спит он с Аминой. Амина в Лондоне.

ГОЛОС № 1: Влад целый месяц был в Лондоне.

ГОЛОС № 2: Ну и что? Он же Питер.

Дилейни остановила запись, отмотала назад и снова прослушала фразу. Последнее слово было не “Питер”. Это было слово “пидор”. Она напечатала исправление и была вознаграждена тихим треньканьем.

ГОЛОС № 1: “Внемли”, включись. Влад спит с Аминой?

ГОЛОС № 2: *(смех)*

“ВНЕМЛИ”: Это хороший вопрос. Я подумаю над ним и вернусь к вам.

ГОЛОС № 1: *(смех)*

ГОЛОС № 2: *(смех)*

ГОЛОС № 1: “Внемли”, выключись!

ГОЛОС № 2: Ты вчера видел Челси?

Когда ночью Дилейни лежала в постели, ей в голову пришла жутковатая идея, способная разрушить мир. Прошедший день вызывал у нее одновременно отвращение, удивление и восхищение. Она прослушала тридцать шесть разговоров, все – крайне личные. Почти во всех случаях говорящие произносили фразы *“Внемли”, включись* и *“Внемли”, выключись*, но это не оказывало совершенно никакого эффекта, запись начиналась автоматически, как только раздавался человеческий голос. Владельцы контролировали устройство не больше, чем ребенок, крутящий игрушечный руль на заднем сиденье, контролирует автомобиль.

Но для новой идеи требовался подходящий сосуд. Она провела во “Внемли” два дня и не успела познакомиться ни с кем, кроме Карины. Что ж, Карина может и подойти. Она вполне харизматична. Но, пожалуй, ей не хватает праведной ярости. Духа крестоносца. Тут нужны страсть и упорство, потому что если идея встретит сопротивление в самом начале, то потребуется неистовая вера, что ты выступаешь за правое дело. А после этого, после первого этапа внедрения, процесс будет уже не остановить.

***

Дилейни попросилась остаться во “Внемли” еще на неделю. Ей необходимо было собрать побольше информации и найти своего крестоносца.

ГОЛОС № 1: Потому что ты придурок, вот почему.

ГОЛОС № 2: *(неразборчиво)*

ГОЛОС № 1: “Внемли”, включись! Сколько стоит авиабилет из Окленда до Мауи? На завтра.

“внемли”: Место в эконом-классе на рейсе “Американ Эйрлайнс” завтра, в 12:15, стоит 1290 долларов.

ГОЛОС № 2: Да ты совсем сбрендила!

ГОЛОС № 1: Вот возьму и поеду. Мне нужен перерыв. Это будет стоить того.

ГОЛОС № 2: Хочешь сбежать от меня?

ГОЛОС № 1: Да. Ты постоянно тут торчишь. И никогда ничего не делаешь.

ГОЛОС № 2: А знаешь что? Вали на все четыре стороны. Не просто на Мауи. Переезжай, сдохни, выпей яду. Мне пофиг. Эта хрень включена? “Внемли”, выключись! Синди, не трогай! Это Рены.

ГОЛОС № 1: Что хочу, то и трогаю!

ГОЛОС № 2: Мои вещи ты трогать не будешь! Ты ведешь себя как ребенок!

ГОЛОС № 1: Это я ребенок? Знаешь, чего я хочу? Я хочу мужчину, которому не нужно постоянное одобрение от всех бывших!

ГОЛОС № 2: А ты вечно разыгрываешь драму. Мне надоел этот театр одного актера. Эти монологи. Ты всегда как будто под софитами, поешь о своих страданиях сидящим в темноте зрителям. Эй! Ну-ка, положи, пока я сам у тебя не забрал!

Телефон Дилейни звякнул. “Пора размяться и пройтись! У тебя три минуты”.

Дилейни в смятении встала и вышла в коридор, где наткнулась на Карину.

– Ну как, есть что-нибудь интересное? – спросила та. Крылья бабочки затрепетали.

– В записях? – переспросила Дилейни. – О да. Это очень интересно.

– Что-нибудь важное для расследования? – Еще одна вспышка синевы.

– Нет, – ответила Дилейни.

Она пока не планировала внедрять свою идею, но все время прокручивала ее в голове, репетировала вступление, пыталась предсказать реакцию, контраргументы, а сейчас вдруг поняла, что готова. Карина стоит прямо перед ней, и хотя она не уверена, что именно Карина – ее крестоносец, другой возможности может и не представиться.

– Я слушала ссору, – сказала Дилейни.

Карина кивнула, на лице словно было написано: “И это тебя удивляет?”

– Мы не должны сообщать о таком?

– Нет, – ответила Карина. – Не забывай, что это все запрещено. Мы, по идее, вообще не должны это слышать. Так что категорически – нет и нет. Хотя было два случая, когда с помощью “Внемли” удалось предотвратить убийства.

– Но домашнее насилие допустимо?

– Ты серьезно?

– Не знаю, – вздохнула Дилейни. – Я не могу понять, мы за прозрачность или нет?

– Если это не касается антитеррористических расследований – наше, кстати, тоже не совсем одобрено официально, – то все, что происходит в домах, должно оставаться там. Таков закон.

– А если подумать о последствиях? – спросила Дилейни. – Понимаешь, по сути получается, что то, что недопустимо на публике, допустимо дома. Мы закрываем глаза на дурные поступки, если они происходят за закрытыми дверями. Ты же тоже наверняка слышишь ссоры, когда работаешь с записями?

– Сплошь и рядом.

– Вот и я. Очень часто. И большую часть я назвала бы домашним насилием. Пусть только эмоциональным, но оно может вести и к физическому. На самом деле даже странно, что я еще не услышала ни одного свидетельства реального нападения. Но, боюсь, это только дело времени.

Карина закрыла и открыла глаза.

– Мы фиксировали преступления на аудиозаписях, причем во многих странах, и сообщали о них, – сказала она. – У нас есть соглашения с правоохранителями некоторых государств. С Филиппинами. С Польшей. Забыла, с кем еще. Кажется, с Турцией.

– Но это же крохи. Я говорю о другом. О полном доступе к записям, и чтобы все об этом знали. То же самое наблюдение, которое ведется в общественных местах. Кажется, уже никто не спорит, что резкое снижение уровня преступности – это прямое следствие распространения камер.

– Что ты имеешь в виду? Что кто-то во “Вместе” будет

слушать все аудио в реальном времени? Постоянно? Из каждого дома в мире?

– Нет. Никто не будет слушать в реальном времени. Следить будет ИИ. Главное – все будут знать, что их слушают. Это повлияет на поведение точно так же, как камеры в магазинах и на улицах. Люди знают, что в общественных местах за ними следят, поэтому ведут себя лучше. А теперь то же самое будет и у них в домах. Тем более что у нас уже есть 260 миллионов работающих “Внемли”.

Дилейни дала Карине обдумать ее слова и после паузы продолжила:

– У нас же есть, к примеру, датчики дыма. Их установка требуется по закону. Потому что они спасают жизни. Любое наблюдение, которое спасает жизни, необходимо!

Лицо Карины застыло.

– Значит… – сказала она.

– Это ведь то же самое! – не отступала Дилейни. – Просто вместо реакции на дым или угарный газ будет реакция на конфликт. На признаки проблем. На предвестники жестокого обращения или физического насилия.

Карина уже энергично кивала:

– Я поняла! Переход на крик, резкий тон, определенные бранные слова.

И Дилейни стало ясно, что Карина – идеальный кандидат.

– Прекрасно, прекрасно! И при наличии таких признаков программа сделает автоматический звонок в 911?

– Я как раз думала об этом, – сказала Дилейни. – Мне представляется, что при определенных ключевых словах, изменении тона или достижении определенной громкости будет запускаться целый ряд протоколов. Во-первых, ИИ отметит отклонение, и местные власти будут оповещены о потенциальном нарушении. Просто желтая точка на карте. Если в данном районе находится полицейский патруль, он поймет, что нужно держаться поближе. А ИИ будет дальше следить за ситуацией и оповестит, если она накалится.

– Копы смогут подключиться! – подхватила Карина. – Они видят желтую точку, подключаются и слушают в реальном времени.

– Именно!

– Сначала, конечно, станут апеллировать к Первой поправке, но они заткнутся, когда увидят результаты. Никто не будет спорить с необходимостью предотвратить насилие. А мы сможем снизить уровень домашнего насилия до ничтожной доли от сегодняшних показателей!

– И главное – дети! – со значением произнесла Дилейни.

И поняла, что дело сдвинулось. Что возражения против аудионаблюдения будут восприниматься как молчаливое поощрение домашнего насилия. И те, кто не захочет подключаться к системе, превратятся в потенциальных насильников.

Карина уже тянула ее в сторону конференц-зала:

– Нужно рассказать всем! Ты не против?

***

Когда все собрались, Карина изложила суть разговора с Дилейни и предложила ей продолжить.

– Меня всегда удивляли дискуссии по поводу умных колонок, – начала Дилейни, – потому что мне они кажутся едва ли не лучшим оружием борьбы с жестоким обращением с детьми.

Реакция ее поразила. Одна из женщин опустила голову, явно пряча слезы. Карина тут же это заметила.

– Рия, ты хотела что-то сказать?

У Рии было круглое доброе лицо. Она шумно втянула воду через трубочку.

– Нет. Может быть, потом… Пусть договорит… – Она посмотрела на Дилейни, но не смогла вспомнить ее имя.

– Дилейни, – подсказала Карина.

– Да, Дилейни. Продолжай, пожалуйста!

– Окей. Представьте себе, что умные колонки станут столь же привычной вещью, как датчики дыма. Насколько мне известно, установка в новых строениях таких датчиков и систем пожаротушения – обязательное условие.

– Именно так, – произнес один из анонимных “изолянтов”.

– Значит, можно сделать обязательными и умные колонки, по той же самой причине – чтобы защитить жильцов. Если подумать, это фактически одно и то же. Датчики дыма улавливают угарный газ или дым и включают тревогу.

Рия закрыла лицо руками. Карина кивнула Дилейни и прикрыла свои бабочковые глаза, показывая, что не нужно останавливаться.

– Как и в любой другой ситуации, когда человек знает, что за ним наблюдают, он будет контролировать свое поведение. Мы уже убедились в этом на миллиардах примеров благодаря камерам. Но я считаю, что самая большая опасность таится за стенами жилищ. Огромное количество насильственных преступлений совершается теми, кто рядом.

Рия уже плакала в открытую, и “совместные”, вскочив, окружили ее, пытаясь утешить, – естественно, без прикосновений. Карина похлопывала воздух над ее плечом, с полдюжины людей

топтались вокруг, делая сочувственные лица и издавая сочувственные звуки. Наконец Рия вытерла глаза и выпрямилась.

– Я прошу прощения. Но я сама подвергалась домашнему насилию. Некоторые из вас знают. Это продолжалось годами. Типичная история – когда мать с низкой самооценкой защищает отчима-насильника.

Теперь уже очень многие прослезились.

– Если бы у нас было такое наблюдение, его бы поймали и наказали, – сказала Рия. – Несомненно, речь идет об аудио с “Внемли”, нужно, чтобы это стало обязательным для всех семей, где есть дети.

Перед Дилейни отчетливо предстало будущее. Круглосуточное наблюдение станет обязательным везде, где есть дети, – в школах, церквях, библиотеках, дома. Этого нельзя будет избежать. Любой, отказывающийся установить камеры, станет считаться преступником, который замышляет или уже совершает насилие. А такие, как Рия, – идеальные проводники этой идеи.

34
Все, что можно сказать

Несколько следующих дней прошли как в лихорадке. Сотрудники “Внемли” моментально включились в процесс. Карина и Рия договорились о совещании с Бригадой 40 и старшими юристами “Вместе”, среди которых была дюжина бывших прокуроров и четверо адвокатов Союза защиты гражданских свобод. Команда подготовила презентацию, которая, по их мнению, должна была впечатлить и убедить всех. Карина настояла на том, чтобы пойти на совещание одной.

Она вернулась через два часа, кипя от ярости. Оглядела собравшихся в комнате и сказала:

– Мы должны еще над этим поработать. В данный момент конституционные нормы против нас – в первую очередь Четвертая поправка.

Лицо Рии побагровело, потом побелело.

– Это санкционированное правительством насилие! – объявила Дилейни.

– Именно! – согласилась Карина.

Дилейни была удивлена. “Вместе” обычно не обращала внимания на законодательные ограничения. Тут привыкли выпускать идею в мир и наблюдать, что будет. Согласно обычному сценарию они должны были начать испытание программы на местном уровне, заручившись согласием общин и полиции. Спустя месяцев шесть, когда идея пройдет проверку на практике, она должна широко распространиться, как это произошло с видеодомофонами и их подключением к полицейским системам наблюдения, и спрос достиг бы пика задолго до возникновения каких бы то ни было возражений от юристов.

***

Для Дилейни следующий шаг был болезненно очевиден. Но она уже и так стала в этой истории гораздо более важной фигурой, чем ей хотелось бы, и вплотную приблизилась к тому, чтобы ее признали автором программы, поэтому решила подождать, пока команда “Внемли” сама не предложит то, что, на ее взгляд, было неизбежным.

Все были подавлены. Рия взяла отгулы. Карина требовала новых идей, но дождалась лишь предложения называть жилища без колонок “Внемли” *темницами*, и команда, ответственная за соцсети, запустила ботов для популяризации этого термина. В

остальном сотрудники “Внемли” лишь осаждали юристов “Вместе”, но у них не было новых аргументов или фактов. Через три дня Дилейни поняла, что у нее нет выбора. Она попросила Карину о личной встрече.

Они встретились на дорожке, идущей вдоль периметра.

– У нас мало времени, – сказала Карина. – Я надеюсь, ты можешь предложить что-то действенное.

– Нам нужно доказательство, – сказала Дилейни. – Пока мы дали им только туманные обещания предотвращать насилие. А мы должны предъявить реальные доказательства.

– Поймать кого-нибудь за совершением насильственных действий? – догадалась Карина.

– ИИ ищет слова, связанные с планированием теракта, и это прекрасно. Пусть продолжает. Но какова вероятность, что у заложившего взрывчатку есть колонка дома? Они взяли машину, которой тридцать лет. Они не оставили ни единого цифрового следа. Они знали, что делают.

Карина смотрела на Залив. Без палаток и лачуг вид изменился к лучшему.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Мы можем пойти дальше. Мы хотим, чтобы во всех домах стояли колонки “Внемли” и чтобы они были активированы постоянно. И нам нужно это обосновать. Мы должны запрограммировать ИИ реагировать не только на слова, относящиеся к терактам, но и на индикаторы, о которых мы говорили, – громкие голоса, бьющуюся посуду, хлопки дверей, ключевые слова.

– Так. А дальше?

– Сотни отделов полиции сотрудничают с компанией уже много лет. Мы облегчаем работу полицейских, предоставляя данные, видео с домофонов и придомовых камер, номера машин, истории поиска и загрузок…

– Да, да.

– И мы можем запустить новый проект – ИИ будет реагировать на индикаторы и сразу же посылать адрес местным копам. Они смогут приехать и предотвратить инцидент, прежде чем он произойдет. Полицейские носят на себе камеры, так что у них будет подтверждающая видеозапись. Буквально за несколько часов мы сможем смонтировать подборку минуты на полторы. ИИ “Внемли” фиксирует потенциальное насилие над ребенком, информация отправляется копам, копы прибывают вовремя, жена и дети спасены, преступление предотвращено, конец.

– Юристы взбесятся, – заметила Карина.

– Возможно, именно так нам удастся с ними справиться. Мы

докажем ценность нашей программы общественности, люди сами начнут требовать ее внедрения. Юристы и законы будут вынуждены уступить воле большинства. Работа девяноста процентов наших камер наблюдения и так противоречит конституции, но людям они нужны. И никто не пытается их убрать. Кто может доказать, что наличие камер повредило? Преступники? Можешь представить коллективный иск со стороны грабителей?

– Да уж, – сказала Карина.

– Главное здесь то, что мы предотвратим насилие. Вот и все.

– Полицейские иногда ошибаются, – напомнила Карина.

– Речь не идет о том, чтобы вышибать двери. Они просто приедут, проверят, все ли благополучно, может быть, заберут детей из дома на несколько дней. Но если что-то не так, они найдут улики. И насильник будет нейтрализован.

– Они могут отключить “Внемли”.

– Но ведь на самом деле не могут! И со временем появится соответствующий закон, как закон о датчиках дыма. Уже сейчас требуется, чтобы камеры стояли во всех школах и церквях. Единственное место, где дети не защищены, – это их собственный дом, и именно там происходит большинство случаев жестокого обращения. Это элементарно!

– Хорошо, – сказала Карина. – Даю тебе два дня.

– Мне? Нет, я не…

– Ты же сама это предложила. В чем проблема?

– Я – не тот человек. Пусть Рия…

– Ты думаешь, Рия захочет заново переживать такую травму?

***

Дилейни дали в помощники программиста по имени Лайам. Это был бледный парень лет двадцати пяти с острыми чертами лица, выпускник МТИ, не ожидавший, что его привлекут к такому проекту. Карина фактически заперла их в комнате и дала два дня на разработку программы.

– Прости, – сказала Дилейни. – Я понимаю, что для тебя это неожиданно.

– Значит, мы сможем покончить с домашним насилием? – спросил Лайам. – Такова цель?

– Теоретически – да, – ответила она.

– С чего начнем?

Дилейни нашла десять округов США с самым высоким уровнем жестокого обращения с детьми. Проверив их, Лайам обнаружил, что там относительно низкий охват “Внемли” – всего 58 %. Тем не менее колонки были в 1,6 миллиона домов.

– Это наша область поиска?

– Да, это наша область поиска, – подтвердила Дилейни.

– И какие слова мы будем искать?

Поскольку проект был секретным и результат требовался быстро, они не успели пригласить лингвистов, экспертов по домашнему насилию или кого-то еще. Решать должна была Дилейни.

– Давай так: просто набирай слова, кидай мне, и мы составим список, – решил Лайам. – Записывай все, что придет тебе в голову.

– И поиск начнется мгновенно? – спросила она.

– Да, в реальном времени. Обычно так не делают, но после теракта все изменилось. Сигнал раздается сразу же, как только колонка слышит слово, отвечающее критериям. Достаточно 80–90 % совпадения. Например, если мы ищем фразу “Я тебя убью”, то система среагирует на любые близкие словосочетания. “Убил бы тебя”, “Хочется тебя убить”, “Так и убил бы тебя”, “Убить тебя мало”, “Иди сюда, а то убью”. И так далее.

Он произнес все эти жутковатые фразы совершенно без эмоций. И посмотрел на Дилейни, ожидая, что она скажет.

– Давай с этого и начнем.

Ей было не от чего оттолкнуться, с домашним насилием она была знакома только по фильмам.

Лайам набрал слова и снова повернулся к ней. Она не знала, что еще предложить.

– Как насчет “Ах ты, мелкая дрянь”? – спросил он.

– Давай, – согласилась Дилейни.

У Лайама звякнул браслет, и он тяжело вздохнул.

Он достал из-под стола длиннющую резиновую ленту с ручками на концах, прикрепил ее середину к крючку в стене и начал яростно тянуть за края, как будто пытаясь отплыть от стены. Спустя полминуты прервался и предложил:

– Хочешь попробовать?

Дилейни взялась за ручки, попыталась тоже изобразить отчаянный заплыв и отдала эспандер Лайаму. Несколько минут они упражнялись по очереди, потом Лайам вернулся на место.

– Может быть, “Ах ты, мелкий ублюдок”?

Дилейни, все еще не в силах отдышаться, одобрительно хмыкнула, и в течение следующего часа пальцы Лайама летали по клавишам, Дилейни лишь иногда что-то добавляла или исправляла.

Сейчас получишь у меня.
Шлюха.
Мерзкая шлюха.

Мерзкая маленькая шлюха.
Тащи сюда свою задницу.
Тащи сюда свою мерзкую задницу.
Выпороть тебя мало.
Надрать бы тебе задницу.
Надрать бы твою мерзкую задницу.

За час они набрали 188 фраз, и Лайам решил, что этого достаточно.

***

У Дилейни начались проблемы со сном. Она лежала в своей капсуле, зная, что когда проснется, опять будет подслушивать частные разговоры ни о чем не подозревающих людей. Она перебирала вершины Айдахо.

Пик Бора.

Пик Лезермана.

Маунт-Черч.

Пик Даймонд.

Все, что она делала во “Вместе” раньше, не имело такой прямой связи с реальностью и казалось абстракцией по сравнению с этим.

Маунт-Брейтенбах.

Пик Лост-Ривер.

Пик Дональдсона.

Наконец сон сморил ее, но всего на несколько часов. Она проснулась и перевернулась на другой бок, ее преследовали видения гибели детей.

Пик Хиндмана.

Пик ГССШ.

Пик Ноу-Регрет.

А потом она проспала все утро.

***

Когда она пришла, Лайам был уже на месте. Процесс настройки ИИ на поиск новых ключевых слов и фраз занял больше времени, чем предполагалось, сказал Лайам, так что он просидел допоздна, встраивая фильтры, которые отсеивали бы звуки из радио и телевизора и фокусировались на голосах взрослых людей.

– Спасибо, – сказала Дилейни.

– Когда мы проводили поиск для расследования теракта, то получили десятки тысяч совпадений в первые несколько дней. Было невозможно проверить все. При этом мы искали менее частотные слова, чем сейчас. Я уверен, что в мире гораздо больше домашних насильников, чем людей, которые начиняют грузовики

взрывчаткой.

Они помолчали.

– Я также ввел в программу поиска детские крики, – снова заговорил Лайам. – Визг высокой частоты, плач, все такое.

– Спасибо, – снова сказала Дилейни и вышла из комнаты.

В туалете ее приветствовал вечно лыбящийся скунс.

– Привет, Дилейни!

Она забежала в кабинку и выблевала свой завтрак.

– Неужели кто-то заболел? – спросил скунс, сочувственно сморщив мордочку.

– Все в порядке, – ответила Дилейни.

– Не забывай, клиника работает круглосуточно. Предупредить их, что ты придешь? Твой план здравоохранения рекомендует посещать врача при таких происшествиях.

– Это просто нервы, – сказала Дилейни. – Я очень разволновалась из-за проекта.

Она вышла из кабинки и начала мыть руки, надеясь, что скунс сосредоточится на этом и запоет свою песенку про день рождения. И он правда запел – тихонечко, на заднем фоне. Однако параллельно раздался еще один голос, более громкий. Это был не скунс. Кажется, голос исходил из нарисованного дерева рядом с ним.

– Рвота может быть симптомом самых разных состояний, – вещало дерево. – Пищевое отравление, бактериальная инфекция, даже беременность. Мы рекомендуем тебе обратиться к врачу. Мы с твоим “ВладейСобой” сегодня подберем подходящее время.

Дилейни отказалась, домыла руки и наконец смогла сбежать от скунса и дерева. Когда она вернулась к Лайаму, он сообщил, что уже нашел тридцать восемь совпадений и разбил их на группы в соответствии с ключевыми фразами.

– Чаще всего встречается “Я тебя убью”. Но я почти уверен, что стоит обращать внимание на что-то более специфическое. Помнишь, я добавил “Иди сюда, сучка”? Так вот, есть несколько совпадений. Я проверил один разговор прямо в реальном времени. Хочешь послушать?

Он поднес палец к сенсорному экрану. Кожа Дилейни покрылась мурашками. *Черт*, подумала она. *Черт, черт, черт.* Она кивнула. Лайам коснулся экрана, и помещение заполнилось звуками. Голоса звучали в стереорежиме, а на большом настенном экране тут же появлялась расшифровка. Дилейни читала слова, чтобы как-то заглушить звук – он был таким громким, будто доносился прямо из ее собственного черепа.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Нихера ты не понимаешь, да?

(Пауза 2,1 *секунды)*

МУЖСКОЙ ГОЛОС: Эта сучка, твоя дочь, думает, что может меня наебать.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Дон, прекрати. Это не смешно.

ГОЛОС ДЕВОЧКИ: Пусть выскажется. Всякий раз, как он открывает рот, наш дом становится еще тупее.

МУЖСКОЙ ГОЛОС: А ну иди сюда, сучка!

– Выключи! – сказала Дилейни.

– Через секунду раздастся крик, – сказал Лайам. – Звуки такие, будто он ее ударил или швырнул в нее что-то.

– Выключи!

Лайам отключил запись.

***

Они продолжали, чередуя работу с физическими упражнениями. Вопреки опасениям Карины, Рия согласилась возглавить “Внемли, Спаси меня” и взялась за дело с яростью.

Она сосредоточилась на разговоре, который выловил Лайам, и занялась вместе со своей командой подготовкой 90-секундной демонстрации. Рия передала запись и адрес местным полицейским, которые получили ордер и арестовали отчима по подозрению в насилии. Камеры полицейских зафиксировали эффектную последовательность событий: приближение к дому, стук в дверь, шок отчима при их появлении, его недолгое сопротивление, а главное – глаза девочки лет пятнадцати, которая стояла в дверях, глядя, как уводят ее мучителя, не в силах поверить собственному счастью.

И все равно юристы “Вместе” не желали одобрять запуск программы. Конечно, прокурору будет сложно не принять во внимание такие доказательства, но обнародование домашних записей противоречит пользовательскому соглашению “Внемли”, и таких прецедентов в истории “Вместе” еще не было, говорили юристы.

А как насчет соцсетей? – спросила Рия. Ведь никто не запрещает людям постить фото и видеоматериалы?

Да, сказали юристы. Но ведь это материалы, которые добровольно публикуют сами пользователи. Или же людей ловят за совершением преступления в общественном месте. А в частных домах все иначе. Если доказательства собраны без ведома обвиняемого – это другое.

Естественно, самым простым вариантом было изменить пользовательское соглашение, но юристы продолжали сопротивляться. Покупая товар, произведенный частной компанией, вы не можете согласиться на нарушение ваших прав –

по крайней мере, с точки зрения судебной власти. Наши условия не могут нарушать закон, твердили они.

И тут терпению Рии пришел конец. Она сделала то, что, по ее мнению, была обязана сделать, – то, что было нормой вот уже лет тридцать. Она попросту слила видео со всеми данными в Сеть, но так, что участие в этом “Вместе” осталось за кадром. Видео произвело сенсацию и за неделю набрало сто миллионов просмотров. После этого ее команда с фейковых аккаунтов стала выпускать по одному подобному ролику в день.

Каждое видео начиналось с вида дома – такие кадры было легко найти, учитывая, что “Вместе” снимала каждый американский дом отовсюду, уличными камерами и со спутников. Затем шло записанное “Внемли” аудио с расшифровкой – титры, бегущие по изображению дома. Когда начинал говорить тот или иной его обитатель, на экране появлялось лицо, которое можно было идентифицировать. Как только звучали оскорбительные слова, сюжет переключался на полицейского диспетчера. Он отправлял патруль, и дальше уже шла запись с их камер. Полицейские подходили к двери, и теперь можно было слышать, что происходит в доме. Этот динамичный монтаж завершался прибытием соцработников, спасением ребенка, арестом отца или дяди (в одном из случаев – бабушки), а в эпилоге – перечень обвинений и информация о предстоящих судебных слушаниях.

Ролики стали настоящей сенсацией. Один из них просмотрели 420 миллионов раз за восемь дней. Отец в этой истории выкрикивал угрозы и непристойности в адрес двух близнецов восьми лет. Его арестовали, но через неделю выпустили под залог в 500 000 долларов. Однако у окружного прокурора не было доказательств вины, только угрозы и громкие голоса на записи “Внемли”. А закон не запрещал – пока не запрещал – орать у себя дома. Суд постановил, что близнецы не подвергались насилию.

Но то, что неподвластно букве закона, вполне подвластно суду общественности. В следующий же понедельник папашу близнецов уволили, а на следующий день уволили и мать – которая, по мнению большинства, была соучастницей. Народ был доволен, и, несмотря на то что программа “Внемли, Спаси меня” пока не получила законодательной поддержки, она уже набирала популярность.

“Вместе” отобрала для партнерства восемьдесят восемь департаментов полиции в разных городах, особое внимание уделив тем, где уровень домашнего насилия выше среднего. Они получили возможность подключиться к “Внемли” местных

жителей, и патрули стали наносить визиты в подозрительные дома. Случалось, что ИИ реагировал на голоса из телевизора, музыку, видеоигры и даже аудиокниги, но это тоже оказалось полезно – помогало отладить программу.

За первый месяц из 609 визитов полиции в дома 11 дали реальный результат. В трех случаях дети подрались между собой, и их на месяц определили в разные приемные семьи. В двух случаях родители и дети репетировали пьесы, и все разъяснилось после ночи в тюрьме и привлечения адвокатов. Однако главным итогом стали шесть случаев, когда полиции, по всей вероятности, удалось предотвратить реальное насилие. В трех из них прозвучали слова “Я тебя убью!”, в двух – “Сейчас ты у меня получишь!”, а в одном – лязг пряжки ремня, который ИИ смог правильно идентифицировать.

***

Дилейни ждала шквала общественного возмущения. Она была уверена, что все это уже слишком, что прослушивать дома – во много раз хуже, чем читать письма и устанавливать камеры повсюду. Жилище – это святое. Дилейни надеялась, что люди примутся массово делать то, что она сама проделала однажды, – вышвыривать колонки “Внемли” в окна.

Но этого не произошло. Наоборот, люди считали новшество разумным, оно способствовало их безопасности. А кроме того, люди желали демонстрировать свои добродетели, выставляя их на обозрение ИИ.

Люди притихли. Они тщательнее выбирали слова. Они перестали повышать голос на детей. Они не угрожали. Даже секс стал беззвучным. Те, кто привык взвизгивать от радости, громко сморкаться или стонать от удовольствия, заткнулись. Радостные детские крики долго вводили ИИ в заблуждение, и полицейские зазря кидались на помощь, прежде чем он научился правильно их идентифицировать, – но к этому времени и дети приучились помалкивать.

Теперь только самые отмороженные идиоты или закоренелые преступники решались на злодеяния. Буквально за несколько недель мир стал намного безопаснее для всех без исключения. В свое время вживление детям микрочипов практически свело на нет похищения, а теперь новая программа должна была обеспечить их безопасность везде и всюду.

Сценарий был уже понятен. Все начнется с частных компаний. Они станут требовать от сотрудников, у которых есть дети, установить дома умные колонки и постоянно держать их включенными. Затем последуют церкви, а после церквей – частные школы. У ассоциаций домовладельцев не останется

выбора, кроме как потребовать того же от своих членов, точно так же, как у правлений кооперативов и арендодателей. Потом то же самое произойдет с отелями, мотелями и отпускным жильем. Ведь помимо защиты детей это еще и вопрос ответственности. Города, штаты и, наконец, государства найдут пути, чтобы сделать “Внемли” обязательными, и вскоре колонки окажутся в каждом жилище во всех уголках Земли. И тогда очередь за следующим шагом – добавить во “Внемли” камеру, чтобы умные колонки не только подслушивали, но и подсматривали.

35
Безумный допрос

Было воскресенье. Фрэнсис торжествовал. Он боксировал на кухне, танцевал вокруг очага, тыкал всех своими маленькими кулачками. На следующей неделе Дилейни должна была перейти в “СооПред”, он не мог дождаться этого момента и уже сейчас начал вводить ее в курс дела. После катастрофы с бездомными Фрэнсис был подавлен, даже напуган, но теперь, кажется, стал почти прежним.

– Я знаю, что ты уже подписала документы, но все равно тебе предстоит увидеть очень много нового и неожиданного. И ты должна поблагодарить за это меня. – Осознав, что последнее прозвучало не слишком вместе-допустимо, он поправился: – Я хотел сказать, мы *оба* должны быть благодарны за такую возможность.

Дилейни видела, как “Внемли” расползается, подобно чуме. Рия и Карина несли в мир послание безопасности-через-наблюдение. Никто не протестовал. А любого, кто хотел бы протестовать, очень быстро убеждали держать свои мысли при себе: выступления за то, чтобы дома оставались невидимыми и неслышимыми, приравнивались к выступлениям за домашнее насилие, совращение малолетних и терроризм.

Каждая неделя приносила новые истории о предотвращенных преступлениях и спасенных детях. Люди перестали стесняться камер в доме – наоборот, приветствовали их. Это же просто замечательно, что ИИ может идентифицировать милые или забавные ситуации с участием их самих, их детей или домашних животных, а затем автоматически – до чего же удобно! – транслировать на весь мир, не спрашивая разрешения.

Дилейни молчала; ее разум отказывался верить, что любая идиотская идея, которую предлагали они с Уэсом, приводила к таким последствиям. Туриндустрия загибалась из-за “Стöй + Смöтри”, и миллионы людей, оставшихся без работы, сходили с ума. Однажды к Трежер-Айленду подошел круизный лайнер, и члены его команды продемонстрировали с палубы в сторону кампуса голые задницы, а потом еще и показали средние пальцы. Пассажиров на корабле не было. Теперь никто никуда не ездил.

Никто не ел бананы. А также ананасы – да любые продукты, которые нужно было доставлять издалека. Яростные воззвания со стороны Ассоциации производителей папайи пропали впустую. С каждой отмененной “Вместе” вещью миллионы людей оставались

без работы, но на складах “Вместе” всегда требовались сотрудники – для работы бок о бок с роботами-упаковщиками, под контролем ИИ и за минимальную плату. Система была организована превосходно.

Дилейни хотелось орать, требовалось срочно придумать какой-то новый план, но она нигде не могла найти Уэса. Вернее, найти-то его было легче легкого, так как он переехал в кампус, но после того, как он попал в Бригаду 40, – достижение, которое Дилейни считала важнейшим для поиска уязвимых мест компании, – он с каждым днем становился все более неуловимым. Она не могла с ним связаться. Ее самые невинные сообщения оставались без ответа. Лишь раз он прислал крайне загадочный текст: “Грядут большие перемены. Очень интересно. Как-нибудь повидаемся”. Уэс явно намекал, что больше не собирается обсуждать с ней новые подрывные идеи.

– ТУ – это, конечно, здорово, – сказал Фрэнсис и показал холодильнику карикатурный прием кунг-фу, – но только у “СооПреда” есть зубы. Если выйдешь за рамки своего профиля предпочтений, сразу почувствуешь. Но я и так уже слишком много сказал. Остальное узнаешь на месте.

В последнее время “СооПред” напускал все больше тумана вокруг своей деятельности – видимо, строил какие-то новые планы. И всем было известно, что туда набирают людей, взяли уже несколько сотен работников, и все больше рекламных и финансовых операций “Вместе” сосредоточивается там.

– Мы стремительно растем, – объявил Фрэнсис. – Сама увидишь. По крайней мере, какую-то часть. Но ты будешь работать не со мной. Скорее всего, с Ладариусом или Эллисон. Но это я приведу тебя туда! Это будет круто. Приведи соседа на работу!

***

Но в понедельник утром, когда Фрэнсис уже ждал на выходе, Дилейни получила сообщение от Габриэля Чу.

> *Привет, Дилейни, это Габриэль Чу. Надеюсь, ты сможешь встретиться со мной в Гнезде сегодня в* 08:40. *Я связался с твоим “ВладейСобой” и освободил тебе время. “СооПред” подождет. Увидимся.*

Дилейни попыталась вспомнить, что такое Гнездо. О боже, сообразила она, это же пентхаус с обзорной площадкой, откуда спрыгнули человек десять “совместных”. Гнездо было закрыто все то время, что она работала во “Вместе”.

Дилейни посмотрела на часы: 08:28. Она сказала Фрэнсису, что ее первый визит в “СооПред” откладывается, и помчалась

вниз по лестнице. Ей нужно было увидеть Джоан, и она на бегу послала ей сообщение в надежде, что та сейчас в офисе ТУ. “Я на тренировке. Увидимся!” – пришел автоответ. Сообщение Габриэля было таинственным, даже тревожным. Он не оставил Дилейни никакой возможности увильнуть. Она притормозила в тени деревьев у края Ромашки, взвешивая варианты. Притвориться, что не получила сообщение? Невозможно – ему уже пришло подтверждение, что его сообщение прослушано. Внутри вскипал протест. Какое он имеет право приказывать ей? Что будет, если она никуда не пойдет?

По другую сторону Ромашки она увидела кого-то очень похожего на Уэса – с такой же раскачивающейся походкой угонщика скота. Но мужчина был одет как фигурист – в обтягивающее трико из пятнистой лайкры. Дилейни пригляделась к нему, потом достала телефон, нашла местоположение Уэса и убедилась, что это действительно он. Он был окружен людьми, как Сократ, дающий урок на ходу, и выглядел абсолютно счастливым.

***

Дилейни подошла к зданию “АлМаса” в 08:40:54. Она решила, что надо, по крайней мере, явиться на встречу. Необязательно идти на крышу. Хотя чего ей бояться? Что Габриэль скидывает людей с обзорной площадки? Ерунда какая.

– О, вот ты где! – Рядом вдруг возникла Кики. Что она тут делает? – Я просто увидела тебя, – объяснила Кики. – У тебя здесь встреча? Не в Гнезде, случайно? Меня туда никогда не приглашали, но я всегда хотела там побывать. Возьмешь меня с собой?

Кики сегодня была в туфлях на каблуках и в легинсах, разодранных на коленях. В руках она держала шляпу, полную цветов и каких-то камней.

– Кики, у тебя все в порядке? – осторожно спросила Дилейни.

– Все очень хорошо! – слишком жизнерадостно объявила Кики. – Пойдем?

Она открыла дверь, и Дилейни шагнула внутрь. Кики бросилась к лифтовому холлу и стала нажимать все кнопки подряд.

– Гнездо! Оттуда, наверное, такой вид! Какой этаж?

– Мне кажется, тебе надо присесть и отдохнуть, – сказала Дилейни.

– Отдохнуть? Да! Попозже! Так у тебя тут встреча? С Габриэлем? Кстати, я хотела спросить, как у тебя дела, ты привыкла к жизни здесь? Кажется, ты справляешься *прилежно*. – Ее браслет одобрительно звякнул. – Как у тебя со сном?

– Кики…

– Эй! – Кики дернулась в сторону. – Не трогай меня! Я могу делать, что захочу! *Мерцающе!* – Браслет тренькнул, и Кики просияла. – *Великодушие!*

– Привет! – произнес мужской голос.

Дилейни обернулась и увидела Габриэля. На нем был темно-синий комбинезон, он стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди, и наблюдал за развернувшейся перед ним сценой.

– Кики, разве ты должна быть здесь?

– Я ее привела! – тут же сникла Кики.

– Гнездо закрыто, – спокойно проговорил Габриэль. – Кики, ты это знаешь, и знаешь почему.

– Я знаю, знаю, – закивала Кики. – Я просто привела ее.

Она перевела взгляд на Дилейни, и та поняла, что Кики не может вспомнить ее имя. Наконец Кики посмотрела на экран браслета.

– Я привела Дилейни.

– Очень мило с твоей стороны. А что это у тебя там? – Габриэль шагнул вперед, чтобы разглядеть содержимое шляпы.

– Ах, совсем ничего! Камушки. И цветочки.

– Ладно. Повторю еще раз: Гнездо закрыто.

– У Нино все хорошо, – сказала Кики.

– Я не сомневаюсь.

– Он окружен любовью.

Габриэль показал Кики на выход:

– Ты не могла бы нас оставить? Наверняка у тебя полно дел.

Глаза у Кики были совершенно безумные, губы беззвучно шевелились. Ничего так и не сказав, она выскочила на улицу.

– Дилейни, – невозмутимо сказал Габриэль, – спасибо, что пришла. – Он посмотрел на светящиеся кнопки на панели. – Лифты не работают, мы их отключили, чтобы поощрить физические нагрузки. Пойдем?

Дилейни последовала за Габриэлем по винтовой лестнице, размышляя о том, что Кики собиралась делать, поднявшись в Гнездо. Они дошли до восьмого этажа, Габриэль почти все время молчал. Один раз он поинтересовался у Дилейни, не тяжело ли ей, но тут же одернул себя:

– Ты же альпинистка! Наверное, для тебя это ерунда.

Дилейни ожидала увидеть наверху открытую обзорную площадку, но они попали в закрытое помещение – Гнездо переделали в зал, сумрак рассеивали временные светильники. В центре помещения, разделенные переносной ширмой, стояли два кресла. Полупрозрачная, но рифленая ширма создавала странное ощущение.

– Спасибо, что пришла. Это одно из самых тихих мест в кампусе, и я его в некотором роде присвоил. Могу я попросить тебя снять камеру?

Дилейни отстегнула камеру и протянула ему.

– Садись, прошу. В любое кресло.

Направляясь к креслам, Дилейни попыталась осмотреться и не увидела ни одной камеры. Сердце ее колотилось. В голове крутились варианты развития событий. Сейчас она не отказалась бы от видеонаблюдения.

Габриэль сел в другое кресло, и с этого момента она могла видеть только его размытый силуэт.

– Спасибо, что согласилась встретиться. Сейчас я отключу твою камеру. Но нас будет видеть “Дружок”. Ты им пользуешься?

– Да, – сказала Дилейни, стараясь не подавать виду, что встревожена.

– С твоего разрешения мы начнем, а “Дружок” будет оценивать твою правдивость. Ты согласна?

Дилейни знала, что отказаться не может. Но она никогда еще не подвергалась оценке “Дружком” в его нынешнем формате – гораздо более мощном и точном, чем они с Уэсом могли себе представить.

– Да, хорошо.

– Тогда приступим. Не переживай, тебе не грозят никакие неприятности. Даже, пожалуй, наоборот.

Дилейни сквозь ширму разглядела, что он держит планшет, который она не заметила, когда они шли сюда. На гладкой стене напротив не было видно камер, тем не менее наверняка сейчас ее снимают и изображение передается на планшет.

– Постарайся по возможности расслабиться, – весело проговорил Габриэль. – Я понимаю, это все неожиданно и непривычно, ты еще не сталкивалась с таким здесь. Тебе удобно?

– Нормально.

– Два кресла за ширмой – мое изобретение. Я обнаружил, что прямой зрительный контакт иногда искажает результаты. Некоторые люди испытывают беспокойство, и у них выделяются гормоны стресса. А когда мы сидим рядом, не встречаясь глазами, напряжение не такое сильное. И, повторю еще раз, тебе незачем нервничать. Это должно быть приятно для нас обоих.

Дилейни нервно рассмеялась, словно давая Габриэлю понять, что предположение, будто внезапный допрос в этой пустой розовой комнате может быть приятным, она воспринимает как шутку. Она совершенно не была готова. Она уставилась в пол, на крошечную кривую царапину на древесине. Подумала о работе Дерека, бывшего бойфренда. Хотя охота на браконьеров в Айдахо

на первый взгляд имела мало общего с этой беседой, ключ к успешной лжи оставался тем же самым. Нужно просто говорить правду. Перевернуть вопрос в голове, перефразировать его, переделать так, чтобы ответ оказался правдивым.

– Подожди, пожалуйста. – Габриэль что-то набирал в планшете.

Она думала, что он начнет с простых вопросов и постепенно доберется до того, что там у него на уме, тогда у нее будет время попрактиковаться на банальных вещах, прежде чем начать врать по-крупному. Это несколько успокаивало.

– Почему ты пришла сюда? – неожиданно спросил он.

Дилейни будто пощечину влепили. Он все знает. Все ее планы. Ее внезапно прошиб пот, но она понимала, что должна выглядеть веселой. Она заставила себя улыбнуться, потом засмеяться. Она хотела, чтобы ее голос звучал беззаботно, чтобы на лице не отражалось ни тени тревоги. Но вместо этого почувствовала, что смахивает на сумасшедшую.

– Я, конечно, знаю, что со мной весело, – сказал Габриэль, – но не настолько же. Кроме того, я вроде не сказал ничего смешного.

– Прости. – Дилейни все никак не могла перестать смеяться. – Просто я была уверена, что ты начнешь с вопроса, какое у меня любимое блюдо или как звали мою первую собачку.

– А, ну ладно. – Габриэль будто был искренне озадачен и даже слегка выбит из колеи.

– Можешь повторить вопрос? – спросила Дилейни и снова рассмеялась, на этот раз не специально. Попросить его повторить вопрос из четырех слов – да, это смешно.

– Почему ты пришла сюда?

В его голосе не было никаких эмоций. Дилейни поняла две вещи. Во-первых, он строит свои вопросы так, что их нельзя перефразировать, а во-вторых, задает их абсолютно нейтральным тоном. Похоже, это его метод.

Дилейни решила, что беспечность – лучшая тактика. Она улыбнулась и повернулась к зыбкому силуэту Габриэля по ту сторону экрана.

– Почему я пришла в эту комнату?

– В кампус, – спокойно поправил он. – На эту работу. Почему ты пришла в компанию?

Ее мозг точно оледенел. Она не могла ничего придумать. Конечно, он все знает. Ложь выматывала. Когда она смотрела сериалы про полицейских, то всегда отождествляла себя с теми преступниками, которые не пытаются убежать или выкрутиться, а сразу же поднимают руки и сдаются.

– Почему я пришла в компанию? – переспросила Дилейни.

– Да. Почему?

Может, взять и признаться? Сказать, что пришла, чтобы уничтожить “Вместе”? Она представила, как ее изгоняют из кампуса, и эта картинка ей даже понравилась. Вернется в Айдахо, будет жить одна в лесу. С другой стороны, если ее выставят, почему бы не уйти с боем? Зачем сдаваться, да еще человеку, который просто создает онлайн-опросники? Она выровняла дыхание.

– Мне хотелось быть в центре мира.

Никакой реакции.

– Какое твое любимое место?

Может, это просто рандомизированный тест, случайные вопросы, своего рода лабиринт для мозга и нет никакого зловещего подтекста?

– Гост-Каньон, – сказала она.

– Твой родной город, так?

– Да.

– А в кампусе тебе нравится?

Дилейни посмотрела на потолок, изображая, будто вспоминает все приятные вещи здесь, хотя на самом деле перебирала все, что ненавидит. Сосредоточься на том, что любишь, велела себе она и подумала об Уэсе, о Джоан, об ощущении ветра с Залива, когда стоишь голой после душа…

– Да.

Габриэль коротко кивнул.

– У тебя есть сосед по имени Сорен Лундквист?

– Да.

– Ты говорила ему, что хочешь его убить?

У Дилейни внутри все сжалось.

– Это была шутка, – хрипло проговорила она. – Моего отца раздражал смарт-знак “стоп”, и…

– Я понимаю, – перебил Габриэль, – но желаешь ли ты сейчас зла Сорену Лундквисту?

– Нет.

– Ты намерена убить его?

– Нет.

– Уэс – твой друг?

– Да.

– Это ты придумала “АутенДруга”?

Кошмар какой-то, подумала она.

Пусть это побыстрее закончится.

– Да.

– Уэс тоже участвовал в создании “АутенДруга”?

– Да. Он написал программу на основе моей идеи.

– Это ты придумала “БуДём”?

– Нет, – быстро ответила Дилейни. Это было почти правдой.

– Ты причастна к его созданию.

– Я знакома с Силом.

– Из-за этого мне пришлось переехать в кампус, – сказал Габриэль. – Моим детям нравилось ходить в школу в Пацифике. У них там были друзья, любимые учителя, знакомые детские площадки, пляж. А теперь мы все живем здесь.

Дилейни не знала, что на это сказать, поэтому промолчала. Габриэль продолжал:

– Ты имеешь отношение к “бананоскаму”?

– Я была с Уэсом, когда он выдвинул эту идею.

– А к “АнонИдее”?

– Да.

– Такое ощущение, что когда возникает какая-то новая идея, ты всегда оказываешься в той же комнате. Это так?

Она смогла переформулировать вопрос так, чтобы ответ показался правдивым.

– Я об этом не думала. – В какой-то степени так оно и было. Она не думала о том, что находится в комнате, где возникают идеи.

– Ты работала во “Внемли”, когда они предложили расширить программы прослушивания.

– Да.

– Как ты относишься к их требованиям?

– К каким требованиям? – спросила она, и Габриэль разочарованно вздохнул.

– Что “Внемли” должна стать инструментом предотвращения домашнего насилия и жестокого обращения с детьми, что у “Вместе” и государства должно быть право прослушивать все частные аудиозаписи и сотрудничать с полицией.

Дилейни припасла вполне правдивый ответ:

– Это поможет спасти многих людей.

– Почему ты пришла сюда?

– Ты уже спрашивал меня об этом, – сказала Дилейни, понимая, что это избитая тактика. Виновный даст заученный ответ. Невинный поступит естественным образом – заметит повтор.

– Ты смогла бы солгать ради великой цели?

– Что?

– Если бы тебе показалось, что ложь нужна ради благородной цели, ты бы солгала?

– Да.

– Твое имя, Дилейни, по-ирландски означает “темная лошадка”. Ты знаешь, почему твои родители тебя так назвали?

– Понятия не имела, что это значит, – совершенно искренне ответила Дилейни. – Они просто говорили, что это традиционное для нашей семьи имя.

– А ты – темная лошадка?

– Нет, – ответила она, уверенная, что эту ложь система точно распознает.

– Ты знакома с работами Мины Агарвал?

Дилейни опустила взгляд, не желая, чтобы камера, где бы она ни была, засекла смятение в ее глазах. Он перешел к козырям, подумала она.

– Да. Я прослушала два ее курса в колледже.

– Расскажи мне о профессоре Агарвал.

– Она была блестящим преподавателем. И думаю, остается таковым. Она больна. Ты с ней знаком?

– Ты поддерживаешь ее теории?

– Какие именно? – спросила Дилейни. – У нее сотни статей.

Она почувствовала, что Габриэль улыбается.

– Она одобряет то, что ты здесь работаешь?

Ну, это легко.

– Нет.

– Ты общалась с ней после того, как тебя сюда взяли?

– Нет. – Какая она молодец, что не стала выходить на связь с Агарвал!

– “Вместе” – монополия?

– Нет.

– Почему?

– Ничто не мешает потенциальным конкурентам вступить в игру. Я написала об этом работу. Наверное, тебе это известно?

– Ты согласна с теорией Агарвал, что человеческий вид продолжает эволюционировать?

– Даже не знаю, – сказала Дилейни. Чистая правда.

– Агарвал пишет, что люди не хотят быть свободными. Ты с этим согласна?

– Она говорит, что *большинство* людей не хотят быть свободными.

Наступила странно долгая пауза. Она видела, как Габриэль касается экрана.

– И ты с этим согласна? – наконец спросил он.

– Я не знаю, какой процент людей соответствует этому описанию, но некоторые действительно предпочитают, чтобы им говорили, что делать.

– Их больше половины?

– Не знаю, – ответила Дилейни, не сомневаясь, что эта ложь будет замечена.

На самом деле она знала цифру – настолько точную, насколько это возможно, к тому же легко запоминающуюся: 82/82. Восемьдесят два процента людей хотели, чтобы восемьдесят два процента решений принимались за них.

– Люди, работающие в компании, попадают в эту категорию – тех, кто не хочет быть свободными?

– Точно не знаю, – сказала она и тут же мысленно себя обругала.

Неумный ответ. Надо было сказать “нет”. Она прокололась, и теперь ее точно уволят. Хороший лояльный “совместный” не может думать, что его коллегам наплевать на свободу. Стоит ли пытаться исправиться? Молчание Габриэля подсказывало, что он дает ей время, как будто понимает, что она обязательно попытается как-то вывернуться.

– Мне кажется, что везде есть такие люди, что они были всегда – задолго до появления “Вместе”. Поэтому вполне логично предположить, что и здесь есть те, кто не понимает разницы между свободой и несвободой, или те, кого эта разница не очень волнует.

Габриэль молчал целую вечность.

– Как лучше всего реализовывать свою свободу?

– Нужна настойчивость. Нужно отказаться от привычного. Сломать сложившиеся схемы. Бросить рациональный вызов иррациональным правилам, быть готовым на одиночество, социальную изоляцию. Нужно сопротивляться дурной власти. Не пасовать перед авторитетами. Нужно отвергать ограничения. Нужно самому выбирать, в чем участвовать, а от чего отказаться.

Замолчав, Дилейни осознала, что сказала слишком много. Габриэль опять надолго замолчал, она видела, как он листает что-то на экране планшета. И какого черта она так разболталась. Однако многие в компании – и наверняка Габриэль тоже – ценили свободу мысли и самовыражения, пока она не шла во вред бизнесу, конечно.

– Почему ты разозлилась на рейнджера на пляже?

– Прости, что? – Она действительно не поняла, о чем он.

– Вскоре после твоего прихода в компанию ты хотела пройти на Оушен-Бич, но тебя остановил охранник. Он должен был проверить твой телефон и браслет. Почему это тебя разозлило?

– Я не разозлилась, – соврала Дилейни, зная, что эта ложь очевидна. – Я просто удивилась. Раньше там такого не бывало.

– Когда ты была рейнджером в нацпарке, тебя раздражало требование для туристов носить с собой телефоны?

– Нет. Это обеспечивало безопасность.

– Ты написала жалобу.

– Ничего я не писала. – Писала, но в бумажном виде, в лесничестве в Нью-Мексико, сто лет назад. Она поверить не могла, что эту бумажку каким-то образом сохранили и оцифровали, а Габриэль Чу ее нашел. – Честно говоря, не помню такого.

– Почему ты решила жить в доме трогов?

– Это было дешево, – сказала она. По крайней мере, отчасти это правда.

– Исследования показали, что если говорить об общих расходах и удобствах, такая жизнь обходится дороже.

– Но аренда-то дешевле. – Она рассмеялась. Может, вернуться к тактике смешливой идиотки?

– Зачем тебе абонентский ящик в почтовом отделении?

– Мне пишут знакомые троги и пожилые родственники, – сказала она и поняла, что естественнее всего было бы возмутиться, что он об этом знает. – В кампусе же запрещена бумага. – Она снова попыталась хихикнуть.

– Тебе нравится жизнь в кампусе?

– Да, – ответила она, и это было правдой.

– Что было в папке у Ханса-Георга?

– Не помню. – Ложь вырвалась непроизвольно.

– Ты видела что-нибудь странное во время медицинского осмотра?

Ну вот и оно. Ничего не остается, как говорить правду, причем не раздумывая.

– Да. Мне показалось, что я увидела снимок УЗИ Мэй Холланд.

– Ты кому-нибудь рассказала об этом?

– Нет.

– Люди хотят быть свободными?

– Многие люди уважают границы, – сказала Дилейни.

– А *ты* уважаешь границы? – спросил он, будто ему действительно было любопытно.

– Во многих сферах – да.

– Я хочу предложить тебе подождать несколько недель, прежде чем переходить в “СооПред”. Ты не будешь возражать?

– Нет, все нормально.

Он знает, подумала Дилейни. Он все знает.

– Почему ты пришла сюда? Прости, что спрашиваю снова.

Он точно все знал. Дилейни вцепилась в ручки кресла, собираясь встать. Он повернул к ней голову.

– Ты меня пригласил.

– Почему ты пришла работать в компаниию?

– Ты ведь уже об этом спрашивал.

– Извини. Можешь ответить еще раз?

– Я сказала, что хочу быть в центре мира. И это правда. Я хочу что-то изменить. Здесь и во всем мире.

Ей самой понравилась последняя фраза. Это было и честно, и банально. Через мутноватую ширму она увидела, как он кивнул, словно она подтвердила все его подозрения.

36
“Колонны”

Каким облегчением было больше не переживать! Дилейни выходила из Гнезда, трясясь, ожидая, что ее в любой момент выпроводят из кампуса или вообще швырнут в Залив. Они так делают? Наверняка. Тут все возможно. На ней просто поставили эксперимент. Допросили, поиграли. Она подумала о судебном иске. Вдруг Габриэль сделал что-нибудь противозаконное? Может, это было эмоциональное насилие? Не запрещено ли соглашениями, которые она подписывала, заранее рассказывать о таких играх разума?

Когда она вышла из здания, ярость несколько стихла, но ее разрывало между еще более сильным, чем прежде, желанием уничтожить “Вместе” и желанием сбежать. Я же просто человек, думала она. Я заслуживаю жизни, заслуживаю счастья. Почему просто не бросить это все? И пусть род человеческий деградирует. Каждая минута, проведенная на Трежер-Айленде, усиливает паранойю. Я же могу просто сбежать. В мире еще есть свобода.

В полном раздрае она брела через Ромашку. Только что была готова упаковать свои пожитки, сесть в метро и поехать в аэропорт, а там сесть на первый рейс до Сиэтла, но в следующую секунду ее вновь сжигало желание отомстить. Она слишком долго ходила вокруг да около, нужно сосредоточиться. Даст себе месяц. Месяц – и либо она уничтожит этого монстра, либо уйдет.

Солнце скрылось за облаками, с севера дул ветер. На траве там и тут сидели “совместные”, одни утешали других. Она увидела мужчину, с которым как-то ее знакомили, – Фуад? – он в открытую плакал, глядя в телефон. Дилейни посмотрела в свой телефон и обнаружила, что сегодня – день ежеквартальной зачистки. Худшие десять процентов из каждого отдела – по мнению алгоритма – получили уведомления об увольнении. В принятии решения никто из людей не участвовал, так что жаловаться было не на кого. Над головой проплыл “Глаз Бейли”, и в его тени Дилейни смогла лучше разглядеть лицо плачущего мужчины, это действительно был Фуад. А утешал его Сил – судя по виду, тоже переживающий не лучшие времена.

– Их обоих выгнали, – сказала Джоан, внезапно возникая рядом с Дилейни.

– Но Сил? Его же все полюбили!

– Алгоритм этого не видит, – пожала плечами Джоан. – Он слишком много времени тратил на разговоры и недостаточно

заботился о своих показателях. Конечно, он интересный, и выдающийся, и все такое, но он перестал следить за цифрами.

Дилейни заметила, что кто-то машет им. Она помахала в ответ и прищурилась, чтобы разглядеть, кто это. Винни? Выглядит вроде радостной. Дилейни надеялась, что ее не отбраковали.

– А список общедоступный? – спросила она.

– “А список общедоступный?” – передразнила ее Джоан. – Ты сколько здесь работаешь?

Она переслала Дилейни список, и та поискала в нем Винни. Среди зачищенных Винифред Очоа не было. Дилейни подняла голову и снова махнула Винни, радуясь за нее.

– Я бы не хотела никого увольнять сама, – сказала Джоан, глядя на ползущий над ними аэростат. – Кстати, Берит уходит. Нас двенадцать, и кто-то должен был уйти. Цифры – это цифры. А мы с ней сможем остаться подругами.

– Очень изящная система, – заметила Дилейни.

Джоан внимательно посмотрела на нее.

– Изящная. А ты что, хотела бы сама кого-то уволить?

– Нет. Я же и говорю – очень изящная система.

Тренькнул браслет. Сообщение от Уэса.

Можем завтра навестить маму?

***

Дилейни видела, как умирают животные. Волки, лисы и койоты, попавшие в капканы. Она сама два раза сбивала оленей, когда жила в Вайоминге, и оба раза ей приходилось помогать им уйти в мир иной. В Орегоне она однажды наткнулась на черного медведя с торчащей из спины стрелой. Тинейджеры с арбалетом, догадалась она. До дороги было десять миль, и они с медведем оба знали, что ему не выжить. Поэтому она просто сидела с ним рядом, пока он не перестал дышать.

Она понимала, что Урагану осталось недолго, и не хотела видеть, как он умирает. Но Уэс позвал ее, и каким бы печальным ни был повод, она была рада покинуть кампус.

Мама Уэса переехала в “Колонны” – комплекс смарт-апартаментов по другую сторону Залива, в районе Мишн-Бэй. После того как Гвен неудачно упала (кухня, мокрая плитка, сломанное бедро), Социальная служба заключила, что троговский дом категорически не подходит для двух пожилых женщин, и устроила им переезд в жилой комплекс, где была постоянно доступна медицинская помощь.

Дилейни приехала под вечер. Здание оказалось настолько новым, что на панорамном остеклении фасада еще сохранились наклейки производителя. Как только она подошла к подъезду,

послышалось жужжание замка: мать Уэса предупредила свою “Внемли”, что Дилейни придет, и двери открылись автоматически. Дилейни не знала, на каком этаже и в какой квартире они жили, но это и не требовалось. Лифт сам доставил ее на седьмой этаж, и в стене рядом с нужной дверью замигал огонек.

– Дил, – сказала Урсула, обнимая ее. Она выглядела осунувшейся, но улыбалась искренне. – Пойдем к Гвен. Учти, она точно расплачется.

Квартира была просторной и светлой и во многом напоминала “стручок” Дилейни. Те же самые бытовые приборы, детали отделки, потолочные светильники, полированные бетонные полы. Гвен, сидевшая в специальном медицинском шезлонге, протянула к ней руки. Она будто постарела лет на десять и выглядела такой беззащитной.

– Мне ужасно стыдно, что я вынуждена встречать тебя так.

Глаза Дилейни наполнились слезами. Из другой комнаты появился, шмыгая носом, Уэс.

– Здесь все не так уж и плохо, – сказала Урсула. – Во-первых, не воняет рыбой. Только теперь я поняла, как же воняло в нашем старом доме. Ну что за жизнь у нас была – две старухи, провонявшие рыбой! Жуть.

– И вовсе мы не воняли рыбой, – сказала Гвен.

– В общем, – продолжила Урсула, не обратив внимания на слова подруги, – привыкать, конечно, пришлось, но я не скучаю по постоянной головной боли – то проводка, то сквозняки, то проблемы с водой, вечно приходилось что-то чинить. Сейчас у меня такое чувство, что в сутках появилось лишних часа три.

– В которые нам нечего делать, – сказала Гвен.

– Мы много чего делаем, – возразила Урсула.

– Я не могу подышать океаном. Окна не открываются.

– Тебе нужен свежий воздух? Там все в дыму.

В сотне миль к северу горели леса, и дым как раз достиг города.

– Нам не позволяют выходить, – пожаловалась Гвен.

– Жильцы договорились о коллективной углеродной нейтральности, – объяснила Урсула и подняла руку, демонстрируя свой браслет. – Здание отслеживает общий углеродный след. Это всего лишь означает, что мы не можем путешествовать по собственной инициативе.

– Путешествовать! Мне нельзя даже прогуляться по кварталу! – с надрывом проговорила Гвен.

– Дорогая, но у тебя же сломано бедро. Ты все равно не можешь сейчас пойти гулять по кварталу. А любая поездка – это

углеродная нагрузка! – Она повернулась к Дилейни: – Мы учимся!

– Мы *умираем*! – прошипела Гвен. – Они твердят, что у меня повышенный показатель суицидальности.

– Да это просто показатель на основе твоей истории поиска в Сети и привычек, – сказал Уэс. – Обычный инструмент, который помогает врачам.

– Если бы ты хотел мне помочь, – проворчала Гвен, – ты бы дал мне уехать отсюда. Здесь как в тюрьме. – Она повернулась к Дилейни: – Ты всегда была такой умной. “Углеродный след”? Вот ты когда-нибудь говоришь такую хрень?

– Угомонись, – сказала Урсула и обратилась к Дилейни: – Мы тут не можем придумать, чем занять время, но “ВладейСобой” – настоящее спасение. Ты на нем?

У Дилейни пересохло в горле.

– Да, – едва выдавила она.

– Гвен не очень ему доверяет, да и я поначалу тоже не доверяла, но теперь понимаю, что это прямо дар господень. Гвен теперь принимает лекарства точно по расписанию, а мне приложение дает ощущение продуктивности и помогает распланировать время. Например, я занимаюсь португальским онлайн. Уэс тебе не рассказывал?

– Нет.

– Есть один “совместный” по имени Родерик. У него португальский клуб. Ты с ним не знакома?

– Слышала о нем.

Гвен смотрела на окно. Не в окно, а *на него*.

– А еще продукты. Больше не надо никуда ходить. Ты видела такое чудо? – Урсула показала на смарт-холодильник. – Ну разумеется, видела. Все, что не приносят нам прямо к двери, мы можем купить в магазине на первом этаже. Так что о нашем питании тоже заботятся.

– Я скучаю по своему огороду, – вздохнула Гвен.

– Здесь тоже есть огород на крыше, но… – сказала Урсула.

– О, я покажу его Дилейни, – оживился Уэс. – Мы быстро.

***

На крыше было ветрено, небо затянули облака, и запах дыма ощущался сильнее, чем внизу. Уэс повел Дилейни к огромному вентилятору, издававшему громкий гул. Тут их точно не услышит.

– Гвен совсем тут не нравится, – сказала Дилейни.

– Ей уже лучше, – сказал Уэс. – На самом деле, я думаю, хорошо, что они переехали. Они привыкнут.

– Вот уж не уверена, – не согласилась Дилейни.

Уэс помрачнел.

– Дилейни, обеим за семьдесят. Они уже не справлялись с разваливающейся лачугой. Гвен повезло, что мама была рядом.

– Ладно, – кивнула Дилейни, – ты прав. Здесь, конечно, безопаснее.

– Не издевайся. Так и есть. К тому же экономия. Теперь их расходы уменьшились вдвое. Не забывай, что у них фиксированный доход. Знаешь, какой счет за электричество им пришел на прошлой неделе? Семь долларов. Вода – всего четыре. Никаких лишних трат.

– Звучит как чудо.

– Блин, Дилейни! Меня заколебал твой лицемерный индивидуализм! Есть вещи поважнее, чем лить столько воды, сколько тебе захочется. Знаешь, я сильно изменился. Очень многое понял. Я теперь сознаю, как велика разница в углеродной нагрузке старого дома и этого, и я должен сказать, что жить там было безответственно. Настоящий эгоизм, прикрывающийся личной свободой. Анархия.

Дилейни потрясенно смотрела на него.

– Не гляди на меня так. Я должен был тебе это сказать. Я не хочу больше быть частью твоего заговора.

– Я догадалась. Быстро ты сдался.

– Я не сдался. Я хочу исправлять плохие идеи. И совершенствовать хорошие.

– Ты шутишь?

– Люди ко мне прислушиваются. Меня там уважают. Я могу сделать так, чтобы мир стал лучше. Я уже это делаю.

– Как с “Дружком”.

– Мы сделали его гуманнее.

– Господи, Уэс. Вы сделали его кошмаром.

– Они хотели добавить опцию, позволяющую использовать программу на детях. Чтобы родители могли определять, когда дети им лгут. Скорректировали настройки под глаза и лицевые мышцы ребенка, под ритм детской речи. Но я не дал им запустить такую версию.

– И это оправдывает твою работу там?

– Ни один из нас не является воплощением праведности и благородства, – выспренне сказал Уэс. – Твой подход основан на предательстве. Твоя работа там – сплошная ложь.

– Но у меня есть план.

– Правда? Что-то он до сих пор не сработал. Каждая ужасная идея, которую ты им скармливала, – которую *мы* им скармливали, – радостно принималась и “Вместе”, и всем миром. Это ты называешь планом?

– Рано или поздно возмущение прорвется наружу.

– Нет никакого возмущения, нечему прорываться. Ты только делаешь компанию сильнее.

– Она уже трещит по швам. Она рухнет.

– Не трещит и не рухнет, – спокойно сказал Уэс.

Дилейни понимала, что, вероятно, он прав.

– Но как ты не понимаешь, что ты, по сути, действуешь против меня? Вот эта штука с блокировкой “Дружка” в отношении детей. Не убери ты эту опцию, могли начаться протесты.

– Серьезно? Ты так думаешь? Люди отслеживают местоположение детей вот уже двадцать пять лет. Дилейни, они вставляют в своих детей *чипы*! Ты считаешь, что приложение, определяющее детскую ложь, стало бы последней каплей? Для кого?

– Тогда почему ты был против?

– Потому что *мне* это кажется злом. *Мне* лично.

– Тем больше причин взорвать все к чертям! Ты думаешь, что сможешь остановить любое зло, прежде чем оно просочится в мир? Помимо тебя, там двенадцать тысяч человек. И тебе не кажется, что они скоро раскусят твою игру? Тебя объявят прекраснодушным мечтателем и нейтрализуют. Назначат каким-нибудь “философом продукции” или засунут в отдел этики, и никто больше о тебе не услышит.

– Все равно лучше, чем твой план.

– Тогда давай придумаем другой.

– Не хочу.

– Не хочешь? – потрясенно спросила Дилейни.

– Я не верю, что у тебя что-то получится. Раньше мы думали, что столкнем этого монстра с утеса. Создадим какое-нибудь адское приложение, и все увидят, какое оно разрушительное и бесчеловечное. Но теперь-то мы понимаем, что такого не произойдет. Что нет никакого утеса.

– Поверить не могу.

– Придется. Пора прекратить повышать градус безумия. Наши идеи слишком хороши. И слишком ужасны. Люди от них в восторге. Нам пора остановиться.

– Нет, – сказала Дилейни, хотя в глубине души и она хотела остановиться.

– У тебя ничего не получится, – повторил Уэс. – И если начистоту, я думаю, что и не нужно, чтобы получилось. Вот сейчас, пока мы с тобой говорили, я еще кое-что понял. Что твой план – хуже, чем их. Твой эгоистичен и бесполезен.

– Ты закончил?

– Нет, Дилейни, еще нет. Я хочу, чтобы ты поняла: все штуки типа “Дружка” – это мелочи. Фигня по сравнению с воздействием,

которое оказывает “Вместе” на климат. Сейчас на Земле есть только одна сила, способная предотвратить экологический коллапс. Чувствуешь этот дым? Видишь оранжевое небо? Следишь за уровнем океана? Любое серьезное воздействие должно происходить на глобальном уровне, и сейчас нет таких государств и организаций, которые хотя бы приближались по своим возможностям к “Вместе”. Если она исчезнет, хаос выйдет на новый уровень. На этичность цепей поставок уже никто не будет обращать внимания. Не представляю, как ты могла столько проработать в ТУ и не понять, до чего полезное дело они делают. Программа “Стой + Смотри” уже уменьшила выбросы углерода на 22 %. Жители Катманду снова могут видеть Гималаи. Респираторные заболевания сократились на 74 %. Воздействие, которое “Вместе” способна оказать за считаные недели, куда важнее, чем незначительные нарушения конфиденциальности, которые она допускает.

– Незначительные нарушения? То есть уничтожение свободы?

– Я не оправдываю их. Но я уверен, что это конец старого общества и рождение нового.

– А как же огромный рост самоубийств?

– Но население растет.

– Только не говори, что самоубийства полезны для нашего мира.

– Нет. Я этого не говорю. Не говорю. Я лишь о том, что идет битва за выживание планеты. А в военное время нужно вводить военное положение. Не забывай, что “Вместе” пытались взорвать, и до сих пор непонятно, кто это сделал.

– И?..

– И мне начинает нравиться идея мира без взрывов. Без преступлений. Без насильственных смертей, даже потенциальных. А чтобы добиться этого, нужно совладать с хаосом. Научиться координации друг с другом.

– Значит, ты готов дать “Вместе” неограниченную власть.

– Безусловно, должны быть какие-то механизмы контроля. Но, Дил, ты должна признать, что они несут порядок.

Уэс посмотрел на клубы дыма, поднимающиеся на севере.

– У “Вместе” есть проект борьбы с пожарами с помощью дронов, но они не могут получить разрешение в Управлении гражданской авиации. Дроны могли бы доставлять воду туда, куда не в силах добраться люди. Просто бесит наблюдать, как планета страдает из-за бюрократии и тупости властей. Ты только посмотри, насколько более комфортной стала жизнь моей мамы и Урсулы. Мы устранили столько ненужного беспорядка, всех этих бессмысленных телодвижений – больше не нужно бегать

туда-сюда, куда-то ездить, ходить по магазинам, выбирать, выбрасывать, тратить лишнее, потреблять лишнее. Все это – элементы новой системы.

– А те, кто не может стать частью этой новой системы, должны сдохнуть.

– Если таков их выбор, то да.

Дилейни было нечего сказать. Он и прав, и не прав, но она ни в чем не сможет его убедить. Они останутся друзьями, но они больше не союзники.

– Раньше ты не был таким жестоким.

Уэс презрительно фыркнул – это тоже было новое в нем.

– Что? – спросила Дилейни.

– Нет, ничего.

– Что, Уэс? Говори!

– Да понимаешь, ты и сама не такая уж благородная. Не такая уж невинная овечка.

В разверзшейся тишине, переваривая жестокие эти слова, Дилейни осознала, что он проверял ее через “Дружка”.

– Господи, Уэс.

Он заглянул ей в глаза, потом опустил взгляд в пол.

– Ну и сколько у меня баллов?

– Неважно. Это просто помогло мне кое-что понять.

Дилейни была сломлена, уничтожена, и ей вдруг стало абсолютно все равно. Но оставался еще Ураган. Она пришла проститься с ним. Обогнув Уэса, Дилейни направилась к лифту.

Когда они вошли в комнату, Ураган слегка повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Он лежал на подстилке из искусственного меха в углу, под тонированным окном. Выпирающие ребра ходили ходуном при каждом вдохе. Дилейни присела на корточки и потрепала Урагана по голове; шерсть у пса стала сухой и ломкой. Он потянулся к ее руке.

– Он больше не бывает на улице, – сказал Уэс. – Я пытался посадить его в коляску, но он рычит.

– Он устал, – сказала Дилейни.

И я тоже устала.

– Мама с Урсулой хотят его усыпить. – Уэс погладил седую морду пса.

Дилейни взяла лапу собаки, растерла кожаные подушечки.

– Ты побудешь еще часок? – спросил Уэс.

Дилейни легла на пол рядом с Ураганом, глядя в его тоскливые глаза. Уэс уселся у стены и положил голову пса себе на колени. Тот прикрыл глаза, будто в облегчении. Уэс тоже закрыл глаза и гладил Урагана по носу, и они слушали, как замедляется его дыхание, пока оно не достигло почти идеального ритма – как

тихие волны, набегающие на берег. И в какой-то момент волна отхлынула и больше не вернулась.

37
Конец “Вместе”

Дилейни так и заснула на полу и проснулась только холодным серебристым утром, укрытая одеялом. Уэса и Урагана не было. Гвен и Урсулы тоже. Было воскресенье, и по пути обратно на Трежер-Айленд она решила зайти на почту. Спустившись на первый этаж “Колонны”, она спрятала телефон в трещину в фундаменте и взяла велосипед Урсулы. Это давало хоть какой-то шанс, что о ее поездке не узнают. Она ехала, опустив голову и стараясь избегать камер, пока на перекрестке Гири и Мэйсоник не проехала на красный свет и не получила стыж. Вспышка уличной камеры обессмертила ее преступление, и, как будто этого было мало, какой-то проходивший мимо подросток снял ее своим телефоном.

На входе в Трог-Таун сегодня был другой дежурный – молодая женщина в цветастом деревенском платье. Дилейни, как и в прошлый раз, ощутила волну запахов, среди которых на этот раз явно присутствовал аромат пачули. Паркуя велосипед у шлагбаума, она заметила всполох рыжего меха. Прямо перед ней на дорогу выскочила лиса и скрылась в боковом проулке.

На почте она нашла в ящике только одно письмо. От Агарвал. Она понимала, что не слишком разумно читать его прямо здесь, но все же открыла.

Дорогая Дилейни!

Мне давно следовало поговорить с коллегами с кафедры религиоведения. Я только теперь до конца поняла смысл наблюдения.

Бог не так стар. Его/ее/их изобрели в разных уголках мира не больше десяти тысяч лет назад. Когда человеческие общины были маленькими и сплоченными, моральные ограничения были четкими и ясными для всех. Если ты украл любимую дубинку или прототип колеса у своего товарища по пещере, а в племени только двенадцать человек, то, конечно же, все быстро об этом узнают и справедливость будет восстановлена. Ты всегда на виду, и все знают, что происходит.

Но по мере роста численности населения преступления стали возможны, потому что их стало возможно совершать незаметно. Поэтому появилась необходимость изобрести всевидящее существо.

Берегитесь, говорили те, кто придумал Бога, за вами следит праведное небесное око – даже если вокруг никого нет. (Концепция Санта-Клауса работает точно так же.)

А сегодня, по-видимому, распространение различных форм слежки и коллективное принуждение к исполнению общественных норм путем мгновенного глобального осуждения напрямую связаны с упадком идеи Бога и неизбежным крахом многих верований. Господь обещал наказание после смерти. Теперь оно настигает в считаные минуты. Карма была чем-то смутным и далеким – осуждение в Сети конкретно и быстро. И я бы сказала, что надежность внедрения морали через наблюдение нравится людям больше, чем эфемерные обещания богов/Бога прошлого.

Господь редко отвечал на молитвы, а вопли в киберпространство всегда получают отклик, какими бы безграмотными и злобными они ни были. Все, что раньше предлагал Бог – ответы, ясность, чудеса, имена для младенцев, – интернет делает лучше. Знаешь, сколько раз за последний год люди искали ответ на вопрос "В чем смысл жизни?" на ваших платформах? Двадцать один миллиард. И на каждый из этих запросов был дан ответ. Единственный вопрос, на который до сих пор получить ответ было нельзя: "Хороший ли я человек?"

Я полагаю, сейчас мы на пороге того, что "Вместе" или те, кто хочет быть поглощенным "Вместе", начнут это определять – по крайней мере, заявят об этом. И это будет последним шагом. Каждому из нас присвоят число. Человек разумный станет человеком численным. Без сомнения, последуют еще миллионы самоубийств – тех, кого бесит цифровизация, – но зато остальные миллиарды смогут наконец спать спокойно.

Я продолжаю лечение, и пока все стабильно. И это хорошие новости, которые могут породить еще больше хороших новостей. Если опухоль не вырастет за следующий месяц, я смогу участвовать в программе экспериментального лечения. Согласна, в этом есть ирония: чтобы получить лечение, я должна стать здоровее.

Агарвал

Дилейни тупо смотрела на письмо. Потом вернула его в конверт, подняла глаза и чуть не подпрыгнула от неожиданности.

С другой стороны стекла на нее смотрел мужчина. Она

отшатнулась. Он не пошевелился. Она медленно двинулась к стойке. Он не пошевелился. Его лицо было скрыто капюшоном, глаза – выпуклыми темными очками. Она уже была готова заорать и позвать на помощь, но тут он откинул капюшон, и она увидела, что это Габриэль Чу.

Она прислонилась к стене. Он беззаботно помахал ей. Она изобразила сердечный приступ. Он изобразил извинение, а потом махнул рукой куда-то влево. Он хотел, чтобы она пошла за ним. Дилейни попыталась взять себя в руки. Сердце переместилось куда-то в район правого плеча. Она кивнула ему. Он двинулся прочь. Она вышла из здания почты и пошла за ним по Брайант в сопровождении двух бродячих биглей, похожих друг на друга как близнецы. Переходя улицу, Габриэль оглянулся, чтобы проверить, идет ли она. Они миновали переулок, заставленный палатками. Двое городских служащих пытались убрать их; откуда-то доносились скорбные звуки тромбона.

Дилейни свернула под знак на углу, который предупреждал: НА ЭТОЙ УЛИЦЕ НЕТ КАМЕР. ГРАЖДАНЕ, РЕШИВШИЕ ПРОЙТИ ЗДЕСЬ, ПРИНИМАЮТ НА СЕБЯ ВСЕ СОПУТСТВУЮЩИЕ РИСКИ. Почему-то все махинации, которыми она занималась последние месяцы, казались сейчас ерундой по сравнению с этим – прогулкой по Трог-Тауну следом за Габриэлем Чу. Они прошли еще два квартала старых домов, увитых плющом и глицинией, и наконец он нырнул в здание приюта для животных. Большинство приютов теперь находилось в троговских районах.

“Вряд ли мне грозит физическая опасность”, – подумала Дилейни и вошла внутрь. Едва открыв дверь, она невольно отпрянула от двойной атаки запахов и звуков. Здесь было шумно, как в обезьяннике, а воняло и того хуже. Клетки громоздились от пола до потолка. Собаки, кошки, морские свинки, птицы. С балок под крышей свисал плакат: “Этих животных нельзя выпустить в дикую природу. Мы пытаемся найти им дом. Поддержите приют «Сенелло» и Законопроект 67”. Движение против содержания животных дома нарастало экспоненциально. Законопроект 67 закреплял право заводить домашних животных, но никто не надеялся, что он будет принят.

Дилейни услышала тоскливое блеянье. Повернувшись, она увидела в большой клетке в углу пару коз. Через миг она обнаружила рядом Габриэля.

– Ты уже здесь бывала?

Она кивнула, и он повел ее к серебристой клетке в центре комнаты, где сидела шиншилла. Клетка была высотой Габриэлю до подбородка. Дилейни встала с другой стороны, сделав шиншиллу свидетелем их разговора.

– Прости, что привел тебя сюда. Я знаю, что вы потеряли Урагана, и это место, вероятно, наводит тебя на печальные мысли.

– Спасибо за сочувствие. Все нормально.

Женщина за столом в дальнем углу, футах в двадцати, заметила их.

– Вы можете забрать эту шиншиллу прямо сегодня, – крикнула она. – Конечно, если вы живете в Неваде. Не здесь.

– Спасибо! – крикнула в ответ Дилейни.

Габриэль не сводил с Дилейни глаз.

– Я знаю, что ты делаешь. И я тебя поддерживаю.

Дилейни напряглась.

– Не бойся. Здесь мы в безопасности, – сказал он.

Эти слова ничего не значили. На Габриэле могла быть сотня устройств. Дилейни пыталась придумать ответ, который выдержал бы проверку при прослушивании.

– И что же такое я делаю?

– Я знаю, что ты пришла в компанию, чтобы ее уничтожить. Или хотя бы собрать информацию. Это очевидно. Ты никудышный шпион. Почему, как ты думаешь, я допрашивал тебя?

Дилейни смотрела на животное в клетке. На мордочке шишншиллы одновременно читалось “прикончите меня прямо сейчас” и “у меня есть все, что мне нужно”.

– Я наблюдаю за тобой с тех самых пор, как ты попала в кампус. В колледже я читал работы Агарвал. И тут ее студентка становится сотрудницей “Вместе” после шести лет жизни в лесу? Это меня заинтриговало. Потом я посмотрел вашу с Уэсом презентацию. Я знаю, что вы обвели вокруг пальца Карло и Шийрин, но, честно говоря, это было ужасно. Ты была ужасна. А когда я задавал тебе вопросы, “Дружок” порвал тебя в клочья. Твои показатели были ниже плинтуса. Но было забавно смотреть, как ты врешь, думая, что можешь обмануть свою собственную программу.

Это было уже слишком – признаваться во всем среди блеющих коз и жующих кроликов, да еще человеку в бордовых штанах.

– У нас есть вьетнамские вислобрюхие свиньи! – Служительница приюта внезапно возникла прямо за спиной Габриэля. На ней был несвежий лабораторный халат и вязаная шапочка. – Они там, сзади. Тут их невозможно держать.

– Мы пока просто смотрим, – сказала Дилейни.

Женщина не двигалась.

– Хотите кого-нибудь помельче? У нас есть кенгуровая крыса. Она как хомячок с большими ногами. Очаровашка.

– Спасибо, – сказала Дилейни. – Звучит заманчиво.

– Все эти животные умрут. Сотни умирают каждую неделю. Когда “Вместе” запретила домашних животных, все они оказались здесь. Вы и не представляете. Хотите кота? У нас их там семьдесят штук.

– Пожалуйста, – попросила Дилейни, – дайте нам минутку.

Женщина удалилась в заднее помещение, откуда неслись разнообразные вопли.

– Дилейни, тебе нужна наша помощь, – сказал Габриэль. – Нас много. Неужели ты думаешь, что из двенадцати тысяч человек в кампусе ты – единственная такая?

Дилейни неотрывно смотрела на меховой комок в клетке.

– Джоан тоже в этом участвует? – спросил Габриэль. – Про Уэса я знаю.

Она не могла ничего сказать – это подтвердило бы его подозрения, – но нужно было отмазать Уэса и Джоан. Только как это сделать, не признав свою вину?

– Я догадался, что вы хотели заставить “Вместе” внедрять одну ужасную идею за другой, рассчитывая, что возникнет цепная реакция и компания развалится. Я прав? – Он наклонил голову, чтобы поймать взгляд Дилейни, но она упорно отводила глаза. – Дилейни, ну скажи хоть что-нибудь.

Она понимала, что, оставаясь здесь, не отрицая всего, что он говорил, она уже не прошла испытание. Если он действительно хотел загнать ее в ловушку, у него получилось. Она не доверяла Габриэлю и не верила в существование подполья в компании. Но как только она подумала про *подполье*, у нее появилось ощущение, что у Габриэля есть название для этого движения. Если такая группа действительно существует и у нее есть название, оно наверняка идиотское.

– Мы хотим, чтобы ты присоединилась к “Вместо”.

Она расхохоталась. Ну конечно же! “Вместо” – “Вместе”?

– Послушай, мне нравится твой план, но нужно двигаться дальше. Мы можем помочь. Ты встречалась с Холстейн. Надеюсь, тебе понравилось, как далеко она зашла с “Дружком”. – Габриэль улыбнулся. – Да, Холстейн – одна из вас. Из *нас*. Она пытается делать то же, что и ты, – довести эту программу до абсурда. Ну и конечно же, Ханс-Георг. Он – ключевая фигура.

У Дилейни по коже побежали мурашки. Хансу-Георгу она доверяла. Она была уверена, что в этом человеке нет коварства.

– Я думала, он ушел, – сказала она.

– Нет-нет, – ответил Габриэль. – Вернее, и да и нет. Он ездит по миру, налаживает кое-какие связи. Все не ограничивается кампусом. Мятежники повсюду. Кстати, он передавал тебе привет.

Габриэль постучал пальцем по клетке с шиншиллой.

– Передавай ему тоже, – сказала Дилейни, понимая, что сейчас не может больше ничего сказать. Нужно уйти отсюда и подумать.

Снова появилась служительница, держа в каждой руке по белому кролику с розовыми глазами.

– Смотрите, какие прекрасные питомцы! – Она решительно надвигалась на Габриэля. – Не обращайте внимания на глаза.

– Спасибо, – сказала Дилейни одновременно ей и Габриэлю и направилась к выходу.

– Змеи вам, наверное, не нужны, – прокричала женщина ей в спину.

– Даже если ты к нам не присоединишься, мы будем присматривать за тобой, – сказал Габриэль ей вслед.

Дилейни выскочила на улицу.

38
Что-то случилось

Дилейни решила уехать домой. В Айдахо. Взять отпуск. Или вообще уволиться. Она никак не могла поверить, что в компании действует подпольная организация, но иногда пыталась представить, что все же подполье существует, и тогда ее дурманила мысль о том, что она не одинока. Было странно, но в то же время приятно думать, что такие люди, как Габриэль и Холстейн, занимающие гораздо более высокое положение, работают над развалом компании. Но она не доверяла Габриэлю Чу. Много недель он являлся ей в кошмарах. Человек, желающий показать, что они союзники, никогда не стал бы проводить такой жестокий допрос, какой он устроил ей в Гнезде. Эту садистскую сторону его натуры она никак не могла увязать с идеализмом. А выследив ее в Трог-Тауне, Габриэль только усилил паранойю, вместо того чтобы завоевать доверие.

Это было так типично для “Вместе”.

Поэтому ей требовался Айдахо. Ей нужно было посидеть у реки и подумать. Она подала заявление на отпуск, а пока ждала ответа, запросила перевод в какое-нибудь спокойное место, сославшись на эмоциональное истощение после “Внемли”. Ее направили в “Новый Мировой Порядок” – отдел, где шестеро сотрудников занимались ранжированием всего, что можно ранжировать, то есть вообще всего. Эта неделя была посвящена букве “М”, поэтому она оценивала и расставляла по порядку млекопитающих, матерей, монархов, магов, медработников, малайзийцев, малавийцев, массажистов, марксистов, а также манеры и мельницы.

Работа занимала ее мысли, пока она ждала, чтобы ей одобрили отпуск. Тем временем Габриэль ждал ответа. С ними она или нет? “Дай мне знать”, – написал он. А он молодец, думала Дилейни. Сообщение было таким расплывчатым, что могло относиться к чему угодно. Он прислал ей еще несколько подобных. “Пожалуйста, ответь”. “Давай с нами”. Если бы эти сообщения кто-то стал изучать, то в них было абсолютно не за что зацепиться – он даже пригласил ее на бранч для всех интересующихся питательными качествами древесной коры, которая потенциально могла стать новым суперфудом. Получив это приглашение, она ничего не поняла, но потом до нее дошло, что это просто отвлекающий маневр. Она не хотела отвечать ему, но в конце концов, стремясь потянуть время, написала: “Я

постараюсь”.

“Реши сегодня к вечеру, – пришел ответ. – Время не ждет”.

***

В этот день Дилейни вернулась в “Гавел” поздно. Не успев открыть дверь, она получила сообщение от Сорена.

“Тихо”, – писал он.

Она молча, на цыпочках, вошла в “стручок” и обнаружила Сорена сидящим на полу у дивана. Он прижал палец к губам и показал на ее телефон.

“Происходит кое-что интересное”, – написал он.

Она остановилась посреди комнаты. Со стороны Сорена исходил какой-то странный запах. Рядом с ним на полу она увидела высокий кофейный стакан, до середины наполненный прозрачной жидкостью – скорее всего, водкой.

“Разве тебе можно пить?” – написала она.

“Я пью уже не первый месяц, – ответил он. – Знаешь, где Джоан?”

“Где?”

“А где Фрэнсис?”

“Пожалуйста, объясни, что происходит”.

“Хочешь проверить постель Джоан?”

Сердце у Дилейни куда-то провалилось.

“Нет, не хочу”.

“Я вернулся раньше, чем они ожидали, – написал он. – А потом им стало слишком стыдно вылезать. Но я слышал достаточно”.

“И что теперь?”

“Они все еще там. Наверное, заснули”.

“Пойдем отсюда”, – написала Дилейни.

“Нет, спасибо”.

И чуть позже: “К тому же я слишком пьян”.

И потом: “У меня совсем ничего не осталось”.

Дилейни села рядом и сжала его руку. Они сидели молча, а Джоан и Фрэнсис помалкивали в капсуле. Сцена была совершенно гротескной.

– Пойдем, – наконец сказала Дилейни, встала и чуть ли не силой подняла Сорена.

Они вышли в коридор. Он успел переодеться после работы, и сейчас на нем была мешковатая футболка и баскетбольные шорты. Эффект был поразительным – впервые за все время их знакомства ей показалось, что ему удобно. К тому же, когда лишние фунты не распирали тесную лайкру, он стал значительно привлекательнее. Он молча кивнул ей, увлекая ее в тот самый угол, где они однажды разговаривали.

Когда они наконец скрылись от камер, Сорен выдохнул, и Дилейни показалось, что он вот-вот разрыдается.

– Что мы здесь делаем? – спросил он.

В окне, над крышами и горами на севере, Дилейни увидела Венеру. Она мерцала, как капелька меда.

– Смотри, Венера.

Сорен разрыдался, закрыл лицо руками. Его большие округлые плечи сотрясались.

– Давай, давай, – сказала она. – Тебя никто не видит. Поплачь. Жаль, что так вышло с Джоан и…

– Да ладно, ничего, – перебил он, прежде чем она успела назвать имя Фрэнсиса. Взял себя в руки и вытер лицо. – Я попросил о переселении. Завтра переезжаю в одно из новых зданий.

– Так ты от нас уходишь? – Дилейни не могла себе представить, как останется одна с Джоан и Фрэнсисом.

– Ты будешь по мне скучать? – спросил Сорен со слабой улыбкой. – Знаешь, сначала я никак не мог тебя понять. И я все хотел сказать тебе, что я совсем не фанатик. Я не хочу любой ценой снабдить все племена интернетом или наставить везде камер. Это за меня решили, что я должен работать в “Доступе”.

– Я вовсе не собиралась осуждать тебя.

– А зря. Это первое альтернативное мнение, которое я услышал с тех пор, как начал работать здесь. – Он взглянул в окно. – О, смотри. Твоя Венера – это не Венера. Она приближается. Наверное, это вертолет.

Медовое пятнышко света продолжало мерцать, но действительно становилось больше и двигалось над Заливом.

– Я рад, что мы были соседями. Ты меня разбудила. Я проработал тут четыре года, но сейчас что-то изменилось. Какая-то другая атмосфера, что ли. Или это просто потому, что Стентон вернулся. Пахнет серой.

Его искренность поразила Дилейни. Джоан постоянно хитрила с Сореном, дразнила, да что там, она была жестока с ним. Дилейни вдруг захотелось обнять его. Она втиснулась в пространство между ним и окном, обхватила руками за талию и прижалась к его мягкому телу, ощущая едва уловимый запах – пот, цветочный дезодорант и чуть-чуть лимона.

– О! – сказал он удивленно и прижал ее к себе.

Он действительно был очень мягким. Такое ощущение, будто обнимаешь матрас. Его руки, обхватывающие ее за плечи, постепенно опускались. Дилейни не обнимала никого уже много месяцев. Она закрыла глаза, вдыхая мужской запах, на нее вдруг навалились усталость и беспомощность. Но тут Сорен

пошатнулся.

– Мне нужно присесть, – пробормотал он и рассмеялся.

Высвободившись из ее объятий, Сорен вернулся в “стручок” и снова сел на пол, привалившись к дивану.

– Учусь падать в обморок, – прошептал он и послал ей воздушный поцелуй.

Никто никогда не посылал ей воздушных поцелуев. Дилейни ответила ему тем же жестом и забралась в свою капсулу, думая, что Сорен заслуживает, чтобы его кто-то полюбил, и хотя она не считала, что этим человеком может быть она, в этой короткой и иррациональной жизни чего только не бывает. Вдруг именно ей суждено полюбить этого нескладного человека.

Она уже засыпала, когда почувствовала горячее давление на веки – как будто повернулась к солнцу, которое стремительно приближалось к ней. Мир превратился в сплошной жар и грохот. Ее отшвырнуло. На какой-то миг она увидела перед собой ночное небо – не было ни окон, ни самой стены. Лишь обломки и пыль. И небо. Дилейни как зачарованная смотрела в это черное небо, и тут ее тело ударилось обо что-то.

Рот раскрылся в крике, но легкие сжались. Бомба, подумала она. Та движущаяся медовая точка была бомбой. Дроном, начиненным взрывчаткой. Она услышала крик, но не свой. Попыталась вдохнуть. Ей казалось, что она с шумом втягивает воздух, но звука не было, движения не было, воздуха не было. Она была уверена, что сидит, но вдруг поняла, что не может держать голову прямо. Лицо с омерзительным шлепком ударилось об пол. Снова открыв глаза, она увидела свою руку, но не могла ей пошевелить. Она попробовала потянуться к ней другой рукой, но у нее больше не было рук. Они вроде бы крепились к телу, но не подчинялись ей. Она отключилась на год, на сотню лет, а может, и вовсе не теряла сознание. Очнувшись, она почувствовала холод. Стены больше не было. Она видела и помнила, как называется все, что она видит, – звезды, вода, кровь, искореженный металл. Но ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Дилейни услышала крики. Слух вернулся. Рядом кто-то стонал – она узнала голос Джоан.

– Поднимите меня, поднимите меня.

Потом пол затрясся. Дилейни почувствовала, что рядом появились люди, но ее глаза были прикованы к полу. Еще крики – громкие и далекие. Ее положили на каталку. Она хотела закричать, когда ее поднимали, но не смогла издать ни звука. Ни одну мысль не получалось додумать до конца.

Она вяло подумала, что ей оторвало руки-ноги, что у нее сломан позвоночник и она больше не может говорить. Ее несли по

комнате в сторону окна. Окна во всю стену. Теперь там не было ничего, только небо. Только не через стену! – захотелось крикнуть ей. Она ощутила холодный ночной воздух. Но нет. Никто не собирался выкидывать ее в ночь. Каталка развернулась и выкатилась в коридор, боковым зрением Дилейни заметила тело, часть тела, ошметки тела, голова без лица, с желто-красными волосами. Она снова отключилась.

Потом пришла в себя и поняла, что летит. Они летели вместе – она и санитар. Они перемещались в пространстве с невероятной скоростью – она это знала, – но при этом не двигались. Она не чувствовала своего веса – только голову. Она была уверена, что ее голова приплавилась затылком к металлическому полу “скорой”. Она попыталась моргнуть, но тщетно, тело ей по-прежнему не подчинялось. Голова человека над ней покачивалась, как шарик на веревочке. Человек улыбнулся ей.

– Потерпи, – сказал он. – Уже недолго.

Сирена была оглушительной. Почему она такая громкая? – подумала Дилейни. Она хотела что-нибудь сказать, попросить человека-шарик убавить громкость сирены. Ей удалось закрыть глаза, и звук стал потише.

В следующий раз она очнулась от какого-то грохота. Это здание. Над ней пролетали светильники, яркие, как белые голуби. Головой вперед она пронеслась через три двери, с шумом распахивающиеся перед каталкой. Четвертая дверь. Потише, сказала она. Но она не могла говорить. Уберите этот свет, взмолилась она, но у нее не было голоса.

***

– Мы уже знали, что Сорен мертв. – Санитар, который привез ее сюда, пришел ее навестить.

Но где она? Дилейни понятия не имела. Собственно, она и санитара не узнала, но он сказал, что его зовут Роджер и что он работает на “скорой”. Совсем мальчишка. С прыщами. Она подумала, что он похож на вожатого в летнем лагере. Жизнерадостный и веселый.

– Где я? – спросила Дилейни, язык ворочался с трудом.

– Наша команда была второй, – объяснял Роджер. – Первая забрала двоих остальных. Я уже говорил – мой напарник решил, что ты мертва.

Он уже это говорил? Когда? Они что, уже встречались?

– Первая команда сказала, что выживших не осталось. Он даже пощупал у тебя пульс, но ничего не почувствовал. Но у меня было зеркало. Знаешь, как проверять дыхание зеркалом? Меня научила мама, когда я был еще маленьким. Она тоже когда-то работала в неотложной помощи, в Пакистане. Она говорила:

“Роджер, ты должен запомнить одну очень важную вещь: пульс иногда слишком трудно нащупать, так что нужно знать о запасном варианте…”

Он не умолкал, но Дилейни была не против. Он ей нравился, нравилось, что он рядом.

– Наверное, я очень много болтаю. – Санитар засмеялся. – Просто хотел проверить, как ты. У меня сегодня выходной, я уже говорил. Нам всем дали по три выходных, но мне особо нечем заняться. Медсестры тут меня знают. Они думают, что я странный, потому что навещаю людей, которых привез, ну а чем мне еще заняться? Детей у меня нет.

Он просидел с ней не меньше часа.

– Ты была вся в крови, – рассказывал он. – Вообще вся. Бомба попала в здание, его наполовину разнесло, и когда мы добрались до вашего отсека, то увидели кровавую кучу. Только твоя голова торчала из груды окровавленных тряпок. – Он причмокнул губами, как будто пробовал свои слова на вкус. – Поэтому мы подошли не сразу. Решили, что тебе голову оторвало. Это позже выяснилось, что кровь в основном не твоя. А первым делом мы занялись блондином. Тело особо не изувечило, но когда мы его повернули, то стало ясно, что он мертв. У него не было лица. Вообще *не было*! – Тут санитар осознал, что его приподнятый тон несколько неуместен, и извинился. – Потом, как я уже говорил, мой напарник подошел к тебе и не нащупал пульс. А я понял, что у тебя там не только голова. А после этого, как я сказал, я тоже к тебе подошел, достал зеркальце, и ты дышала. Хотя я тебе уже это говорил.

Когда он говорил все это? Дилейни подумала, что попала в какую-то временную петлю. Может, у нее амнезия? А как об этом узнать? Роджер продолжал болтать:

– Так что я заорал: “Скорей сюда!” Это был дурдом. Такого дурдома я никогда не видел, а я работаю уже почти три года. Но в основном мы подбираем пьяниц и наркоманов.

Дилейни отключилась. Она провела без сознания несколько дней. Очнувшись, она увидела родителей. Их лица были совсем рядом. Они поют? Ей показалось, что они поют. Когда она снова очнулась, их уже не было. Но тут кто-то принялся сверлить ей голову и тянуть изнутри за глазные яблоки. Протягивать сквозь череп бесконечную веревку, тянуть и тянуть. Потом ее куда-то понесли. Зачем? Боже, как больно. Зачем они меня несут? Кто вообще до этого додумался?

39
Леди Лазарь

Это был дрон, модель военного класса, разработанный одним из департаментов “Вместе”. Взрыв полностью разнес одну из стен “Гавела”, пробив в ней двадцатифутовую дыру. Сорен погиб. И еще четверо, которых Дилейни не знала. Все удивлялись, что жертв не оказалось больше. По словам службы безопасности, если бы не капсулы для сна, могло погибнуть человек восемьдесят. Капсулы! Джоан и Фрэнсис, лежавшие там в обнимку, отделались только сотрясениями, царапинами, ожогами и легким смущением.

У Дилейни было сломано четыре ребра. Она сильно обгорела – особенно ступни и ладони. Ей до сих пор казалось, что на них льют кипяток. Она осознала, что находится в больнице, потом забыла об этом. Она слышала голос Уэса, который говорил с ней как будто со дна колодца. Появлялось лицо Джоан и вроде бы тоже что-то говорило, но Дилейни почему-то ее не слышала. Однажды утром она поняла, что осталась без волос. Она спросила у медсестры, что с ними случилось. Та, похоже, ничего не знала, но, взглянув в ее карту, сказала:

– Кажется, у тебя был отек мозга. Вероятно, вскрывали череп. И еще у тебя четыре сломанных ребра. И какое-то время будет больно ходить.

Несколько недель Дилейни пролежала в реанимации. В промежутках между яркими морфиновыми приходами ее разум осаждали дикие мысли. Предполагалось, что взрыв – дело рук трогов, настроенных против “Вместе”, что это их 11 сентября. Своя логика в этом была. У трогов, конечно, имелся мотив. Но он имелся и у многих других. У миллионов оставшихся без работы после того, как “Вместе” фактически уничтожила путешествия, авиацию, автобусы, машины, поезда, дороги. У тех, чью жизнь разрушили “Дружок”, гластыд, “ВладейСобой”. Но когда Дилейни закрывала глаза, ей виделась Мэй. Это сделала Мэй. Мэй и Габриэль. Они узнали о планах Дилейни и решили избавиться от нее. Но действительно ли они знали, что собирается сделать Дилейни? С одной стороны – возможно, с другой – маловероятно. Дилейни – одна из двенадцати тысяч “совместных” в кампусе и одна из сотни тысяч во всем мире. Вряд ли Мэй вообще знает, кто она такая. Но Габриэль знает. Очень много знает.

А может, это Стентон? Такая версия вдруг показалась ей убедительней. Он спланировал взрыв – оба взрыва. Только у него

были мотив и возможности. Замечание Джоан о Рейхстаге теперь обрело смысл – случившаяся трагедия была хорошим поводом для консолидации власти. Мэй такого сделать не могла, а Стентон – вполне. Да он просто создан для такого! Но Дилейни тут же отмела все эти теории. Эти люди были слишком заметны, слишком прозрачны для того, чтобы спланировать теракты в своей собственной компании. Нет, конечно, нет. Даже Стентон не мог этого сделать. Но когда-нибудь тайное станет явным. Какой-нибудь журналист соберет все кусочки информации, возьмет интервью, изучит документы, пересмотрит все заново, и через полгода или пару лет мир узнает, кто за этим стоит – кто убил Сорена и других и почти убил ее саму. Но потом она поняла, что и это бред. Больше нет никаких журналистов, нет никаких новостей. Как она об этом забыла? Надо бы сократить дозу морфина. Или увеличить.

Дилейни почти все время спала, и ей снился Уэс. Или не снился, а на самом деле приходил. Он, кажется, проводил с ней много времени. Может быть, он тоже пострадал? Нет, нет. Он просто навещает ее, но все, что он говорил, было какой-то бессмыслицей. Как поэзия на незнакомом языке. Еще ей снились кошмары. Кошмары про Дженни Батлер в ракете – ракете, летевшей куда-то в космос без радиосвязи, без курса, на сумасшедшей скорости. Кошмары про Габриэля Чу в церковном облачении, он слушал ее бредовые россказни и вдруг хватал ее за бедра и вглядывался в глаза, как будто пытался что-то высмотреть сквозь щели в заборе. Но в большинстве ее кошмаров были дети. Обычно это был ребенок Мэй. Младенцы никогда не плакали, только строили какие-то изощренные планы. Однажды ей приснилось, как из чрева Мэй появляются тысячи младенцев – молчаливых, зловещих. А последний младенец оказался вовсе не младенцем, а овечкой.

***

Но однажды утром она проснулась в новом месте. Это была не больница. За окном простиралась сплошная вода – Залив, те же самые волны, которые она видела, когда стена взорвалась. В голове впервые за прошедшие недели неожиданно прояснилось. Браслет сообщил ей, что из последних 24 часов она проспала целых 18. Она ощутила короткий прилив гордости, и ей захотелось рассказать об этом Фрэнсису. Она огляделась и поняла, что снова на Трежер-Айленде, но вид был другой. Залив был далеко внизу, в сотне футов, яхты казались водяными клопами. И тут она поняла: это Высотка.

И проснулась окончательно.

В комнате не было часов. Она спустила ноги с кровати, ребра

отозвались резкой болью. Дотронулась до бока – тело оказалось туго перебинтовано. Ступни тоже были в повязках. Она аккуратно поставила ноги на пол. Боль в первый момент была невыносимой, но постепенно немного утихла.

Дилейни прошаркала через комнату. Индикаторы на браслете засветились ярче – за ее движениями следили. Она ожидала, что в любой момент кто-нибудь появится. Но кто? Она почти ничего не знала об этом месте. Придут врачи? Психологи? Охранники? В просторном помещении были еще кровати, люди на них казались спящими. Ни повязок, ни видимых травм. Комната выглядела как любой другой "стручок". Дилейни дотащилась до окна, в черной воде отражалась луна. Острая боль пронзила позвоночник, выстрелила в череп. Дилейни сморщилась, попробовала покрутить головой, но боль была такая, что она упала на колени. Кое-как доползла до кровати, и лишь когда опустила голову на подушку, боль начала отступать. Рано тебе еще ходить, дурочка, подумала она и отключилась.

***

Очнувшись, она увидела Винни. Они не встречались много месяцев, и вот Винни сидит рядом и вяжет что-то вроде носка. За окном, как точки и тире азбуки Морзе, выстроились в ряд облачка. Заметив, что Дилейни открыла глаза, Винни просияла.

– Ну и ну! – Она коснулась щеки Дилейни. – Выглядишь гораздо лучше! Вчера я так переживала за твое лицо, боялась, что оно теперь навсегда останется опухшим. Я сказала мужу…

Дилейни закрыла глаза и провалилась в сон, несмотря на болтовню Винни. Когда она проснулась, рядом сидели родители, их лица были притиснуты друг к дружке, словно они смотрели на нее через маленькое окошко. Они повторили слово "прогноз" раз десять, и с большим воодушевлением. Мы так рады прогнозу врачей, говорили они, а потом ушли. Когда она проснулась снова, свет за окном изменился, облака исчезли – неужели прошел целый день?

– О, ты снова с нами! – обрадовалась Винни. Она все вязала. Теперь было видно, что это действительно носок. Она что, так и не уходила? Наверное, сегодня суббота. – Знаешь, тут столько народу! Ни одной свободной кровати или стула. Стольким людям нужна помощь. Тебе досталась одна из последних отдельных палат. О, кстати! Ты слышала? Наверное, нет. Не знаю, должна ли я тебе это рассказывать, но, может быть, тебе хочется отвлечься? Лично мне хочется отвлечься, если мне больно. Тебе больно?

Дилейни закрыла глаза – "да". И твоя болтовня тоже причиняет мне боль. Слишком много и слишком громко. Замолчи, пожалуйста. И кто будет носить этот дурацкий носок?

– Они не знают, кто это сделал, – продолжала трещать Винни. – Теракт этот. Все просто с ума сходят. Но сейчас за дело взялся Стентон. И он сможет все выяснить, я думаю. Все хотят, чтобы он разобрался, чтобы он обеспечил безопасность. Сильный лидер, согласна? Они арестовали Вдовца. Помнишь того парня с плакатом у моста?

Дилейни согласно закрыла глаза.

– Ну вот, полиция его задержала. Или мы. В общем, кто-то задержал. У него был мотив, так ведь? Но потом они его отпустили – и знаешь что? Его тело нашли на берегу Трежер-Айленда. Покончил с собой. Кто-то заметил тело, когда совершал пробежку вдоль периметра. Наверное, спрыгнул с Бэй-Бридж. А это ведь значит, что он имел какое-то отношение к теракту, да?

У Дилейни не было сил на то, чтобы обдумать ее слова.

– О, а еще!.. – Голос Винни зазвучал невыносимо громко. – Может, ты и не знаешь. Ай, наверняка не знаешь. Мы пока не сообщали клиентам, так что не говори посторонним, ага? Вообще никому не говори. Подожди, а ты вообще можешь говорить?

Дилейни лишь сердито таращилась на нее.

– Ой. Прости, прости, прости. Так вот, “Мысли Вместо Вещей” взломали. Мы думаем, это русские, но, может быть, кто-то просто прикинулся русскими, специально, чтобы мы на них подумали. Они ведь такое могут. А может, это те же, кто совершил теракт. Если это был не Вдовец.

Дилейни потянулась к морфиновой кнопке, но не нашла ее.

– Хочешь обезболивающее? – догадалась Винни. – Тут ты не можешь сама это сделать. Больным нельзя. И уж точно не врачам. Они так часто ошибаются! Ой, как мне нравится этот цвет! – Она взяла двумя пальцами краешек больничного халата Дилейни.

В этот момент Дилейни увидела человека, проходящего по коридору мимо открытой двери. Он показался ей знакомым – мужчина средних лет со слабой улыбкой на лице. К груди он прижимал кожаную папку, словно хотел ее согреть. Винни проследила за взглядом Дилейни.

– Ой, я его уже видела! Повсюду ходит с этой папочкой, как будто боится, что кто-то ее отнимет.

Мужчина повернулся, и Дилейни узнала Ханса-Георга. Он взглянул прямо на нее, но в лице его не мелькнуло узнавания, он только вежливо улыбнулся и зашаркал дальше.

– А в этой папке все равно ничего нет. Грустно, правда? Так о чем я говорила? А, ну да, нас взломали. Ты не слышала?

Дилейни качнула головой. Боль пронзила виски.

– Все пропало, – не умолкала Винни. – Они все-все удалили. Все-все сканы. До единого. Если люди их скачали, то у них файлы

остались, но кто сейчас что-то скачивает? Все-все было в облаке, а облако взломали, сбили с неба, так сказать. Теперь мы пытаемся понять, почему они выбрали “Мысли Вместо Вещей”. Почему не какой-нибудь другой отдел? И связано ли это с терактами?

Дилейни снова закрыла глаза. Пожалуйста, хватит новостей, хватит слов. Она вспоминала все, что отсканировала и сожгла. Свадебные платья, фотографии, детские ботиночки, игрушки, письма. Дедушкины часы! Когда она открыла глаза, была ночь и луна за окном казалась зловещей дырой в черно-сером небе. Откуда-то возникли “эластичные”. Ей показалось, что их человек тридцать или сорок. Они касались ее лица, рук. Кто-то из них – Джемма? – пытался потуже затянуть пояс ее больничного халата. Халат подвергся тщательному изучению. Он что, синтетический? Мы могли бы порекомендовать что-нибудь получше. Дилейни закрыла глаза и стала думать о снежных вершинах.

Маунт-Брейтенбах.

Пик Лост-Ривер.

Пик Дональдсона.

Пик Хиндмана.

Пик ГССШ.

Пик Ноу-Регрет.

Проснулась она на рассвете. “Эластичные” давно ушли, их место заняли Карло и Шийрин.

– Мы очень хотели тебя навестить, – сказала Шийрин.

– Мы должны были, – сказал Карло. – Мы же друзья.

– Точно, – сказала Шийрин. – Мы очень переживали.

– Не потому что здесь за тобой плохо присматривают, – сказал Карло и бросил на Шийрин умоляющий взгляд. – Просто из-за того, через что ты прошла. А уход здесь непревзойденный!

– Точно, – Шийрин нервно хихикнула, – конечно. Здесь очень хорошо. Я и не имела в виду ничего такого. Я сама однажды обращалась сюда за помощью, и…

Карло сморщился и покосился на нее.

– Мы очень рады, что ты очнулась, – поспешно сказала Шийрин.

– Разумеется, она очнулась. Потому что здесь наилучший уход.

Дилейни закрыла глаза, надеясь, что они исчезнут. Когда вновь открыла, все еще была ночь и та же самая зловещая луна. В голове пульсировала боль. Дилейни скосила глаза, надеясь увидеть кого-нибудь из медперсонала. Где все врачи? Кажется, где-то между Винни и Карло с Шийрин тут была не то врач, не то медсестра, но она не помнила, что ей говорили. Где же врачи? Она снова заснула.

40
Склонность к совершенству

Проснувшись, Дилейни обнаружила сидящую у нее на кровати Кики в бледно-зеленом халате. Комната была совсем другой – розовой, с бирюзовым диванчиком и рядком кактусов на подоконнике.

– Я услышала, что ты здесь, – сказала Кики и постучала Дилейни по коленке своим тонким пальчиком. – И я тоже здесь. Выздоравливаю, прямо как ты. – Она радостно похлопала глазами. – Тебе нравится этот цвет? – Она пробежалась пальцами по полам своего халата. Дилейни взглянула на себя и увидела, что на ней надет такой же.

Она попыталась сесть.

– Давай помогу.

Кики принялась нажимать на кнопку, регулирующую высоту кровати, пока корпус Дилейни не оказался почти под прямым углом к ногам. На секунду-другую в голове запульсировало, но тут же стихло.

– Я спала, – похвалилась Кики. – Вчера я проспала шесть часов. И я *хорошо* спала. Ты, наверное, не слышала, что учет показателей сна усовершенствовали. Оказалось, что раньше все измеряли неправильно, ошибка составляла в среднем 33 %. Так что все мы спали меньше, чем думали. Потому что очень малая часть сна является Полноценным Сном. Но теперь все измеряется более точно. Видишь? – Она подняла свой безымянный палец, показывая тоненькое белое колечко. – Дай посмотреть твое.

Кики потянулась к пальцу Дилейни, на котором было точно такое же кольцо.

– Восемь часов! Ого! – воскликнула Кики. – Может, мне тоже стоило пострадать при взрыве. – Ее браслет звякнул. – Это шутка! – поспешно сказала она браслету. – Но я все равно чувствую себя отдохнувшей.

Дилейни смотрела на Кики, та, как и прежде, выглядела бесконечно измученной. Лицо бледное, покрасневшие глаза. За ее спиной Дилейни увидела в розовом коридоре еще людей в таких же зеленых халатах.

– Сначала мне тут было ужас как скучно, – говорила Кики, – и не хватало Нино. Но я знаю, что о нем заботятся. Я каждый день вижу его через “Посмотри”, и он выглядит счастливым.

Кики не отрывала глаз от окна, от сверкающей серебром воды. Рот у нее был приоткрыт, взгляд бессмысленный. Через

миг-другой она пришла в себя.

– Я ужасно рада, что оказалась здесь, а не в Заливе. Видимо, обо мне беспокоились. ИИ помечал мои слова, движения и… – Она опять куда-то уплыла. – Но я бы даже не знала, как это сделать. То есть как это работает?

– Как работает что? – спросила Дилейни.

– Как нужно топиться. Ну, как это сделать? Каковы этапы этого процесса?

Дилейни хотела сменить тему, но Кики ее опередила. Она повернулась к Дилейни, на лице улыбка – то ли счастья, то ли безумия.

– А еще я видела Габриэля Чу! Он так мне помог. Он все объяснил. Оказывается, некоторые из моих целей были недостижимы. А это вообще смешно, потому что одной из моих целей на “ВладейСобой” как раз было ставить достижимые цели. Понимаешь? – Она уставилась куда-то в переносицу Дилейни и не отводила взгляд раздражающе долго – видимо, опять выпала из реальности. – Конечно, у меня ничего не вышло. Мне пришлось провести здесь несколько дней, чтобы это признать. Но неудачи – это тоже хорошо, мы же знаем. Лучше, чем бессмысленное упорство. Так Габриэль сказал. Ты знакома с Габриэлем Чу?

Дилейни кивнула.

– Оказалось, что мои настройки “ВладейСобой” слишком расплывчаты, – продолжила Кики. – Я ставила цели, но давала себе слишком много свободы в их достижении. Помнишь, как я вечно опаздывала, когда надо было тебя куда-нибудь отвести? Ты, наверное, думала: “Почему мы все время опаздываем?” А это все я была виновата. Я останавливалась, разговаривала с Нино или еще с кем-то, когда должна была просто идти туда, куда планировала. Габриэль сказал, что у меня были правильные цели, но мне не хватало структурированности.

– Нужно меньше свободы, – смогла произнести Дилейни.

– Именно! – воскликнула Кики. – Если я хочу достичь цели, нужно, чтобы мне объясняли, как это сделать – во всех деталях, задав четкие временные рамки. Я начала делать это здесь, в Высотке, и стало гораздо лучше. Больше нет никакого стресса, потому что теперь не надо принимать решения. Раньше я ставила цель пройти 18 000 шагов в день и при этом сама должна была придумать, как мне этого достичь. И хотя “ВладейСобой” по сто раз на дню напоминал о моих целях, все равно приходилось все решать самой – когда, где и как. И это было очень сложно. Так что теперь я на “ВладейСобойПолностью”. А ты?

– Нет, но… – начала Дилейни.

– О, тебе тоже надо! – с жаром воскликнула Кики. – Это

последний шаг, который придает смысл всем предыдущим шагам. Я наконец смогла расслабиться! Вот даже сейчас – смотри, какая я расслабленная!

Все ее тело выражало тревогу и напряжение.

– Выглядишь замечательно, – прошептала Дилейни.

– Вчера, когда я узнала, что ты здесь, я выделила сорок минут на встречу с тобой. ВСС вычислил, что лучшее время, чтобы застать тебя не спящей и не занятой, как раз сейчас, и проверил по твоим мониторам, что ты действительно не спишь. И вот!

– Просто чудо.

Вот бы увезти Кики с Нино на необитаемый остров и заботиться о ней, пока она не придет в норму.

– Что говорят врачи, когда тебя отпустят? – спросила Дилейни медленно. Язык все еще плохо слушался.

– Врачи? Ну да, они, конечно, тут есть, но все определяет программа. – Она постучала по браслету. – Дил, я очень серьезно отношусь к своему выздоровлению, я не собираюсь доверять его какому-то доктору. А медсестры – это вообще ужас!

Дилейни от удивления не нашлась, что на это сказать.

– И ты тоже не должна! Алгоритм сам решает, кого когда отпустить. Так исключаются врачебные ошибки.

– Здорово, – сказала Дилейни, не понимая, на самом деле это так или Кики что-то путает. Действительно ли отпустить ее отсюда может только алгоритм?

– Слушай, я ведь пришла не только для того, чтобы говорить о себе. Можно? – Она заползла поглубже на кровать. – Я хотела, чтобы мы вместе посмотрели презентацию Стентона. Тебе кто-нибудь об этом рассказывал?

– Прости, нет. Мне кажется, я проспала большую часть месяца.

– Но я знала, что ты захочешь это увидеть. Это все из-за того, что случилось с тобой. – Ее браслет звякнул, Кики глянула на него. – Да-да, соболезную насчет Сорена.

– Спасибо, – сказала Дилейни.

– Можно? – еще раз спросила Кики, продвигаясь на кровати еще глубже. Дилейни разрешила ей положить планшет себе на колени, и Кики вызвала на экран застывшее лицо Стентона. – Это было сегодня утром.

***

– Всем привет, – заговорил Стентон. – А тем, кто был здесь до того, как я ушел, – приятно увидеться снова! Спасибо, что так любезно приняли меня обратно. Я буду очень рад познакомиться с теми “совместными”, которые пришли, пока меня тут не было, – мне кажется, вас примерно две тысячи. Вернувшись в компанию, я

хотел доказать свою полезность ей. И Мэй дала мне возможность это сделать. Как вам, должно быть, известно, в Китае я занимался в том числе и проектами в сфере безопасности, и там я узнал много нового в этой области. Немыслимо, что на рабочих местах мы не чувствуем себя в безопасности. Мы потеряли пять человек, и многие пострадали и теперь находятся на реабилитации.

Кики сжала плечо Дилейни, и та отметила, какие длинные у нее ногти. Они всегда были такими? Она заглянула в темные глаза Кики. Не только взгляд напряженный, напряжено все: впалые щеки, вздувшиеся вены на лбу.

– Я знаю, насколько все вы потрясены. Вы думаете: как же такое могло случиться? Как мы могли этого не предвидеть?

В глазах Стентона пылал гнев, как будто он воспринимал теракты не просто как насилие, но в первую очередь как предательство.

– Мне много раз говорили, что одно из моих сильных качеств – это рациональность. Столкнувшись с проблемой, я могу проанализировать ее и найти эффективное решение. Я думаю, что нашел его и в этом случае. Мы можем использовать уже существующие технологии, и первым делом, конечно, “Душевный поиск”, и объединить их с новыми, которые сейчас в активной разработке. Поэтому я хотел бы объявить… – он сделал секундную паузу, как будто мысленно проверял, может ли произнести эти слова, – объявить благодарность нашей команде, тем двумстам восьмидесяти семи “совместным”, что день и ночь работают над этим проектом, который мы назвали “УзнайИх”.

На экране появилась спутниковая карта. В области залива Сан-Франциско на месте кампуса “Вместе” пульсировала желтая точка.

– Как вы уже знаете, дрон, сбросивший бомбу, был нашей собственной моделью, АН-32. Надо отметить, что у этой модели один из самых маленьких радиусов действия из всех наших дронов. Отсюда следует, что тот, кто совершил это жестокое преступление, находился на расстоянии не более пяти миль от кампуса. Он действовал не из другого полушария. Он был практически среди нас. И преступники до сих пор могут быть среди нас, так как оператор дрона пока не найден.

Лицо Стентона уменьшилось и переместилось в маленький квадратик внизу экрана, а большую его часть заняла панорама улиц Окленда. Дилейни не знала, когда это было снято, но явно в утренний час пик – тысячи людей вытекали из метро в деловой центр города.

– Это прямая трансляция из Окленда, но она могла вестись из любого другого места. Везде, где мы сталкиваемся с большим

количеством людей, нам остается лишь надеяться, что они не причинят нам вреда. Неужели мы должны продолжать жить в постоянном ожидании опасности, не зная ничего об окружающих нас людях? Неужели мы вынуждены доверять их намерениям? Это нерационально. Это неправильно.

На экране появился вид пригородного квартала сверху; тень аэростата накрыла школьное футбольное поле.

– Как вы знаете, вот уже не один десяток лет у нас есть право знать, не живут ли рядом с нами сексуальные преступники – любители детского порно или насильники.

В районе из пятидесяти с чем-то домов три было помечено красными крестиками, еще четыре креста накладывались друг на друга на многоквартирном жилом комплексе рядом с шоссе.

– Обладание такой информацией стало нашим правом и обеспечило миллионам семей спокойствие и безопасность. Для нас, как для родителей и граждан, знать об этом даже не право, а обязанность. Если ты совершил преступление против общества, обществу должно быть об этом известно.

На экране снова появились жители Окленда, спешащие на работу в обоих направлениях по авеню Сан-Пабло. Над каждым вырос вопросительный знак.

– Тем не менее до сих пор мы лишены права знать о других преступниках, которые живут и ходят среди нас. Реестр сексуальных преступников появился еще в 1990-е, однако у нас до сих пор нет реестра адресов проживания тех, кто совершил убийства, разбойные нападения, грабежи и другие преступления. Мы пытались сделать это много лет назад, но у нас не было нужной технологии. А теперь она есть, и она доступна любому владельцу телефона. Разве вы не хотите знать, не идет ли рядом с вами по улице человек, который был когда-то осужден за кражу? Разве вам не нужна такая информация? В области Залива проживает более миллиона человек, совершивших те или иные преступления, но при этом не существует общедоступной базы данных, где мы могли бы быстро найти интересующую нас информацию.

На экране появилась рисованная фигура женщины, к которой со всех сторон приближались мультяшные злодеи.

– Самое трагичное и возмутительное в этом то, что на самом деле у нас есть вся эта информация. Вот она.

Спутниковая карта области Залива, с буйством зелени и белизной городов, начала покрываться множеством красных точек.

– Многие из вас уже наверняка обо всем догадались, – сказал Стентон. – Любого человека с телефоном и аккаунтом

“АУтенТы” – а это, между прочим, 93 % населения Калифорнии – легко вычислить. Мы можем определить его местоположение в любой момент. И с помощью одного простого фильтра мы можем выделить всех осужденных за насильственные преступления.

Море точек поредело, но карта все равно была залита красным.

– А теперь – за угоны.

На карте появился другой набор красных и розовых точек.

– А теперь – за изнасилования.

На карте вспыхнули новые точуи. Стентон быстро пробежался по другим категориям преступлений, от хищений до мелкого вандализма.

– Вы видите, что здесь не только красные, но и розовые точки, – сказал он. – Розовые обозначают тех, кто был арестован за определенные преступления, но не осужден. Мы имеем право знать и этих людей тоже. Вы уже наверняка поняли, к чему я веду. Давайте поищем тех, кто был обвинен в терроризме.

Появилось несколько красных точек – гораздо меньше, чем в других случаях.

– А также тех, кого арестовывали за хранение взрывчатых веществ…

Новый набор точек, одна из них – всего в нескольких милях к западу от кампуса.

– Я утверждаю, что все мы как граждане имеем право на доступ к этой информации. Разве у вас нет права знать, что человек, находящийся с вами в одном здании, был арестован за проникновение со взломом? За разбойное нападение? За изнасилование? Я уверен, что есть. И я считаю, что для этого должно быть достаточно просто обратиться к своему телефону. Позвольте, я покажу. – Стентон вскинул руку и заговорил в телефон, прикрепленный к предплечью: – “УзнайИх”, сколько осужденных за различные преступления сейчас находится в радиусе пяти миль от “Вместе”?

– Тысяча восемьсот одиннадцать, – сообщил телефон.

– Подождите, это еще не все. – Стентон улыбнулся. – Я хочу показать, как это выглядит, так сказать, субъективно, с личной точки зрения. Прямо сейчас одна из нас, Минерва Холлис, находится в метро. Она села в поезд на Лейк-Меррит и направляется в кампус.

Лицо Минервы заполнило весь экран.

– Привет! – сказала она, сверкнув впечатляющими зубами.

– Минни, покажи нам твое окружение.

Камера Минни повернулась кругом, демонстрируя пассажиров вагона. Там было девять мужчин, шесть женщин и

четверо детей. Никто не обращал на Минни внимания, все, кроме одного, смотрели в свои телефоны.

– А теперь мы применим “УзнайИх” к этим людям, чтобы узнать, с кем Минни вынуждена делить столь ограниченное пространство.

Силуэты трех мужчин засветились красным. Еще один мужчина и одна женщина порозовели.

– Вот это да, – сказал Стентон. – Какие интересные у Минни попутчики. Трое осужденных преступников и двое подвергавшихся аресту, но не признанных виновными. Она может удовлетвориться этими данными и выйти на следующей станции, а может копнуть глубже и узнать, в чем именно обвинялись все эти люди. Я считаю, что у Минни есть право это знать. Верно ведь? – обратился он к Минни. – Итак, ты села в поезд, где рядом с тобой девятнадцать незнакомцев. Теперь ты знаешь кое-что о рисках, которым подвергаешься. Ты чувствуешь себя в большей безопасности?

– Ну… Если честно, мне страшновато.

Стентон бросил взгляд куда-то в сторону и прокашлялся.

– Да. Да. Я понимаю твою обеспокоенность. Всех нас волнует уровень преступности. Хаос. Близость тех, кто способен причинить нам вред. И тем больше у нас причин получить право знать.

Дилейни внезапно поняла, что Стентон собирается выдавить Мэй из компании. Она была уверена в своей догадке. У него есть ви́дение, а у нее нет – так это воспримут все. У него есть план, а у нее после терактов не нашлось ничего, кроме дежурных фраз, которые не обеспечат никому безопасность.

– В последнюю неделю мы негласно экспериментировали с этой технологией, проведя поиск в нескольких милях вокруг кампуса, – продолжал Стентон. – ИИ помог нам классифицировать обнаруженных преступников и предупредил о тех, кто был осужден или арестован за более тяжкие преступления или за такие, которые могут угрожать безопасности кампуса. Дальше наши люди провели более тщательное исследование, задав некоторым из них по несколько вопросов, чтобы они знали, что мы знаем, кто они. Мы обнаружили, – он издал тщательно выверенный смешок, – что обычно этого оказывается достаточно, чтобы они покинули остров. И теперь мы задаем себе вопрос: позволило бы использование этой технологии предотвратить теракт, унесший жизни пяти невинных человек? Конечно, мы не можем заявлять этого со всей уверенностью, но лично я думаю, что да.

Стентон взял паузу и чуть прищурил глаза, будто

прицеливаясь.

– Я не желаю больше смиряться с хаосом. А хаос возможен только потому, что мы позволяем ему плодиться в тени. И я готов уничтожить эту тень. Одним из погибших при теракте был Сорен Лундквист. Он был членом команд “Доступ” и “Солнечный Свет”, которые несли свет в невидимые уголки мира. Он погиб, борясь за это – борясь за свет. За прозрачность, гарантирующую безопасность. И я клянусь изгнать из нашего мира все тени до единой и надеюсь, что вы присоединитесь ко мне. И в связи с этим я хотел бы представить вам человека, которого многие уже знают. Прошу приветствовать – Уэс Маказьян.

Дилейни поперхнулась, а камера расширила обзор, показав Уэса. В безупречном черном трико, подогнанном так, чтобы подчеркнуть его накачанность, он походил на ниндзя.

– Спасибо, Том, – сказал Уэс. – Пока мы оплакиваем тех, кого потеряли в этом ужасном происшествии, я хотел бы напомнить, что среди нас много тех, кто, к счастью, выжил, но так или иначе пострадал. И одна из них – это моя близкая подруга Дилейни Уэллс.

Кики восторженно взвизгнула. Сердце Дилейни пропустило несколько ударов.

– И чтобы отдать должное ее страданиям, мы с командой “Дружка” день и ночь работали над расширением возможностей программы ради того, чтобы предотвратить подобное в дальнейшем.

Дилейни внимательно вглядывалась в экран, надеясь, что Уэса взяли в заложники или как-то еще надавили на него с помощью методов спецслужб. Но он казался совершенно невозмутимым и искренним. Он пропал, пропал, пропал, отравленный властью, которой его наделили. Дилейни подумала, что ее сейчас вырвет.

– “Дружок” – это не только определение истины в отношениях между друзьями, – добавил Стентон.

– Да, Том, совершенно верно, – кивнул Уэс. – Мы можем использовать те же самые инструменты, те же показатели для поиска улик. Для установления закономерностей. Для идентификации тех, кто склонен ко всякого рода злодеяниям.

– Большие преступления начинаются с маленькой лжи, – заметил Стентон. – А “Дружок” лучше, чем все прочее, придуманное до сих пор человечеством, может распознавать эту маленькую ложь, прежде чем она перерастет во что-то опасное.

Потом Уэс со Стентоном продемонстрировали, как ИИ сканирует разговоры – анонимизированные, конечно же, поспешили отметить они – и, если засекает определенный

уровень нечестности или скрытности, помечает этого человека для возможного дальнейшего расследования. Информация о таких подозрительно нечестных или скрытных людях может быть передана в соответствующие органы, которые при необходимости установят за ними более пристальное наблюдение.

– Не переживайте, “Дружок” продолжит оценивать качество ваших отношений. – Стентон издал саркастичный смешок. – Но помимо этого он станет одним из главных инструментов обеспечения вашей безопасности. Спасибо, Уэс, за твои идеи и усилия.

Стентон повернулся к Уэсу, а потом снова к камере, которая увеличила его лицо, отодвинув Уэса за рамки кадра.

– И спасибо тебе, Дилейни Уэллс, за роль, которую сыграла в этом ты. Мы желаем тебе скорейшего выздоровления и не можем дождаться твоего возвращения в команду “Вместе”.

Дилейни вспомнила, как дышать. Она услышала всхлип и обнаружила, что Кики плачет. С ее запястья послышался звоночек.

– Мне пора идти, – сказала Кики. – Ты должна гордиться. Сорен погиб не зря, и ты тоже пострадала не зря. Все это не напрасно. Браво, Дилейни. Браво.

41
Снова ты

Дилейни могла предъявить “Вместе” иск. Она получила бы восьмизначную сумму, даже просто пригрозив компании судебным разбирательством за то, что они не смогли обеспечить ее безопасность. Но она подписала все отказы от претензий, которые ей дали. Она не возлагает на них ответственность, сказала Дилейни. Она не хотела, чтобы “Вместе” отвалила ей десять миллионов долларов. Она хотела, чтобы компания прекратила существовать. Руководство “Вместе” выразило ей огромную признательность за столь высокую лояльность.

Все еще с повязками на ногах и руках, со стянутыми корсетом ребрами, она пришла на закрытый обед в один из модулей топ-менеджмента, где присутствовали двенадцать членов Бригады 40. Они искренне возносили ей хвалы и обещали найти виновного в теракте буквально в течение ближайшей недели. Они расспрашивали про Айдахо, про ее лесничество, они хотели знать, в каком подразделении “Вместе” она хотела бы работать после того, как пройдет все ротации. Ей предлагали должности в рекламе, маркетинге и дизайне. И в отделе этики тоже найдется место!

Она пока предпочла бы продолжить странствия по отделам, сказала Дилейни. Ей понравилась каждая минута, проведенная в каждом отделе, – что было по большей части правдой. Это просто мечта – иметь возможность познакомиться со всеми рычагами и кнопочками и увидеть, как устроены разные сферы.

Все пришли в восхищение. Конечно же, как пожелаешь! А если она хочет какое-то время провести дома в Айдахо, ей дадут бонус на путешествие и доставят ее домой с нулевым балансом выбросов углерода. Она даже получила личное сообщение от Стентона: “Цельность. В тебе она есть. С.”

А в конце вечера – как если бы обед был последним прослушиванием перед тем, как ее утвердят на роль, – Дилейни сообщили, что с ней хочет встретиться Мэй Холланд.

***

– Черт, – сказала Джоан. – Не надо было слушать Фрэнсиса.

Фрэнсис советовал Джоан потянуть время несколько дней, а может быть, неделю и посмотреть, что выйдет. Он рассчитывал на некую компенсацию-с-сохранением-работы и убедил Джоан последовать его примеру. Они с Фрэнсисом пока ничего не подписали, и хотя обоих уверяли, что у них есть время подумать,

Джоан чувствовала по каким-то намекам со стороны Бригады 40, что их нерешительность уже воспринимается как знак корыстного предательства. Дилейни была поражена, что Джоан, которая всегда казалась прекрасно осведомленной обо всем, на этот раз так ошиблась в оценке ситуации – в компании ценили верность и щедро вознаграждали лояльных сотрудников, которые об этом не просили. При этом тут были очень скупы на компенсации и беспощадны к тем, кто пытался развести их на деньги.

– Где у вас встреча? – спросила Джоан.

– Думаю, в ее офисе.

– Только ты и она?

– Наверное. На самом деле не знаю.

– Не думай, что я прошу взять меня с собой, – заметила Джоан.

Дилейни так и не думала.

– Я могу спросить, – предложила Дилейни. – Когда они сообщат мне детали, я спрошу.

– Нет, не надо. Я сознаю, что лоханулась. Не хочу, чтобы моя жадность бросала тень на тебя. Видимо, скоро ты увидишь, как меня разжалуют в философы продукции или что-нибудь вроде того.

– Ну что ты, – возразила Дилейни, понимая, что именно так и поступают с людьми вроде Джоан. – Я спрошу, можно ли тебе прийти.

– Да она все равно скажет “нет”. Ладно, послушай. Ты должна подготовиться. Тебя будут снимать. Может, постричь тебя? Мне нравится твой образ раненой пикси, но можно придумать и что получше.

Дилейни до этого не думала о съемках, но поняла, что Джоан права, и согласилась встретиться со стилистом.

– Это же увидят миллионы, – сказала Джоан. – А если Мэй разошлет уведомление, что встречается с одной из жертв теракта, то и десятки миллионов. Может, обдумаешь, что надеть? – Она скользнула взглядом по одежде Дилейни, но больше ничего не сказала.

***

В итоге в офис Мэй ее не пригласили – встреча состоялась в том же ничем не примечательном здании, где Дилейни проходила собеседование с Карло и Шийрин, в пустой, похожей на чистилище комнате.

С Дилейни наконец сняли повязки, и ей уже было почти не больно двигаться. Глядя в зеркало на свои коротко остриженные волосы, она подумала, что теперь все ее мысли прочитать еще легче. Стилист старалась как могла, но результат вышел скорее

жутковатым, чем элегантным – скрыть припухлости на голове оказалось невозможно. Телефон звякнул. Ее уже предупредили, что аудиенция назначена на девять утра, а о месте сообщат перед самой встречей. И вот сейчас, в 08:48, прислали адрес здания с уточнением, что она должна быть одна и что Мэй тоже будет одна.

Это было очень странно. Войдя в здание, Дилейни никого не обнаружила. Она огляделась – ее никто не встречал, никаких ассистентов или сопровождающих, не говоря уж об операторе с камерой. Она постучала в указанную в сообщении дверь, и ей открыла сама Мэй, очень похожая на свои изображения, только гораздо миниатюрнее, чем представляла Дилейни.

– Заходи, заходи, – приветливо сказала Мэй, будто предлагала кров в непогоду.

Дилейни вошла, закрыла за собой дверь, и Мэй обняла ее за плечи. Дилейни неожиданно обнаружила, что того и гляди расплачется. Вот черт, подумала она, отчаянно моргая.

– Ох, прости, – всполошилась Мэй. – Еще болит?

– Все хорошо, – выдавила Дилейни и всхлипнула.

Да что же такое? Она мысленно выругала себя. Она понимала, что со стороны Мэй это просто демонстрация, и тем не менее глава “Вместе” только что без раздумий обняла ее. Будь Мэй просто расчетливым монстром, она бы не стала прибегать к физическому контакту на глазах у миллионов. Или заранее предупредила бы, что нужно будет обниматься. Но ничего этого не было, да и объятие длилось долго – Дилейни осознала, что во взрослой жизни ее никогда не обнимали так долго. И постепенно дыхание у нее выровнялось, слезы отступили. Мэй отстранилась, положила руки Дилейни на плечи, заглянула ей в глаза и долго смотрела.

– Мне очень жаль, – проникновенно сказала она после молчания.

Дилейни снова заморгала, страшно злясь на себя. Что здесь происходит? Кто это перед ней? На долю секунды она почувствовала себя на стороне Мэй, стороне Стентона, стороне Уэса. Теракт был чудовищным преступлением, и “Вместе” и все человечество вместе с ней должны сделать все ради того, чтобы такое преступление никогда больше не повторилось.

– Поплачь, – сказала Мэй.

Дилейни вдруг обнаружила, что сидит в удобном кресле. Как она в нем очутилась? Она сидела, съежившись, давясь рыданиями, а Мэй стояла у нее за спиной и поглаживала ее вздрагивающие плечи.

– Давай, давай, – бормотала Мэй. – Плачь сколько хочешь.

С ума сойти, а Мэй, оказывается, человек. Руки у нее были сильные, но ласковые, и Дилейни постепенно окончательно успокоилась, подняла голову, огляделась. Здесь и в самом деле были только они с Мэй – и бог весть сколько миллионов по ту сторону экранов, наблюдавшие за ее позорным срывом.

– Нас не снимают, – сказала Мэй.

Дилейни озадаченно посмотрела на нее. На Мэй и в самом деле не было камеры. Она снова расплакалась. И снова Мэй принялась массировать ей плечи. Господи, какая я жалкая, подумала Дилейни. Самая жалкая шпионка на свете. Ничтожество, а не спасительница человечества.

Дилейни знала, что Мэй отключала свою камеру считаное количество раз за все то время, что руководила компанией. И сейчас она это сделала – очень по-человечески. Мэй была настоящей.

Господи, подумала Дилейни. Это будет очень трудно. Как разрушить компанию, не причинив боли этому созданию из чистого света? Она взглянула Мэй в глаза. Они были влажные. Ангел, она ангел, ангел любви и контроля. И вдруг в руках у Мэй возникла упаковка с бумажными платками.

– Они такие тоненькие. Мне вечно не хватает, – рассмеялась Мэй.

Дилейни высморкалась. У Мэй уже был наготове второй платок. Дилейни расправилась и с ним. Мэй спокойно взяла в руку скользкие комки, подошла к мусорной корзине, выбросила, вернулась к Дилейни и протянула третий платок. Дилейни вытерла нос, глаза, щеки и правое запястье, тоже мокрое от слез.

– Я просто представить себе не могу, – покачала головой Мэй. – Это так страшно.

– Очень страшно, – кивнула Дилейни.

– И наверняка со временем становится даже страшнее, да? Чем лучше ты понимаешь, что случилось?

– Да. Становится только страшнее. Каждую ночь все делается более реальным.

– Ты же могла *умереть*, – сказала Мэй, и Дилейни снова утонула в слезах и соплях. – Прости, – сказала Мэй шепотом прямо в ухо Дилейни и снова обняла ее.

– Спасибо тебе за участие, – всхлипнула Дилейни.

– Ш-ш, тише, тише, – шептала Мэй.

Когда Дилейни перестала дрожать, Мэй опустила руки.

– Боюсь, “Вместе” нажила себе врагов. Очень многие люди и организации не могут смириться с тем, что человечество эволюционирует. Эта ненависть представляется мне последним вздохом старого мира. Но, знаешь, я хочу, чтобы для нас

произошедшее стало началом. Для нас с тобой. Согласна?

Дилейни молчала, решив, что это просто слова вежливости.

– Я тоже поеду в Айдахо, – сказала Мэй. – Знаешь про конференцию, которую “Аллен и К°” устраивают в Сан-Валли?[29]

– Знаю, – кивнула Дилейни.

Ежегодно толпа самых богатых и влиятельных топ-менеджеров и венчурных капиталистов заполоняла Сан-Валли, к ним присоединялись медийные звезды вроде Опры.

– Я еду туда, но предусмотрела себе свободное время. Добавила лишний день, чтобы провести его с тобой. Можешь запланировать для нас прогулку?

– Конечно, с удовольствием.

– В такое место, которое знаешь только ты.

Дилейни засмеялась:

– Я знаю много таких мест!

Она была счастлива. Мысль о том, чтобы показать Мэй, этой великой женщине, а теперь ее подруге, родные дикие края, наполняла ее радостью.

– Там есть водопад…

– Не рассказывай! – прервала Мэй. – Я хочу, чтобы это был сюрприз. Отправимся туда вдвоем, будем просто болтать и строить планы. Главное, чтобы там не было камер. Только ты и я.

– Договорились, – сказала Дилейни.

– Мы с тобой горы свернем!

42
Девушка Грегори

Дилейни понадобилось несколько дней, чтобы вернуться к своему нормальному состоянию. По крайней мере, к привычному состоянию растерянности и паранойи. Цинизм по отношению к Мэй и ее мотивам и гнев в адрес “Вместе”, которая соблазнила ее друга Уэса и превратила их протест в тоталитарный инструмент слежки всех за всеми, тоже вернулись. Но она все больше размышляла, не является ли главной проблемой Стентон. Вдруг именно Стентон обращает любую идею в оружие контроля и подавления? Можно ли отделить Стентона от всего остального, спасти Уэса, а Мэй пусть остается поставщиком интернет-развлечений?

Все это крутилось у Дилейни в голове, пока она ждала Кики и своего очередного перевода. Но вместо Кики появилась высоченная женщина с угольно-черными волосами. На ней была белая балетная пачка поверх синего трико – казалось, что она прыгнула в воду ногами вперед и подняла веер брызг.

– Привет, я Сигги, твоя новая Кики, – объявила женщина, даже не подумав остановиться.

Дилейни двинулась за ней.

– Итак, Читальный Зал! Думаю, это отличный выбор. Учитывая все, что тебе пришлось пережить, место с низким уровнем стресса сейчас для тебя в самый раз.

Они направлялись к южному краю кампуса, Бэй-Бридж вырастал у них почти над головой.

– К тому же тебе вроде бы нравится читать. – Слово “читать” она произнесла с некоторым замешательством, будто чтение – некое экзотическое хобби типа домашнего консервирования или изучения гусениц.

Они приблизились к незаметной двери и вошли в здание. Вниз уходила серебристая металлическая лестница.

– Тут все под землей, по понятным причинам, – сказала Сигги.

Дилейни было невдомек, почему читальный зал должен находиться под землей.

Сигги постучала в стальную дверь, за которой оказалось самое унылое помещение, какое Дилейни доводилось видеть в кампусе. Она ожидала очутиться в каком-то месте наподобие знаменитой библиотеки Бейли – выдержанный в старинном стиле зал, стены обшиты панелями красного дерева, бронзовые

светильники и высоченные стеллажи, – но ничего такого, просто небрежный модернистский хаос. Читальный Зал чем-то напоминал школьный класс в первый день летних каникул. Откуда-то доносилась скорбная камерная музыка. Оглядевшись, Дилейни увидела женщину средних лет, та небрежно возлежала на розовом плюшевом диване, по коленям рассыпался ворох листков. В сторону прибывших она даже не взглянула.

Всего Дилейни насчитала восемь работников, и только один на вид был моложе сорока. Они с Сигги довольно долго простояли перед круглым деревянным столом, пока сидевший за ним человек наконец не поднял голову и не улыбнулся. Он медленно встал, медленно обошел стол и поманил их за собой. Они вышли во внутренний дворик. Несмотря на то что дворик находился под землей, здесь было много света, повсюду стояли кадки с растительностью. Закрыв тяжелую стеклянную дверь, отделившую их от зала и работавших там людей, человек наконец заговорил:

– Здесь у нас место для общения. – У него был отчетливый акцент, который Дилейни определила как африканский.

Он церемонно поклонился.

– Дилейни, – представилась она и повторила его поклон.

– Да, простите. Я Грегори, временный заведующий Читальным Залом. – И протянул Дилейни визитную карточку с закругленными краями:

ГРЕГОРИ АКУДО-АДДО
(Временный заведующий)
Читальный Зал

Нам нем был джемпер с V-образным вырезом и несвежая хлопковая водолазка. Его кожаные туфли знавали лучшие времена, и времена эти миновали явно давно.

– Могу раздобыть для тебя такие, – сказал он, заметив, куда смотрит Дилейни.

По цепкому взгляду стало ясно, что он из тех, кто все видит и все примечает.

– Я вас оставлю, – сказала Сигги.

Грегори был ей явно неприятен – его пронизывающий взгляд, небрежная одежда, весь этот хаос вокруг. Прежде чем уйти, она протянула Дилейни планшет с очередным Соглашением о неразглашении и подождала, пока та его подпишет.

Грегори смотрел сквозь стеклянную дверь на бумажные завалы в помещении.

– Мне надоело извиняться за бардак, – сказал он и замолчал, будто ожидая, что Дилейни как-то это прокомментирует.

– Меня это нисколько не беспокоит.

– И еще хочу сказать, что очень сожалею, что ты пострадала при теракте, – добавил Грегори. – Это единственное, что я знаю о тебе. Но мне правда очень жаль. И тебя, и твоего погибшего друга Сорена. Представляю, как тебе тяжело.

– Спасибо, – сказала Дилейни.

Он говорил искренне.

– Физически ты восстановилась?

Она кивнула.

– Ну хоть это хорошо. Ты не была здесь раньше?

– Нет.

– Отлично. Тогда чисто из любопытства спрошу: по твоему мнению, чем мы тут занимаемся?

У Дилейни появилось нехорошее ощущение, что работа в этом отделе вовсе не будет приятной синекурой.

– Наверное, вы здесь читаете то, что больше ни у кого нет времени читать.

Он слегка натянуто улыбнулся.

– Ну, почти. Вся остальная часть “Вместе” существует – и должна существовать – на поверхности. А мы – глубоководные ныряльщики. Наша миссия – прочитывать по сотне длинных текстов в неделю, от книг и сценариев до контрактов и манифестов. Мы изучаем входящие тексты на предмет клеветы, подрывных идей, нарушений законодательства и угроз существованию “Вместе”. Что касается исходящих текстов, тут мы выполняем функции консультантов по содержанию, а также корректоров, литературных и научных редакторов. Нужно ли рассказывать об этом подробнее?

– Нет, в целом понятно, – сказала Дилейни.

– В отделе есть камеры, но нет интернета. Мы читаем конфиденциальные документы на бумаге. Как ты знаешь, когда текст оцифровывается, его можно изменить. Возможно, ты слышала об этой кошмарной штуке под названием “УлЛит”, которая якобы “улучшает” классические тексты так, чтобы они соответствовали современным стандартам и читательским вкусам?

– Да, кажется, что-то такое слышала.

– Здесь мы занимаемся оригинальными, каноническими текстами, и это медленная и кропотливая работа. Бейли основал наш отдел после того, как заметил, что с каждым годом в текстах увеличивается количество ошибок, в контрактах теряются важнейшие слова, а то и пункты, и понял, что не может рассчитывать на то, что остальные сотрудники “Вместе” будут все это отслеживать. Поэтому мы тут читаем, внимательно и

вдумчиво, ничего не пропуская. Тебе это интересно?

– Очень.

– Я так понимаю, что раз ты попала сюда, значит, ты – читатель или была читателем раньше?

Дилейни решила, что Грегори действительно не искал информацию о ней. А вопросы он задает, чтобы понять, кто она. Такой подход разительно отличался от принятого во “Вместе”.

– Нет, я никогда не ищу информацию о людях до того, как встречаюсь с ними, – сказал Грегори, буквально читая ее мысли. – Я задаю им вопросы и узнаю их по ответам. Да, понимаю, подход своеобразный.

Дилейни хотелось спросить, почему он работает в компании, но он опять ее опередил:

– Итак, что я делаю здесь. В колледже мы с Бейли жили в одной комнате.

Он молчал, пауза все тянулась, так что Дилейни пришлось заговорить.

– Очень сожалею об этой потере, – промямлила она. – О *вашей* потере.

– Спасибо. Да, мы были близки. Познакомились еще на первом курсе, и я писал за него курсовые по истории и английской поэзии. Когда “Сфера” разрослась, он понял, что нужны внимательные читатели, чтобы рассматривать под микроскопом каждое слово в каждом важном для компании тексте, и позвонил мне. Ты была в отделе отслеживания движений глаз?

Дилейни кивнула.

– Это отслеживание подтвердило то, о чем догадывался Бейли, – люди реально прочитывают не больше половины. Даже в текстовых сообщениях появилась тенденция просматривать только краткое содержание, а, как ты понимаешь, в контрактах и конфиденциальных документах краткого содержания недостаточно.

– Безусловно, – согласилась она.

– Помнишь отчет Мюллера? В нем 448 страниц. Его скачали примерно два миллиона человек. Мы, естественно, смогли определить, сколько из тех, кто читал его в электронном виде, прочитали все страницы без исключения. Хочешь попробовать угадать?

– Двенадцать? – предположила Дилейни.

– Впечатляет, – покачал головой он. – На самом деле одиннадцать. И пятеро из них были членами одной семьи в Орегоне. Потом, если помнишь, был второй отчет, сокращенный. И даже эту урезанную версию прочитали всего

семьдесят три человека.

– Я прочитала, – сказала Дилейни и тут же пожалела об этом. Она же не хочет выделяться!

– Я получил огромное удовольствие, – сказал Грегори. – Столько разнообразных преступлений, но никто это не прочитал. Конечно, фильм посмотрели многие… – Он замолчал, как будто погрузившись в воспоминания. – Но вернемся к Бейли. Он дал мне карт-бланш, это помещение и бюджет на найм команды читателей. У меня было всего три условия: чтобы ничего здесь не было подключено к Сети, чтобы я управлял Залом так, как удобно мне, и чтобы мне никогда не пришлось общаться с Томом Стентоном. В свою очередь, Бейли хотел, чтобы этот отдел возвращал все документы через разумное время, обычно через сорок восемь часов, и чтобы мы устраняли все ошибки в исходящих текстах. У тебя хорошо с грамматикой?

– Надеюсь, что да, – сказала Дилейни.

– Что такое причастие?

– Это глагол в форме прилагательного.

– Ну почти, – сказал он. – Не знаю, замечала ли ты в последнее время общую деградацию языка и значительное увеличение количества орфографических и грамматических ошибок даже в официальных документах? О пунктуации и не говорю.

Он не стал дожидаться ответа и повел ее обратно внутрь, открыв дверь с тихим шорохом и продолжая по дороге:

– Конечно, должна была заметить. Я очень на это надеюсь. И мне кажется, что ты лучше осознаешь масштаб происходящего, если я просто расскажу тебе, что сегодня читают мои люди. Пойдет?

Он подвел ее к вольтеровскому креслу с желтой шерстяной обивкой, где восседал крупный мужчина в берете пажа.

– Маркус читает 256-страничный контракт между “Вместе” и поставщиком кобальта. Его уже прочитали несколько юристов компании и сторонних консультантов, но они много чего пропустили. Юристы так часто пользуются автозаменой и ИИ, что сами практически разучились писать. Примерно девяносто процентов стандартных положений сейчас генерируется алгоритмами и ИИ, с минимальным человеческим вмешательством и минимальной правкой. А это может вести к огромным проблемам.

Маркус кивнул, и они перешли к женщине за сорок в объемном черном пальто. Ее ноги были укрыты шерстяным одеялом.

– Бренда, которая все время мерзнет, читает черновую

верстку книги, которая должна выйти через три месяца. Ее автор – популярный колумнист, пишущий о технологиях. Здесь есть глава о “Вместе” и о ее пугающей власти. – Последние слова он произнес совершенно безучастно. – Задача Бренды – разобраться, несет ли эта книга какую-нибудь реальную угрозу, хотя, будем честны, ни одна из таких книг ничем не угрожает компании, потому что почти никто их не читает. Спасибо, Бренда.

И они направились в другой конец зала, к женщине с наполовину выбритой головой и настороженным взглядом, которая пряталась за книжной полкой. На ней была футболка “Сити лайтс”.

– Минка читает сочинения Итало Кальвино. Мэй собирается встретиться в Сан-Вэлли с итальянским премьером, и ее команда попросила найти не слишком известные цитаты из Кальвино – чтобы показать итальянцу, что Мэй не просто по-быстрому нашла в интернете биографию и пару афоризмов писателя. Минка уже прочитала шесть книг Кальвино, и пока в ее списке двадцать две фразы. Когда она закончит, то сократит список до семи. Команда Мэй просила семь.

Он поблагодарил Минку и подвел Дилейни к стеклянной стене, за которой сидели два человека, каждому за пятьдесят.

– Это наш звукоизолирующий бокс, – пояснил Грегори. – Сейчас там Лариса и Федор. Лариса работает с нами уже много лет, и это она привела Федора, известного специалиста по русской литературе, в качестве консультанта. Они изучают разные версии “Идиота” Достоевского. Первая – это оригинальная русская публикация. Вторая – последний из сделанных человеком переводов на английский. Третья – автоматический перевод, в котором герои и сюжет изменены с помощью “УлЛита”. Этим утром они дошли до 67-й страницы и пришли к выводу, что пока версия ИИ и “УлЛита” значительно лучше человеческого перевода. Я нахожу этот факт крайне занимательным. Скорее всего, он говорит о том, что такие профессии, как редактор, архивариус и переводчик, скоро исчезнут. У тебя есть вопросы?

– Нет, – сказала Дилейни, хотя один очевидный вопрос у нее, конечно, был.

– Мне кажется, очевидный для тебя вопрос – что ты будешь читать, – сказал Грегори. – Учитывая, что ты здесь не постоянный сотрудник – если не сказать посторонний человек, – я предлагаю выбрать то, что тебе самой нравится. Согласна?

***

Ни в этот день, ни на следующий никто, кроме Грегори, не разговаривал с Дилейни. Он предложил ей побродить по хранилищу и ознакомиться с содержимым. Под Читальным Залом

было еще два этажа с документами, книгами, газетами, научными трудами.

Дилейни было приятно побыть одной, и она закопалась в самые нижние уровни. Ей казалось, что она попала в какой-то архив девятнадцатого века, собранный без всякой системы. Она никак не могла понять, пытались ли его хоть как-нибудь упорядочить. Здесь имелись целые секции с коробками, подписанными именем автора или названием раздела. Были шкафы с папками, расставленными тематически: антимонопольное законодательство, неприкосновенность частной жизни, клевета, порнография, фашизм, несанкционированно собранные данные. А еще – на столах, без всякой маркировки – горы непереплетенных рукописей, кое-как отпечатанные манифесты, самодельные сборники статей. Никто не обращал никакого внимания на Дилейни, так что она часами бродила, рассматривая книги, подшивки, распечатки.

А потом она нашла коробку с надписью “Исследования «ВладейСобой»”. Это была ничем не примечательная коробка, похожая на все прочие, без малейшего намека на важность. Однако внутри обнаружились документы с грифом КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ И ЗАКРЫТАЯ ИНФОРМАЦИЯ – *свяжитесь с Джейкобом.* Но поскольку Грегори специально подчеркнул, что Дилейни может читать все, что имеется в Читальном Зале, она отнесла коробку в свободный угол зала, куда проникал солнечный свет. РАНДОМИЗИРОВАННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ – значилось на обложке первой папки, а дальше более мелким шрифтом: *Влияние долговременного использования “ВладейСобой” на лиц в возрасте* 34–37 *лет.*

Сердце у нее гулко ухало. Она открыла исследование на середине.

> *Участница исследования под номером* 277 *сегодня была найдена на нижней площадке лестницы. Она не понимала, как попасть на второй этаж. Ее “ВладейСобой” не обновилось. Участница сознавала нелепость ситуации, но все равно не могла добраться до второго этажа без указаний программы. Она смеялась над своей глупостью и извинялась. Когда ей предложили отказаться от участия в эксперименте с “ВладейСобой”, это решение она также не смогла принять.*

Дилейни подняла взгляд, уверенная, что читает нечто запретное. Но никто за ней не следил. Она перелистнула еще несколько страниц.

У участницы 112 *было выявлено острое маниакальное состояние и бессонница. “ВладейСобой” установило невысокую цель по продолжительности сна, но участница* 112 *все равно не смогла ее достичь, несмотря на неоднократные вмешательства. Уровень стресса повысился, и бессонница усугубилась. Этот цикл продолжался до тех пор, пока ее непосредственные подчиненные не направили ее в Высотку.*

Возможно, речь про Кики, подумала Дилейни. А даже если это не Кики, то кто-то вроде нее. Их полно – людей, которые передали контроль над собственной жизнью в руки программы и теперь не знают, как попасть с первого этажа на второй.

***

На следующий день Дилейни наткнулась на растрепанный ворох бумаг авторства Мерсера Мадейроса. Это имя показалось ей смутно знакомым, но она никак не могла вспомнить, кто это. Он написал нечто под названием “Права человека в цифровую эпоху”. Она начала читать, но тут почувствовала рядом чье-то присутствие. Это был Грегори.

– Если тебе такое интересно, то мы только что получили вот это, – сказал он и поставил перед ней коробку, заполненную распечатками.

На верхнем листе значилось: *“Согнуть и сломать”, Мина Агарвал, PhD*.

– Слышала о ней? – спросил Грегори.

– Да, – ответила Дилейни, надеясь, что ей не придется ничего больше говорить.

Грегори молчал на секунду дольше, чем это было уместно.

– Что ж, она весьма убедительна, – наконец произнес он. – Тебе стоит прочитать. Это новое. Я думаю, у нас одна из немногих копий. Или даже *единственный* экземпляр.

Не считая писем, Дилейни уже много лет не читала ничего нового, написанного Агарвал. Она избегала искать информацию о ней и ее работе в Сети и даже подписываться на ее статьи. Поэтому теперь, когда ей предложили почитать новую статью Агарвал прямо здесь, во “Вместе”, она почувствовала себя на седьмом небе. Опасаясь, что ее в любую секунду могут остановить, Дилейни принялась быстро читать.

С каждым годом мы тратим все больше времени на изучение друг друга, суждения друг о друге и мысленное уничтожение друг друга. И еще удивляемся, почему лекарства становятся все мощнее. Мы отупели и хотим быть еще тупее.

Дилейни огляделась. Никого, похоже, не интересовало, что она читает, и все равно у нее было ощущение, что за ней следят. Она перевернула страницу.

Мы – вид в процессе редукции. Эпоха исследований уступила место эпохе интроспекции.

Страха. Осторожности.

Мы ничего не ищем.

Мы ничего не изобретаем.

Мы ничего не прощаем.

Вид, который сидит в своей замкнутой сфере, где особи глядят только друг на друга, не может выжить. Мы заняты постоянным осуждением друг друга, поэтому мы – вымирающий вид. В таком климате не может взрасти ничего великого. Нельзя в таких условиях вести нормальную человеческую жизнь. С каждым годом, с каждым днем мы становимся все более покорными и запуганными, и каждый час приносит нам новые запреты на действия и слова, и во всех случаях наказанием для нарушивших правила оказывается исключение из сферы – своего рода цифровая высшая мера. Каждое новое поколение претендует на все более развитую эмпатию, но при этом каждое новое поколение все меньше умеет прощать. И конечно же, с каждым годом технологии дают нам все больше гарантий, что ни одна ошибка не останется незамеченной.

Дилейни снова оторвалась от чтения. Солнечный свет, пробивавшийся сверху, отбрасывал размытые блики на потолок. Она верила Грегори, но все равно оглядела потолок в поисках камер. Нет, никакого наблюдения нет. Она стала читать дальше.

Вопрос в том, становимся ли мы другим биологическим видом. Никогда ранее человечество не эволюционировало настолько стремительно и массово. Глобализм позволил «Вместе» дотянуться до всех людей на Земле одновременно. Никогда раньше не было возможности положить начало движению, поставить цель или запустить продукт так, чтобы они стали доступны всем в один и тот же день. И, судя по моим исследованиям, мы никогда еще не были настолько податливы. Мгновенное принятие практически любой инновации не имеет исторических прецедентов. Из-за этого в мире осталась лишь маленькая группа несогласных, которая пытается выживать аналоговыми

способами. Но с каждым годом этим сопротивленцам становится все сложнее функционировать в обществе, и очень скоро это станет совсем невозможным. Детям необходимо новейшее программное обеспечение и постоянный доступ в интернет, чтобы получить образование. Пожилые люди не могут получать лекарства без алгоритмов. Наличные деньги и бумага скоро окончательно станут вне закона, и все транзакции и коммуникации будут возможны только в цифровом виде – а значит, станут полностью отслеживаемыми и открытыми для интерпретаций, домыслов и суждений. Приходится признать, что троги, как бы они ни пытались сопротивляться, теперь имеют не больше политического или культурного влияния, чем амиши.

Дилейни не могла поверить, что читает такое и за ней при этом не следят. Она опять оглядела помещение. Шумопоглощающие панели на потолке были утыканы мельчайшими дырочками. Могут ли они засунуть камеру туда? Она открыла последнюю страницу.

Тем не менее я не хочу терять надежды. Мы уже видели в прошлом, как рушатся монополии и свергаются тирании. Обычно они заходят слишком далеко, и находится кто-то, кому хватает сил не просто зазвонить в колокол, а остановить поток леммингов, падающих друг за другом в морскую пучину. Не одно десятилетие я пыталась придумать, как донести это послание, как убедить человеческий вид повернуть назад от края бездны. Но у меня ничего не получилось. Я стою на этом краю и наблюдаю, как тысячи бросаются вниз. Слышат ли они меня, я не знаю, но они все равно прыгают.

Это отчаяние было новым для Агарвал. Апатия студентов всегда вызывала в ней ярость, и Дилейни никогда не видела ее разочарованной и опустившей руки. Может, дело в болезни? Внезапно ей в голову пришла жуткая мысль, что Агарвал может покончить с собой. Отогнать эту мысль удалось не сразу. Агарвал вполне способна решиться на такой шаг – например, раздобыть один из этих швейцарских наборов для эвтаназии. Сердце Дилейни затрепыхалось. Нужно с ней встретиться! Но как?

И тут Дилейни поняла. Она же все равно поедет в Айдахо. И просто сделает небольшой крюк. Крюк в десять часов. Она сумеет проделать это незаметно. Предупреждать Агарвал не станет,

пусть для нее это будет сюрпризом. Они просто обнимутся, посмотрят друг на друга. Дилейни попросит прощения за свое молчание, а потом они обсудят, как покончить с компанией.

Дилейни подняла голову. На часах было шесть. У дверей Грегори надевал пальто. Он взглянул на Дилейни, почти незаметно подмигнул и вышел.

43
Домой и дальше

Прилетев в Бойсе, Дилейни села на автобус до Гост-Каньона. От города она прошла две мили пешком и уже возле дверей родного дома услышала непривычные звуки – ее родители ругались. Они были где-то в задних комнатах, и зачем-то она прокралась вдоль боковой стены и остановилась у открытого окна гостиной, чтобы подслушать.

– Это просто оскорбительно! – кричал отец. – Ты меня не уважаешь!

– Ничего тут нет оскорбительного. И неуважительного, – отвечала мать. – Вообще ничего. Это просто гольф. Он пригласил меня поиграть, я согласилась. Ты же не играешь в гольф.

– Я мог бы! – прорычал отец.

– Ты никогда не играл. Хочешь научиться сейчас?

– Да! Правда хочу.

– Врешь, – сказала мать.

– Нет, – сказал отец. – Нет. И вообще, мы о твоей лжи говорим. Не переводи стрелки! Просто признай то, что мне и так известно.

– Я ничего не буду признавать из-за того, что какое-то приложение сказало тебе, что я вру. Я в шоке, что ты доверяешь программе больше, чем мне!

– Неправда, – сказал он. – Программа просто подтвердила то, что я подозревал.

– Что ты подозревал? Что у меня роман с Уолтом?

– Я такого не говорил! Я просто сказал, что дело не в гольфе. Просто ты меня не уважаешь. Ты специально сделала так, чтобы меня там не было.

Дилейни сползла по стене. Ей нужно было рассказать им, что она сделала, – что “Дружок” просто шутка, что это ничего не значит, что он ничего на самом деле не умеет, – но все это теперь было неправдой. Он работал – по крайней мере, мог распознавать какие-то отклонения, заминки, напряжение в мышцах, говорящие жесты. Дилейни была уверена, что между ее матерью и Уолтом произошло что-то очень слабо и отдаленно неприличное. Ситуация породила подозрения, а “Дружок” их подтвердил. Отец прав. Но, может, и мать тоже? Имела ли она право поиграть в гольф и слегка пофлиртовать в свои шестьдесят один? В чем тут вред? В чем преступление? Преступление ли – время для себя, проведенное без мужа после тридцати семи лет брака? Но в

жизни больше не существовало нюансов, гибкости, оттенков. Только черное и белое.

Дилейни вошла в дом через заднюю дверь и заметила, как побледнели родители. Они ни разу не ссорились при ней. Она приложила палец к губам, и они притихли. Она выдернула из розетки “Внемли”, взяла их телефоны и засунула все в шкаф, под стопку белья. Она собиралась обо всем им рассказать, но не успела. Полиция примчалась моментально. Все происходило именно так, как задумывали Карина и Рия – и она сама.

На протяжении часа Дилейни пыталась защищать родителей, на протяжении часа они втроем пытались объяснить, что то, что слышал ИИ, и то, к чему у самих полицейских был доступ, – это вовсе не вся правда об их браке. Наконец полицейские уехали, оставив повестку в суд и потребовав включить “Внемли”. Теперь родители Дилейни стали объектами так называемого “усиленного наблюдения”. Она пошла к себе в комнату, рассчитывая притвориться спящей, а ночью потихоньку улизнуть. Но родители встали в дверях и не уходили, пока она не села на кровати.

– Нам очень стыдно, – сказала мать.

– Ужасно, – сказал отец. – Мы совсем не так хотели тебя встретить. Мы так долго не виделись.

– Но вы же видели меня несколько недель назад.

Родители переглянулись.

– О, милая, – сказала мать, – мы к тебе не приезжали. Ты думала, мы были там? В больнице?

– Это был видеовизит, – объяснил отец. – Тебе просто показалось, что мы с тобой. Надо же. Технологии и правда стали хороши.

Дилейни перестала дышать. Она же четко помнила, как они сидели у ее постели. Помнила, как они ей читали, пели.

– Мы хотели приехать, – сказала мать. – Но ты же знаешь, как магазин отслеживает наш углеродный след. А поскольку твои жизненные показатели были стабильны…

– Мы могли проверить их в любой момент, – перебил отец. – Твоей жизни ничто не угрожало. Мы все время следили.

– Ты же понимаешь, – сказала мать, – у тебя работа гораздо более высокого уровня, чем у нас. В “Народной Еде” ограничения на личный углеродный след очень жесткие. А мы в прошлом году ездили в Мексику, так что…

***

Дилейни сказала, что понимает. Прекрасно понимает. Все хорошо, хорошо, повторяла она, и наконец они оставили ее в покое. Она смотрела в потолок, стискивая зубы от нетерпения, мысли бурлили. Решив, что родители крепко спят, она

выскользнула из дома, оставив свой телефон и записку, и села в машину отца, “субару” 1998 года. Она направлялась в Орегон и надеялась, что за ней не следят. В следующие девять часов она обдумала миллион мыслей об уничтожении и мести. Она вела машину как под гипнозом, лишь изредка замечая на дороге грузовик или фургон доставки “Вместе”, и только когда пересекла границу Орегона, внезапно задумалась о том, что может вскоре увидеть, и ей стало страшно.

В лучшем случае профессор Агарвал будет изможденной и лысой, окруженной сиделками и, возможно, студентами. В худшем – окажется, что она умирает или уже умерла. Какой смысл встречаться с человеком на пороге смерти? Агарвал никогда не верила в загробную жизнь, так ради кого она едет? Если получится провести с ней один день, а на следующий день Агарвал умрет, кому и зачем это будет нужно? Только ей самой ради мелкого чувства удовлетворения, чтобы потом говорить, что она все-таки приехала, поступила правильно, успела. Дилейни остановила машину в двух кварталах от дома Агарвал. Было пять часов вечера. Она провела за рулем всю ночь и весь день, но ей совершенно не хотелось спать. Она продолжала смутно бояться, что ее выслеживают. Кто и как, она понятия не имела. И какой толк оставлять машину в двух кварталах, если они действительно следят, – этого она тоже не знала. Это было нелепо.

Весь квартал был усыпан мокрыми ветками, они чернели штрихами на газонах и дороге. Гроза прошла, подумала Дилейни, не больше суток назад. Прямо на тротуаре валялся большой сук, он будто слишком устал, чтобы отлететь в сторону. Дилейни пробралась через листву к дому Агарвал, чувствуя, что силы на исходе. Сотню раз она проигрывала в голове свой визит, знала, что лучше всего будет просто броситься к Агарвал и обнять ее. Любое промедление – и Агарвал различит агонию в ее глазах, и все последующее будет только попыткой вернуть хоть какое-то самообладание.

Подойдя к крыльцу, Дилейни увидела, что передняя дверь открыта, от внутренних помещений ее отделяла только сломанная москитная сетка. Дилейни шагнула на первую ступеньку, и тут же внутри загорелся свет, но это было просто совпадением. И вот она уже стоит в дверях и чувствует не поддающийся определению слегка затхлый запах, на который Агарвал всегда жаловалась и за который извинялась. Мол, сколько бы она ни проветривала дом, запах никуда не уходил, дескать, он был здесь всегда – с того дня, когда она въехала.

Дилейни заглянула в окно у крыльца, думая, что Агарвал может лежать на диване где-то рядом, возле окна. Или на

больничной кровати. У нее промелькнула пугающая мысль, что вряд ли Агарвал в ее состоянии будет держать дом открытым, а значит, она умерла и здесь теперь живут другие люди.

Но хотя в доме горел свет, изнутри не доносилось никаких звуков. Дилейни постучала в раму москитной сетки. Ответа нет. Она отступила на шаг и повернулась к дому спиной, чтобы уйти, понимая, что поездка была ошибкой. Нужно было позвонить. Кому придет в голову устраивать умирающей такой сюрприз? Нормальные люди звонят, пишут, предупреждают. Когда она обернулась, чтобы бросить прощальный взгляд на дом, думая, не оставить ли записку, Агарвал стояла в дверях.

– Дилейни, неужели это ты?

Выглядела Агарвал абсолютно как всегда. По крайней мере, лицо – живое и светящееся. Дверь распахнулась, и они заключили друг друга в объятия. Дилейни поняла, что Агарвал действительно была такой *маленькой,* как ей показалось в первую секунду. Она похудела – фунтов на двадцать или даже больше, – но при этом ее кожа сияла.

– Я тебе столько писем отправила! Заходи же. Чая, вина, еще чего-нибудь? Садись в гостиной, я сейчас приду. Или пойдем со мной.

У Агарвал была короткая стрижка, гораздо короче, чем помнила Дилейни, но волосы стильно уложены и блестели. Блузка без рукавов открывала загорелые руки, которые выглядели более подтянутыми и молодыми, чем прежде. А юбка! Слегка расклешенная, черная, из какой-то искусственной кожи. Ну и конечно, ботинки – те самые, которые Дилейни прекрасно помнила, с вырезанными кактусами и листиками полыни. Со спины Агарвал можно было легко принять за подростка.

Профессор налила воду в чайник, Дилейни помнила его – старый, весь исцарапанный.

– Еще жив, – сказала она.

– Пфф, ну он же работает! Значит, ты получала мои письма?

– Да. Простите, я не могла ответить.

– Ничего. Я и не ждала ответа.

– Мне надо все объяснить. Столько всего сказать. Но сначала расскажите мне, что произошло. В последний раз вы писали…

– Да, я была настроена пессимистично. Прости, что взвалила это на тебя.

– Нет-нет, я все равно была рада. То есть тронута. Вы честно мне все рассказали, и я была польщена, что вы посчитали меня достойной…

– Прекрати. Хватит лить мне мед в уши. Я переживала за тебя, поэтому написала, и тогда я ничего не понимала. И к тому

же болела, потому кое-где в письмах все смешалось.

– Но все-таки, что?.. Какое-то чудесное лекарство или?..

– Нет, ничего такого. Но я в ремиссии. Они прописали мне очень агрессивное лечение. Стероиды и пемброли-что-то-там. Это помогает не всем, но в моем случае работает. Дилейни, не надо плакать. Я же не… – Маленькие руки Агарвал гладили ее по спине. – Я тронута, что ты так переживала.

– Я не знала, что делать, – пробормотала Дилейни. – Да я ничего и не могла сделать.

– Дил, ну ты же не доктор.

– Я знаю. Просто…

– Доктора оказались просто невероятными. В каком-то смысле они сумасшедшие. Диссиденты. Я разрешила им делать что захотят, и они пошли на радикальный шаг. А ты? Я едва не собралась к тебе, когда услышала, что ты пострадала при теракте!

– Со мной все хорошо. Будем считать, что просто сотрясение.

Агарвал заметила следы ожогов на руках Дилейни и взяла ее за локоть.

– Никаких остаточных явлений? Головокружений?

– Ничего такого. Да и вы не доктор.

– Когда я услышала о теракте, первым делом подумала о тебе. И у меня были самые мрачные мысли. Ужасные картины лезли в голову. – Она выпустила ее руку. Чайник засвистел, Агарвал наполнила две щербатые чашки и протянула ту, что попрезентабельней, Дилейни.

– А какие еще новости? – спросила Дилейни.

– Боже. Ну, это все связано. И очень странно, учитывая то, о чем я тебе писала. Кажется, я об этом не рассказывала, но в университете произошли не очень приятные изменения. Самое главное – должности теперь распределяет ИИ. Поэтому…

– Вы шутите.

– Нет. К этому шло уже какое-то время. У нас так же, как и везде. Молодые преподаватели предпочитают такой подход. Ты же слышала, что идет война с субъективностью? – Она мрачно хмыкнула. – Мы не могли остаться в стороне. После стольких жалоб на предубеждения и несправедливость, стольких судебных разбирательств руководство решило, что их лучшая защита – передать процесс алгоритмам.

– Но вы…

– Со мной все хорошо. Я преподавала тридцать два года. Но я потеряла подругу из-за этой новой философии. Ты, наверное, ее не знаешь, Лили Ульрих. Она пришла уже после тебя. Но она была доцентом несколько лет и в следующем году должна была получить профессорскую должность, а эта новая система просто

вышвырнула ее вон. Распределение должностей стало вызывать слишком много раздоров, так что они переложили все на алгоритмы. Никто больше не хотел нести ответственность. Брать на себя вину в случае чего. А алгоритмы не увидели ее ценности для университета, вот и все. Дил, именно туда все и движется. Везде. Месяц назад Лили покончила с собой.

– Господи. Мне так жаль.

– И еще шесть студентов в этом семестре. И один стажер. Я полагаю, то же самое происходит во всем мире. И в твоей компании тоже. Передать весь контроль алгоритмам – последнее решение, которое может принять человек.

Вероятно, в глазах Дилейни отразилось беспокойство, потому что Агарвал улыбнулась и сказала:

– Ты тревожишься из-за меня? Боишься, что я тоже покончу с собой? Нет. Это не мой путь. Я слишком люблю бороться. Но в университете я в меньшинстве. Мы также лишились большей части сотрудников факультета искусств – не из-за самоубийств, они просто массово поувольнялись после того, как студенты отказались получать оценки от людей. Вся организация рушится. Все рушится.

– Им нужно было прислушаться к вам, – сказала Дилейни.

– Может, да, а может, и нет, – со вздохом сказала Агарвал. – Не знаю. Прежде я не вполне понимала, что люди совсем и не против. Мотивы компаний – да, тут все проще простого, они хотят все обобщать, просчитывать и получать прибыль от данных, это ожидаемо. Но что это случится со всеми людьми – нет, такого даже я вообразить не могла. Наше стремление передать все решения машинам, заменить нюансы точными цифрами… Это хуже, чем все мои кошмары. Каждый день мы создаем очередную машину, которая уничтожает очередной аспект свободы воли. Мы не доверяем себе и другим в выборе, в диагнозе, в школьных оценках. Единственное решение, которое мы еще можем принять, – это жить или умереть. Происходит превращение свободного животного в дрессированного питомца. Лили, как и многие другие, решила не быть частью того, к чему идет наш вид. Последние сопротивленцы либо будут ассимилированы, либо отсеются. Поэтому я тоже решила уйти.

– Уйти откуда? – похолодела Дилейни. – Из этого мира?

– Из колледжа, – улыбнулась Агарвал. – Я им уже сообщила. Но я ухожу не в никуда, я просто меняю работу. Ты правда не знаешь? Я думала, может, они тебе сказали.

– Кто “они”?

– “Вместе”. Ты же там еще работаешь, я надеюсь? Они дали мне грант и предложили работу. Ты правда не знала? Я

позволила себя ассимилировать. Позволила монстру себя проглотить. Даже странно, что ты не знала.

Дилейни показалось, что пол у нее под ногами покачнулся. Потолок угрожающе надвинулся. Ей нужно было сесть, но в кухне не было ни одного стула. Она прислонилась к раковине.

– С тобой все в порядке?

Конечно, они нашли Агарвал. Конечно, они подчинили ее.

– Когда это случилось? – смогла выдавить Дилейни.

– Если я правильно помню, первый раз они позвонили недели три назад. Ты знаешь человека по имени Грегори Акуфо-Аддо? – Агарвал копалась в ящике с пачками чая. – Он называет себя “номинальный” кто-то-там. Где-то у меня есть его визитка. А, вот. Знаешь Читальный Зал?

– Кажется, да, – хрипло проговорила Дилейни.

– Если ты еще не была в этом месте, то непременно стоит побывать. Они кажутся вполне образованными людьми, а их главный – человек, безусловно достойный доверия. Вероятно, они изучили мои работы и захотели, чтобы я со своим критическим взглядом помогла им сделать компанию лучше. Правда же, это примечательно? Я вижу, как ты на меня смотришь. *Конечно же*, я настроена скептически. *Конечно же*, им удобнее, чтобы я судила о них изнутри, а не извне. Но мое эго заставляет меня думать, что я смогу что-то изменить, находясь внутри, а не вне. С тобой точно все в порядке?

– Можно я прилягу? – спросила Дилейни и, не дожидаясь ответа, доковыляла до дивана, рухнула на него и ощутила запах Распутина, кота Агарвал, который умер пять лет назад.

– Что с тобой? – Агарвал поставила чашку Дилейни на стеклянный кофейный столик и присела на краешек дивана. – Если бы не ты, я бы об этом даже не задумалась. Из-за того, что ты пошла туда работать, я начала всерьез размышлять над старым как мир вопросом, что эффективнее – агитировать снаружи или создавать структурные изменения изнутри?

В голову Дилейни не приходило ни одной осмысленной фразы. Она была в полной растерянности.

– Значит, вы переезжаете в Калифорнию? – наконец спросила она.

– Пока не знаю, – ответила Агарвал. – Вряд ли мы в ближайшем будущем будем тусоваться там с тобой. Я еще не совсем здорова, и мой дом здесь. Но они предоставляют мне все возможности. Они хотят видеть все, что я пишу, и каждый месяц устраивать созвоны для обсуждения моих идей. Мне кажется, они действительно настроены на реформы.

Дилейни не стала упоминать о том, что видела статью

Агарвал в Читальном Зале. В этом не было смысла. Она посмотрела в окно, на черную ветку, с которой ветер содрал все листья. Она не думала, что когда-нибудь снова сможет взглянуть Агарвал в глаза.

– Это, наверное, звучит непоследовательно, – сказала Агарвал, – но в университете все стало совсем невыносимо, и… Да что с тобой?

– Это умная колонка?

На подоконнике у Агарвал стояла “Внемли” нового поколения.

– Да, понимаю, для меня было безумием установить ее. Но ее прислали бесплатно. Сотрудник даже специально приехал, чтобы ее настроить. Ну и если я буду работать из дома, то должна привыкать к их устройствам.

– Конечно, – сказала Дилейни. – Это так щедро с их стороны.

– Я в основном использую ее, чтобы слушать музыку. Мне помогли разобраться с этой штуковиной. Просто говоришь, чтобы включила “Долгую извилистую дорогу”, и пожалуйста. Знаешь, это просто потрясающе.

Зазвучала песня, и они обе улыбнулись. Дилейни отметила, что Агарвал не обратилась к “Внемли”, чтобы “Долгая дорога” включилась, – устройство слушало их все это время.

Она не чувствовала ничего, кроме опустошения. Ей хотелось уйти. Они поговорили о сыне Агарвал, детском враче, который жил в Портленде, потом – о семье Дилейни.

– Ну, мои родители всегда говорят, что для визита без предупреждения двадцать минут – это предел, – сказала Дилейни. Она думала, что Агарвал начнет уговаривать ее остаться, но из той будто весь воздух выпустили. – Значит, когда-нибудь вы приедете на Трежер-Айленд? – жизнерадостно спросила Дилейни напоследок. – Хотя бы просто в гости?

Она поднялась, крепко обняла Агарвал и ушла.

44
Прометей прикованный

Дилейни вела машину всю ночь. Адреналин продолжал бурлить в крови. На дороге опять почти не было машин, лишь пару раз встречные фары грузовика, вылетевшего из-за поворота, заливали ее мир ослепительным светом. Вслед за этим тут же наступала темнота и тишина, и с каждой милей Дилейни все больше преисполнялась решимости и спокойствия. У нее ничего не осталось, ей больше нечего терять.

– Ты вернулась! – приветствовала мать, когда она подъехала к дому ранним утром. – Как там Агарвал?

Дилейни показала матери большие пальцы и отправилась в кровать. Ей все-таки нужно было поспать хотя бы часок. И она действительно быстро заснула в первобытном тепле своей старой комнаты, а когда проснулась, нашла на кухне отца. Он играл в покер на телефоне.

– Опять уезжаешь?

– Просто хочу покататься на велике, – сказала она, застегнула на голове шлем и вышла на крыльцо. Мать сидела на качелях, склонив голову над планшетом, откуда слышались вопли зомби, которых обезглавливали последние разумные жители планеты.

– Ты что, не берешь телефон?

– Не беру, – ответила Дилейни.

– Ну ладно. Но будь осторожней!

***

Дилейни настояла на том, чтобы встретиться с Мэй на троговской тропе, отходящей от троговской дороги в пятнадцати милях к северу от Гост-Каньона. Крутя педали, она впервые за долгое время чувствовала себя прекрасно, вокруг царила тишина, нарушаемая лишь шорохом шин по пыльному грунту, и вскоре ее мысли начали блуждать, потом их сменила пустота, и в конце концов ее сознание слилось с солнечным светом. Она не испытывала ничего подобного многие месяцы, а может быть, даже годы, когда тело и мозг едины, не заняты ничем, кроме поворотов тропы и педалей. *Я могла бы жить здесь*, подумала она. Зачем она бросилась в эту битву за человечество? Это же бессмысленно. Уэса больше нет, Агарвал нет, родителей нет. *Я одна и всегда буду одна. Никому не нужно то, что нужно мне.*

До тропы она добралась на полчаса раньше назначенного времени и распласталась на плоском нагретом камне. Она разыграет свою козырную карту, подкинет Мэй последнюю идею,

которая должна положить конец всем остальным идеям и все же столкнуть компанию с утеса. С одной стороны, нелепо думать, что на этот раз что-то получится. У нее обнаружился какой-то извращенный талант придумывать вещи, которые казались совершенно ужасными ей самой, но вызывали восторг у всего человечества. С другой стороны, эта, последняя, – если хоть в одной стране осталась хоть капля разума, хоть какая-то законодательная власть, хоть какие-то способы мониторинга мировой торговли, – должна была наконец вызвать лавину отторжения. У нее теплилась слабая надежда, что это предложение, если Мэй его примет, вызовет коллективную ярость. Это будет настолько слишком, что все, в ком есть хоть крупица свободы, должны взбунтоваться.

Расчет лишь на то, что Мэй идея понравится, ну а если население Земли не воспротивится – что ж, так тому и быть. Она сможет прожить остаток дней в каком-нибудь месте вроде этого. “Вместе” и полностью покорному человечеству нужен другой мир, мир под наблюдением, мир без рисков, неожиданностей, нюансов и одиночества. Так почему не оставить им его, а самой остаться с тем, что есть у нее здесь? Она построит хижину, будет жить одна и уйдет из нового мира – пусть он принадлежит тем, кто его создал и приветствовал.

***

Когда в вихре гравия и пыли появилась машина Мэй, Дилейни удивилась, увидев, что та одна. Уже второй раз Мэй выказывала себя порядочным человеком. Она выполняет обещания. На секунду Дилейни стало стыдно, когда она подумала, что из них двоих именно она, Дилейни, держит камень за пазухой. Мэй вышла из машины и осмотрелась – оглядела зеленые холмы, острые вершины вдали.

– Как здесь красиво.

Она начала завязывать шнурки на туристических ботинках, и Дилейни невольно отметила, какие они огромные – как у крупного мужчины.

– Утяжеленные, – пояснила Мэй, выпрямляясь. – Пытаюсь увеличить кардионагрузку. А ты как? Твои ноги достаточно зажили для такой прогулки?

– Все нормально, – ответила Дилейни.

– Ты очень сильная, – сказала Мэй искренне.

– Просто это мое любимое место.

– Но здесь нет сигнала. – Мэй потопала, чтобы ботинки лучше сели. – Без твоих указаний я бы ни за что сюда не добралась. У этого места даже названия нет!

“Вот поэтому я и люблю его, чудовище”, – хотелось сказать

Дилейни, но она лишь улыбнулась. Она приготовилась несколько часов притворяться, изображать дружелюбие, открытость, готовность к сотрудничеству.

– Ты знаешь, что я хочу сказать, – продолжала Мэй.

– Почему бы не поделиться этим с другими, да?

– Делишься – значит, любишь, – Мэй начала поворачивать корпус туда-сюда, разминая мышцы. – Я понимаю, что это упрощение, но ведь так и есть. Далай-лама говорил: “Делись своими знаниями. Это путь к бессмертию”.

Дилейни не сомневалась, что цитату для Мэй подыскал кто-то из Читального Зала.

– Мудрые слова, – кивнула она. – Наверное, ты права. Мы отправимся к одному из самых впечатляющих водопадов, которые тебе доводилось видеть. Готова?

– Мне что-нибудь понадобится?

Дверца машины была открыта, и внутри Дилейни видела снаряжение и еду в количествах, достаточных для недельного пропитания небольшой компании.

– Нет, ничего. – Она показала на свой рюкзачок, в котором были вода, солнцезащитный крем и изюм: – Нам идти всего час вверх, а потом час вниз, как-нибудь выживем.

– По крайней мере, один из нас наверняка, – рассмеялась Мэй. – Я не ходила в походы лет с десяти, наверное. Нам сюда? – Она подошла к началу тропы и остановилась. – Прости. Я просто слишком привыкла быть первой. Иди впереди.

– Нет-нет, – запротестовала Дилейни. – Это несложная тропа. Можешь идти первой. Или будем меняться.

– Знаешь что, давай пойдем рядом, – предложила Мэй. – Я могу идти по траве.

Впереди в траве угадывался камень размером с футбольный мяч, и в тот самый момент, когда Дилейни подумала, что Мэй обязательно об него споткнется, та непринужденно перепрыгнула через него. Буквально во всем Мэй оказывалась гораздо более способной, чем ожидала Дилейни. Социальные навыки, остроумие, ловкость… На первом же участке тропы, идущем в гору, она держалась рядом с Дилейни без видимых усилий. Больше всего Дилейни поразило, что на Мэй не было ни одного устройства. Она очень старалась что-то высмотреть, но не обнаружила ничего – ни камеры, ни телефона, ни браслета, ни наушников, ни-че-го. Вот уже во второй раз Мэй отказывалась от прозрачности, чтобы побыть с ней.

– Я хотела бы с тобой кое-чем поделиться, – сказала Дилейни.

– Давай, – кивнула Мэй, перешагивая через поваленный ствол.

– Я могу говорить свободно?

– Ну конечно, – ответила Мэй, едва заметно поджав губы. – К нам каждый месяц приходят консультанты. Меня невозможно обидеть. И *ты* не стоишь мне полмиллиона долларов в день.

– Хорошо. Я уже некоторое время раздумываю над идеей, которая может облегчить жизнь “Вместе” и всем ее клиентам. Но это не просто приложение или платформа. То есть я не имею в виду, что приложение – это ерунда.

– Я заинтригована, – сказала Мэй.

– Вот уже полгода я перехожу из отдела в отдел и вижу, что компания прекрасно организована, но мне кажется, что все могло бы быть еще лучше. Есть разные департаменты и программы, которые не связаны настолько, насколько могли бы.

– Так, – сказала Мэй таким тоном, словно ей сообщили, что кампус “Вместе” находится на острове и что большую часть доходов компания получает от рекламы.

Дилейни поняла, что надо выходить за рамки очевидного.

– Если бы они более тесно взаимодействовали, если бы вы использовали всю мощь и охват данных “Вместе” и тех реальных активов, которые вы приобрели с покупкой “Джунглей”, и если бы вы окончательно выбрали направление, в котором движется человечество, вы бы усовершенствовали наш вид и тем самым спасли человечество.

– Подожди, мне надо передохнуть, – объявила Мэй. Они остановились, и Мэй посмотрела на Дилейни с явным интересом. – А ты крутая. Ты ведь знаешь это? Думаю, знаешь. – Она сделала большой глоток воды. – Ладно, пошли дальше.

– Личный углеродный след, – сказала Дилейни.

– Проект Уэса Маказьяна? Это же он был твоим соседом?

– Да.

– Что за воздух был у вас в том доме? Идея за идеей из одной троговской хижины.

Дилейни перестала дышать. Мэй знала про троговский район, но про Хижину?.. Да ну, конечно же, она знала. Наверяка у нее был доступ к фото дома, к его плану, его истории, счетам за коммунальные услуги.

– Сейчас углеродный след не является открытой информацией, но мы на пути к этому.

– И ты против?

– Нет. Эта информация должна быть открытой. Во-первых, это почва для оценки человека со стороны общества. Когда данные по личному углеродному следу станут открытыми, люди начнут стыдиться высоких значений. Но, разумеется, это вовсе не гарантирует, что они изменят свое поведение. Это кнут, а нужен

еще пряник.

– И каким же он может быть?

– Мне кажется, финансовые стимулы мощнее, чем общественное порицание. У нас есть программы лояльности, которые стимулируют миллиарды людей покупать вещи через наш портал. Но мы не используем аналогичные программы, чтобы формировать более ответственное поведение.

– Ты же была в ТУ, да?

– Да. Но они скорее предлагают, чем принуждают.

– Ну, для этого существует “СооПред”.

– Да, но все, что мы делаем, – это управляем системой, хаотичной по своей сути. Мы помогаем людям сделать выбор. Мы пытаемся предсказывать их перемещения и покупки. А я предлагаю в первую очередь контроль над выбором.

Мэй снова остановилась.

– Присядем? – предложила она.

Они нашли два бревна на открытом месте рядом с тропинкой. Мэй сковырнула с коры несколько клочков мха и села.

– Значит, контроль над выбором?

– Да, все правильно, – кивнула Дилейни. – Габриэль Чу много говорит о параличе в принятии решений. Уже для трех поколений людей выбор – самый большой стресс в жизни. И я убеждена, что людям это совершенно не нужно. Они не хотят, чтобы у них было меньше возможностей для выбора. Они хотят, чтобы выбора у них практически *не было*. И больше всего на свете они хотят, чтобы плохих вариантов не существовало совсем. Вот представь себе, к примеру, горчицу.

– Окей, представляю горчицу, – согласилась Мэй. – Неожиданно.

Дилейни рассмеялась.

– Это просто хороший пример для демонстрации безумия рыночной экономики. В настоящий момент только в США более двухсот сортов горчицы.

– Не может быть.

– Двести двадцать восемь. Я проверяла. И очень многие производители изготавливают просто ужасную горчицу. Но даже если горчица хорошая, большая ее часть так и остается нераспроданной. Обычно все происходит так: основывается компания, выпускает свою горчицу, пытается ее распродать, а остатки отправляет в отходы. Общий объем отходов только в этой отрасли просто вообразить страшно, он в голове не укладывается. А теперь представь себе ситуацию с одеждой. Завтра какой-нибудь дизайнер придумает новую модель рубашки, и она будет ужасна. Но и он сам, и производитель уверены, что рубашка

прекрасна, потому выпустят полмиллиона штук, которые никто не купит и которые опять же отправятся в отходы.

– Мне кажется, мы делаем очень многое для того, чтобы такого не происходило, – возразила Мэй. – Мы отбиваем у людей охоту к приобретению плохих товаров.

– Да, но что, если бы такие вещи вообще не появлялись на свет? На миллионы вещей каждый день тратятся драгоценные ресурсы лишь для того, чтобы их потом выбросили.

– Ты была в “Мыслях Вместо Вещей”, – заметила Мэй.

– Была. И сожгла кучу ненужных предметов. Уже что-то. Но это делается уже *после* того, как их произвели. А ведь большинства этих вещей просто не должно было существовать. Что, если мы станем контролировать производство и спрос с хирургической точностью и изготавливать только то, что, как нам заранее известно, будет востребовано и использовано? Что, если мы сможем включить потребителя в процесс решения, что нужно и что не нужно производить?

– Опросы?

– Не только опросы. Ой, смотри, орел. – Дилейни показала на силуэт в небе.

Мэй проследила за полетом птицы и снова повернулась к Дилейни.

– Дальше, – потребовала она.

– Прежде чем производитель выпустит горчицу, мы протестируем ее. С помощью “Консенсуса”, например. Мы спросим людей: нужна ли вам новая горчица с тем же вкусом, но под новым названием? Люди ответят “нет”, и мы сообщим производителю, что не будем ее рекламировать, перевозить и продавать. Или мы обнаружим, что она не соответствует нашим экологическим стандартам или еще чему-нибудь, и производитель оставит эту затею.

– Почему?

– Потому что мы контролируем 82 % онлайн-торговли, что составляет 71 % всего потребления. Если мы остановим производителя, ресурсы не будут истрачены впустую. Все заводы, все ингредиенты, все специи, все консерванты, которые нужны для изготовления этой горчицы, и все стекло и картон для ее упаковки, и все ящики и поддоны, все грузовики, бензин и дороги для ее транспортировки – все, что пришлось бы потратить на неудачный продукт, не будет использовано, а у людей будет одним ненужным выбором меньше.

– Значит, решаем *мы*, – подытожила Мэй.

– Да, – кивнула Дилейни, – и мы же стоим на страже. Как охранники у ворот “Вместе”, которые не пропускают в кампус

идиотские подарочные корзинки. Тот же принцип. Бесполезные вещи не смогут обойти наш дозор, и очень скоро станет бессмысленно их производить.

– И что же тогда будет производиться?

– Только то, что людям нужно. То есть останется меньше вариантов. Возьмем эти три вида горчицы. Мы одобрим все три, они будут соответствовать нашим экологическим стандартам, а мы поможем потребителям выбрать правильный. Меньше возможностей. Меньше ошибок. Все рады.

– Ты это прямо сейчас придумала?

– В общем, да, – ответила Дилейни.

Прошло несколько долгих секунд. Дилейни думала, что у Мэй может быть с собой блокнот и ручка, но ничего такого не оказалось.

– Мы можем положить конец всему, что нам не нравится, – наконец сказала Мэй.

– Именно. Вот еще такой пример – вино. В США двенадцать тысяч виноделен. Вместе они производят около сотни тысяч наименований вин. Согласись, это слишком.

– У меня голова начинает гудеть от одной мысли о таком множестве вариантов, – сказала Мэй.

– Значит, надо сократить большую часть. Тем более я уверена, что в основном это вино невозможно пить.

– Производители нас убьют, – сказала Мэй. – Будет как с туриндустрией. Авиакомпании не прыгают от радости.

– Наоборот! – возразила Дилейни. – Они нас полюбят. По крайней мере, те, кого мы выберем. Если останется только три вида горчицы, а спрос будет стабильным, то у производителей будет предсказуемый доход и цены упадут. Ты соглашаешься покупать одну банку горчицы в месяц, и цена оказывается вполовину меньше, чем сегодня.

– Подожди. Это почему?

– Потому что производителям больше не придется закладывать в цену стоимость излишков. Представь себе что-нибудь еще более регулярное. Завтрак. У потребителя есть дети, и эти дети в девяноста процентах случаев едят только два вида каши. Сейчас родители вынуждены платить розничному продавцу за две коробки каждую неделю. Но больше никто не будет платить так называемую розничную цену.

– Я всегда это говорила, – вздохнула Мэй, – но они все равно продолжают это делать.

– Ты уже убедила очень многих потребителей, – напомнила Дилейни. – Просто теперь нужно убедить производителей. Допустим, производитель каш выпускает 500 000 коробок в

неделю. Две трети продаются, а оставшаяся треть выбрасывается. Производитель устанавливает цену, беря в расчет отходы. Все производят гораздо больше, чем продают. Это ненормальный и устаревший способ ведения дел. И он разрушает наш мир. Почти половина произведенных в мире ресурсов фактически не потребляется.

Мэй мрачно хмыкнула.

– Поэтому давай представим себе, что производитель каш будет поставлять большую часть своей продукции непосредственно потребителю – через свои или наши склады. Он будет производить на заказ, строго определенное количество, потому что потребитель обязуется покупать две коробки каши в неделю на протяжении года, пусть пяти лет. И компания будет не просто знать, сколько коробок выпустить, она будет точно знать, куда их нужно доставить. Она сэкономит деньги, которые раньше тратила на производство, поставку в магазины и утилизацию огромных излишков. В итоге потребитель получает более дешевые товары, так как производителям не приходится включать в цену издержки.

– И расходы на розничных торговцев, – добавила Мэй. – *Мы* станем розницей.

– По сути, мы должны быть *единственным* розничным продавцом, – с жаром сказала Дилейни. – Половину магазинов и так убили пандемии. Пусть вымрут и остальные.

Глаза у Мэй расширились.

– Точно. Пусть они превратятся в дома, в парки. Пусть природа вернет свое, вернет то, что отнял каждый торговый центр, каждый магазин.

– И это будет гораздо проще.

– Мы и так уже отслеживаем потребительские предпочтения. Так почему же не стать проводником между всем спросом и всем производством? *Мы* все решаем.

– И у нас есть вся необходимая инфраструктура для поставок чего угодно от производства до двери. Купив “Джунгли”, мы получили систему логистики и распространения – самолеты, вагоны, склады, автомобили. И я думаю, ты именно для этого покупаешь компании-перевозчики?

– Все правильно, да, – произнесла Мэй, хотя легкая дрожь в голосе выдала, что, возможно, у нее и в мыслях не было никакого грандиозного плана.

– И половину из этих кораблей можно завтра же утопить. И грузовики тоже. Потому что мы избавим мир от ненужных вещей. От одежды, которую везут из Мьянмы только для того, чтобы потом отправить ее обратно. От дешевых китайских игрушек,

которые никто не покупает, и они оказываются на свалках. Бесконечный выбор уничтожает мир.

– А это мне нравится. Сама придумала?

– Это лозунг, который висит в офисе ТУ.

– А они еще будут нужны?

Дилейни была уверена, что Мэй подсчитывает в голове возможное сокращение издержек, которого можно достичь уничтожением этого и многих других дорого обходящихся компании отделов.

– Я думаю, они еще принесут пользу, – сказала Дилейни. – Но в конце концов мы уничтожим все дешевые и неэтичные продукты. Проредим всходы. Меньше вариантов. И это снизит тревожность.

– Никто не хочет покупать рубашки, сшитые на потогонной фабрике, которая загрязняет местный источник водоснабжения. Или бананы в Бостоне в октябре, – сказала Мэй.

– Так и есть. У таких товаров больше не будет рынка. И стресс, который все мы испытываем, оказываясь перед выбором из сотни брендов носков, например, – он тоже исчезнет.

– Потому что мы решаем.

– Точно, – подтвердила Дилейни, отметив для себя, что эти слова, “мы решаем”, важны для Мэй. – Мы решаем, а потом компании производят только то, что, как им известно, будет продано.

– Выгодно для обеих сторон.

– И выгодно для планеты. А если кто-то все же захочет покупать экологически безответственные товары, мы ударим по таким людям личным углеродным следом. Он будет открытым, и показатель стыда сразу подскочит. Человек покупает четырехфунтовый стейк, который произведен ценой сжигания бразильских джунглей, и это тотчас отражается в его углеродном следе.

– А людей с высоким углеродным следом ждут неприятности. Например, трудности при приеме на работу. Или при поиске жилья. Поэтому компании перестанут производить подобные продукты и начнут соответствовать нашим требованиям. И когда мы все достигнем согласия, наступит полная определенность.

– Здорово, правда? – вопросила Дилейни. – Фабрика, которая точно знает, какой спрос на ее продукцию будет в ближайшие два-три года, куда более стабильна, чем любые другие бизнес-модели. Рабочие места гарантированы. И больше не придется гадать, что взбредет в голову потребителю.

– Каждый будет нести свою ответственность.

– Планета умирает, – сказала Дилейни. – Возможно, это

единственный способ ее спасти. Мы должны производить только то, что нам нужно. Покупать обдуманно. Покупать, не выходя из дома.

– И все это сделаем мы!

– А больше никто и не сможет. Мы устраним большую часть никому не нужных мелких поездок. А это тысячи и тысячи машино-миль. Один доставщик, приезжающий раз в квартал, вместо двадцати пяти человек на личных автомобилях, катающихся по десяткам разных магазинов.

– Меньше машин, меньше загрязнения, аварий, смертей.

Дилейни посмотрела вверх, на тропу. Если они не выдвинутся сейчас, им придется преодолевать самые крутые участки по самой жаре.

– Может, пойдем?

Они поднимались среди зарослей люпина и бальзаморизы, и Дилейни вдруг поразила чудовищная мысль. Возможно, всему виной бушующий в ней адреналин, но она уже сама верила в то, о чем говорила. Всю дорогу домой от Агарвал она мучилась от осознания, что ее план и в самом деле может избавить Землю от огромного количества отходов. Упорядочить жизнь. Помочь значительно сократить бессмысленную эксплуатацию земель и животных, расходы энергии. Но при этом он даст “Вместе” невероятную власть. По сравнению с ним Вест-Индская компания – ларек с лимонадом. То, что она только что описала Мэй, положит конец практически всему, что делает человека свободным. И станет началом жестких ограничений во всем. Но это, возможно, идеальный способ замедлить глобальное потепление. Это начало новой эры – эры послушного человечества, но разве не бездумная свобода и беспечное потребление привели планету на край гибели? И, учитывая, что с ними теперь Уэс и Агарвал, разве нет шанса, что такие, как они, смогут удержать баланс в компании, отвоевать место для индивидуальности? Что, если это единственный путь и только монополия способна спасти мир?

– У тебя есть название? – спросила Мэй. – Для этой твоей системы?

– Я колеблюсь между “Всеобщим экономическим порядком” и “Предсказуемой экономикой”. “ПредЭкон”, – уточнила Дилейни. – Но сначала я про себя называла это просто “Свобода от выбора”.

– Ха! Очень неплохо.

Тут впереди показался водопад. Дилейни махнула рукой:

– Ты видишь вон те белые перышки над утесом?

Мэй сощурилась:

– Вижу. Нам надо залезть туда?

– Тут около дюжины поворотов, так что карабкаться не нужно. А вид сверху потрясающий.

– Значит, “Всеобщий экономический порядок”, – сказала Мэй.

– Или “Монополия добрых намерений”.

– Добрые намерения. Мне нравится.

У Дилейни имелась в запасе еще одна идея. Она прибыла на эту встречу с двумя концепциями, которые, по сути, представляли собой двойную спираль и могли сработать совместно, обеспечив порядок людям и планете. Но она медлила с изложением второй. Может, хватит и этой новой экономической парадигмы? Внедрение второй идеи завершит изменение вида, гиперэволюцию, которая началась на рубеже двадцатого столетия. Началась, но застопорилась, и почему же? Потому что никто еще не смог внятно объяснить, какой должен быть последний шаг. “Что за черт, – подумала она. – Я объясню”.

– Пока мы идем, хочу тебе подбросить еще кое-что для размышления, – сказала она.

– Есть еще что-то? – удивилась Мэй.

– Да. Я изложила только то, что касается потребления. Но есть другая сторона, и она гораздо, гораздо масштабнее.

Они шли вверх, перешагивая через ручейки осыпающихся камней.

– Я много думала о том, что обеспечило рост “Вместе”, и решила, что это определенность. Мы начали с поисковых систем, так? “Вместе” отвечала на вопросы. У тебя есть вопрос, ты набираешь его в поисковике и получаешь ответ. Потом мы помогли точно измерить мир и сделали его безопаснее, осветив все темные уголки. Мы стали лучше понимать книги, живопись, поэзию, танец и кино, переведя все неуловимое в числа. Потом “Дружок” помог пересмотреть отношения с близкими людьми. “Лицом к свету” – яснее увидеть самих себя. “Консенсус” и “ВладейСобой” – более эффективно проживать каждый день. Мы даем людям уверенность десятками разных способов, мы объясняем непонятное, очищаем их жизнь от сомнений и помогаем оптимизировать самих себя.

Мэй через плечо глянула на Дилейни, в глазах у нее был откровенный интерес.

– Но этого все равно недостаточно. Неопределенность остается, и я уверена, это потому, что до сих пор мы были недостаточно радикальными. До сих пор в нашей жизни слишком много непонятного, невысказанного и неизмеренного, а самое главное – необобщенного.

– А вот теперь я его не вижу, – сказала Мэй. – Водопада.

– Он там. Тропинка заворачивает за утес, – объяснила Дилейни. Скоро они преодолеют последние несколько сотен футов и окажутся как раз там, где поток устремляется к краю пропасти.

– Так о чем ты думаешь? О едином показателе? – вернулась к прежней теме Мэй.

– Я знаю, что раньше уже были попытки. Я знаю, что у китайцев был социальный рейтинг, но его так толком и не разработали. Мы можем сделать лучше. У нас данных в десять раз больше, чем у китайского правительства, и мы работаем гораздо эффективнее. При этом, кстати, когда в Китае ввели этот рейтинг, практически никто не выступил против. Людям это нужно.

– Что именно?

– Одно число, в которое будет входить вся жизнь – от колыбели до могилы. Школьные оценки, детские поведенческие проблемы, прогулянные уроки, успеваемость в колледже, любые проявления криминальных наклонностей, рабочие взыскания, билеты на транспорт, подозрительные поездки, странные маршруты прогулок, уведомления “ТвоегоГолоса”, записи “Внемли”, склонности в “СооПред”…

– Общий показатель стыда, – добавила Мэй.

– Да, – кивнула Дилейни. Мэй уже вовлеклась в процесс. Нужно было затянуть ее еще дальше. – Личный углеродный след. “АнонПреды”, “В-Про”… – Она замолчала, надеясь, что Мэй продолжит.

– История покупок и платежей, кредиты, почтовые индексы…

– Угу. Все отправленные и полученные сообщения. Стыжи. Оценки здоровья и физической формы. Количество и качество дружеских отношений. Все можно свести к одному числу.

– И шкала будет…

– От одного до тысячи. Чтобы лучше отразить все нюансы. При рождении ты чистая доска – пусть будет 500. Повел себя плохо в первом классе – стало 499. Помог бабушке перейти дорогу – 502.

– Людям нравятся кредитные рейтинги, – заметила Мэй.

– С ними никогда не спорят, – подтвердила Дилейни. – Они существуют уже много лет, и никто никогда не возражал. А почему? Потому что они дают *ясность*. Человечество никогда не протестовало против описания числом любого аспекта своего существования. Наше число просто…

– Объединит все, – заключила Мэй.

– Именно. Люди хотят порядка. Больше всего на свете. И сейчас у нас есть возможности дать им его. Имея общий показатель, ты всегда будешь знать свое место. Поедешь в

ненужное путешествие на Сейшелы – потеряешь двадцать баллов. Съел слишком много мяса? Опять минус. То же самое с курением, переходом улицы в неположенном месте, грубостью, взглядами туда, куда не следует, – посчитано и учтено будет все.

– А как поднять показатель?

– Если у тебя, к примеру, 688, а ты хочешь 750, ты можешь предпринять конкретные шаги. Регулярные покупки, маршруты, платежи, участие в жизни общества. Ты получаешь баллы за предсказуемое поведение и избегание неодобряемых поступков. Именно здесь это пересекается со Всеобщим экономическим порядком. Вообще-то система основана на том же самом, чем сейчас за кулисами занимается “СооПред”, только все должно быть в соответствии с этикой “Вместе”, все должно быть прозрачно. Число – это число.

– Число – это число, – повторила Мэй. – И оно всем *известно*.

– Ты начинаешь с 500, и если ведешь себя правильно, то к моменту совершеннолетия можешь получить 900. Это стимулирует…

– Становиться лучше, – закончила Мэй.

– Да, – кивнула Дилейни.

– Потому что число открыто.

– Именно.

– Даже у детей показатели должны быть открыты, – сказала Мэй.

– *Особенно* у детей! Их показатели будут внимательно отслеживаться родителями, школами и местными правоохранительными органами.

– Да-да-да, – закивала Мэй. – Подумай, например, о поступлении в колледж!

– Все, и взрослые и дети, должны поступать правильно. Потому что те, у кого будет 900 и выше, смогут иметь доступ к тому, что недоступно прочим. К лучшему медицинскому обслуживанию, рабочим местам, жилью. Кто захочет нанимать работника с показателем меньше 900? Кто захочет жениться на ком-то ниже 850? Больше ни у кого не будет вопросов, почему одни преуспевают, а другие нет.

– Это будет честно, – сказала Мэй. – В этом вся разница. Наконец-то все будет *честно*.

– Да. Потому что не останется никакой субъективности.

– А потом мы сможем объединить социальные и профессиональные сети.

– И они будут подталкивать друг друга к совершенствованию.

– Управление обществом с помощью сетевого стыда, – обобщила Мэй. – Это одинаково хорошо работает и для

отдельных людей, и для общин, городов, стран. Мы много лет измеряем так называемый показатель счастья жителей разных государств, но теперь все будет куда более точно. Получается, что у нас будет всеобъемлющий рейтинг добродетели.

– И еще можно награждать страны с самыми высокими показателями.

– Конечно! – согласилась Мэй. – Кнут и пряник.

Дилейни уже видела последний изгиб тропы, подъем на последнюю сотню футов, где тропа встречалась с водным потоком. Пора было подводить итог.

– На протяжении всей истории люди хотели знать две вещи: “Что я должен делать?” и “Хороший ли я человек?” Религии пытались на них отвечать, но их ответы никогда не были убедительными. Задай любой вопрос – и дюжина религиозных лидеров даст тебе дюжину разных ответов.

– Или не даст никакого, – заметила Мэй. – *Неисповедимы пути.* Ничего количественного.

– Но теперь у нас есть возможность по-настоящему на них *ответить*. Первый вопрос вообще простой. Мы знаем, что люди не хотят принимать решения, и совершенствуем инструменты, которые делают это вместо людей. Они уже сообщают нам, когда заняться физкультурой, что есть, что делать и чего не делать, что покупать и чего не покупать, что говорить и чего не говорить.

– И мы помогаем людям жить добродетельно, контролируя их выбор.

– Именно. Так мы совершенствуем каждого человека в отдельности. Но если мы вообще устраним возможности для неправильного выбора – то есть большинство возможностей, – мы спасем мир.

Мэй провела языком по зубам, как будто пробуя на вкус власть, которую все это даст ей и “Вместе”.

– И *мы* решаем, – сказала она.

– Мы решаем, – повторила Дилейни, но тут же уточнила: – Данные решают, конечно же. “Как я живу?” Данные ответят. “Что я должен делать?” Цифры знают. Я даже думаю, что можно будет видеть, как изменится общий показатель, если ты что-то сделаешь. Например, ты хочешь сказать что-то сомнительное, или купить неодобренную вещь, или совершить ненужную поездку – и тогда заранее узнаешь, каким станет твое число.

– Это как указание калорий в меню, – заметила Мэй.

– Ага. И мы снова убиваем все неопределенное и субъективное.

– Субъективность – это всего лишь объективность, которой не хватает данных, – сказала Мэй. – Слышала эту фразу?

– Слышала, – кивнула Дилейни. – Совершенно точно где-то слышала.

– И как ты думала назвать эту программу? – спросила Мэй.

– Ну, моей первой мыслью было “Какие мы?”, потому что это отсылает к главному вопросу. Но потом я подумала, что если мы проповедуем простоту, то название тоже должно быть простым. Это число, которое объединяет все другие числа, суммирует всю сложность и величие человеческого опыта. Поэтому мне видится, что идеально – “Сумма”.

– “Сумма”, – повторила Мэй. – Превосходно.

Они с минут шли молча. Потом Мэй вдруг остановилась и повернулась к Дилейни:

– Знаешь, я никогда не ходила в церковь, но мои родители ходили. Они рассказывали, как узнали о беременности матери и пошли к своему пастору – вроде бы они были англиканцами или пресвитерианцами, не помню, – в общем, они пошли к нему за советом. Рожать ли меня и воспитывать самим? Или сделать аборт? Или отдать меня на удочерение? Им было чуть больше двадцати, совсем молодые. И они совершенно растерялись.

– Ничего удивительного, – сказала Дилейни.

– Разумеется, они не ожидали, что пастор посоветует им сделать аборт, но он не посоветовал вообще *ничего*. Он говорил, слушал, призывал их доверять своим сердцам, полагаться друг на друга и обратиться к родным. Короче, разговор был абсолютно бесполезным. Можешь себе представить – считаться авторитетом и духовным лидером, но при этом не давать ответов?

– Это преступно.

– Когда отец умирал, он все время спрашивал меня, был ли он хорошим человеком. Мы думали, что он бредит, но он продолжал задавать этот вопрос, днем и ночью. “Скажите, я был хорошим человеком?” Ему отвечали: “Конечно, конечно!” – но это его не успокаивало. Он просыпался среди ночи, выкрикивая этот вопрос.

– Как это печально, – посочувствовала Дилейни.

– И сейчас я жалею, что тогда у нас не было ничего такого. “Сумма”. Он бы точно набрал больше 900.

– Не сомневаюсь.

– Число будет говорить тебе, правильно ли ты прожил свою жизнь, – сказала Мэй. – Оно будет расти и падать с каждым твоим словом и действием. Отныне никакой субъективности. Каждый день ты будешь знать, где твое место. Тебя оценят не у райских врат. Это не будет мужик с книжкой, открытой на твоем имени. Число будет с тобой каждый день. Не останется никаких вопросов. Ты будешь знать его и сможешь управлять им, слава

богу.

– Слава *нам*, – рассмеялась Дилейни.

– Точно, – улыбнулась Мэй. – Слава нам.

***

Дилейни завернула за скалу и торопливо преодолела последние ярды. Когда она остановилась, все внутри у нее, как обычно, перевернулось от головокружительной высоты. Глубоко вдохнув, она окинула взглядом открывшийся вид. Небо было ярко-бирюзовым, в прозрачном воздухе все было видно на десятки миль вокруг – заросли полыни, сосны, синие утесы.

Мэй поднялась на вершину вслед за ней, огляделась и села на камень у текущей воды.

– Надо отдышаться.

– Ты отлично справилась, – сказала Дилейни. – Я впечатлена.

– А я впечатлена *тобой*, – отозвалась Мэй. – И что, ты кому-нибудь уже рассказывала об этой своей идее?

– Никому.

– Даже Уэсу?

– Мы оба были заняты.

Мэй тепло улыбнулась ей.

– Знаешь, что я собираюсь сказать?

– Делишься – значит, любишь? – спросила Дилейни и засмеялась.

Она посмотрела на водопад – брызги взлетали в воздух и вспыхивали в лучах высоко стоявшего солнца.

– Ну ладно. Я рада, что ты поделилась со *мной*.

– Кстати, еще кое-что. Мне известно, что Стентон снова пробивает себе путь наверх. Тебе, наверное, сейчас нелегко.

Дилейни смотрела на Мэй, ожидая, как та отреагирует. Лицо Мэй напряглось, глаза едва заметно сузились. Дилейни поняла, что такое вмешательство не слишком ей приятно, но решила продолжить. Ей хотелось донести до Мэй, что эту идею, как и все остальные, она готова отдать “Вместе” и не требовать признания.

– Я очень хочу помочь. Если эти идеи помогут тебе удержать контроль, противостоять Стентону, значит, они твои.

Дилейни представила, как они работают вместе, бок о бок. Восхождение Стентона будет предотвращено, когда Мэй и Дилейни заразят “Вместе” и мир новой идеей. Мэй и Дилейни – и Уэс! И Агарвал! И Джоан – они принесут свежий воздух в Пекин и Мехико, возродят Большой Барьерный риф, очистят каналы Венеции. Наступит конец свалкам, пластику, отходам, хаосу, деградации, повышению уровня океана. Да, да, теперь она понимала, что пытался донести до нее Уэс. Гораздо лучше быть внутри машины и иметь доступ к ее рычагам, чем снаружи,

пытаясь совершить глупый детский саботаж. Она снова посмотрела на расстилающийся у ее ног пейзаж, на полынь и сосны, на все это великолепие, которое ничто не могло заменить, и подумала, что ее концепция развития и власть Мэй действительно способны все это спасти. И может быть, в этом новом мире будет место для трогов и для технологий? Наверняка “совместные” позволят некоторым людям существовать в стороне от их войны за общий порядок. Да. Должно быть пространство для сосуществования. Дилейни будет работать внутри системы, а если у нее ничего не получится, она вернется к своей жизни отшельницы. Это точно будет ей позволено.

– Кажется, я говорила, что я здесь, чтобы помочь тебе, – сказала она.

Губы Мэй сложились в улыбку, которая не сразу добралась до глаз. Впечатление было не слишком приятным. Как будто сознавая диссонанс, она мило сощурилась, глядя на Дилейни.

– И я очень тебе благодарна.

Нет, подумала Дилейни. Мне показалось. Это просто дежурная фраза. Но в голосе Мэй все-таки слышалось легчайшее раздражение, капля кислоты в том, как она произнесла “благодарна”.

– Насколько тут высоко? – спросила Мэй.

Дилейни снова заглянула за край. Неистовство рушащейся вниз воды вызывало у нее трепет.

– Не знаю, – сказала она, хотя предполагала, что не меньше трехсот футов. – Эта тропа была проложена лет восемьдесят назад, но ей мало кто пользовался. Вряд ли кто-то, кроме меня, бывал здесь за последние годы. И вряд ли кто-то измерял высоту водопада.

***

Мэй смотрела в спину Дилейни, и внутри у нее вскипала жгучая ярость. Уже много месяцев она знала о предательстве Дилейни, оно было до смешного очевидным. Как эта идиотка могла думать, что сможет устроить заговор против “Вместе” – *изнутри* “Вместе”? Шпион в глобальном центре наблюдения? Это было даже оскорбительно. Габриэль вычислил ее в первый же день. Слежка за передвижениями этой дурехи по кампусу кое-что дала, и благодаря ей они собрали кучу данных о трогах, но в первую очередь это было очень жалкое зрелище – все равно что наблюдать за пауком, который пытается выбраться из водоворота слива в унитазе.

Нельзя отрицать, у Дилейни Уэллс рождались хорошие идеи, и вот эти последние, эта взаимодополняющая пара, которая действительно может спасти планету и усовершенствовать

человеческий вид, способна обеспечить Мэй безраздельное царствование. Но теперь пора попрощаться с наивной дурочкой. Габриэлю неуклюжие махинации Дилейни казались очень занимательными, он даже придумал какое-то идиотское подпольное движение, и это он подбросил Дилейни информацию о беременности Мэй, чтобы посмотреть, раскроет ли она ее кому-нибудь. Но Мэй было не так весело. Дилейни воплощала все, от чего она пыталась избавить мир, – вероломство, скрытность, тайные помыслы, ложь. Мэй уже давно рисовала в мыслях схватку с ней на каком-нибудь публичном мероприятии, воображала, как встанет перед ней и гневно выскажет все, что думает о предательстве, двуличии и жалкой безнадежности ее плана. Но сейчас они здесь одни, вокруг ни души, и в этом просто нет смысла. Кто услышит ее обличительную речь? Только Дилейни Уэллс, а Дилейни Уэллс вот-вот упадет с утеса.

45
Всеобщий экономический порядок (Свобода от выбора)

В самолете по пути из Айдахо Мэй перелистывала “ПомниМеня” – программу с шаблонами некрологов. Она не станет произносить официальную речь в память о Дилейни – она ее почти не знала, – но надо подготовить хотя бы несколько фраз. Она перебрала варианты. “Ценный сотрудник”. “Яркий светоч”. Что еще? “Безграничный потенциал”. Нет, это чересчур. Похвалы должны быть скромными. “Прекрасный работник”. “Полезный член команды”. “«Совместная», которую многие любили”. Мэй задумалась. “Она повлияла на жизнь очень многих людей”. Ладно, ничего, но “очень многих” – это слишком, это подразумевает огромный вес и популярность, что вызовет ненужное любопытство. Лучше сказать просто: “Она повлияла на многих”. Легкая похвала, не оставляющая места домыслам.

Однако, вернувшись во “Вместе”, Мэй не обнаружила никаких особенных проявлений скорби. Уж точно ничего даже отдаленно похожего на то, что было после смерти Бейли или Сорена и других погибших при теракте. Да и с чего бы? Мало кто в компани хорошо знал Дилейни или знал вообще. Большая часть ее активности в соцсетях была фейковой. Что вообще в ней было настоящим? Неудивительно, что у нее почти не было друзей. Она дружила с Уэсом Маказьяном и была отдаленно связана с какой-то Винни Очоа из “Мыслей Вместо Вещей”. Она провела около месяца в ТУ и там вроде как подружилась с Джоан Фам, которая пыталась, ссылаясь на теракт, заключить какое-то мерзкое соглашение о компенсации; эту тоже нужно удалить, как маленькую опухоль. Больше, кажется, никто толком не знал Дилейни Уэллс и не будет скучать по ней. Можно и не устраивать церемонии прощания. Мэй проверила настроения в кампусе по сотне показателей и не нашла ни одной причины для шумихи.

“Очень печально”, – сказала Мэй своим подписчикам. Она решила, что устный некролог будет совсем коротким, секунд на двадцать – вставка между другими, более важными объявлениями. Одна из нас погибла, упав с утеса в отдаленном районе Айдахо. Она сошла с тропы и оказалась в диких горах без телефона и без наблюдения, так что никто ничего не знал и не видел. Мэй специально надела тяжелые ботинки, чтобы следы второго человека выглядели мужскими – на тот случай, если

полиция станет проводить расследование, но расследования не было. Никто давно уже не занимался тем, что не попало на камеры, а поскольку журналистов больше не существовало, смерть Дилейни стала просто очередным доказательством того, что не стоит ходить в места, не нанесенные на карты и не охваченные наблюдением. Те, кто невидим, подвергаются смертельной опасности. Эти темные закоулки необходимо осветить, а людей, которые ходят туда и скрываются в тени, необходимо привести в чувство.

Да, откликнулись подписчики. Что вообще заставляет некоторых отказываться от безопасности? Что за нигилизм? Что за бессмысленная безответственность? Родители Дилейни огорченно вздыхали. Она всегда была такой упрямой, сказали они, качая головой. Как можно было уйти без телефона! Мэй обратилась к ним напрямую, послав цифровое лицо, рыдающее небесно-голубыми слезами. Они были очень тронуты таким личным жестом и послали ей в ответ два благодарных смайлика и огромные большие пальцы, поднятые вверх.

***

Вскоре наступила Мечтательная Пятница, и Мэй выкинула из головы Дилейни. Это была первая ее презентация за годы, и ей было не до какой-то мертвой дурехи. Однако, глядя на собравшихся из-за кулис, она спросила себя, а нет ли среди них мятежников. В зале сидело несколько тысяч человек в лайкре, с одинаковыми телефонами и планшетами, с одинаковыми устройствами на запястьях, следящими за их здоровьем. И Уэс Маказьян в первом ряду. Габриэль и Стентон, ее верные соратники, понаблюдали за ним и решили, что он не представляет опасности, он хочет улучшить будущее, а не предотвратить его. Остальные собравшиеся были сама покорность. Пока Мэй ожидала своего выхода, все эти люди пересылали друг другу веселые и хмурые рожицы, радуги и Попаев, фото своих завтраков. Она тихонько засмеялась. Бунт? Просто смешно.

Она вышла в центр сцены, и ее встретили оглушительными овациями. Она купалась в обожании чуть дольше, чем следовало, но год выдался тяжелый, и ей это было необходимо – им всем была необходима эта ничем не омраченная радость, это ощущение единства, совместности.

– Революции не происходят по расписанию, – заговорила Мэй, сознавая, что позже ее слова будут смаковать, эти два слова, “революция” и “расписание”. – Но они обязательно придут, если вы прислушаетесь.

Волна аплодисментов, переходящая в цунами. “Совместные”

воодушевлены, дальше будет просто. Сейчас она расскажет им про “Сумму” и “Всеобщий экономический порядок”, про то, как гладко это будет работать в связке, как последние элементы хаоса и неопределенности на Земле испарятся, словно роса в солнечных лучах. Суматоху и неразбериху сменит тихое гудение машины, которая всех видит, всех знает и во всем разбирается лучше, которая создана для совершенствования человечества и спасения планеты.

Овации не стихали, пока она не подняла руки и не соединила ладони.

– Спасибо вам. А сейчас, если позволите, я поделюсь своей новой идеей.

notes

Примечания

1

Отдельные названия глав отсылают к стихотворениям А. Э. Хаусмана (глава XI), П. Б. Шелли (глава XXIII, цитата из перевода на русский К. Бальмонта), Дж. Китса (глава XXIV), У. К. Уильямса (глава XXXIV, перевод В. Британишского), С. Плат (глава XXXIX), Дж. М. Хопкинса (глава XL, перевод А. Парина), а также к роману С. Батлера (глава XIII) и трагедии Эсхила (глава XLIV). – Здесь и далее примеч. перев.

2

Джим Джонс – основатель секты “Храм народов”. Дэвид Кореш – лидер секты “Ветвь Давидова”. Кит Раньер – основатель сообщества саморазвития NXIVM, являвшегося фактически сектой, где женщин держали в рабстве; осужден за мошенничество и сексуальные преступления.

3

Марк Фелт (1913–2008) – сотрудник ФБР, скрывавшийся под прозвищем Глубокая Глотка и передававший журналистам информацию, которая спровоцировала уотергейтский скандал и привела к отставке президента Никсона.

4

Британская панк-рок-группа, первый альбом выпустили в 1977 г.

5

Планкинг (он же “мордой вниз”) – флешмоб, который одно время был очень популярен. Следовало лечь плашмя, вытянув руки вдоль тела, в каком-нибудь совершенно неподходящем для этого месте: на крыше, проезжей части, в метро, на столике в кафе, а второй участник планкинга должен был снимать это на видео.

6

Роберт Тёрнер (р. 1938) – американский бизнесмен и филантроп, основатель новостного телеканала CNN, известен своим пожертвованием в размере одного миллиарда долларов в поддержку ООН.

Федеральная комиссия связи.

8

Небольшой индустриальный город в Пенсильвании, стал известен после песни Билли Джоэла “Аллентаун”, в которой поется о тоскливой жизни в месте, застывшем в прошлом.

9

Агент ФБР Джозеф Д. Пистоне под именем Донни Браско шесть лет работал под прикрытием, проникнув в самые закрытые круги мафии, а впоследствии написал книгу “Донни Браско. Моя жизнь в мафии”.

10

Самоназвание костариканцев.

11

Американская блюз-рок-группа, основанная в Техасе в 1969 году.

12

На самом деле имеется в виду фраза, приписываемая Сократу: “Неисследованная жизнь не стоит того, чтобы быть прожитой”.

13

Типология личности Майерса-Бриггса была создана на основе типологии Юнга в 1940-е годы; несмотря на ее сомнительность, она активно используется для тестирования и сейчас. Уолтер Кларк (1902–1994) – американский исследователь, занимался психологией религии, использовал в своей работе психоделики. Вильгельм Вундт (1832–1920) – немецкий врач, считается основателем экспериментальной психологии.

14

Сообщество писателей, журналистов и актеров, существовавшее в Нью-Йорке в 1920–30-е годы.

15

“Жестокое лето” (*Cruel Summer*) – песня группы *Bananarama*.

16

Барбарелла – героиня одноименного фантастического фильма французского режиссера Роже Вадима, сыграла ее Джейн Фонда, после фильма вошли в моду “сапоги-чулки”. Кондолиза Райс, госсекретарь США с 2005 по 2009 год, часто появлялась на публике в обтягивающих сапогах на высоком каблуке.

17

Джорджия О’Кифф (1887–1986) – выдающаяся американская художница.

18

Джон Колтрейн (1926–1967) – американский джазовый саксофонист и композитор.

19

Лозунг, придуманный Марком Цукербергом.

20

Фил Спектор – музыкальный продюсер, в том числе группы “Ронеттс”, был приговорен к тюремному заключению за убийство актрисы Ланы Кларксон.

21

Периодическое явление повышения температуры поверхностных вод в Тихом океане, вызывающее различные погодные изменения.

22

Известный калифорнийский музыкальный фестиваль.

23

Группа, играющая в стиле симфо-поп. Образована в Техасе в 2000 году.

24

Англо-ирландский бойз-бэнд, очень популярный в 2010–2015-х годах, участники группы много занимались благотворительностью и социальным активизмом.

25

Джуди Денч (р. 1934) – британская актриса, дама-командор Ордена Британской империи, обладательница премии “Оскар” и двух премий “Золотой глобус”.

Hermosa – красивая (*исп.*).

27

“Господь укрепит его на одре болезни его” (Пс. 40:4).

28

Услуга за услугу (*лат.*).

29

Горнолыжный курорт в штате Айдахо.